

4И (МОНГ)
E-832
-52066-

Т. С. ЕСЕНОВА

**ИНТОНАЦИОННЫЙ
СТРОЙ
МОНГОЛЬСКИХ
ЯЗЫКОВ**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КАЛМЫЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

E-832

Т. С. ЕСЕНОВА

ИНТОНАЦИОННЫЙ СТРОЙ
МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

- 52066 -

Научная библиотека
Государственного научно-
исследовательского учреждения
"Калмыцкий институт гуманитарных
и прикладных исследований"

УДК 809.42:801.48
ББК Ш 164.1-1
Е 832

Т. С. Есенова
Е 832 **Интонационный строй монгольских языков** – Элиста:
Калм. гос. ун-т, 2004., - 312 с.

Предлагаемая читателю книга имеет своей целью дать систематизированный свод знаний об интонационном строе большой группы языков – монгольских, носители которых проживают в пределах трех государств: России, Монголии и Китая. Настоящая монография является первым изданием, в котором представлены научные сведения об интонационной системе бурятского, калмыцкого (и его говоров), халха-монгольского языков, а также торгутского говора Китая, полученные с использованием современных экспериментально-фонетических методов исследования и разнообразных приемов презентации языковых данных.

Книга рассчитана на широкий круг языковедов, научных работников, преподавателей, студентов, интересующихся монгольскими языками

Рецензенты:

- Л.В.Бондарко,** доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета;
- В.И.Рассадин,** доктор филологических наук, профессор Бурятского государственного университета

ВВЕДЕНИЕ

Особая роль в языке звуковой стороны не подлежит сомнению: звуковая материя является формой существования языка. Среди звуковых средств интонации принадлежит ведущее место, этим объясняется все усиливающийся интерес к ее изучению. Однако сегодняшний уровень развития интонологических исследований пока не дает исчерпывающего ответа на вопрос о причинах варьирования интонационной структуры речи, одновременно большой универсальности и глубокой национальной специфичности интонации. В современной интонологии на первый план выступает проблема «разведения» универсального и специфического на уровне просодии. В этом отношении большой интерес вызывает концепция Т.М.Николаевой о трех интонационных слоях звучащей речи: 1) универсальный слой; 2) слой словесной просодии данной фразы; 3) специфический интонационный слой, отражающий фразово-просодические особенности данного языка (Николаева, 1977). Представляется, что исследование интонационного строя агглютинативных языков, в которых действует целый комплекс признаков, обуславливающих специфическую просодическую структуру фразы в этих языках, служит развитию теории и практики интонологии.

Современное состояние исследований интонационных систем сингармонических языков таково, что, с одной стороны, практически во всех работах, выполненных по этой проблематике, существуют предположения о большой роли сингармонизма в формировании просодии фразы, а с другой - совершенно неисследованным остается механизм реализации сингармонизма в речи. Полностью неизвестно, за счет чего образуется столь характерная для этих языков монотонность речи, участвуют ли в ее создании все или только отдельные компоненты интонации, какова специфика их распределения на протяжении фразы. В работах в лучшем случае приводятся данные экспериментально-фонетического анализа параметров интонации, создающие общее представление о характере их распределения во фразе. Подобная ситуация является следствием взаимодействия двух факторов. Во-первых, в фонетике не предпринималось серьезное исследование организации просодической структуры сингармонических языков. Идеи о принципиаль-

ной роли сингармонизма в «туранских» языках, восходящие к И.А. Бодуэну де Куртенэ, или забывались, или критиковались, а настоящее признание они получают только в последнее время. Во-вторых, отсутствует методика, которая позволила бы с достаточной надежностью анализировать данное явление. Ни в одной из работ не предлагается набор таких способов, которые устанавливали бы механизм реализации сингармонизма.

Необходимость исследования упомянутого явления определяется тем, что без него нельзя понять просодическую организацию сингармонических языков, поскольку сингармонизм участвует в создании интонационной специфики данных языков, создавая условия для «единства в плане характерного тона» (Трубецкой, 1960: 313). Важность для общего языкознания исследования сингармонизма, порождающего новые проблемы перед лингвистикой, служит основанием для проведения подобных работ.

В настоящей работе делается попытка выработки концепции интонационной организации агглютинативных языков. Она учитывает место интонации в ряду других языковых средств и ее функционирование в речи. Исследование проводится на материале монгольских языков, являющихся типичными представителями агглютинативных языков.

Необходимость исследования интонационного строя монгольских языков обусловлена как недостаточной разработанностью теоретических положений, которые определяли бы интонационное устройство агглютинативных языков, так и необходимостью совершенствования путей описания интонационной организации речи в ее реальной коммуникации при речепроизводстве и речевосприятии. Монгольские языки, сегментный состав которых изучен с разной степенью полноты, представляют большой интерес с точки зрения специфики их интонационного строя. Так, еще А. Попов, А.Д.Руднев, Н.О.Очиров, а вслед за ними и И.Д.Бураев, А.Ш.Кичиков, Э.Вандуй отмечали существование просодических различий монгольских языков. Правда, их наблюдения ограничиваются темпом речи. Были предприняты попытки объяснения существующих несходств; их источником традиционно называли языковые контакты. Представляется, что они не являются единственной причиной появления различий в этих языках. Гораздо более пристального внимания заслуживают факты несходства монгольских языков в сегментной организации речи, в частности, различия фонологических систем гласных, поскольку с последними связан сингармонизм, создающий предпосылки для появления супraseгментных особенностей рассматриваемых языков.

Монгольские языки, которые в разное время оторвались от общемонгольской языковой общности, шли по пути постепенного обособле-

ния. Оторванность языков от центра языковых инноваций, иноязычно-окружение в сочетании с экстралингвистическими факторами приводили в одних случаях к консервации языковых особенностей, относящихся к разным периодам развития языка, архаизации некоторых черт, в других - появлению новых признаков, что в конечном итоге привело в постепенному формированию языковых особенностей каждого из языков. В этом отношении изучение интонационной стороны особенно актуально: интонация, функциональная нагруженность которой в языке определена особенностями его структуры, принципами организации звуковой материи, может хранить и сведения, относящиеся к истории языка. Обращение к интонации важно и с точки зрения тенденции языкового развития: язык стремится к передаче все большего количества информации в единицу времени. Она осуществляется двумя способами: 1) компрессией, 2) суперсегментацией. Однако из-за лимитированности временного компрессирования возрастает роль суперсегментации (Николаева, 1991: 16).

Несмотря на несомненный интерес лингвистов к изучению просодической организации монгольских языков (Попов, 1839; Руднев, 1911; Очиров, 1913; Бюраева, 1976; 1978; 1986; 1987; 1989; 1991; Жаргалов, 1986; 1987; 1988; 1991; Мохосоева, 1978; 1981; 1982; 1983; 1988; 1990; Павлова, 1987; 1988; 1989; 1991, Есенова, 1980, 1987, 1988, 1989, 1992, 1997, 2002 и др.), в настоящее время не существует системного описания интонации в сопоставлении основных монгольских языков, выполненных в единой методике. Более того, интонационный строй большинства языков не описан. Фрагментарно исследованы лишь бурятский и калмыцкий языки, нет ни одной работы по интонации восточномонгольского языка, существует только одна статья по интонации халха-монгольского языка.

Обращение к анализу просодической организации монгольских языков обусловлено не только научной необходимостью, но и социологическими факторами сегодняшнего дня. С одной стороны, состояние некоторых языков вызывает тревогу, с другой - намечается рост интереса к изучению монгольских языков. В такой ситуации как никогда своевременно создание полного описания интонации, основы устной речи. Это необходимо в целях сохранения информации относительно того, в каком состоянии находятся эти языки (в частности, их интонационный строй). Думается, исследование любого аспекта языковой системы служит возрождению языков.

В работах по интонации ряда тюркских языков, выполненных, как правило, в рамках кандидатских диссертаций (Дуйшеев, 1980; Есентмирова, 1987; Мурзалина, 1987 и др.), отмечается, что одной из специфических черт интонационных систем тюркских языков является некоторая монотонность просодического оформления речи. Это же отмечается

в работах по монгольским языкам (Бюраева, 1986; Жаргалов, 1986; Мохосоева, 1983). Однако ни в одной из работ не предлагается набор таких приемов исследования и представления столь специфического материала по этим языкам, в которых действует особое средство просодического оформления слова - сингармонизм. Такое положение остро поставило вопрос методики анализа.

В настоящей работе применяется комплекс методов, использование которых способствовало более полному и адекватному исследованию такого исключительно вариативного объекта, каким является интонация живой речи. Были использованы следующие методы: слуховой, осциллографический, аудиторский. В целях наиболее корректной обработки полученных экспериментальных данных и извлечения максимальной информации из анализируемого материала широко применяются приемы математической статистики:

1. Отдельно для каждого интонационного типа с учетом фразовой позиции были произведены статистические расчеты средних значений частоты основного тона, интенсивности, длительности и доверительных интервалов к ним.

2. Для характеристики варьирования найденных средних были определены показатели вариации: дисперсия, среднее квадратическое отклонение (для характеристики степени отклонения от средней арифметической), коэффициент вариации (для характеристики вариативности отдельных значений признака), а также ошибка средней арифметической.

3. Так как несходство монгольских языков в вариативности просодических характеристик составляет главную отличительную черту их интонационных систем, исследовалось, одинаково или неодинаково варьируют анализируемые признаки на протяжении предложения в разных монгольских языках. С этой целью использовался F-критерий Фишера.

4. Для сравнения результатов опознания разных групп аудиторов, для сопоставления данных, полученных от одной и той же группы в разных опытах, и выявления значимости того или иного результата использовался t-критерий Стьюдента.

5. В связи с тем что в опытах по восприятию каждый раз реализации интонационных типов, принадлежащих разным языкам, воспринимались разными группами аудиторов, в неодинаковой степени знакомых с предъявляемым языком, для анализа тесноты связи в разных случаях опознания был применен коэффициент нормальной корреляции Пирсона.

6. Мера неопределенности, с которой сталкивались аудиторы при опознании типа интонации, определялась с помощью оценок энтропии Шеннона.

Глава 1. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОФОРМЛЕНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Монгольские языки по способу соединения морфем в слове являются агглютинативными. Поскольку в них преобладают средства выражения грамматического значения «внутри слова», их относят к синтетическим языкам. Для этих языков характерен относительно строгий порядок слов и использование частиц-актуализаторов, из чего можно было бы сделать вывод об ослабленности роли интонации. Однако материалы монгольских языков свидетельствуют о том, что столь категоричный вывод на основе типологической классификации делать никак нельзя. Рассмотрим, как взаимодействуют названные средства в монгольских языках, предварительно сделав следующее замечание. Монгольские языки практически не отличаются друг от друга особенностями порядка слов в предложении и функционированием разных частиц, заметно различаясь использованием аналитических конструкций. В связи с этим основные положения мы будем демонстрировать на материале какого-нибудь одного монгольского языка. В некоторых случаях будут приводиться иллюстрации из разных языков, что обусловлено типичностью и выразительностью соответствующего примера.

1.1. Порядок слов

§ 1. В монгольских языках действует принцип регрессивного синтаксического подчинения: стержневое слово следует за поясняющим. Такой же закон построения словосочетания обнаруживается в тюркских языках, он является одним из синтаксических маркеров алтайской семьи языков. Основная роль в организации словосочетания принадлежит зависимой словоформе, управляемой главным словом или примыкающей к ней. Так как в этих языках согласование как средство синтаксической связи слов не используется, то только порядок слов определяет целостность словосочетания. Изменение местоположения слова может разрушить словосочетание, ср.: *модн гер* «деревянный дом» и *гер - модн* «дом – деревянный». Здесь при первом словопорядке сохраняется словосочетание, а при втором - разрушается его целостность.

В предложении центральной единицей является сказуемое, которое, согласно принципу регрессивного синтаксического подчинения слов в монгольских языках, занимает конечное положение: «постановка глагола в конце предложения связана с соблюдением в языке порядка слов определение - определяемое» (Серебренников, 1974: 310). Однако, как и в целом в лингвистике (Холодович, 1979: 249;

Общее языкознание, 1972), вербоцентрическая теория признается не всеми монголистами. Так, известный синтаксист Т.А. Бертагаев полагает, что главные члены предложения являются исключением из названного выше правила: поясняемое, подлежащее, находится перед поясняющим, сказуемым (Бертагаев, 1964: 66).

В тюркских языках, с которыми монгольские имеют много сходного как в лексике, фонетике, морфологии, так и, в особенности, в синтаксисе, обнаруживается подобный закон подачи слов в предложении (Байрамов, 1987; Демесинова, 1961; Сапаров, 1971; Сафиуллина, 1966; Хайитметов, 1967; Юсифли, 1965; Ядиханова, 1954). Среди тюркологов наибольшую известность получила идея о доминирующей роли сказуемого: «вершиной предложения является слово с событийным значением, поэтому сказуемое всегда занимает конечную позицию» (Gronbech, 1929: 133). Еще более определенно высказывается К.Манди: «ядром турецкого предложения является глагол, распространяемый препозитивными определениями» (Mundy, 1955: 283). Основанием для такого решения послужили свертывание предложения до одного сказуемого и роль сказуемого в организации информационной структуры высказывания. Последнее является очень важным фактором, поскольку целью любого высказывания является передача информации, то есть реализация коммуникативной функции языка. Подобная точка зрения получает признание и среди монголистов: «первостепенная роль в организации предложения принадлежит глаголу» (Пюрбеев, 1979: 7), «сказуемое - это основной конститутивный член предложения» (Бертагаев, 1964: 83; Шевернина, 1984: 156), «минимум монгольского предложения представляет собой сказуемое» (Поппе, 1937: 8).

Однако как и в языке древнетюркских памятников (Жубанов, 1966: 71-72), так и в старописьменном монгольском языке (Бертагаев, 1964; Орловская, 1980) встречаются случаи нарушения традиционного финального положения сказуемого: подлежащее, выраженное личным местоимением, повторяется после сказуемого. С употреблением местоимений в этой позиции связывается хорошо известное еще со времен Боппа явление в языках лично-предикативных частиц: «с течением времени эти постпозитивные местоимения в результате частого появления в одном и том же положении на участке речи не ради своего лексического значения, а ради связи сказуемого с подлежащим потеряли свой стабильный звуковой состав и превратились в аффиксы сказуемости» (Закиев, 1963: 39).

На такие случаи в свое время обратил внимание В. Л. Котвич: «забыв указать действующее лицо на своем месте, можно восполнить этот

пробел уже по окончании фразы - на это указывает небольшая пауза...: *Ус авад гертэн ирв тер күүкн* - "Взяв молоко, пришла домой та девочка": *Яс авч одад хайчкв кеер* - "Взяв кость, бросил в поле" (Котвич, 1929: 360). Случаи перемещения разных членов предложения за сказуемое отмечены М.Н. Орловской в языке «Джангара» (Орловская, 1980) и в современном монгольском языке (Орловская, 1984). Нарушения традиционного конечного положения сказуемого наблюдаются и в письменном монгольском языке, встречаются в устной речи современных монгольских народов. Вряд ли можно согласиться с приведенной выше трактовкой этих случаев В.Л. Котвичем, гораздо большего внимания заслуживает функциональное объяснение.

Т.А. Бертагаев, проанализировав случаи помещения разных членов предложения за сказуемое в современном монгольском языке и в языке монгольских памятников (14-15 вв.), заключил: «постпозитивное употребление подлежащего вызывается эмоциональной нагрузкой и смысловыми оттенками» (Бертагаев, 1964: 78). Как отмечено М.Н. Орловской, «постпозиция местоименного подлежащего ... указывает на слияние его со сказуемым, которое с относящимися к нему словами выступает как новое, то есть целиком является ремой» (Орловская, 1984: 101). Вряд ли можно согласиться с тем, что фразоконечное положение членов предложения является средством рематизации, так как в этих языках, как будет показано ниже, такой позицией является предсказуемая.

§ 2. Традиционно считалось, что в монгольских языках существует строгий порядок слов. Очевидно, имеются в виду правила регрессивного расположения относительно друг друга зависимого и главного членов в словосочетании и финального положения сказуемого, которые действительно строго соблюдаются. Однако, исходя из морфологических свойств языка, в частности, учитывая развитость морфологических показателей, благодаря которым в предложении легко определяются смысловые связи слов, можно допустить и возможность относительно свободного расположения слов. Анализ показывает, что в рассматриваемых языках наблюдаются две основные закономерности, управляющие расстановкой слов в предложении. С одной стороны, последовательно соблюдается закон регрессивного расположения слов в словосочетании в широком смысле. Это означает, что правы те исследователи, которые говорят о жестком словопорядке в монгольских языках. С другой стороны, размещение второстепенных членов предложения основано на смысловой важности заключенной в них информации, в зависимости от которой они могут перемещаться. Это подтверждает правоту и другой группы исследователей. Так как расположение слов в высказывании основано на их

информативном весе и перемещение слов диктуется коммуникативной важностью, вкратце рассмотрим актуальное членение простого предложения в монгольских языках.

Актуальное членение определяется ситуацией речи. Вместе с тем, можно говорить о зависимости актуального членения от факторов, сохраняющихся внутри предложения: формальной и семантической структуры предложения, а также его лексической наполненности. Универсальными средствами актуального членения признаются порядок слов, интонация, специальные частицы-актуализаторы. Некоторые исследователи считают, что между ремой и интонационным центром высказывания нет однозначной связи (И.П. Распопов, О.А. Лаптева, Т.М. Николаева). Другие в качестве основного средства выделения ремы называют интонацию (И.Ф. Вардуль, Е.В. Падучева, В.Е. Шевякова и др.). Представляется, что в устной речи действительно основным средством актуального членения является интонация, так как закономерности порядка слов в устной и письменной формах речи неодинаковы, как неодинаковы и условия речи.

Для монгольских языков, в которых сказуемое почти всегда занимает финальное положение в предложении, важно не столько «членение предложения на два коммуникативных состава, сколько распределение коммуникативной нагрузки между членами, не обладающими свойствами подвижности» (Ковтунова, 1976: 29).

Актуальное членение в простом предложении не вызывает никаких сложностей, так как здесь порядок слов не может играть смысловоразличительной роли. Если в структуру П - С ввести любой другой член предложения (X), то в П - X - С и X - П - С член предложения, находящийся непосредственно перед сказуемым, будет выразителем новой важной информации, так как «глагол, как синтаксический центр и организатор предложения, находится в ядре высказывания, притягивая к себе те члены предложения, которые несут главную смысловую нагрузку» (Шевернина, 1984: 161). Важным является следующее наблюдение З.В. Шеверниной: «препозиция прямого дополнения подлежащему (то есть порядок Пд - П - С) свидетельствует не об ослаблении коммуникативной значимости дополнения, а о том, что прямое дополнение называет объект, референт которого уже известен по ходу или ситуации речи до данного высказывания. В составе данного высказывания эта, уже известная часть, последовательно развивая мысль предыдущего высказывания, становится предметом мысли, о котором и сообщаются определенные сведения. Начальная позиция прямого дополнения соответствует его функции исходного пункта, темы и превращает остальную часть предложения в

ядро высказывания, рему» (Шевернина, 1984: 161). Член предложения, находящийся в начальной позиции, передает уже известную информацию, осуществляет логическую связь нового в высказывании с предыдущим. Таким образом, позиционная связанность сказуемого, притягивающего к себе те члены предложения, которые несут новую информацию, позволяет рассматривать монгольское предложение как предложение, имеющее модель «охватывающих» определений, в которой «каждый сегмент предложения является ремой, по отношению к которому последующий сегмент является комментарием» (Swift, 1963: 172).

Гораздо сложнее обстоит дело в случаях, когда в предложении имеется два разных дополнения - косвенное и прямое. Встает вопрос, какой из двух возможных словопорядков (П – Пд – Кд - С; П – Кд - Пд - С) считать нейтральным, немаркированным, относительно которого перемещенный член будет признан ослабленным? Согласно Б.Х.Тодаевой, таким немаркированным является второй: П - Кд - Пд - С (Тодаева, 1968: 49). В этих случаях, как и в рассмотренных выше, подлежащее, начинающее предложение, сообщает уже известную информацию. Носитель новой информации (Пд) располагается контактно с конечным сказуемым: «прямое дополнение в позиции перед сказуемым, как правило, входит в группу, означающую новое о данном сообщении» (Касьяненко, 1973: 60). Косвенное дополнение, как правило, передает менее важную информацию по сравнению с прямым. Это выражается позиционно: отдалением от сильной, предсказуемой позиции.

Размещение Кд и О также подчинено общему правилу: тот член, который несет более важную информацию, будет тяготеть к предсказуемой позиции. Например: Тэр хун дэлгүүрээс гутал худалдан авчээ «Он (она) в магазине туфли купил (а)». Изменение коммуникативной важности слов будет передаваться изменением словопорядка. При этом позицию, непосредственно предшествующую сказуемому, будет занимать тот член, который является носителем новой, важной информации. Перемещаться, таким образом, могут все члены предложения, кроме сказуемого, в зависимости от коммуникативной важности слов.

§ 3. Случаи нарушения основного закона порядка слов в монгольских языках засвидетельствованы еще в «Сокровенном сказании», памятнике 14 века. Следует сказать, что в целом для этого памятника характерен основной порядок следования слов в монгольском языке, при котором сказуемое завершает предложение. В тексте «Сокровенного сказания» перемещение за сказуемое происходит не так часто, но встречается. Перемещается, как правило, подлежащее, выраженное личным местоимением. Примеры: *Noko세ju odubaa bi* «Как друг поехал» (Козин,

1941: § 93); *Jogilduya keekdeju, Qurijin-gatun, Quurcin jirin-i icuaju okba bida* “Так как извинились, вернули Хоричжин-хатун и Хуурчин мы” (Козин, 1941: §136). Здесь инверсия в конечную позицию используется для выражения актуального членения: тема-рема. Анализ контекста показывает, что данное актуальное членение определяется и всем контекстом. В тексте, кроме цепной контактной связи, при которой новое каждого предложения превращается в данное последующего, используется и параллельная связь. Приведем пример: *Erte udur Merkit ireju, Burgan-ni gurban-da quciulqui-tur, amin mino nikan-te abcu qaruluqa ci. Edol basa qaliju bukui cisun amaar siminju, amin mino sentelba ci. Basa kanqaju yanturin bukui-tur, amin-niyen oreju, daisun kuun-tur nidin-qara oroju, undan qanqaju amin mino oroulba ci.* “Некогда, когда нагрывшие меркиты трижды облагали Бурхан, в первый раз спас мою жизнь ты. Теперь, опять, отсасывая ртом засыхавшую кровь, спас жизнь мою ты. Снова, когда томили меня озноб и жажда, пренебрегая опасность для своей жизни, в мгновение ока проник в неприятельский стан и, утолив жажду, вернул меня к жизни ты”.

В первом предложении новым является *ci* “ты”, а вся предшествующая часть - данным, которое определяется самой внеязыковой ситуацией и уже известно участникам разговора. Во втором предложении *ci* “ты” является данным, здесь вновь новое первого предложения становится данным последующего в силу контактной связи. Актуальное членение таково: рема-тема. В последнем предложении распределение рема-тема остается без изменения благодаря параллельной связи предложений. Для определения актуального членения приведенных выше предложений необходимо использовать контекст, так как порядок слов во всех случаях одинаков. Это примеры контекстуального способа определения тема-рематического членения предложения.

Анализ случаев нарушения порядка слов в «Сокровенном сказании» показывает, что порядок слов, обнаруживаемый в современных монгольских языках, был характерен и для языка «Сокровенного сказания». Он выражается в следующем: по мере удаления слов от конечной позиции изменяется распределение информации от более важной к менее важной.

§ 4. Рассмотрим порядок слов в вопросительном предложении. В монгольских языках вопросительное значение образуется с помощью вопросительных слов, вопросительных частиц, а также интонацией. Использование специальных показателей вопросительности ослабляет функциональную нагрузку интонации, снижает ее различительные возможности (экспериментальные данные будут представлены в соответствующем разделе).

щих разделах). Кроме того, принимая во внимание тот факт, что в этих языках широко представлены частицы-актуализаторы и используется позиционный способ актуального членения, можно также сделать вывод об ограниченности использования интонации в различительных целях.

Общий вопрос образуется интонацией и вопросительной частицей, присоединяемой к сказуемому. Выделяются три типа частиц, семантический вес которых неодинаков. Г.Рамстедт отмечал: «существует... древнее местоимение *mi* “что”. Оно присутствует в корейском *mjet* < *mjeh* “сколько”...; монг. -и < **wu* < **tu*. Возможно, что в монгольском языке еще с древних времен в качестве энклитической частицы употреблялось как -*tu*, так и -*ju*; обе частицы могут рассматриваться как предшественники современного -и (после долгого гласного -*ju*- и)» (Рамстедт, 1957: 78). Вопросительное значение частицы -ый/-ий,-й сопровождается значением «приглашение других действовать совместно с собою» (Котвич, 1929: 109).

Экспериментальные данные показали, что неодинаковый семантический вес аффиксов приводит к разным фонетическим реализациям вопросов, оформленных данными аффиксами. Большую нагрузку несет аффикс -ый/-ий,-й. Не случайно поэтому большая часть предложений с вырезанными аффиксами -ый/-ий,-й была оценена аудитором как завершённые повествовательные конструкции (65,7%). Мелодический рисунок предложений, оформленных аффиксами -у/-ү, -ва/-ве,-в, имеет восходящий рисунок, удаление аффиксов существенного изменения в рисунок не вносит. Это привело к тому, что 86,25% (-у/-ү) и 61,3% (-ва/-ве,-в) предложений с вырезанными аффиксами были восприняты как вопросительные (Есенова, 1980: 136). Рассмотрим структуру П - X – С вопр.аффикс.

/1/. Бадм Баатрд дегтр өгвү?	Бадма Баатру книгу дал?
/2/. Бадм дегтр Баатрд өгвү?	Бадма книгу Баатру дал?
/3/. Баатрд дегтр Бадм өгвү?	Баатру книгу Бадма дал?

В /1/ предложении известной информацией является то, что Бадма что-то дал Баатру. Возможно, что тем, что он дал, была книга. Такому толкованию фразы способствует порядок слов, при котором прямое дополнение занимает предсказуемую позицию. Во /2/ случае до момента речи было известно, что Бадма дал кому-то книгу. Предполагается, что получателем книги был Баатр. На выяснение этого направлен данный словоупотребление. Наконец, в /3/ предложении исходным является то, что кто-то дал книгу Баатру. Предполагается, что он получил ее от Бадмы. Это выяснится после постановки вопроса с данным словоупотреблением. Во всех случаях обязательным сопутствующим средством является

ся интонация. При этом нейтральное фразовое ударение падает на слово, предшествующее сказуемому.

Итак, общий вопрос направлен на выяснение ситуации в целом. Перемещением члена предложения в позицию, контактную со сказуемым, достигается изменение аспекта высказывания. Расположение слов в вопросительном, как и в повествовательном предложении, совпадает, при этом место каждого члена предложения зависит от коммуникативного назначения. В этих коммуникативных типах конец предложений, на который падает фразовое ударение, связан с семантикой новизны.

Некоторые исследователи считают, что вопросительный аффикс способствует рематизации сказуемого (Мамедов, 1985: 16). На наш взгляд, это происходит не благодаря аффиксу. Не трудно заметить, что в структурах /1, 2, 3/ сказуемое маркировано аффиксом, а интонационный центр и рема расположены на контактном со сказуемым слове. Сказуемое может стать ремой, для этого центр нужно переместить на сказуемое, поскольку «изменение позиции интонационного центра тесно связано с изменением аспекта, в котором надо ответить на вопрос. Такой сдвиг может оказаться незначительным, но важно, что возможность его существует. Не ритм, а указание на тот аспект, в котором следует рассматривать вопрос, определяет главным образом место интонационного центра» (Фирбас, 1972: 65).

В частном вопросе вместо компонента, относительно которого задается вопрос в общих вопросах, присутствует вопросительное слово. Вопросительная частица, как правило, не используется.

Продолжим ряд:

/4/. Бадм Баатрд ю өгв?

Бадма Баатру что дал?

/5/. Бадм дегтр кенд өгв?

Бадма книгу кому дал?

/6/. Баатрд дегтр кен өгв?

Баатру книгу кто дал?

Отличие заключается в том, что в данных случаях у говорящего нет никакого предположения относительно того, кто, кому, что дал, в то время как в общих вопросах оно имело место, и говорящий хотел лишь удостовериться в истинности своего предположения. Нейтральное фразовое ударение связано с вопросительным местоимением, порядок слов таков же, как и в повествовательном предложении.

Относительно ремы частного вопроса высказывались разные мнения: она совпадает с вопросительным словом (В. Матезиус), не обязательно совпадает с вопросительным словом, а может быть выражена другим членом (Ф. Данеш), местоименное вопросительное слово вообще не является рематическим, так как оно главноударное (Я. Фирбас, Ф. Данеш). Вместе с тем "при решении вопроса о том, как представлено

актуальное членение предложения с вопросительным словом, обычно привлекается ответное предложение, то есть рассматривается некоторое текстовое дуальное единство из двух предложений» (Николаева, 1972: 49). В монгольских языках ремой в частном вопросе является та составляющая, которая находится перед сказуемым. Она маркируется двумя способами: позиционно (сильная предсказуемая позиция) и интонационно (фразовое ударение). В каждом из приведенных выше предложений (4, 5, 6) интонационный центр позиционно связан с вопросительным местоимением, перемещение его разрушает смысл высказывания. В общем, использование лексических, морфологических средств выражения вопросительного значения способствует ослаблению интонационно: во всех случаях интонационный центр не очень сильно выделяется яркостью просодических признаков в интонации фразы.

Итак, в монгольских языках порядок следования слов в вопросительном предложении такой же, как и в повествовательном. В образовании семы вопроса участвуют лексические (вопросительные слова) и морфологические (аффиксы) средства. В систему средств вопросительности входит интонация, однако удельный вес ее не одинаков в общем и частном вопросе. Определение актуального членения простого предложения в монгольских языках не представляет большого труда благодаря существованию разнообразных маркеров темы и ремы. В частности, позиционный способ помогает безошибочно определить рему: позиция ремы однозначна - перед сказуемым. Что же касается темы, то она маркируется иначе, прежде всего - лексически и морфологически. В монгольских языках, кроме синтаксического, широко представлены морфологические и лексические показатели ремы, они будут рассмотрены ниже. Использование специальных показателей темы и ремы существенно ослабляет интонационные средства: как будет показано в соответствующих разделах работы, во всех языках при всех типах интонации гласный интонационного центра не выделяется яркостью своих характеристик.

1.2. Частицы

§ 1. В монгольских языках, являющихся языками ярко выраженного агглютинативного типа, позиционно связано только сказуемое, остальные члены, благодаря морфологической оформленности, могут перемещаться в соответствии с коммуникативной важностью передаваемой информации. Средствами выражения актуального членения являются специальные актуализаторы: частицы *нь*, *л*, *болхла*, *гисн* и т.п. Они традиционно рассматривались в качестве показателей подлежащего, так как подлежащее в монгольских языках может выражаться не только

формой основы (Бертагаев, 1972: 96; Касьяненко, 1968: 16). В работах последних лет они стали рассматриваться под другим углом зрения (Касьяненко, 1973; Орловская, 1984; Омакаева, 1985; Галсан, Грабарь, 1989).

Частицы, в силу агглютинативности языка, присоединяются к монгольскому слову в постпозиции. То, что именуется частицами, представляет собой морфемы, исторически восходящие к знаменательным словам. Н. Е. Петров, исследовавший частицы в якутском языке, называет их «формантами, промежуточными между аффиксами и служебными словами», так как частицы по «технической выделяемости являются отдельными словами», а по значению соответствуют аффиксу» (Петров, 1978: 19). Они не имеют отдельного значения, но, присоединяясь к слову, придают ему и в целом всему высказыванию самые разнообразные значения. Несмотря на полифункциональность, тем не менее можно определить некие общие значения, хотя они всегда недостаточно полно будут отражать весь спектр передаваемых частицами значений. Частицы «в известной мере полисемантичны, зависят от влияния контекста, речевой ситуации, а также идет постоянный процесс появления все новых и новых оттенков значений у старых и образования новых служебных слов путем грамматикализации знаменательной лексической единицы» (Петров, 1978: 30).

Коммуникативная важность частиц в таком языке, как русский, где их много, хорошо известна; они достаточно хорошо изучены. Однако имеющиеся работы значимости частиц в языке не раскрывают до конца - столь неуловима и сложна для описания их семантика. Опираясь на работы в этой области (Николаева, 1985), можно заключить, что частицы конкретизируют, индивидуализируют отдельное слово, уточняют семантику высказывания, связывают отдельное высказывание с теми событиями, которые излагались до и будут излагаться после него, а также могут формировать подтекст.

§ 2. Многие из современных монгольских частиц являются отглагольными. Например, частица *болхла*: *Аю болхла көвүг атхч авад ө-шуһу модн тал һарад гүүв* - "Что касается медведя, то он, схватив мальчика, побежал в сторону леса". Здесь сочетание имени с формой условного деепричастия глагола *болх* выступает в роли показателя темы со значением акцентированности данного грамматического субъекта: «что касается кого- или чего-нибудь» (Пюрбеев, 1977; 132). В такой же роли выступают частицы, образованные от глагола *гих*: *Сүүдр гидгтн иим юмн бээж - гиж туула санна* - "То, что называется тенью, вот, оказывается, что такое", - подумал заяц".

§ 3. Пожалуй, самой употребительной в этой функции является лич-

но-притяжательная частица *нь*. В монгольских языках посессивность может выражаться как притяжательными местоимениями, занимающими препозицию к определяемому слову, так и лично-притяжательными частицами, которые в отличие от первых находятся в постпозиции. Лично-притяжательные частицы, которые Б.А.Серебрянников относил к факторам, способствующим сохранению агглютинативного строя (Серебрянников, 1963: 53), восходят к притяжательным местоимениям, но вопреки основному закону расположения слов в монгольских языках, они стали появляться в постпозиции к определяемому слову. Каковы были причины изменения их позиции - сегодня определить трудно. Возможно, их появление в этом положении связано с выражением значения конкретизации, индивидуализации, которое грамматически не выражалось в языке. Дальнейшая их судьба известна: «оказавшись в синтаксически слабой позиции - после определяемого слова, притяжательные местоимения утратили самостоятельное ударение, подверглись фонетической редукции, произошло ослабление грамматической атрибутивной связи и ослабление значения посессивности: притяжательная местоименная словоформа трансформировалась в лично-притяжательную частицу» (Шевернина, 1985: 398). О том, что в современных языках их значение отошло от первоначального, свидетельствуют примеры следующего рода: *Түүндь хоосн замг гарна* "Там (букв.: там-его) одна тина попалась".

Из современных монгольских языков, пожалуй, только бурятский и калмыцкий имеют в более полном объеме системы личных притяжательных и предикативных частиц. В современном монгольском языке последняя не представлена, если не считать повелительной формы на *-аач*: *хараач* "смотри", где восстанавливается *ч > чи*. Если в бурятском и калмыцком языках личные притяжательные частицы еще используются, то в современном монгольском система личного притяжания разрушается. Об этом свидетельствуют следующие факты. Показатель 1 л.ед.ч. *-минь* "мой" используется в значении и ед., и мн.числа; показатель 2 л.ед.числа *чинь* "твой" нейтрален как в отношении лица, так и в отношении числа; показатель 1 л.мн.ч. *-маань* "наш" совершенно утратил свое значение (Бертагаев, 1969: 22). Наконец, симптоматичным является то, что у частицы *нь* во всех языках появилась особая функция - обозначение определенности. Бесспорно то, что она развилась на базе посессивного значения, поскольку посессивность - «такое отношение между объектами внешнего мира, при котором один из них «включается» в другой, составляя с ним единое физическое и/или функциональное целое» (Категория..., 1989: 44). Означает ли это начало разрушения системы личного притяжания в бурятском и калмыцком языках? Современные языки, в которых

притяжательные частицы активно используются как в исходном, так и в развившемся позже значении, пока не дают основания для такого прогноза. Думается, что функционирование системы личного притяжания в этих языках «поддерживается» системой предикативных частиц. Однако, как известно, в бурятском языке и в последней прослеживается тенденция к разрушению: отсутствуют показатели 3 л.ед. и мн. числа.

Сейчас нас будет интересовать в основном частица *нь*, в которой наблюдается сдвиг в сторону дальнейшей формализации. Рассмотрим следующие предложения. *Эрт урьд цагт ганц хүүтэй өвгөн эмгэн хоёр байжээ. Гэтэл хүү нь нэг өдөр гэнэт мэдээ чимээгүй алга болчихож гэнэ.* “Давным-давно с единственным сыном дед с бабкой жили. Но сын вдруг бесследно исчез, говорят”. Во втором предложении хүү “сын” оформлено частицей *нь*, которая является показателем темы сообщения: *нь* оформляет член предложения, который несет уже известную информацию. Продолжим отрывок следующими фразами: *Би гурван жил олон газраа явлаа. Гурван зүйлийг сурлаа. Эхний нэг жилд нь үсэг бичиг сурлаа. Хоёр дахь жилд нь дуулж, хөгжим дарж сурлаа. Гурав дахь жилд нь шатар тоглож сурлаа гэж хэлжээ.* “Я три года по многим землям путешествовал. Трем вещам обучался. Первый год письмо изучал. Второй год пение, музыку изучал. Третий год игре в шахматы обучался, сказал”.

В последних трех предложениях частица *нь* употребляется после обстоятельства времени, значит она никак не может быть истолкована как маркер подлежащего. С другой стороны, из предыдущих предложений известно, что герой отсутствовал три года, то есть эта информация является исходной. Порядок слов и оформление обстоятельств частицей *нь* в последних фразах подчинены целям передачи коммуникативной важности информации. В рематическую позицию помещается тот член предложения, который выражает неизвестную информацию (неизвестно то, чем занимался герой), а тема маркируется частицей *нь*.

Было высказано мнение о том, что в подобных случаях частица *нь* «обозначает не притяжательность, а выполняет функцию определенного артикля» (Касьяненко, 1973: 60); «лично-притяжательный показатель, выраженный частицей *нь*, нередко теряет свою основную функцию личного притяжания и приобретает свойство уточнителя» (Цэдэндамба, 1971: 230). Случаи употребления *нь* не только с именными частями речи, но и со словами, семантика которых не требует притяжательности, например, наречиями, подтверждают полифункциональность частицы *нь*.

Рассмотрим следующий отрывок. *Сөөднь өвгн босад, кер халэн хуцан алад, хөөдин амнд цугтаднь цусинь түркэд, махинь нохаст өгч оркад, тагчк орж ирэд унтв. Өрүнднь босхла, өвгнө хуц уга, хөөдин*

амн ху цусн. - "Ночью старик, встав, зарезав овцу, намазав ее кровью рты овцы, а мясо отдав собакам, молча придя, уснул. Когда утром встали, овцы нет, а рты у овец все в крови".

Наречия *сөөд* "по ночам", *өрүнд* "по утрам" имеют значение неопределенной множественности. Наречия, оформленные частицей *нь*, приобретают значение конкретности, определенности: не просто ночью и утром, а той же ночью и тем же утром. Благодаря этому они могут служить целям текстовой организации, связывая данные высказывания с теми событиями, которые предшествовали данному, направляют внимание слушателя к предшествующей информации. Высказывание с *сөөднь*, *өрүнднь* требует контекста: нужно знать, что было до той ночи, до этого утра.

Максимально близко к пониманию текстовой функции частицы *нь* подошли З.К.Касьяненко и Ц.Цэдэндамба, впервые отметившие сходство *нь* с определенным артиклем, и З.В.Шевернина, предположившая? что «частицы личного притяжания ... являются, очевидно, точкой пересечения двух проблем: определенности и актуального членения высказывания» (Шевернина, 1985: 401).

Анализ функционирования частицы *нь* показывает постепенное развитие у нее новых функций: от указания на личную принадлежность к выражению определенности и текстовой связи. Причину эволюции значения этой частицы Т.А.Бертагаев видел в «контаминации номинатива с нулевыми формами родительного и винительного падежей субъектного именного оборота» (Бертагаев, 1964: 260).

§ 4. Выше говорилось о том, что у частицы *нь* регистрируется значение определенности. Сема неопределенности в языках выражается разнообразно. Вообще говоря, в монгольских, а также тюркских языках категория определенности/неопределенности не имеет специального грамматического показателя, такого, например, как артикль. Она функционирует как скрытая категория, для выражения которой язык использует имеющиеся средства разных языковых уровней: лексические, морфологические, синтаксические. Рассмотрим два наиболее часто используемых маркера неопределенности: безаффиксальную форму имени и слово *негн* "один".

Прямое дополнение в монгольских языках может выражаться двояко: аффиксальной или безаффиксальной формой имени. Это характерно и для тюркских (Сапаров, 1971; Кононов, 1960; Мусаев, 1961; Джапарова, 1981), а также уральских языков: «в большинстве урало-алтайских языков с точки зрения понятия определенности винительный и родительный падежи в одинаковой степени выражают определенность, с той только разницей, что аффиксальный винительный падеж указывает на опреде-

ленность объекта, а безаффиксальный родительный - на определенность имени, выступающего в атрибутивной функции» (Киекбаев, 1966: 176).

Маркированность-немаркированность прямого дополнения соотносится со значением определенности-неопределенности и является особым способом выражения данного и нового в этих языках, известных как безартиклевые. Прямое дополнение маркируется суффиксом аккумулятива, когда речь идет о предмете вполне определенном. Когда же речь идет о предмете неопределенном, о котором речи не было, вместо винительного падежа употребляется форма неопределенного падежа» (Поппе, 1937: 55).

Категория определенности, как правило, соотносится с теми именами, которые представляют единичные объекты, выделенные из себе подобных предметов: имена собственные, географические, астрономические названия и т. п. Поэтому аккумулятив «употребляется от имен собственных, от имен, обозначающих разные категории людей, а также имен, обозначающих предметы, о которых речь уже шла в предыдущих предложениях и которые поэтому являются совершенно определенными и конкретными, далее в тех случаях, когда при данном имени имеется определение в виде указательного местоимения» (Поппе, 1938: 123).

Категория неопределенности выражается безаффиксальной формой имени, «обозначающего неопределенную массу вещества (вода, зерно, хлеб, мясо), если о данном предмете не было речи в предыдущем контексте, если предмет не имеет при себе определяющих и конкретизирующих его характеристик. Особенно употребителен неоформленный падеж имен со значением неодушевленных предметов и животных» (Поппе, 1938: 126).

Такое соответствие между формой (аффиксальное/безаффиксальное имя) и содержанием (определенность/неопределенность) дало основание Б.А. Серебренникову выдвинуть теорию об артиклоиде, согласно которой, помимо артиклей с широкой сферой употребления типа индоевропейских, в ряде языков существуют артикли более ограниченной и узкой сферы употребления (Серебренников, 1949).

Артиклевой функцией, кроме аккумулятива, обладает слово *бир* (тюркские), *негн* (монгольские языки) - "один", соотносимое с неопределенным артиклем индоевропейских языков. Если функция неопределенного артикля у слова *бир* регистрировалась многими тюркологами (Богородицкий, 1940; Майзель, 1957; Беглярбекова, 1971), то у соответствующего монгольского слова *негн*, насколько нам известно, она еще не отмечалась.

В следующих примерах

/1/. Баатр намд нег сээхн цецг өгв.

Баатр дал мне какой-то красивый цветок.

/2/. Баатр намд сээхн нег цецг өгв.

Баатр дал мне один красивый цветок.

Значение слова *негн* “один” определяется в зависимости от его местоположения, а также акцентной структуры высказывания. В /1/ нейтральное фразовое ударение падает на последнее слово именного словосочетания *цецгэ* “цветок”; во /2/ - на слово *негн* “один”. В первом случае слово *негн* “один”, выступающее в функции неопределенного артикля, относится ко всему именному словосочетанию *сээхн цецгэ* “красивый цветок”. Говорящий обратил внимание на то, что цветок красив, но не может идентифицировать его. Во втором случае, выделяя из всего словосочетания числительное, говорящий передает то, что его внимание привлекла не красота цветка, а количество. Возможно, что этим он желает подчеркнуть качество не цветка, а Баатра - жадность.

Оппозицией /1/ предложению будет следующее:

/3/. Баатр намд сээхн цецгэ өгв. Баатр дал мне этот красивый цветок.

Отсутствие слова *негн* значимо: именное словосочетание приобретает значение конкретности, совпадающее со значением определенности. Это значит, что «такая именная группа анафорически связывается с предшествующим контекстом или дейктически отсылает к внеязыковой ситуации. Тем самым референт именной группы, в принципе, может быть идентифицирован» (Юхансон, 1987: 401). Здесь говорящий представляет *цецгэ* “цветок” как уже известный, это вытекает из употребления именного словосочетания без слова *негн*, которое несет значение индифферентности.

Заметим, что присоединением аффикса *-кн* достигается усиление значения количества:

/4/. Баатр намд негкн сээхн цецг өгв

Баатр дал мне только один красивый цветок.

При этом значение неопределенности нейтрализуется; как при /1/, так и при /2/ словопорядке *негкн* передает ограниченность количества: единственный, только один.

Морфологические, синтаксические, интонационные средства дополняют, но не дублируют друг друга. Характер языковых средств, используемых для маркирования актуального членения высказывания, коррелирует с типологическими особенностями языка - агглютинацией. Подчеркнем, что акцентная структура высказывания ни в /1/, ни во /2/ не

может быть изменена, то есть получить значение «какой-то», один, изменяя просодическую модель, невозможно. Как отмечено Т.М.Николаевой, «именно сочетание имени с лексемой «один» послужило основанием для более пристального внимания к акцентной модели словосочетания» (Николаева, 1979: 164). Однако, как справедливо отмечено ею же, «непосредственной и прямой зависимости между определенностью и акцентной выделенностью в безартиклевых языках нет. Тип акцентного выделения определяется совокупностью особых синтактико-семантических категорий, характеризующих именно коммуникативный синтаксис, то есть синтаксис высказывания» (Николаева, 1979: 170).

Итак, в безартиклевых монгольских языках к средствам выражения актуального членения относятся артиклоиды, имя в форме аккумулятива и слово *негн* "один". Отсутствие у прямого дополнения аффикса является значимым, это - маркер неопределенности. Поэтому в предложении постановка прямых дополнений будет соответствовать выражаемой ими определенности-неопределенности, которая морфологически будет маркироваться. Предсказуемую, рематическую позицию будет занимать имя без аффикса (неопределенное), а ослабленную - имя в форме аккумулятива (определенное): *Би тэнд загас барив* - "Я там рыбу поймал"; *Уулыг цасн дарна* - "Гору снег покрывает".

Рассмотрим, как используются эти средства в следующем отрывке. *Усан дотор нэг чавганц, нэг могой, хэдэн оготно урсаж ирнэ. Оготно могой хоеры нь аваарай, чавганцы нь битгий аваарай гэж захижее.* "В воде какая-то старуха, змея и несколько мышей приплывут. Мышей и змею возьмите, старуху не берите, наказал". Показатель неопределенного имени *нэг* "один" здесь обозначает какие-то неопределенные объекты. Можно предположить, что они являются одновременно и сигналами того, что в последующем речь будет идти именно о них, то есть указывают на наличие пост-информации. Частица *нь* во втором предложении указывает на определенность и в то же время сигнализирует о существовании пред-информации, то есть связывает данное высказывание с информацией, заложенной в предшествующем контексте.

Безаффиксальная форма имени и слово *негн* "один" являются средствами выражения неопределенности, аффикс аккумулятива, частицы *нь*, *болхла*, *гисн* и т. п. являются маркерами определенности. Показатели определенности употребляются более регулярно, благодаря им отрезки речи связываются, превращаются в текст. Показатели неопределенности появляются реже, сигнализируя о новизне, важности информации. Неопределенность маркируется также позиционно. В монгольских языках, в которых нет специального артикля для обозначения категории оп-

ределенности-неопределенности, для выражения этого значения используются другие средства, отражающие типологические особенности языка. Выражаясь словами Т. В. Цивьян, «даже этих скудных формальных показателей достаточно, чтобы создать ощущение «разлитой» в тексте семантики определенности-неопределенности» (Цивьян, 1979: 345).

§ 5. М.Н. Орловская и З.В. Швернина аналогичную функцию выделяют и в утвердительной частице *л*: «с помощью частицы *л* можно фокусировать как коммуникативно важный любой член предложения. Смысловое отношение к контексту новой информации, вносимой частицей *л*, строится на значении противопоставления и подтверждения» (Швернина, 1984: 163); «частица *л* усиливает интонацию утверждения, выделяет и оттеняет значение слова, к которому относится, то есть является добавочным к интонационным средствам актуализации» (Орловская, 1984: 150).

Таким образом, целям актуализации в монгольских языках служат частицы, первоначальной функцией которых было выражение значения притяжания, усиления, выделения. Постепенное расширение сферы использования (они стали употребляться не только с теми словами, семантика которых допускала эти значения) привело к тому, что у них стала развиваться особая функция - текстовая. Обобщим настоящий раздел замечанием Х. Вайнриха: «указательные, притяжательные и другие местоимения... следует включить в систему артикля, потому что им свойственны особые сигнальные функции в рамках противопоставления пред- и пост-информации» (Вайнрих, 1978: 385).

1.3. Морфологическая структура слова

§ 1. Степень просодической выделенности слова в интонации фразы связана с морфологической природой слова в языке. Агглютинативный способ словообразования и словоизменения, который является ведущим в монгольских языках, как будто бы делает проблему определения морфологической структуры слова в этих языках не столь сложной. Однако в ходе дискуссии, развернувшейся в 60-ые годы, подчеркивалось, что проблема является и не столь ясной (Морфологическая..., 1963). Основная дискуссия касалась того, являются ли существенными для этих языков такие элементы, как корень, основа, суффикс, окончание, поскольку для всех них характерна однозначная корреляция между планом выражения и планом содержания. Приводились конкретные данные языков, свидетельствующие о возможности использования в речи корня и основы отдельно, без аффикса. Такое положение ослабляет функциональную значимость слова, что отмечалось исследователями. Попытаемся рассмотреть этот вопрос в интересующем нас аспекте.

Благодаря агглютинации морфемная структура большинства слов монгольских языков является прозрачной, построение словоформ из морфем не вызывает затруднений; пожалуй, единственную сложность для лиц, не знающих языка, составляет порядок расположения аффиксов в словоформе. В настоящее время, как и раньше, нет основания отрицать очевидное: агглютинативные языки противопоставлены фузионным не только техникой, но и тем, что в них основа является самостоятельной словоформой (Бертагаев, 1963; Харитонов, 1947). В этом одно из отличий данных языков, и именно вокруг этого проходила основная дискуссия в 60-ые годы. По Т.А. Бертагаеву, любая часть слова, к которой может быть присоединен аффикс, есть основа: гол-уул-а-гда-сан "за-бра-к-ов-а-нн-ый", она может быть единицей текста. Монгольская глагольная основа совпадает с формой 2-го лица повелительно-желательного наклонения, а именная - с формой именительного падежа ед. числа. В целом, как отмечено Ю.С. Масловым, «в агглютинативных языках основа без аффиксов представляет собой нормальный тип слова и обычно выступает как семантически исходная словоформа; создается впечатление, что аффиксы косвенных форм присоединяются здесь не к основе, а прямо к исходной словоформе» (Маслов, 1987: 236).

Дело, видимо, еще и в том, что в агглютинативных языках не только основа в состоянии самостоятельно употребляться в тексте, но и сами аффиксы также в некоторой степени более независимы. Так, хорошо известны случаи, когда при однородных членах только самый последний компонент получает маркер: *Би ном, сонин, сэтгүүлийг тогтмол уншдаг* - «Я регулярно читаю книги, газеты, журналы»; *Бид дэлгүүр, музей, театр очсон* - «Мы ходили в магазины, музей, театр» (Галсан, Грабарь, 1989: 71).

Это наблюдается и в тюркских языках, в которых, кроме того, аффиксы, например, падежа могут перемещаться: *ота-лар-га* "отцам"; *ота-лар-им-га* "моим отцам". Ненарушенность фонетических границ стыкующихся морфем и однозначность аффиксов при употреблении в речи обуславливают меньшую спаянность, большую их автономность, делают целостность словоформы «легко уязвимой». Этой точки зрения придерживался В.М.Жирмунский. Им были приведены примеры из тюркских языков, показывающие способность аффиксов отодвигаться к концу слова или придвигаться к основе, а языков - употреблять форманты в конце грамматически однородной синтаксической группы. Они ясно свидетельствуют о том, что «морфемные показатели в таких языках менее тесно связаны с основой, ...эта основа может выступать без всяких показателей как исходная, так сказать, «абсолютная» форма слова» (Жирмунс-

кий, 1963: 12-13). Поэтому в агглютинативных языках не только формообразующие основы слов, но и аффиксы-«прилепы», используемые в каждой словоформе, оказываются значительно более самостоятельными и психологически более «весомыми» языковыми элементами, чем в языках флективных (Маслов, 1987: 236). Это означает, что словоформы отличаются гораздо меньшей внутренней спаянностью, а морфемы в некотором смысле более автономны. Аффиксальные и корневые морфемы в агглютинативных языках менее зависят друг от друга, что обнаруживается в их меньшей фонетической «адаптации», меньшем «проникновении морфем друг в друга» в составе словоформы. Выявляется это и в их способности функционировать отдельно в тексте (конечно, это в первую очередь касается корня).

Меньшая скрепленность морфем в словоформе агглютинативных языков обусловлена: 1) большими по составу парадигмами; 2) наличием синонимических аффиксов. Неслитность составных частей словоформ усугубляется отсутствием в данных языках такого «цементирующего» средства, средства «цельнооформленности», как ударение. Именно агглютинативный способ образования и изменения слов сопровождается сингармонизмом - средством, объединяющее корень с цепочкой аффиксов. Значит, агглютинативные языки обнаруживают специфику и в фонологической организации слова. Если во флективных языках с фиксированным ударением оно служит своеобразным признаком межсловной границы - либо на фонетическом уровне непосредственно, либо при опознании контура слова в целом, а в языках с нефиксированным ударением, типа русского, ударение может быть связано с определенными морфемами, то в агглютинативных все фонетические составляющие в выполнении ими «синдекатической», по С.Д.Кацнельсону, функции равноправны, несмотря на то, что в большинстве агглютинативных языков огласовка аффиксов обусловлена гласным корня. В агглютинативном слове нет ударных и безударных слогов, значит нет выделения одних гласных на фоне других; все элементы равновыделены. Как отмечено В.Б.Касевичем, в сингармонических языках слову «не принадлежит центральная роль в языковом механизме. Словарные единицы в таких языках - основа и квазиаффиксы, которые в высказывании, сочетаясь, дают квазислова, где квазиаффиксы фонологически уподобляются корню и/или друг другу по закону сингармонизма» (Касевич, 1990: 54).

§ 2. Монгольские словоформы, составные части которых не спаяны, а сохраняют некоторую независимость и могут при определенных условиях «рассыпаться», оказавшись во фразе, сохраняют эту свою основную черту. В то время как интонация стремится как бы соединить воеди-

но входящие во фразу элементы (Светозарова, 1982: 15), словоформы проявляют склонность к автономности. Эта черта определяется не только «внутренней неустойчивостью» самой словоформы, но и тем, что в предложении слова не соединяются с единицами своего ранга более тесной связью. Иными словами, основная тенденция - неслитность элементов, входящих в состав фразы, - обнаруживается как на уровне морфем, так и на уровне слова.

Так как этот вопрос затрагивает членение речи, рассмотрим строение синтагм и возможности синтагматического членения речи в монгольских языках. При этом будем исходить из понимания синтагмы как простейшей интонационной единицы речи, предельной основной синтаксической единицы, «выражающей единое смысловое целое в процессе речи-мысли» и фонетически сплоченной «усилием последнего словесного ударения». Синтагма может состоять из группы слов и одного слова (Щерба, 1957: 80-81). Хотя в основе синтагматического членения лежат смысловые и синтаксические отношения, оно осуществляется только фонетическими, интонационными средствами (Зиндер, 1960: 277).

Отдельную синтагму в составе простого монгольского предложения, как правило, составляют обстоятельства времени и места. Сосредоточим свое внимание на строении многословных синтагм и покажем, что важной чертой таких синтагм в монгольских языках является относительная слабость связи компонентов синтагмы. Как известно, синтаксическая цельность синтагмы обеспечивается наличием сильных синтаксических связей между членами группы. Как правило, синтагма образуется на базе объединения вокруг главного слова одного или нескольких зависимых слов. Это могут быть предикативные, объектные, субъектные, обстоятельственные группы, связанные между собой подчинительной связью. Синтаксические условия синтагматического членения возникают в результате ослабления синтаксических связей между компонентами речи, а это целиком определяется смысловыми и синтаксическими связями, возникающими между словами. В монгольских языках в силу особенностей грамматического строя языка эти возможности довольно велики.

Дело в том, что в современных монгольских языках такой сильный вид синтаксической связи, как согласование, не используется. Диахронически он выявляется: в письменном монгольском языке было представлено согласование в числе (Бертагаев, 1964; Пюрбеев, 1987; Пюрбеев, 1991). Утрата категории числа имен прилагательных привела к тому, что единственным способом связи его с существительным стало соположение, поскольку в монгольских языках отсутствует и согласование в

роде. На соположении строится основное правило, по которому переводятся с русского языка атрибутивные сочетания типа "хороший приятель отца" - *аавын сайн танил*. В подобных случаях неоформленное имя ставится непосредственно перед определяемым, а оформленное (аффиксом родительного падежа *-ын*) располагается дистантно.

В современных монгольских языках такому виду сильной синтаксической связи, как управление, также не принадлежит главенствующее место в грамматических связях слов. Так, по данным Т.А.Бертагаева, исследовавшего разные типы текстов, из 56 слов 34 связаны между собой по способу примыкания, а 22 - управления (Бертагаев, 1964: 6). Это означает, что именные атрибутивные группы (субъектные, объектные, обстоятельственные - *сайн хуйниг* "хорошего человека", *өндөр байшин* "высокое здание" *хол газарт* "в отдаленном месте"), члены которых не связаны сильной синтаксической связью, без конструктивного синтаксического центра имеют основание для распада. Единственным средством обозначения синтаксической связи в таких группах становится позиционное примыкание. Такой же неспаянностью характеризуются глагольные атрибутивные группы (*баян байна* "богато живет"). К группам с измененной синтаксической связью можно отнести и предикативные словосочетания. Однако здесь наблюдается различие по языкам: в бурятском и калмыцком языках подлежащее и сказуемое согласуются в лице и числе, а в монгольском - нет. В целом, в структуре словосочетания монгольских языков произошли глубокие изменения, источником которых является, видимо, потеря согласования (заметим, что вопросы исторической грамматики монгольских языков изучены мало).

§ 3. Сильные синтаксические связи характерны для предикативных объектных и обстоятельственных групп, а также для атрибутивных, зависимое слово которых оформлено существительным в родительном падеже (*ном авсан* "взял книгу" *ширээнд байна* "находится на столе" *аавын ном* "книга отца"). В таких группах часть компонентов несамостоятельна, главный член притягивает к себе зависимые слова, в результате чего образуется единый комплекс с одним центром. Цельность группы проявляется фонетически: в отсутствии паузы между компонентами и, прежде всего, - в логическом ударении на смысловом центре группы. Однако внутренняя неспаянность составных элементов этих групп, стремящихся к сохранению своей самостоятельности, препятствует полному фонетическому слиянию компонентов, «подрывает» целостность таких сочетаний. Это вызвано тем, что входящие в группы составные компоненты уже неустойчивы в силу тех особенностей морфологической структуры монгольского слова, о которых речь шла выше.

В именных атрибутивных группах фонетическая «неспаянность» проявляется наиболее ярко. Именно благодаря этой особенности таких групп возможны случаи типа: *энэ - гэр* «это - дом». Здесь только синтагматическое членение определяет синтаксическое: при синтагматической границе перед нами предикативная группа - слова между собой связаны слабо, они независимы; между ними появляется маркер синтагматической границы - пауза. Ослабленность фонетической связи в подобных группах находит свое крайнее проявление в тех случаях, когда каждое слово выделяется в отдельную синтагму. Итак, в результате омонимичности грамматических форм и контактного расположения неизменяющихся слов в монгольских языках усиливается нагруженность синтагматического членения, ср.: *Бид хоёр // багшийг үзээд босов* «Мы двое // увидев учителя, встали» и *Бид // хоёр багшийг үзээд босов* «Мы // двух учителей увидев, встали».

Большая дробность членения монгольской речи обнаруживается не только в слабой связи компонентов синтаксических групп, но и в дистантном расположении зависимого и главного слова. Дело в том, что для этих языков чрезвычайно характерно распространение компонентов групп различными поясняющими словами, довольно часто - цепочкой связанных по смыслу слов. Морфологические показатели благоприятствуют дистантному расположению зависимых слов, и таким образом создаются основания для разрыва групп и отнесения членов одной синтаксической группы в разные синтагмы. Выше уже говорилось, что такими компонентами могут быть: прямое дополнение, оформленное винительным падежом, обстоятельства места и времени, также имеющие свои маркеры. Ослабленный характер связи выражается в фонетической неслитности компонентов, в результате чего линейные цепочки могут разрываться, приводя к появлению отдельных синтагм. Интонационная слитность отражает сильную связь, зависимость членов синтаксической группы в рамках одной синтагмы. А так как в монгольских языках преобладают относительно слабые синтаксические связи слов, это приводит к фонетической неслитности, «разорванности» речи и обуславливает большую дробность членения речи в целом.

§ 4. Характерные для монгольских языков большие возможности синтагматического членения и дробность речи связаны также с распространенностью аналитических конструкций. Чрезвычайно важной категорией монгольского глагола является аспектуальность, для выражения которой используются аналитические формы. Здесь мы не будем касаться всего комплекса вопросов, связанных с этой категорией, которые остаются предметом дискуссии (Цыдыпов, 1972; 1991; Цыден-

дамбаев, 1979; Шевернина, 1977; 1988; Дугарова, 1991; Svantesson, 1991 и др.). Нас будет интересовать только фонетическая слитность аналитических форм.

Для таких конструкций характерна сильная фонетическая связь. Однако степень спаянности членов таких компонентов в языках различна. Наибольшая компактность характерна для калмыцкого языка и его говоров: составляющие аналитических форм сливаются фонетически, образуя синтетические формы. Так, в калмыцком языке деепричастия на *-ж*, *-ч* соединились воедино с вспомогательным глаголом бээх "быть" в форме настоящего времени: *суужана* < *сууж* + *бээнэ* "сидит" > "сидя + находиться". В монгольском и бурятском языках аналитические конструкции, образованные по этой модели, пока функционируют в сложной форме, слияние не отмечается: *сонсож байна* "слушает; *явж байна* "идет"; хотя в беглой разговорной речи оно возможно (Бертагаев, 1969: 68).

Калмыцкий язык и его говоры заметно отличаются от бурятского и монгольского языков большей склонностью к слиянию компонентов аналитических конструкций. В них наблюдается слияние деепричастия на *-ж*, *-ч* не только с вспомогательным глаголом бээх "быть", но и такими, например, как *йовх* "идти", *оркх* "ставить". В формах, образованных такими сочетаниями, обнаруживается разная степень семантической самостоятельности вспомогательных компонентов. Если в формах *наачовна* "играет" > *наач* + *йовна* "играя + идет" она еще ощущается, что, кстати, отражается в действующей орфографии, то в таких, как *авчжэ* "взял" > *авч* + *оркх* "взяв + положить", вспомогательный элемент обнаруживается только при словообразовательном анализе. Он превращается в аффикс со значением результата. Соответствующие монгольские и бурятские формы не характеризуются подобной спаянностью: *Мо олж орхих*, *Бу оложо орхихо* "найти".

Поскольку аспект, в котором совершается действие, чрезвычайно важен для говорящих на монгольских языках, этим определяется распространенность соответствующих аналитических форм в речи. А так как число слов, входящих в одну синтагму, не безгранично, а определяется объемом быстродействующей памяти человека, то слитность этих частотных конструкций существенно влияет на общее синтагматическое членение речи. Оно заключается в большей слитности, большей компактности речи калмыков и большей дробности, прерывистости речи бурят и монголов.

Говоря о причинах, лежащих в основе этих несходств, можно назвать две основные причины. В калмыцком языке и его говорах действует только палатальная гармония, а в бурятском и монгольском языках,

кроме этой, - еще и губная. Значит, языки имеют разную «связанность» вокализма слова: в калмыцком языке «костяк» слова более гибок, а в двух других - более «жесток». А это в свою очередь определяет то, что в бурятском и монгольском языках свойственная элементам словоформ тенденция сохранения автономности получает «поддержку» и со стороны сингармонизма. В калмыцком языке возможна большая вариативность просодических характеристик слова, что создает большую фонетическую «спаянность» элементов словоформ. Кроме того, калмыцкому языку свойствен и более высокий темп речи (Руднев, 1911; Есенова, 1988; Yesenova, 1987).

Аналитические формы, которые характеризуются наибольшей смысловой связью (сочетания слов выражают единое значение), постепенно сливаются в языках, где тенденции к слитности имеют большее выражение. Этого не наблюдается в тех языках, в которых элементы в большей степени сохраняют свою автономность, в которых более сильны тенденции к неспаянности. На примере аналитических форм наблюдаются различия по «степени слитности» речи.

Сказанное выше не означает того, что между рассматриваемыми языками лежат резкие различия в степени слитности речи. Общей тенденцией этих языков является тенденция к дробности речи, вариативности членения, что обусловлено грамматическим строем языка, однако можно говорить о большем или меньшем проявлении названной выше черты в отдельных языках. Уместно вспомнить о выводе, который был сделан К.Б. Бектаевым на основе статистико-информационной типологии тюркских текстов. Он заключается в том, что агглютинативная словоформа, представляющая собой соединение значительного числа морфем, «в информационном отношении богаче флективной словоформы. Высокая информационная нагрузка агглютинативной словоформы указывает на ее самостоятельность относительно окружающего контекста. Отсюда следует, что контекстная обусловленность словоформы в агглютинативных языках должна быть ниже, чем ее обусловленность во флективных» (Бектаев, 1975: 16). Сказанное лишний раз показывает, как взаимодействуют в языке разные тенденции, приводя к частным различиям родственных языков, при господстве «генеральных тенденций», отражающих агглютинативный характер этих языков.

Подведем некоторые итоги.

1. Грамматическая структура монгольских языков ограничивает возможности использования интонации в различительных целях. Это вызвано использованием позиционного способа выделения ремы, употреблением маркеров темы (*нь, болхла, гисн, л* и т.п.) и ремы (*негн, аффикс*

аккузатива), использованием вопросительных частиц в общем вопросе.

2. Нагруженность синтагматического членения из-за омонимичности грамматических форм и контактного расположения неизменяющихся слов в монгольских языках значительна. Это связано и с преобладанием слабых синтаксических связей (не используется согласование, ограничено употребляется управление, основным средством связи является примыкание; при этом часто применяется дистантное расположение зависимого и главного слов). Основной причиной, обуславливающей неслитность речи, является морфологическая структура слова (самостоятельность аффиксов, основы). Монгольские языки различаются по признаку слитности аналитических форм. Итак, грамматические особенности монгольских языков, с одной стороны, обуславливают ограниченное использование интонации, а с другой - дробность синтагматического членения.

Глава 2. ХАРАКТЕРИСТИКА ЗВУКОВОГО СТРОЯ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

§ 1. Монгольские языки, обнаруживающие значительное сходство в грамматическом строе и базисной лексике, имеют заметные отличия в фонетике, и не случайно именно они положены в основу существующих классификаций монгольских языков. Сегментные особенности рассматриваемых языков обуславливают просодические несходства. В связи с этим обращение к различиям в звуковом строе монгольских языков представляется закономерным и необходимым. На последующих страницах работы мы покажем, какие именно фрагменты фонологических систем монгольских языков подверглись наибольшим изменениям, приведшим в конечном итоге к формированию разных звуковых систем.

Сегментные отличия монгольских языков давно привлекали внимание специалистов, но вопросы о причинах их возникновения продолжают звучать актуально. Еще Б.Я.Владимирцов, анализируя историю комплексов ГСГ, предполагал в качестве движущей силы стяжений ударность-безударность. Дальнейшее развитие этой идеи находим в работах Ш.Хаттори, Н.Н.Поппе, В.И.Рассадиной. Однако вопрос о том, как представлена в отдельных языках свойственная всем монгольским языкам тенденция к редукации, в результате которой изменилась слоговая и фонемная структура слова, еще не был поставлен в монголистике. Задача настоящего раздела заключается в том, чтобы на основе анализа сегментных отличий разных групп монгольских языков обосновать выдвинутое нами предположение об имеющих место супraseгментных различиях как между языками, так и между группами языков. При этом учитывается то, что развитие языков происходило на разном экстралингвистическом фоне: языки, оторвавшиеся в разное время от общемонгольской общности, оказывались в окружении иноструктурных языков, со стороны которых испытали сильное воздействие. Влияние было настолько значительное, что в некоторых случаях произошло глобальное изменение всей структуры языка (например, в островных языках).

Ниже рассматриваются вопросы, связанные с классификацией монгольских языков, на примере отдельных, наиболее важных фонетических процессов обсуждаются различия фонетических систем северно-, восточно- и западномонгольских языков.

2.1. Классификация монгольских языков

§ 1. Проблема классификации языков является одной из наиболее важных вопросов общего языкознания. Однако принципы классифика-

ции языков и диалектов остаются наименее разработанными. Сложность классификации обусловлена тем, что само противопоставление язык-диалект не совсем отчетливо, так как «диалекту приписывается тот же лингвистический статус, что и языку в его общеонтологическом значении» (Калнынь, 1976: 35). Достаточно сложным является этот вопрос для монгольского языкознания. Показательно то, что Б.Я.Владимирцов предпочитал использовать термин «наречие» применительно к монгольскому языковому миру, поскольку границы между диалектом, говором и языком здесь особенно зыбки.

В современной лингвистике «различие понятий язык и диалект основывается на социологических, а не структурных критериях» (Общее языкознание, 1970: 452). Учет социологических критериев: взаимопонятность, наличие объединяющего литературного языка, единство этнического самосознания (Эдельман, 1980: 146) - особенно важно в условиях отсутствия письменности, как, например, в случае с языком иссык-кульских калмыков.

Трудности, возникающие при попытках создания классификаций, связаны и со сложностью самой языковой структуры. Э.Бенвенист, посвятивший этой проблеме отдельную статью, отмечает: «Языки представляют собой такое сложное явление, что классифицировать их можно, используя только несколько самых разных признаков» (Бенвенист, 1963: 51). В своей статье он предлагает исходить из логических признаков, которые, по-видимому, определяют структуру генетических отношений. Назовем их, поскольку в предлагаемой ниже классификации они прослеживаются довольно четко. Во-первых, каждый индивидуальный член является частью совокупности иерархически расположенных классов и находится в каждом из них на различном уровне. Во-вторых, каждый из следующих друг за другом классов одновременно является и включающим и включенным. Он включает следующий за ним класс и включен в предшествующий. В-третьих, между классами, которые определены как находящиеся на одной и той же ступени иерархии, не существует такого отношения, чтобы знание одного можно было вынести из знания о другом. В-четвертых, классы одного и того же уровня никогда не могут быть строго дополнительными, потому что каждый из них не дает сведений о других частях той совокупности, в которую он входит как ее составная часть (Бенвенист, 1963: 56-57).

§ 2. Современные монгольские языки можно разделить на три ветви: восточную, западную и северную. Последнюю составляют баргутский и бурятский со своими диалектами: западными, промежуточными, восточными и южными. Западная, или ойратская, ветвь включает в себя

язык моголов Афганистана, ойратские диалекты Монголии и Китая, язык исык-кульских калмыков и калмыцкий язык с торгутским и дербетским диалектами. Восточная ветвь представлена халха-монгольским языком с центральным, восточным и западным диалектами и восточномонгольским языком с восточным, центральным и южным диалектами (таблица I).

Нами учитываются классификации, предложенные разными авторами: Б.Я.Владимирцовым (1929), Н.Н.Поппе (1955), А.Д.Рудневым (1911), Г.Д.Санжеевым (1953; 1967), Ш.Лувсанванданом (1961), Т.А.Бертагаевым (1968), различия между которыми сводятся к следующему. Бурятский язык не выделяется в отдельную ветвь в классификациях Б.Я.Владимирцова и Н.Н.Поппе, а вместе с халха-монгольским языком и наречиями Внутренней Монголии включается в восточномонгольскую ветвь. Важно подчеркнуть, что Б.Я.Владимирцов исходил из того, что общего монгольского языка не существует вовсе, а имеется несколько наречий и множество говоров, на которых изъясняются их носители в различных местах поселения монгольских племен (Владимирцов, 1929: 3). Влияние этой идеи Б.Я.Владимирцова ощущается и в классификации Ш.Лувсанвандана, считающего, что бурятские и ойратские диалекты образуют северную и западную диалектные группы собственно монгольского языка (Лувсанвандан, 1961).

Вне классификации остаются так называемые изолированные языки: монгорский, дунсянский, баоаньский, поскольку они демонстрируют значительные отличия как друг от друга, так и от других языков. Различия сложились в результате особенно сильного влияния со стороны контактирующих с ними тибетского, китайского, тюркских языков. В настоящее время эти языки не имеют никаких связей ни друг с другом, ни с остальными монгольскими языками (Sanzhhev, 1967: 9).

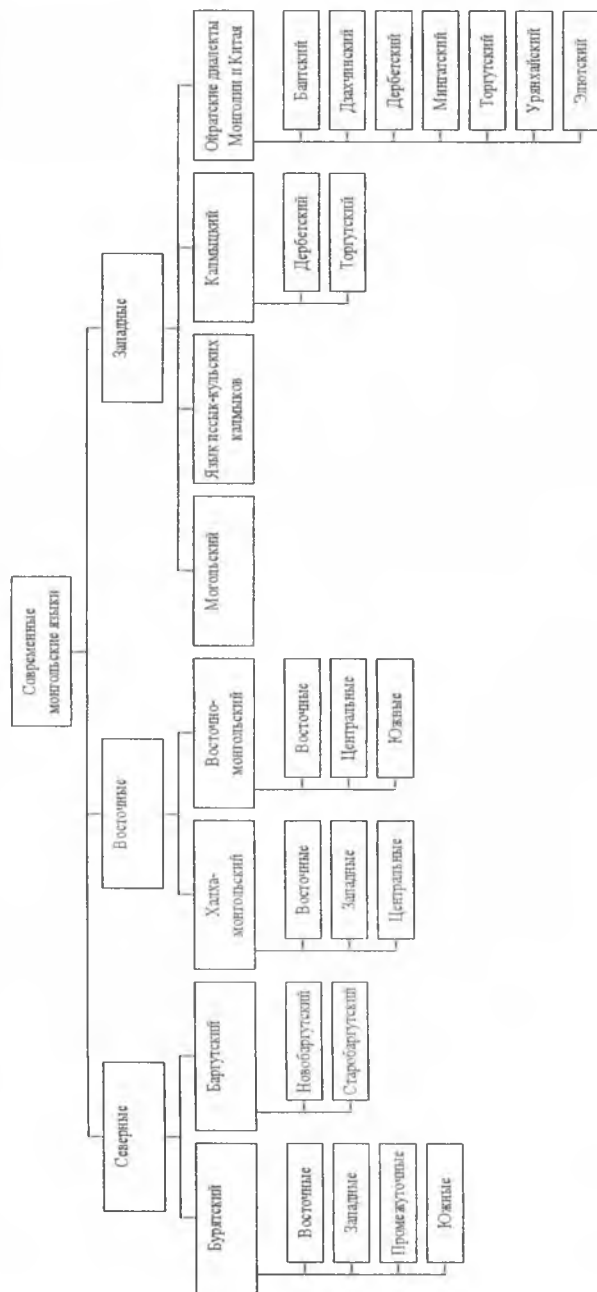
Г.Д.Санжеев отмечал, что «...при частной и сугубо условной классификации диалекты и говоры одного и того же языка могут оказаться в составе различных групп, так как такая классификация может проводиться с разных точек зрения в зависимости от непосредственного предмета исследования в данный момент, ее результаты, наложенные друг на друга, могут представлять собой довольно сложную картину перекрещивающихся линий» (Санжеев, 1953: 38). Г.Дерфер попытался вывести принципы классификации, но вынужден был констатировать, что «...временное разбиение затруднительно, пространственное - легко выполнимо, но бесполезно, а генетическое - невозможно» (Doerfer, 1964: 35). Е.А.Кузьменков произвел датировку начала дивергенции монгольских языков по 100- и 200-словным спискам М.Сводеша. Получилось, что бурятско-халхаский распад произошёл 700 лет назад, а калмыцко-халхаский - 900 лет

назад, что не совсем согласуется с датировкой расхождения языков с помощью данных исторической фонетики (14 в.). По всей видимости, глоттогонические неточности коренятся, во-первых, в систематической ошибке самого метода (неуниверсальность списка), во-вторых, в субъективности оценки расхождения лексических элементов (Кузьменков, 1990: 210).

§ 3. При классификации следует учитывать разные критерии. Выделение нами классов одного и того же уровня основано на тех признаках, которые есть в одной группе, но отсутствуют в другой. Так, например, западномонгольские языки характеризуются переднерядными \bar{a} \bar{u} \bar{o} и смычным k , которые присущи только ойратской группе языков (южный диалект восточномонгольского языка, где также отмечаются эти особенности, имеет некоторые ограничения в их употреблении). Северная ветвь своей яркой приметой имеет переход $c < h$, не наблюдаемый ни в одном другом монгольском наречии. Для восточной трудно назвать какой-либо только ей присущий фонетический признак, но легко выделить морфологическую примету: отсутствие аффиксов-показателей лица, восходящих к личным местоимениям, характерных как для северных, так и западных языков.

Этот принцип действует как при выделении крупных единиц, таких, как ветви, так и при выделении языков и диалектов. Диалекты одного и того же языка, хотя и объединяются рядом общих черт, но противопоставлены друг другу специфическими. Так, дербетский диалект калмыцкого языка характеризуется \bar{a} \bar{o} $\bar{ö}$, которым в торгутском соответствуют \bar{a} \bar{u} $\bar{ü}$. Однако различия между диалектами монгольских языков незначительны, в силу чего носители разных диалектов одного и того же языка без труда понимают друг друга. Носители же разных монгольских языков с трудом понимают друг друга, поскольку «знание одного не выносятся из знания о другом». Хотя базисная лексика: числительные, местоимения, термины родства, названия частей тела, небесных светил, времени суток и т.д. - едина для всех монгольских языков, периферийная характеризуется несовпадениями: *көдлмш* "работа" - в западных, *ажил* - в северных и восточных; *таңһч* "государство" - в западных, *улус* - в северных и восточных и т. п. Важной особенностью ойратских языков является употребление некоторых слов, восходящих к СПМЯ, которые в других языках вышли из употребления: *күмүн* "человек" (высокий стиль), *эврэн* "сам", *өрлө* "утром": на лексическом уровне подтверждается архаичность западномонгольских языков, наблюдаемая на фонетическом. Наряду с архаизмами в ойратских присутствуют и инновации, не отмечаемые в других монгольских языках. Так, например, ойратские языки ха-

Таблица 1. Классификация монгольских языков

характеризуются ростом синтетических форм, к примеру, презенс в этих языках передается синтетической формой: глагольная основа + аффикс *жаана/жээнэ*, а в других - аналитической: глагольная основа + вспомогательный глагол *байна*. Теперь перейдем к характеристике отдельных языков.

2.1.1. Западномонгольские языки

Звуковой строй современных монгольских языков изучен с разной степенью полноты. Есть языки, фонетический аспект которых изучен как в диахронии, так и в синхронии, с использованием разнообразных методов инструментального анализа. К хорошо изученным языкам относятся бурятский и халха-монгольский языки. Есть языки, в которых достаточно хорошо изучен звуковой строй в синхронии, с применением методов экспериментально-фонетического анализа, но нет ни одного монографического исследования по исторической фонетике; таков калмыцкий язык. Наконец, существуют наречия, сведения по которым крайне скудны, а имеющиеся данные характеризуются противоречием, так что до сих пор вопрос об их месте среди монгольских языков остается нерешенным. К таким языкам относятся наречия монголов, в разное время оказавшихся в иноязычном окружении и испытавших заметное влияние со стороны контактирующих языков. Именно данным обстоятельством мы руководствовались при написании настоящего раздела. Здесь мы приводим более или менее обширные (насколько это возможно) сведения по тем языкам, данные по которым малочисленны, разрозненны и противоречивы. Так как информация по другим языкам достаточно обширна и легко доступна, то мы посчитали возможным ограничиться лаконичным изложением.

2.1.1.1. Калмыцкий язык

§ 1. Наиболее изученным из ойратских языков является калмыцкий, язык новой этнической общности ойратов Волги. Основой этого языка послужили два говора - торгутский и дербетский, изучение которых было начато Н.О.Очировым. Им было отмечено, что «...говоры по звуковому составу не отличаются. Отличия касаются, в основном, рядности гласного *a*, который в торгутском более устойчив, чем соответствующий дербетский, везде переходящий под влиянием **i* в *ä*. В целом, дербетский диалект отличается от торгутского более частым употреблением *ä*, *ä*» (Очиров, 1913: 83).

Богатый материал содержится в «*Kalmükisches Wörterbuch*» Г.Памстедта, ценность которого в том, что в нем зафиксирован калмыцкий язык

начала XX века. Этот словарь был составлен на основе данных, собранных исследователем во время посещения калмыков в 1903 и 1904 гг. В известной работе Б.Я.Владимирцова «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия» также привлекается калмыцкий материал, собранный автором в Калмыкии в 1907 и 1917 гг. Работа по изучению калмыцких говоров возобновляется лишь в 60-ые годы. В это время появились статьи Д.А.Павлова, Н.Н.Убушаева, А.Ш.Кичикова, в которых называются сегментные особенности говоров, определяются подговоры.

§ 2. В дербетском говоре выделяют ики-дербетский и донской, торгутском - волго-каспийский, оренбургский (Кичиков, 1967: 31) и цатаанский подговоры; подговоры уральских, терских и кумских калмыков (Убушаев, 1979: 169). Однако Д.А.Павлов не считает оренбургский и уральский самостоятельными подговорами на том основании, что их носители живут не компактно, а растворились среди калмыков разных этнических групп после переселения в Калмыкию в 20-30-тые годы. До сих пор неизученными остаются подговоры уральских, терских, кумских калмыков, выделение которых основано на том, что эти группы калмыков были территориально обособлены, изолированы от основной массы.

А.Ш.Кичиков при выделении подговоров калмыцкого языка исходит из того, что в роли основных различительных признаков в одних подговорах выступают фонетические явления (ики-дербетский), в других - лексические (волго-каспийский, донской). Вместе с тем, анализ показывает, что пласт специфической лексики, который выделяется в этих подговорах, как и в лексике других монгольских наречий, состоит «из слов неизвестного пока происхождения и из заимствований из различных языков, с которыми сталкивались в разное время их носители» (Рассадин, 1984: 112). В связи с этим их выделение не представляется нам обоснованным. В настоящее время происходит унификация различий на уровне подговоров. Что же касается различий между говорами, то они еще сохраняются. Этому способствует, видимо, и то, что нормы литературного языка, в основу которого были положены дербетский и торгутский говоры, не столь жестки и позволяют сосуществование дублетных форм.

§ 3. Формирование калмыцкого языка, языка новой этнической общности ойратов Волги, происходило в Поволжье. Те общемонгольские и общеойратские черты, которые присутствовали в дербетском и торгутском говорах, легших в основу нового литературного языка ойратов на Волге, получили здесь особое развитие. Некоторые общие черты получили дальнейшее развитие, и сегодня обнаруживаются одинаковые формы в ойратских говорах Монголии и Китая и калмыцких территориально

отдаленных, что подтверждает принцип параллелизма развития родственных языков.

Выделение калмыцкого языка в качестве самостоятельного основано не только на социологическом факторе (язык отдельного народа), но, прежде всего, на лингвистических критериях. На становление языковых особенностей калмыцкого языка большое влияние оказало языковое окружение. О теснейших контактах народов, населявших территорию Калмыкии, свидетельствует то, что в составе калмыцких улусов зафиксированы такие этнические компоненты, как мангыт (ногайцы, тюрки), серкет (черкес). Различные этапы этнической истории калмыцкого народа отражают и следующие этнонимы: хаскут (казахи), зет (чот - у тувинцев), орсут (русские), тожди, урянхусы, теленгиты, хапчины (Авляев, 1975: 14, Авляев, 1992). Хорошо известны политические, военные, брачные союзы между калмыками, ногайцами, туркменами. Продолжительными были контакты калмыков с тюрками, в последние столетия усиливаются связи с русскими и народностями Северного Кавказа. «Он (калмыцкий язык - Т. Е.) претерпел определенное влияние русского и татарского. Отличается немного фонетически и морфологически от других ойратских говоров, но очень сильно словарем» (Porre, 1955: 19). С.С.Харькова в современном калмыцком языке выделяет целый пласт тюркских заимствований позднего периода, то есть собственно калмыцкие тюркизмы. Маркирующими признаками калмыцких тюркизмов являются отсутствие производных и параллельных форм в других монгольских языках, а также абсолютная невозможность их этимологизации на монгольской почве (Харькова, 1985: 63). Языковая среда, на фоне которой развивался калмыцкий язык, во многом определила формирование его фонетической системы, иногда оказывая сдерживающее воздействие.

2.1.1.2. Язык моголов Афганистана

§ 1. Открытие и ввод в научный оборот данных по языку моголов Афганистана принадлежит Г.Рамстедту. Он был первым монголистом, обратившим внимание на монгольский язык этого региона и поставившим вопрос о его месте в ряду других. В своей статье «Mongolica. Beitrage zur Kenntnis der Moghol-Sprache in Afghanistan» он ответил на важный вопрос, стоявший перед монголоведами, - в Афганистане есть монгольский язык, так как до этого его считали мертвым.

Долгое время статья Г.Рамстедта оставалась единственной, сведения о языке моголов были схематичными и далеко не полными. Исследовательская поездка в Афганистан была предпринята Л.Лигети в 1936-1937 гг. Ему удалось «найти могольский язык», но он заключает, что «мо-

гольский язык в самом деле находится на стадии вымирания» (Лигети, 1955: 99). В 1954 г. Ш.Ивамура и Х.Шурман дважды направлялись по следам Великих Моголов (Iwamura, Schurman, 1954). В 1973 г. афганский ученый О.Хомам, выступив на II Международном конгрессе монголоведов с сообщением о моголах, построенном на полевых материалах, вновь привлек внимание востоковедов к этому островному языку (Нотам, 1973). Кроме названных источников, сведения о могольском языке могут быть получены из «Монгольского словаря Мукаддимат ал-Адаб». Н.Н.Поппе, основываясь на общей близости имеющихся данных по языку афганских моголов с материалами этого словаря, являющимся источником по разговорному языку 13-14 вв., предположил, что «...могольский язык 13-14 столетия и язык памятника - суть языки или наречия одной и той же группы» (Поппе, 1938: 8).

§ 2. Обобщая сведения из всех существующих в настоящее время источников, можно заключить, что в Афганистан монгольский язык был привнесен во времена монгольских походов. Длительное проживание в иной этнической среде наложило отпечаток на многие стороны жизни афганских моголов. В наибольшей степени изоляция отразилась на языке. Могольский язык, 8 веков назад оторвавшийся от общемонгольской языковой общности, развивался обособленно, в окружении иноструктурных языков, что способствовало сохранению и консервации многих архаических черт и, к сожалению, приводит к постепенному вымиранию его, что отмечено всеми исследователями.

§ 3. По данным Н. Н. Поппе, в могольском языке нет первоначально *h* или *x* < **y*, хорошо сохранился оригинальный вокализм непервых слогов, сохраняется дифтонг *öw* < **aju* / **egū*, нет перелома гласного **i*. Слоги **gi*, **ji* еще существуют, в то время как в других монгольских языках они слились с **ki* и **gi*. Гласный **e* сохранился даже в тех позициях, в которых в других языках он представлен огубленным гласным. Сохраняется конечное *-n* во всех падежных формах (Poppe, 1955: 18). Оказанное позволило Н.Н. Поппе сделать вывод о том, что этот язык является, несомненно, отдельным языком западной ветви монгольских языков. Данные факты свидетельствуют о консервации в языке фонетических явлений, относящихся к среднемонгольскому периоду. Изоляция не способствовала дальнейшему развитию их, не способствовали этому и экстралингвистические факторы.

2.1.1.3. Ойратские диалекты Монголии и Китая

§ 1. К ойратским племенам Северо-Западной Монголии относятся дербеты, байты, элеты, захчины, торгуты. Они поселились на нынешней

территории «в половине 18 в., попав туда из разных мест сравнительно недавно; булгунские торгуты, например, пришли с Волги» (Владимирцов, 1926: 3). Незначительные различия между языками, а также «общность условий быта, хозяйства, социальных отношений, фольклор и т.д. заставляют ойратов северо-западной Монголии чувствовать себя особым племенем, и притом племенем единым, определенно и резко отличающимся от других племен» (Владимирцов, 1926: 3). Изучение ойратских говоров этого региона, начатое Б.Я.Владимирцовым, успешно продолжается диалектологами Монголии. Здесь следует назвать «Дөрвөд аман аялгуу» Э.Вандуйя, «Захчины аман аялгуу» Ж.Цолоо, «Торгуудын аман аялгууны онцлог» Х.Лувсанбалдана и др. Несомненно, крупным событием в монгольской диалектологии является «Диалектологический словарь монгольского языка».

§ 2. По мнению Н.Н.Поппе, диалекты Западной Монголии - дербетский, баитский, торгутский, урянхайский, захчинский, элетский, мингатский - и торгутский Алашаня, Цинхая и Джунгарии в Китае являются диалектами одного языка - ойратского (Рорре, 1955: 18). Как известно, Б.Я.Владимирцов, напротив, считал, что «единого общего ойратского языка в Северо-Западной Монголии не образовалось» (Владимирцов, 1926: 3), так как диалекты «продолжительное время находились в изолированном друг от друга положении, мало подверглись нивелировке, языковые особенности сохранились до наших дней» (Павлов, 1983: 113). Отличия между этими ойратскими наречиями незначительны, что позволяет носителям свободно понимать друг друга. Следует отметить, что на ойратские говоры этого региона все возрастающее влияние оказывает халхаское наречие. Тем не менее западномонгольские фонетические черты в них продолжают сохраняться (Цолоо, 1985).

После 1771 г. значительная часть ойратов Волги перекочевала в Центральную Азию, в настоящее время они расселены в Китае: в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, Цинхае, Алашане, а также в Северной Монголии. Слуховые наблюдения и записи, сделанные нами в 1989 и 1990-1993 гг. от торгутов Синьцзян-Уйгурского района Китая, свидетельствуют о безусловном фонетическом сходстве его с торгутским говором калмыцкого языка. Вместе с тем, ощущается халхаское влияние, особенно заметное в лексике.

2.1.1.4. Язык иссык-кульских калмыков

§ 1. На территории Киргизии есть еще один ойратский язык, относительно статуса которого существуют разные мнения, - язык иссык-кульских калмыков (ЯИК). Он существует в устной форме, письменные ис-

точники по истории народа и языка не обнаружены. Это осложняет определение его места среди монгольских языков, что отражается в существующих в литературе точках зрения. Были высказаны противоположные точки зрения относительно лингвистического статуса ЯИК: «несомненно, один из говоров калмыцкого языка» (Тенишев, 1976: 87), «ближе стоит к ойратскому диалекту Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, нежели к калмыцкому литературному языку, тем более к его говору бузава, о близости с последним предполагал А. В. Бурдуков» (Дондуков, 1975: 228), «является торгутским, точнее - цатаанским говором калмыцкого языка» (Павлов, 1985: 109; Павла, 1991), не является говором калмыцкого языка (Есенова, 2001).

Эта проблема осложняется из-за того, что иссык-кульские калмыки долгое время контактировали с киргизами, численно их превосходившими. В результате у них сложился сходный культурно-бытовой уклад, подкрепляемый одинаковым образом жизни, кочевым скотоводческим хозяйством, духовным единством (и те, и другие исповедуют ислам) и смешанными браками. Как следствие длительной адаптации следует, видимо, рассматривать постепенную потерю ими родного языка. Молодое поколение почти не владеет им, среднее поколение понимает, но не говорит, и лишь представители старшего поколения владеют языком, но в связи с ограничением сферы употребления родного так же пользуются киргизским языком.

§ 2. В литературе встречаются разные названия народа: сарт-калмаки, кара-калмыки, иссык-кульские калмыки, каракольские калмыки, киргизские калмыки. В последние годы они стали официально именоваться калмыками, и это, видимо, способствовало смешению этнического и языкового. Если самоназвание народа - элеты (ölöt) - свидетельствует об их принадлежности к одной из этнической групп монголов, то название языка и официальное название народа говорит о причастности к калмыкам. При этом подчеркивается географическая отдаленность от основной массы калмыков, сосредоточенной в Поволжье.

Иссык-кульские калмыки разделяли судьбу кочевников, жизнь которых проходила в постоянных миграциях: то в поисках защиты во время военных неурядиц, то в поисках лучших пастбищ. Результаты многочисленных контактов с другими племенами откладывались в языке. В более поздний период - после обособления и закрепления на нынешней территории - стали преобладать контакты с киргизами, уйгурами, татарами. Как следствие в лексике отмечается значительное количество заимствований из киргизского языка, влияние которого практически не ощущается в морфологии и фонетике. Изолированное развитие языка иссык-куль-

ских калмыков способствовало появлению различий в семантике некоторых общемонгольских слов. Так, значения слова *будуун* в халха-монгольском распределяются следующим образом: 1) толстый, 2) грубый, аляповатый, 3) взрослый, 4) низкий, грубый, басистый. В калмыцком языке слово *бөдүн* имеет следующие значения: 1) взрослый, 2) толстый, 3) басистый. В ЯИК, кроме этих значений, у слова *бөдүн* регистрируется значение “старый”, которое развилось на почве значения “взрослый”. Налицо постепенное сужение, специализация значений в слове *бөдүн*. Обращает на себя внимание и несовпадение лексического значения некоторых часто употребляющихся слов. Например, в языке иссык-кульских калмыков слово *көмүшке* имеет значение “висок”, в то время как в калмыцком слово *көмске* имеет значение “брови”, как и в халхаском и бурятском языках. Для передачи значения “брови” в языке иссык-кульских калмыков используется киргизское слово *каш* “брови”. Слово *урул* употребляется в значениях и “губы”, и “рот”, общемонгольское слово *амн* в этом значении не употребляется. Показательно то, что из киргизского языка заимствованы некоторые слова, входящие в базисную лексику (например, *тизе* “колени”), что свидетельствует о глубине воздействия киргизского языка. Примеры, приведенные выше, говорят об определенном семантическом расхождении языков. Вместе с тем, в лексике языка иссык-кульских калмыков есть слова, которых нет в калмыцком: *будаалгын* “гуляние” (ср.: *будаалга* “банкет”, “званный обед” - халхаский). В языке иссык-кульских калмыков в значении “жена” используются два слова, которых не знает калмыцкий: *гижгтэ* и *бүсгө*. В халхаском *бүсгүй* (букв. “без пояса”) имеет значение “девушка”, “женщина”, в калмыцком это значение выделяется в слове *гижигтэ* (букв. с косой); но ни в том, ни в другом языке у этих слов нет значения “жена”.

Как уже говорилось выше, исторически, лингвистически иссык-кульские калмыки представляют собой часть ойратов, это подтверждает и фольклор. Однако вместе с исламом в быт, обычаи вошли элементы мусульманской культуры. Неотъемлемой частью ее является и антропонимика: как женские, так и мужские имена у иссык-кульских калмыков киргизские. Калмыцкие имена встречаются крайне редко и носят, как правило, символический характер, воспринимаются как чуждые современными иссык-кульскими калмыками.

§ 3. Во всех опубликованных работах отмечаются незначительность отличий ЯИК от калмыцкого в морфологии, заметное влияние тюркских языков в лексике, затрагивающее даже базисную лексику, и значительные фонетические несходства.

Остановимся на некоторых фонетических особенностях, которые

наиболее показательны, т.к. позволяют отнести данный язык к определенной группе монгольских языков. Инвентарь гласных фонем сближает язык иссык-кульских калмыков с калмыцким языком, а предпочтительное употребление *ä ö ü* позволяет говорить о его сходстве с торгутским говором. Кроме того, в языке иссык-кульских калмыков регистрируется фонема *к*, являющаяся яркой приметой ойратских языков. Однако наряду с общими признаками в фонетике рассматриваемого языка присутствуют некоторые характеристики, резко отличающие его от калмыцкого языка. Дело в том, что с точки зрения развития аффрикаты *ч* язык иссык-кульских калмыков относится к шипящим, в то время как калмыцкий – свистящим. Резко отличает его полногласие, отсутствие редукции первослоговых гласных: сильная редукция этих звуков является важной приметой калмыцкого, да и многих ойратских языков (Вандуй, 1976: 22). Видимо, иссык-кульские калмыки не были в составе тех ойратских племен, которые, покинув Центральную Азию, перекочевали на Волгу, а принадлежали другой ойратской ветви, которую этот процесс не коснулся или коснулся в малой степени. Если же учитывать роль редукции гласных в процессе делабиализации и то, что нарушение губной гармонии началось раньше 19 в. (Павлов, 1971: 50), то примерное время обособления этих языков как следствие обособления носителей произошло до начала процесса падения редуцированных гласных в таком языке, как калмыцкий.

Обращает на себя внимание то, что в данном языке не отмечается перелом гласного **i* в тех словах, в которых в калмыцком он произошел: *шидүн* ЯИК, *шүдн* Ка “зуб”; *нидүн* ЯИК, *нүдн* Ка “глаз”. В языке иссык-кульских калмыков в заднерядных словах засвидетельствован процесс *л > й*, не характерный для калмыцкого и его говоров. Интересно то, что субституция *л > й* отмечается в языке хошутов (Тодаева, 1960: 28; Тодаева, 1968: 50; Тодаева, 2001).

Таким образом, язык иссык-кульских калмыков, имеющий явный ойратский тип как вокализма, так и консонантизма, демонстрирует отдельные отличия от калмыцкой фонетической системы. Они сближают его с ойратскими диалектами Китая и не позволяют рассматривать его в качестве диалекта калмыцкого языка. Косвенным подтверждением выказанного предположения могут служить фольклорные данные. В фольклоре практически не отмечены мотивы, связанные с Волгой, территорией, на которой произошло становление новой этнической общности ойратов – калмыков. Для сравнения скажем, что в преданиях, песнях ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая откочевка их предков с Волги нашла яркое отражение. «Неужели воды Волги кислыми

показались тебе? И воды Или сладкими ожидали тебя? Почему же мы обнимаем камни могильные?» - поется в их известной песне. Напротив, в песнях иссык-кульских калмыков упоминаются родственники, оставленные за горами (имеются, видимо, в виду горы Тянь-Шань).

§ 4. В настоящее время нет ни одной работы по фонетике языков ойратского ареала, и нет ни одной работы по исторической фонетике каждого из ойратских языков в отдельности. В монографиях В.И.Рассади-на, И.Д.Бураева, Б.Я. Владимирцова, Н.Н.Поппе, Г.Д.Санжеева, Б.Х.Тодаевой ойратский материал привлекается для сравнительно-исторического анализа халха-монгольского, бурятского и восточномонгольского языков и говоров, что может служить базой для создания аналогичной работы по ойратским языкам. Следует назвать здесь и словарь Дж. Крюгера «Oirat-Mongolian to English citation dictionary» как источник для создания подобной работы.

2.1.2. Северномонгольские языки

Северномонгольскую ветвь образуют бурятский язык и его диалекты, сюда также относится баргутский со старобаргутским и новобаргутским диалектами.

2.1.2.1. Бурятский язык

§1. Становление бурятского языка как одного из самостоятельных монгольских языков связано с околбайкальским регионом» (Бураев, 1987: 168). Относительно времени поселения бурятских племен в Прибайкалье и этнического состава в литературе существуют разные мнения. Более обоснованным можно считать предположение о «проникновении монголызычных кочевников в глубь Прибайкалья до образования Монгольской империи» (Окладников, 1958: 200), так как оно основано на археологических данных.

§ 2. Бурятский язык многодиалектный. Говоры могут быть объединены в четыре группы: западную (эхирит-булагатскую), промежуточную (аларо-тункинскую), восточную (хоринскую) и южную (цонголо-сартульскую). Литературная форма образована на базе хоринского диалекта, на котором говорит большинство бурятского населения и который содержит много черт, общих с другими бурятскими говорами (Бураев, 1987: 21).

§ 3. Отличия фонетической системы бурятского языка от других монгольских языков активно обсуждаются в литературе. Были выдвинуты две точки зрения относительно причин их возникновения. Первая принадлежит Г.Рамстедту, который считал, что фонетические различия были

вызваны сдвигом назад всей артикуляционной базы языка. Эту точку зрения применительно к восточномонгольским языкам развивает Я.-О. Свантессон (Svantesson, 1985). Другая точка зрения, которая учитывает факт длительного контакта бурят с эвенками, принадлежит И.Д.Бураеву. По его мнению, «одним из немногих, но достаточно заметных элементов эвенкийского субстрата в бурятском языке является наличие в нем фарингального звука *h*. Более существенным фонетическим субстратом, видимо, надо считать сохранение эвенкийской артикуляционной специфики в звуковом строе бурятского языка. Дело в том, что данный язык в этом отношении коренным образом отличается от других живых монгольских языков. Если произносительные навыки монголов и калмыков отличаются быстротой и напряженной артикуляцией слов в предложении с сильной редуциацией кратких гласных вплоть до полного выпадения, то бурятский характеризуется в основном монотонностью, несколько замедленным темпом речи, заметной качественной редуциацией кратких непровослоговых гласных при отсутствии количественной редуциации» (Бураев, 1987: 11).

§ 4. Бурятский язык хорошо изучен, достаточно полно описаны его многочисленные диалекты (обзор работ см.: Бураев, 1958; Бажеева, 1976; Рассадин, 1991). Фонетические данные обобщены в хорошо известных монографиях В.И.Рассадины и И.Д.Бураева.

2.1.2.2. Баргутский язык

§ 1. Носители этого языка проживают в Автономном районе Внутренняя Монголия Китая. Среди них выделяются две этнические группы - старые и новые баргуты, говорящие, соответственно, на старобаргутском и новобаргутском диалектах. Относительно языка баргутов сведений было мало; известно было, что он отличается от восточномонгольского и близок бурятскому (Рорре, 1932; Тодаева, 1960; Рассадин, 1989). Несколько более подробные данные о фонологии современного баргутского языка содержатся в статье Ю.Янхунена, написанной на основе полевых материалов (Janhunen, 1988). То новое, что внесено Ю. Янхуненом в изучение языка баргутов, сводится к следующему. В более ранних работах постулировалось фонетическое сходство баргутского с бурятским. Ситуация оказалась более сложной. Связь баргутского с бурятским, действительно, ощущается, однако баргутский язык испытал поток вторичного ареального влияния со стороны других языков и диалектов, окружающих его, прежде всего - дагурского и хамниганского. Картина осложняется еще и тем, что молодое поколение испытывает также определенное влияние и со стороны восточномонгольского языка, употреб-

ляющегося в качестве литературного языка на всей территории Внутренней Монголии, на нем ведется обучение, радио-, телевещание и т. д.

§ 2. Именно эти условия функционирования языка баргутов обуславливают присутствие в нем, с одной стороны, черт, сближающих с бурятским, а с другой - дагурским, хамниганским и восточномонгольским языками. Так, по составу кратких гласных фонем он близок бурятскому языку, в то время как по составу долгих он занимает промежуточное положение между восточномонгольским и дагурским языками, отличаясь от бурятского. Черты сходства и отличия имеются и в консонантизме: эти языки имеют мягкие согласные фонемы из-за палатализирующего влияния исконного **i*. Однако в речи отдельных представителей могут наблюдаться заметные отклонения, что свидетельствует о том, что существующая система испытывает изменения, находится на стадии перестройки.

Важной чертой, отличающей баргутский от бурятского, по мнению Ю.Янхунена, является наличие фонемы *s*, которая «восстанавливается» благодаря влиянию дагурского и восточномонгольского языков. Однако, по мнению Н.Н.Поппе, Б.Х.Тодаевой, В.И.Рассадиной, в старобаргутском отмечается переход *s > h* как и в бурятском языке. Судя по опубликованным материалам, имеет место свободное варьирование *s* и *h* в речи отдельных носителей из числа молодежи, в то время как в речи представителей старшего поколения более регулярным является употребление *h*. Аналогичным образом обстоит дело и с аффрикатой *ɕ*. В то время как в старобаргутском регистрировалась фонема *s* на месте *ɕ* (Porre, 1932; Тодаева, 1960), в речи представителей молодого поколения употребляется *ɕ* (Janhunen, 1988).

В вокализме непервых слогов слова, с одной стороны, отмечается изменение качества гласных в результате, видимо, редуции, а с другой, появление гласноподобных сегментов в позиции абсолютного конца слова, так что можно говорить о тенденции к открытому слогу. При этом последняя является, по мнению Ю.Янхунена, следствием дагурского влияния, в котором эти процессы уже отмечались (Martin, 1961). Это означает то, что изменения вокалической системы языка баргутов должны затронуть сингармонизм. Ю.Янхунен отмечает нарушение сингармонизма в современном баргутском языке в словах с краткими гласными в непервых слогах и сохранение в словах с долгими гласными в этой же позиции. Причиной потери гармонии гласных он называет нейтрализацию оппозиций кратких гласных в непервых слогах: в подавляющем большинстве случаев редуцированный гласный непервого слога слова может быть идентифицирован как */e/*.

Однако столь категоричный вывод кажется нам преждевременным. Представляется, фонологическая система этого языка находится на стадии существенной перестройки, которая вызвана взаимодействием разных факторов, в том числе и иноязычного влияния. Все процессы, которые определили тип современной фонологической системы этого языка, наблюдаются в большинстве монгольских языков; здесь, по всей вероятности, происходило влияние разных языков в разное время. Учитывая эти факты, Ю.Янхунен приходит к следующему выводу. Современный баргутский язык продолжает проявлять некоторые важные старобаргутские черты, которые имеют диалектную связь с бурятским языком. Эти черты, однако, попали под усиливающийся поток вторичного ареально-го влияния со стороны других соседних монгольских языков. В своем настоящем состоянии современный баргутский, возможно, лучше считать диалектом восточномонгольского, чем бурятского языка (Janhunen, 1988: 365). Таким образом, вопрос о месте данного монгольского языка в ряду других вновь становится актуальным. Если при классификации мы будем исходить из разных критериев, то будут получены, соответственно, и разные результаты. Так, можно принимать во внимание генетическую и историческую близость баргутского с бурятским, а можно исходить и из этнических контактов баргутов с дагурами и хамниганами, а также принимать в расчет возрастающее влияние восточномонгольского языка во всех сферах использования. Однако, безусловно, должны превалировать лингвистические критерии.

2.1.3. Восточномонгольские языки

2.1.3.1. Восточномонгольский язык

§ 1. Г.Д.Санжеев в своих ранних работах считал, что «как внешние, так и внутренние монголы говорят на разных диалектах одного и того же монгольского языка: халхаском, чахарском, ордосском и т.д. (об эволюции его взглядов см.: Sanzheev, 1967). Основное отличие между диалектами этого единого монгольского языка, по мнению Г.Д.Санжеева, состоит преимущественно в фонетических особенностях и заключается в том, что если халхаский диалект, на котором говорит основное население Монголии, является свистящим, то диалекты внутренних монголов – шипящими. Конечно, имеются отличия и в области грамматического строя и словарного состава, но они весьма незначительны по своему характеру (Санжеев, 1953: 10).

§ 2. Дело в том, что долгое время сведения о монгольских наречиях Внутренней Монголии практически отсутствовали. Известно было лишь, что они сохранили *ч, *дж. Исследования А.Д.Руднева внесли уточне-

ния: «в северной части Восточной Монголии аффриката ч может переходить в ш, что сближает их с бурятским» (Руднев, 1911: 231). С другой стороны, «изобилие переднерядных гласных сближает восточные с калмыцким и отличает эти обе группы от других» (Руднев, 1911: 231). Сходство с калмыцким прослеживается и в морфологии: «частое употребление форм условного деепричастия *-кула* и последовательного *-кулар*, сходство форм *genetivi*» (Руднев, 1911: 231). На основании этого А.Д. Руднев предложил «вспомогательное деление монгольских наречий», в котором в южную группу включил калмыцкий и все южные отдельные оазисы монгольских племен, Ордос и восточные. Последние явились бы переходом к северным, то есть бурятам» (Руднев, 1911: 231).

Вторая половина 20 века характеризуется большим интересом к языку монголов Внутренней Монголии, выразившимся в фронтальных экспедициях ученых СССР и КНР. Материалы были опубликованы в разные годы и широко известны (Тодаева, 1960; 1961; 1964; 1973; 1985; 2001). Следует назвать и известные работы А.Мостэра, особую ценность представляет его «*Dictionnaire Ordos*», а также публикации А.Рона-Таш. Данные, содержащиеся в названных работах, дополняют сведения о языке этой группы монголов. Так, А.Мостэр отмечает, что в отличие от халха в ордосском гласные непервых слогов редуцируются не так сильно (Mostaert, 1927: 861). «Гласные второго слога в тех словах, где больше двух слогов, почти или уже утеряны в халха, а их артикуляция более четкая в ордосском» (Rona-Tas, 1960: 10). «Гласный **i* подвергается перелому в сравнительно редких случаях» (Sanzheev, 1967: 9), но в некоторых случаях имеем, наоборот, другой гласный на его месте, например: *balčirqai* СПМЯ > *bultširh* Ха, *bultšarxa* О «чирь». В ордосском неравномерен и процесс спирализации: в анлауте *к* сохраняется, в остальных случаях *к* > *х* (Rona-Tas, 1960: 15).

§ 3. В большей или меньшей степени названные выше процессы, а также те, о которых речь пойдет в следующем разделе, известны всем монгольским языкам. Отличие заключается в том, что в наречиях Внутренней Монголии они протекают умеренно. В тех монгольских языках, которые в разное время обособились от основной массы монгольских языков, они получили либо «логическое завершение» (например, умлаут в ойратских, спирализация и палатализация в бурятском), либо неравномерное продолжение (например, перелом **i* в ЯИК в словах типа *шидун* «зуб»), либо постепенно «затухли», не развившись (например, переход **e* > *ö* в языке афганских моголов). Эта умеренность развития фонетических процессов в большей степени сближает наречие монголов Внутренней Монголии с халхаским. Немаловажным являются экстралингвисти-

ческие факторы: использование до недавнего времени единого старописьменного монгольского языка (во Внутренней Монголии - до сих пор), географическая смежность, историческая, психологическая общность: «племена, которые говорят на этих диалектах, называют себя монголами, в то время как другие не используют это название, а называют себя дагур, монгор, могол, ойрат, калмык» (Porre, 1955: 19).

2.1.3.2. Халха-монгольский язык

§1. Важнейший язык восточномонгольской ветви - халха-монгольский - отличается от других наречий словарем, располагая новой политической, научной терминологией. «Халхаский может быть охарактеризован отрицательно с точки зрения того, что он не имеет таких ярких специфических черт, которые отмечены в ойратских и бурятских диалектах» (Sanzheev, 1967: 7).

По мнению Дж.Стрита, халхаский отличают две особенности. С одной стороны, в своих ранних формах он демонстрирует некоторое бурятское влияние, в некоторых отношениях отражает орфографические условности письменно-монгольского (Street, 1963: 2). И это не случайно: в Монголии вплоть до 1941 г., когда был принят кириллический алфавит, использовался СПМЯ, при этом «ни орфография, ни алфавит, ни грамматическая система этого языка, за исключением словарного состава, не претерпели какого-либо существенного изменения» (Бертагаев, 1968: 8). Введение же новой кириллической системы письма сильно облегчило, по мнению Дж.Стрита, заимствование морфем из русского языка, которые в отличие от заимствований, пришедших устным путем и прошедших через «монгольское фонологическое сито», не подвергаются фонетической адаптации и способствуют появлению разных фонетических дублетов. Другой особенностью является то, что монгольские наречия на протяжении столетий были снисходительны к диалектным заимствованиям, следствием чего является существование дублетных форм в устном халхаском (Street, 1963: 2).

§ 2. В диалектном отношении халхаский изучен неполно. По мнению Ж.Цолоо, в этом языке выделяются три говора: центральный, восточный, западный и десять подговоров. В целом, отмечается «нивелировка территориальных диалектов, сопровождающаяся усилением влияния литературного языка» (Цолоо, 1985: 124-125).

§ 3. Обобщая сказанное выше, можно сказать, что ойратские в лучшей степени, чем другие языки, сохранили инвентарь фонем СПМЯ, что позволяет именовать их архаичными. Однако при этом состав фонем индивидуальных слов часто не совпадает со СПМЯ за счет перестройки

вокализма слова. Бурятский язык часто отходит от схемы СПМЯ в результате, по выражению Г.Д.Санжеева, «сдвига гласных». Халхаский, как и наречия Внутренней Монголии, демонстрирует определенную умеренность в развитии фонетических процессов, что отделяет их как от западных, так и от северных монгольских языков. Сказанное позволяет рассматривать халхаский и монгольские наречия Внутренней Монголии в рамках одной группы языков - восточномонгольской.

2.2. История основных фонетических процессов

§ 1. В данном разделе мы продолжим начатое выше обоснование деления современных монгольских языков на северную, западную и восточную ветви. На примере отдельных, наиболее важных фонетических процессов, приведших к формированию разных фонологических систем, будет показано, что языки шли по пути постепенного обособления, все большей дифференциации, но при этом они сохранили определенные, одинаковые для всех, унаследованные из общемонгольского состояния черты.

§ 2. Современные монгольские языки образовались на базе ряда древних диалектов некогда единого монгольского языка (Санжеев, 1960: 7). Монгольские племена в результате разных социально-исторических причин оказались разбросанными на огромных пространствах Азии. Постепенное ослабление связей между диалектами, обособление части из них в результате полной потери контактов, различные условия бытования привели к образованию самостоятельных монгольских языков. Те процессы, которые зародились в монгольских наречиях в обще- и среднемонгольские периоды, получили развитие в современных языках. Однако условия развития и окружение языков определили специфику процессов в каждом регионе: «различные условия бытования языков и, порой, их полная изоляция значительно сказались на развитии их фонетических систем» (Верба, 1978: 14). Языки располагают значительным сходством в лексике, морфологии, синтаксисе, существенно различаясь в фонетике.

2.2.1. Долгие гласные

§ 1. В большинстве современных ойратских (кроме могольского), северных и восточных (за исключением центрального диалекта восточномонгольского языка) монгольских языках различаются долгие и краткие гласные, то есть длительность фонологична. Происхождение долгих гласных связано с комплексом ГСГ, их история достаточно хорошо изучена (Владимирцов, 1929; Рамстедт, 1908; Санжеев, 1953; Рассадин,

1982). Остановимся на некоторых важных, но дискуссионных аспектах этой проблемы.

§ 2. Комплексы ГСГ засвидетельствованы в памятниках 13 в. В средневековых памятниках они фиксируются в виде: Г + Г, в современных языках им соответствует, как правило, долгий гласный: *bajatur* "богатырь" СПМЯ > *баатар* Ха, Бу *баатур* О, *баатр* Ка, *баатар* ЗМ; *degere* "верх" СПМЯ > *дээрэ* Ха, Бу, О, *деер* Ка, ЗМ. Однако довольно скоро монголисты обратили внимание на существование примеров типа: *баһа* "маленький", в то время как, согласно схеме, здесь должно быть *ба*. Г.Рамстедт (Рамстедт, 1908) предполагал, что подобные расхождения произошли вследствие разного ударения: *ха* < *qajá, но *baga* < *bága. Причиной образования долгого гласного Б.Я.Владимирцов называл ослабление интервокального согласного и усиление второстепенного ударения, падающего на второй гласный в комплексе ГСГ. Кроме того, чем объяснить то, что в этих комплексах качество долгого гласного устанавливается, как правило, по второму гласному? Решение пришло после того, как Ш.Хаттори выдвинул предположение о разном характере гласных (краткий-долгий) и согласных (смычный-щелевой) в комплексах. То есть было предположено существование первичных долгот, восходящих к ударным гласным; при этом В.И.Рассадин больше внимания уделяет второму обстоятельству и склонен к объяснению на основе смены словесной просодии (Рассадин, 1982: 50). В целом, предположение дает объяснение и случаям типа: *jiyassun* "рыба" > *загас* Ха, *загаһан* Бу, *загас* О, *заһсн* Ка, *загасан* ЗМ; *da yaqu* "следовать за" > *дагах* Ха, *дагаха* Бу, *дага* О, *дахх* Ка, *дахахха* ЗМ - второй комплекс был кратким.

Н.Н.Поппе реконструировал первичные долготы на базе сравнительной алтаистики, соотнося монгольский с тюркскими и тунгусскими языками. Основной аргумент Н.Н.Поппе заключался в том, что если тюркские и тунгусские языки имели первичные долгие гласные и если монгольские языки имеют отношение к тюркским и тунгусским, то в них тоже должны быть первичные долготы (Poppe, 1962: 14-15). Позже Н.Н.Поппе показал, что первичные долгие гласные могут быть реконструированы в первом слоге не только на основе монгорских и дагурских данных (как это сделал Ш.Хаттори) или сравнения монгольских данных с соответствующими якутскими и туркменскими, но и на основе исследования монгольских заимствований в якутском и тунгусском языках. Однако Г.Дерфер выступил с критикой этой точки зрения Н.Н.Поппе, предположив появление долгих гласных в силу иноязычного влияния, впрочем, не отрицая существования первичных долгот (подробнее: Doerfer, 1973). Предположение о существовании первичных долгот, действительно,

объясняет качество долгого гласного, образовавшегося после стяжения комплекса ГСГ.

§ 3. Представляется, на эту проблему можно взглянуть и с несколько другой стороны. Эти комплексы находились, как правило, в середине слова, никогда не встречаются в начале и конце. Как известно, середина слова - зона неустойчивости по сравнению с началом. Также известно, что слова в СПМЯ были многосложными, в то время как соответствующие тюркские слова имели краткие корни: «следует считаться с общей тенденцией монгольского языка к удлинению слов; с этой целью к ним добавлялись отдельные гласные и согласные, а иногда и целые слоги. Теперь мы не можем понять природу этих дополнительных элементов, однако они представляли собой как фонетические, так и морфологические элементы, восходящие к разным периодам монгольского языка» (Котвич, 1962: 41).

«Усиление агглютинативности»: все больший семантический отрыв аффиксов от производящих слов и усиление тенденции к соединению с корнями знаменательных слов - делали слово все более многосложным, «громоздким». Как известно, «в классическом монгольском языке все падежные аффиксы обозначались отдельно от основы слова» (Бертагаев, 1969: 7), то есть еще были относительно самостоятельными; в современных языках они органически входят в состав слова, превратившись в большинстве случаев в морфемы с грамматическим значением. Эти структурные изменения совпали с процессом редукции (Б.Я.Владимирцов полагал, что ее начало восходит к 13-14 вв.) и спровоцировали в конечном итоге стяжение комплексов, которые в силу своей неустойчивой позиции в слове уже были фонетически уязвимыми и предрасположены к этому.

Усложнявшееся многоморфемное слово нуждалось в надежной скрепе. Традиционно считалось, что такой скрепой было ударение. Однако слоговая структура слова СПМЯ не подтверждает это. Она за редким исключением выглядела: Г, ГС, СГ, СГС, ГСГ (Ринчен, 1966; Kotwicz, 1953); не было стечения согласных ни в начале, ни в середине, ни в конце слова. В современных языках ограничения относительно скопления согласных сохранились строго для начала слова, в середине и конце могут быть сочетания согласных, но они образовались либо в результате стяжения комплексов, либо на стыке разных морфем. Письменные памятники, зафиксировавшие последовательную полногласную структуру слова СПМЯ, не могут помочь в поисках ответа на вопрос о качестве, месте, а также относительно того, было ли ударение в языке того периода. В связи с этим можно рассматривать в этой функции свойственный

монгольским языкам сингармонизм. Палатальная гармония, дающая равную тембральную настройку вокализма слова, сцепляла звуки в единое целое. Скрепой многосложного слова была гармония гласных.

§ 4. Дальнейшие этапы бытования древних комплексов можно проследить по памятникам, относящимся к разным периодам. Так, в словаре Мукаддимат ал-Адаб наблюдаются как Г+ Г, так и Г. На этой стадии (Г+ Г) находятся могольский и дагурский языки (Поппе, 1938: 15). Трактовка Г.Жамьяном знака удан в ойратском Ясном письме как знака, обозначающего долготу после соответствующего гласного, позволяет рассматривать ойратский язык 17 в. как язык, в котором интервокальный согласный уже выпал, а два гласных, причем со вторым долгим, еще не стянулись в один. Современные языки дают неодинаковую картину. Если в таких языках, как халхаский, бурятский, калмыцкий, в результате ослабления и выпадения интервокального согласного оказавшиеся рядом гласные образовали долгий (за исключением случаев сохранения комплекса из-за краткости второго гласного), то в маргинальных языках сохранились двугласные (дагурский) или дифтонги (могольский).

Восточномонгольские языки дают неодинаковую картину в этом отношении: в восточных говорах комплексы развились в долгие гласные, а в говорах центрального диалекта - и долгие гласные, и дифтонги. Хотя в целом, можно согласиться с тем, что «на современном этапе монгольские языки представляют пеструю картину относительно форм репрезентации комплексов; нет единства в этом между языками, нет и единства внутри каждого из языков в отдельности» (Верба, 1978: 15), тем не менее общая тенденция постепенного стяжения ГСГ, монофтонгизации дифтонгов и образования долгих гласных на их месте прослеживается довольно четко. Наречия находятся на разных этапах единого процесса ГСГ > Г.

Таким образом, история развития комплексов ГСГ показывает, что в монгольских языках прослеживается тенденция к упрощению структуры слова и усложнению системы вокализма.

2.2.2. Перелом гласного *i

§ 1. Чрезвычайно важной особенностью ойратского ареала монгольских языков является широкое употребление переднерядных гласных *ä* *ö* *ü* в общемонгольских словах с историческим *i, которым в других языках соответствуют гласные заднего ряда, продвинутые вперед в первой фазе артикуляции: 'a' o' y. Эти гласные формируют яркую тембральную окраску ойратской речи, делая ее мягкой, певучей. Артикуляционные навыки, необходимые для произношения *ä* *ö* *ü*, устойчивы, часто

переносятся, например, калмыками в русскую речь. Так, произношение характерных для калмыцкого языка переднерядных напряженных гласных *ă* *ö* *ü* на месте продвинутых вперед ненапряженных оттенков *ā* *ō* *ū*, появляющихся в позиции между двумя мягкими согласными, является типичной произносительной ошибкой в русской речи калмыков, не владеющих орфоэпическими нормами русского языка.

§ 2. Образование переднерядных гласных в ойратских языках в выше названных позициях произошло в результате влияния исторического **i*, который, подвергшись редукции, выпал, а на его месте образовался гласный того качества, который был у гласного следующего слога до выпадения **i*. Например, *нүдн* Ка, *нүдүн* ЗМ, *нүд* Ха, *нүдэн* Бу, *нүдү* О <*nidün* СПМЯ “глаз”; *эрүүн* Ка, *эрүүн* ЗМ, *ариун* Ха, *эрүүн* О <*ariyun* СПМЯ “чистый”.

Перелом гласного **i*, определяемый как регрессивная ассимиляция гласного первого слога гласным последующего слога (Poppe, 1956: 43), является одним из важнейших процессов, воздействовавших на звуковую систему всех монгольских языков. Однако рефлексy этимологического **i* в монгольских языках разные: в ойратских - опереднение гласных, а в северно- и частично восточномонгольских языках - палатализация предшествующего согласного (Наделяев, 1957; Luvsanvandan, 1964; Момоо, 1970; Рассадин, 1982; Лувсанвандан, 1985; Буряев, 1987). Х.Курибаяси, вслед за М.Номурой, называет перелом, имеющий следы (в виде глайда или палатализации предшествующего согласного), неполным, а имеющий - полным (Kuribayashi, 1982: 4; Nomura, 1957: 136).

Конечным результатом этого процесса в бурятском и халхаском является появление мягких согласных фонем. В свое время существование мягких согласных в халхаском отрицалось Г.Рамстедтом (Ramstedt, 1902: § 27), признававшим их существование только в бурятском. В последнем фонематизация палатализованных согласных произошла наиболее последовательно, неодинаковую картину дают диалекты ВМЯ. Выше уже приводилась цитата из работы А.Д.Руднева об «обилии гласных переднего ряда в ВМЯ». Однако, как свидетельствует Б.Х.Тодаева, это не везде имеет место: «...там, где гласные *a* *o* первого слога под влиянием гласного *i* второго слога развились в говорах восточного диалекта в гласные переднего ряда *ö*, в чахарском (центральный диалект - Т.Е.) заметна палатализация согласного перед *i*», в то время как «из всех диалектов лишь в ордосском сохраняется наибольшее количество слов, где перелом гласного *i* не имеет места» (Тодаева, 1985: 93; 118).

В результате сравнительно-исторического анализа примеров с **i* Х.Курибаяси установил, что «полный перелом - явление, общее как для

халхаского, так и ордосского, в то время как неполный ограничивается халхаским. Там, где ордосский сохраняет **i*, в халхаском всегда имеет место неполный перелом (данная корреляция не имеет места там, где инициальными были *ǰ* или *ǰ*). Это позволяет заключить, что полный перелом был свойствен такому периоду, когда Халха и Ордос имели общую историю. С другой стороны, неполный перелом может принадлежать периоду, когда Халха имела свою собственную историю, независимую от ордосской (Купбайаши, 1982: 7-8). Предположение Х.Курибаяси имеет вполне реальную историческую почву.

§ 3. Процесс перелома **i*, как и стяжение комплексов ГСГ, в тех и других языках имеет много случаев отступления от рассмотренной выше схемы. Неравномерность процесса частично можно объяснить тем, что «перелом происходил не всюду одновременно, но в разное время и притом в одних словах до начала стяжения **aγu* > *ū* и т.п., а в других – после того, как процесс стяжения уже закончился, появились в разных языках столь разные формы» (Поппе, 1938: 30), то есть, как считал Б.Я.-Владимирцов, соотносится с разными периодами перелома **i*.

§4. Таким образом, вокализм монгольского слова с историческим **i* на ойратской почве изменился, приобрел новое качество. В то время как в бурятском, халхаском и центральном диалекте ВМЯ осложнился консонантизм, который пополнился палатализованными согласными, в западномонгольских языках, а также в восточном диалекте ВМЯ расширилось употребление переднерядных гласных. И в тех, и в других языках упростилась слоговая структура слова. В ойратских не только сохранились *ū* *ö* в тех словах, где они исконно встречались, но их употребление расширилось в результате умлаута. «Наречия восточной ветви, все за исключением ордосского говора, обнаруживают перезвучие рассматриваемых гласных *ö* > *o*, *ü* > *u*» (Владимирцов, 1929: 166). Это дало основание Г.Рамстедту, а вслед за ним и Я.-О.Свантессону предположить, что в этих языках произошел сдвиг назад в артикуляционной базе. В рамках этого процесса Г.Рамстедтом рассматривается появление бурятского *h* на месте исконного монгольского *c*.

2.2.3. Переход **e* > *ö*

Следующим явлением, занимающим важное место в истории фонетических процессов монгольских языков, является лабиальная ассимиляция - образование *ö* на месте **e* в положении перед **u* следующего слога и губными **b*, **m*. Как и явление, рассмотренное выше, переогласовка **e* «не происходила одновременно во всех монгольских языках и диалектах. К тому же, если подобное явление происходило в каком-либо

монгольском диалекте, то не во всех словах» (Санжеев, 1977: 43). Важно отметить то, что в могольском имеются следующие соответствия: мог. *ebasūn*, >эвсн Ка, эвсүн ЗМ, эвс Ха, үбһэн Бу, өвөс О < *ebesūn* СПМЯ “трава”, сено; мог. *ebatuna* “болит”, өвчн Ка, өвчүн ЗМ, өвчин Ха, үвшэн Бу, өвөчин О < *ebedčin* СПМЯ “болезнь” мог. *ebčwп*, өбчүн ЗМ, өвчүүн Ха < *ebčigūn* СПМЯ “грудная кость”; мог. *ebwla* “зимой”, үвл Ка, үвүл ЗМ, өвөл Ха, үбэл Бу, өвөл О < *ebüi* “зима”. Если могольский язык оказался еще затронутым процессом ГСГ < $\bar{Г}$, который не получил полного завершения, то переход **e* > \bar{o} в могольском еще не наблюдается. Из истории известно, что продвижение монгольских племен на территорию нынешнего Афганистана и Индии происходило в 12-13 вв., то есть в тот период, который применительно к истории монгольских языков называют среднемонгольским. Следовательно, начало переогласовки **e* > *o* происходило в довольно отдаленное время.

§ 2. Примеры типа: эвсн Ка, эвс Ха, үһэн Бу, өвөс О < *ebesūn* СПМЯ, ЗП “трава”, “сено”; өргх Ка, ЗМ, өргөх Ха, үргэ Бу, үргү О < *ergükü* СПМЯ “подниматься вверх”; өвдөг Ха, өвдг Ка, ЗМ, үбдэг Бу, өвдөк О < *ebüdüg* СПМЯ “колени” свидетельствуют о том, что переогласовка **e* > \bar{o} предшествовала редукации и затронула все языки. Видимо, дальнейшему развитию этого процесса помешала редукация. Охвативший монгольские языки процесс регрессивной губной ассимиляции был приостановлен другой мощной тенденцией, чрезвычайно сильно действовавшей во всех языках, - редукацией. Именно поэтому одновременно с подобного рода примерами в современных языках имеем: элсн Ка, элс Ха, элсэн ЗМ, элһэн Бу, элэсу О < *elisūn* СПМЯ, *elesūn* ЗП “песок”. После выпадения огубленных гласных непервых слогов предшествующие гласные «укрепились». Необходимо отметить то, что ЯИК, как и все ойратские языки, был охвачен регрессивной ассимиляцией.

§ 3. Переогласовка **e* > \bar{o} , хотя и не имела такого распространения, как перелом **i*, но важна в том отношении, что помогает нам обнаружить чрезвычайно важную тенденцию: распространение лабиализованного \bar{o} . Важно и то, что этот процесс происходил в довольно отдаленное время. Следующий фонетический процесс - прогрессивная лабиальная ассимиляция -, который, возникнув раньше (о чем свидетельствует среднемонгольское *oron* < **oran*), затух. Затем, уже вновь, усиливается: «на монгольской почве о стало играть старую роль в большей степени» (Котвич, 1962: 102).

2.2.4. Редукация непервослоговых гласных

§ 1. Выше говорилось о том, что монгольские языки различаются

гласным первого слога слова, первоначальное качество которого изменилось в результате умлаута (ойратские) и отодвижения назад по ряду (остальные языки). Не однородны языки и с точки зрения непервослоговых гласных. Эти гласные оказались ослабленными в результате тех изменений, которые происходили в слове (перелом **i*, стяжение комплексов ГСГ), их позиция еще больше ослаблялась под воздействием действовавшей тенденции к редукции.

Б.Я.Владимирцов и Н.Н.Поппе считали, что редукция этих гласных началась уже в 13-14 вв. (Владимирцов, 1929: 312; Поппе, 1938: 34). Результатом редукции явилось разрушение фонологической системы гласных непервых слогов. Наиболее устойчивыми непервослоговые гласные оказались в бурятском, для которого, в целом, характерен замедленный, по сравнению с ойратскими языками, темп речи, что предохраняет их от редукции. Однако, как отмечают исследователи, для бурятского языка также характерна свойственная всем современным монгольским языкам тенденция к экономии произносительных усилий, выражающаяся в речи в редукции. Южнобурятские говоры, связанные своим происхождением с халхаским, в отношении редукции непервослоговых гласных «занимают как бы промежуточное положение между бурятским и халхаским: слабонапряженные гласные в непервых слогах подверглись в южнобурятских большей редукции, чем в собственно бурятских говорах, но меньшей сравнительно с халхаским» (Будаев, 1980: 75).

В ойратских языках, выделяющихся наибольшей временной структурированностью, отмечается значительная количественная редукция гласных. В калмыцкой речи вместо непервослоговых гласных стали произноситься гласные неопределенного качества, называемые неясными, относительно фонологического статуса которых не утихают споры. Однако в калмыцком слове консонантный состав сохраняется, в то время как в халхаском и в некоторых других языках конечные согласные неустойчивы, могут выпадать полностью конечные слоги (особенно показателен класс существительных с факультативным -н: *нар Ха*, *нарн Ка* «солнце» и т.п.). Среди диалектов ВМЯ выделяется ордосский меньшей степенью редукции непервослоговых: «во всех диалектах и говорах Внутренней Монголии (кроме ордосского, в котором заметна частичная редукция) они артикулируются неясно и подвержены редукции» (Тодаева, 1985: 17); «редукция конечных гласных очень слаба в ордосском» (Rona-Tas, 1960: 10); «гласные непервых слогов также редуцируются в ордосском, только редукция не такая сильная, как в халхаском» (Mostaert, 1927: 861).

В этой связи важным представляется то, что тенденция к редукции

непервослоговых гласных не прослеживается в языке исьык-кульских калмыков. Полногласие, отсутствие редукции резко отличает его от калмыцкого языка.

§ 2. Вероятно, редукция, разновидностью которой является стяжение комплексов ГСГ, была древнейшей и сильнейшей тенденцией в истории монгольских языков. В основе редукции лежало стремление к сохранению энергии и удобству артикуляции. В результате редукции упростилась слоговая структура слова через стяжение ГСГ > Г̄. Другим результатом этой тенденции явилось уподобление первослогового *е непервослоговому по лабиальности. Однако на этой стадии оторванность языка от центра инновации (могольский) и усиление редукции непервослоговых гласных (остальные) не способствовали полному развитию процесса. Редукция, возникшая еще в 13-14 вв., в языках развивалась «параллельно, но в бурятском она приостановилась уже в 17 в., в халхаском и калмыцком продолжалась» (Будаев, 1986: 10). Дальнейшее усиливавшееся обособление языков способствовало закреплению этих тенденций в языках и привело к крайней редукции непервослоговых гласных в калмыцком, в халхаском редукция затронула конечные слоги. В бурятском языке сохранились непервослоговые гласные, но их характеристики существенно отличаются от качества первослоговых гласных.

2.2.5. Изменения в группе согласных

§ 1. Процессы, происходившие в вокализме монгольского слова, не могли не отразиться на консонантной цепочке слов. Так, с переломом гласного *i связано развитие аффрикат. В памятниках, написанных на СПМЯ, как известно, зарегистрированы мягкие аффрикаты *ч, *дж. Затем ч, дж в положении перед любым гласным, кроме i, развились в твердые ц, дз. В современных языках полная система аффрикат не сохранилась, за исключением халхаского, в котором отмечают все четыре смычно-щелевые: ч, дж, ц, дз. В ойратских регистрируются только три аффрикаты: ц, ч, дж, поскольку дз развилась в спирант з. Исключение составляет язык исьык-кульских калмыков, в котором отсутствует ц; на основании этого, согласно условному делению Г.Д.Санжеева, он может быть отнесен к шипящим языкам, в то время как остальные ойратские языки вместе с бурятским и халхаским - свистящим.

В бурятском и его традиционных диалектах на месте аффрикат стали употребляться спиранты с, ш, з, ж. Необходимо учесть то, что бурятские диалекты неоднородны. Фонетически обособляются цонгольский и сартульский, носители которых позже остальных бурятских родов переселились из Халхи. В этих говорах, а также в хамниганском «употребля-

ются аффрикаты *ч, ц, дж, дз* и смычный *к*, нет перехода *с > h*, что позволяет определить их как переходный тип между халхаским и бурятскими диалектами» (Бураев, 1987: 20).

Изменения затронули и восточномонгольский язык, но стройной картины модификации аффрикат не дает ни один из его диалектов. В восточном говоре *дж* как перед *i*, так и перед другими гласными, остался без изменения, а *ч* дезаффрикатизировался, как в бурятском, в то время как в центральном и ордосском озвончился: *ч > дж*; в шилингольском говоре центрального диалекта вместо мягкой аффрикаты *дж* употребляется твердая *дз* (Тодаева, 1985: 24; 93; 120). Непоследовательность в развитии аффрикат в восточномонгольском языке можно объяснить, видимо, тем, что этот язык был менее тесно связан с остальными. К аналогичному выводу пришел Х. Курибаяси на примере перелома **i*.

Однако в языках имеются случаи нарушения общей схемы развития исконных аффрикат **ч, *дж*: аффрикаты, находившиеся в одинаковых условиях, дали разные рефлексy. Чем объяснить то, что *Jiryu* СПМЯ «рисунок» > *дзураг Ха, зург Ка, джурук О*, а *Jirum* СПМЯ «порядок» > *джурам Ха, джурум О, журм Ка, журам Бу*? Разнобой в развитии аффрикат как внутри языков, так и между языками был подробно проанализирован В.И.Рассадиным, показавшим, что разные рефлексy представляют собой результаты развития аффрикат на разных этапах их эволюции (Рассадин, 1982: 147).

§ 2. Таким образом, последовательное упрощение артикуляции, выразившееся в замене сложных в произносительном отношении звуков более простыми, наблюдается в бурятском и его традиционных диалектах. В ойратских говорах и хорчинском говоре восточномонгольского языка этот процесс охватил только один звук, в остальных говорах данного языка система аффрикат упростилась и представлена двумя: *дж, дз* (правда, в чахарском и ордосском в определенной группе слов исконная **ч* сохраняется). Исконная система аффрикат представлена в халхаском языке.

§ 3. В одном ряду с процессами, вызванными стремлением к экономии произносительных усилий, находится спонантизация смычного *к*, произошедшая в бурятском и во всех восточных языках, кроме, видимо, ордосского, где он неустойчив: сохраняется в анлауте, а в остальных случаях *к > х* (Рона-Тас, 1960: 15). «Фонетический закон спонантизации в той или иной мере касается почти всех монгольских языков, он является одним из универсальных внутренних законов развития их звукового строя, сыгравших существенную роль в становлении фонетического строя многих современных монгольских языков, особенно бурятс-

кого» (Бураев, 1987: 142). В западномонгольских языках сохранилась исконная смычная фонема *k*, что делает ее яркой фонетической приметой ойратского ареала монгольских языков. Сохранению *k* способствовало, по мнению исследователей, соседнее языковое окружение, в частности, тюркское (Цыдендамбаев, 1978: 92).

В калмыцком спирализация затронула увулярную *γ*: *yha Ka* < *uyadaqu* СПМЯ “мыть”, но: *uga Ka* < *ügü* СПМЯ “нет”. Однако она не наблюдается в ойратских говорах Западной Монголии, языке иссык-кульских калмыков, торгутском говоре калмыцкого языка.

§ 4. В рамках этого процесса можно рассматривать и развитие *q, k, t, č* > *ǰ, G, d, dž*. Одной из наиболее важных фонетических черт, обособляющих ордосский от других, является ослабление анлаутных *q, k, t, č* (соответственно там имеются: *ǰ, G, d, dž*) (Рона-Тас, 1960: 14; Тодаева, 1985: 120). В этом отношении ойратские диалекты едины с бурятским и монгольским, в которых сохраняются сильные согласные.

§ 5. Особняком в ряду изменений, произошедших под влиянием этой тенденции, стоит развитие *c > h* в бурятском. Яркой приметой, выделяющей бурятский и собственно бурятские диалекты, является переход *c > h* в анлауте и интервокале. Наличие *c > h* в языке эвенков, населявших прежде территорию Бурятии и длительное время контактировавших с бурятскими племенами, позволило И. Д. Бураеву выдвинуть гипотезу о возможном эвенкийском субстрате в бурятском языке. Однако, как отмечено В.И.Рассадиным, в эвенкийском *c > h* не везде: переход *c > h* характерен только для инлаута, в анлауте (перед гласными) и в ауслауте *c* сохраняется, в то время как в последней позиции в бурятском *c > d*. Кроме того, *c > h* типичен и для старобаргутского языка (Н.Н.Поппе называет наречие баргутов *h*-диалектом). Для старобаргутского характерны и другие черты, обнаруживаемые в Бу: развитие аффрикат в проточные, наличие мягких согласных фонем. Учитывая фонетические соответствия между языком баргутов и бурятским, а также свидетельства об их исторической связи, В. И. Рассадин предположил, что «эти языки издавна формировались и развивались в рамках их единого некоего праязыка; процесс *c > h* начался еще в их праязыке, еще до распада баргу-бурятской языковой общности; *h* был в прото-бурятском языке еще до переселения протобурят в Прибайкалье» (Рассадин, 1989: 176). Однако против столь отдаленной исторической датировки явления *c > h* выступают данные Ц.Б.Будаева: «В некоторых собственно бурятских говорах в отдельных лексических единицах и в настоящее время встречается раннемонгольское *c*, процесс перехода *c > h* до конца не закончился. Общемонгольский *c* (наряду с фарингальным *h*) спорадически

встречается в традиционном бурятском фольклоре» (Будаев, 1987: 15).

Данное соответствие, рассмотренное на фоне языковых взаимодействий или развития внутриязыковых тенденций, пока не получило корректного объяснения. Не следует игнорировать и предположение Г.Рамстедта о появлении $c > h$ под воздействием сдвига назад всей артикуляционной базы, что подтверждается отодвижением назад $\ddot{o} > ^\circ o$, $\ddot{y} > ^\circ y$.

§ 6. В целом, консонантизм ойратских языков мало изменился по сравнению с вокализмом. Согласные оказались более устойчивыми в отношении редукции, спирализации. Обратное характерно для бурятского и восточных языков: спирализовался $k > x$, кроме того, в бурятском $ч, ц, дж, дз > c$, $ш, ж, з$, ордосском ослабли сильные $k, q, t, \check{c} > \check{c}, G, d, d\check{z}$; в халхаском могут выпасть конечные согласные.

§ 7. Сделаем некоторые основные выводы.

1. Звуковая система монгольских языков складывалась на протяжении долгого времени, под влиянием интра- и экстралингвистических факторов. Те процессы, которые сыграли решающую роль в становлении фонетических систем северно-, западно- и восточномонгольских языков (редукция, умлаут, лабиальная ассимиляция, спирализация) не были синхронны в разных племенных диалектах, не получили полного завершения за редким исключением, о чем свидетельствует наличие слов, нарушающих общую схему даже в одном и том же диалекте. Не случайно Г.Дерфер заметил, что развитие монгольского языка часто странно и трудно объяснимо (Doerfer, 1964: 40). В качестве факторов, «тормозивших» или, наоборот, ускорявших тенденции можно назвать обособление и условия бытования языков, взаимодействие и наложение разных фонетических процессов, языковые контакты.

2. По сравнению с другими языками фонетическая система западномонгольских языков является более архаичной. Только в западномонгольских языках сохранились исконные \ddot{o}, \ddot{y} , употребление которых еще более расширилось в результате умлаута. Только в ойратских исконная фонема k сохранилась (в ордосском ее дистрибуция ограничена анлаутом). Определенную устойчивость проявили и аффрикаты. Консервативность фонологической системы западномонгольских языков проявляется и в том, что в ней не появились новые фонемы по сравнению с СПМЯ, в ней лишь произошла перестройка фонологической системы, причины которой до конца не выяснены. Рассмотренные выше изменения находятся в русле универсально-языковых: «общая тенденция - изменение по направлению к передней части полости рта, трудно произносимый звук заменяется более легко произносимым, слабость конца слова благоприятствует отпадению конечных согласных» (Серебрянников, 1974: 71). Какие

же именно внутриязыковые тенденции наложились на универсальные, сформировав в конечном итоге западно-, северно- и восточномонгольские системы, предстоит выяснить в будущем.

3. Напротив, в бурятском и восточномонгольских языках появился целый ряд мягких согласных фонем. В данном случае не учитываются заимствованные из других языков фонемы, так как они занимают особое положение в фонологической системе.

4. Если процесс образования долгих гласных из комплексов ГСГ имеет более или менее одинаковые результаты в бурятском, калмыцком, халхаском языках, то умлаут, спирализация протекали неравномерно, либо затронули в малой степени часть языков. Вероятно, с началом названных процессов происходит все большее отдаление языков, что в конечном итоге выразилось в формировании разных звуковых систем. Ойратские языки, носители которых пережили особенно бурную, порой трагическую историю и отделились от остальной массы монголов в разное время, шли по пути все большего обособления. Происходила консервация языковых фактов, так как языки оказывались неохваченными инновациями, происходившими в основной массе монгольских языков. Однако при всех имеющихся фонетических модификациях основная звуковая цепь слова во всех монгольских языках просматривается достаточно ясно.

2.3. Сингармонизм

§ 1. Явлением, непосредственно связанным с фонологической системой гласных, является сингармонизм. Выше говорилось о том, что именно состав гласных различает монгольские языки: только в западномонгольских языках сохранились исконные «мягкие» гласные **ö*, **ü*. Классификация гласных *ü*, *ö* в бурятском и халхаском неоднозначна: их относят к переднерядным (Рамstedт, 1908; Владимирцов, 1929; Ринчинэ, 1952), центральнорядным (Биткеев, 1978; Рассадин, 1982), продвинутым вперед гласным заднего ряда (Санжеев, 1960; Момоо, 1970). Важным представляется заключение В. А. Лобанова о принадлежности соответствующих гласных халхаского языка к заднерядным, которое было сделано в результате аудиторского и спектрального анализа (Лобанов, 1991). К аналогичному выводу на основе акустического анализа данных гласных в двух диалектах восточномонгольского и халхаского пришел Я.-О. Свантессон (Svantesson, 1985). Таким образом, закономерной становится постановка вопроса о типе гармонии гласных в северно- и восточномонгольских языках, так как в них изменилась фонетическая основа гармонии.

Кроме того, выше также говорилось о том, что в результате редукции именно в западномонгольских языках существенно изменились гласные непервых слогов, а это непосредственно связано с губной гармонией. В связи с этим совершенно необходимо остановиться на вопросах, связанных с сингармонизмом, так как сингармонизм, определяющий тембральную «настройку» слова, в конечном итоге обуславливает особенности просодической организации фразы в монгольских языках.

§ 2. Во всех пособиях по монгольским языкам отмечается, что в этих языках представлена палатальная гармония, суть которой заключается в том, что в одном слове не встречаются передне- и заднерядные гласные, за исключением *i*, который с точки зрения «сингармоничности» именуется нейтральным. Если это сравнить с монгольской лингвистической традицией, то обнаружится терминологическое расхождение. Переднерядные гласные здесь принято называть женскими, заднерядные - мужскими, а нейтральный *i* - средним, однако фонетическая база гармонии этого типа не определяется. Заметим, что монгольская терминология предпочтительнее, поскольку, будучи символической, не несет никакого фонетического содержания.

Передне-заднерядная гармония характерна для СПМЯ: палатальные *e, ö, ü*, непалатальные *a, u, o*, нейтральный *i*. В литературе постулируется существование этого типа гармонии гласных в современных языках, характерным является следующее утверждение: «гармония гласных классического монгольского языка фактически осталась без изменения в историческом развитии современных монгольских языков на протяжении последних 500 лет» (Odden, 1980: 280). Однако уже в СПМЯ гармония гласных заключала в себе следы неустойчивости, поскольку гласный *i* представлял собой результат слияния древнего **i* с **ĩ*, благодаря чему он стал нейтральным. Таким образом, уже в тот период было положено начало разложению классического противопоставления гласных по ряду: по мнению Ш.Хаттори, уже здесь были заложены основы для разрушения древнего типа гармонии гласных (Hattori, 1979: 317).

§ 3. Если же мы примем во внимание те диахронические изменения, которые происходили в вокализме монгольских языков, то будем вынуждены признать, что в современных языках представлены разные типы гармонии, поскольку фонетические основы гармонии в них неодинаковы. С этой точки зрения самым важным изменением является сдвиг назад по ряду гласных в северно- и восточномонгольских языках, за исключением ордосского, которым в западных соответствуют переднерядные гласные. Классы гармонии в ойратских языках сохранились без существенных изменений: палатальные *e, ä, ö, ü*, непалатальные *a, o, u*,

нейтральный *i*. Классы гармонии в халхаском возьмем за образец языка с изменившейся фонетической основой гармонии: нефарингальные (термин Я.-О.Свантессона) *e, ö, ü*, фарингальные *a, o, u*, нейтральный *i*. Конкретное фонетическое наполнение классов гармонии по языкам несколько отличается, но остается в рамках данных классов. Можно видеть, что «тип гармонии в калмыцком другой, чем в халхаском, чахарском и т.д.» (Hattory, 1979: 318). В ойратских языках, где сохранились переднерядные гласные классического типа, фонетическая основа гармонии гласных действительно осталась неизменной, то есть здесь представлена палатальная гармония. Заметим лишь, что в результате умлаута в западных языках изменились классы гармонии индивидуальных слов, например, *mөртэ* «с конем» Ка, *mөртэ* ЗМ, *морьтой* Ха, Бу < *montai* СПМЯ, ЗП, а тип гармонии тот же - палатальный.

Китайский лингвист Чингелтей рассматривает тип гармонии в восточномонгольском в других плоскостях - как напряженный/ненапряженный, что было поддержано Я.-О.Свантессоном. Ш. Хаттори, рассматривающий ее как открытую/закрытую, выдвинул гипотезу о том, что «диахронические изменения произошли от задне-/передней гармонии к открытой/закрытой и что это изменение есть шаг к разложению гармонии гласных» (Hattory, 1979: 316). Эти лингвисты констатируют, что характер гармонии в незападных языках иной, чем в западных.

Я.-О.Свантессон подверг акустическому анализу гласные халхаского, барин и шилингольского говоров восточномонгольского языка, основываясь на том, что система гармонии гласных в этих языках изменилась под влиянием сдвига назад переднерядных гласных. В результате спектрального и рентгеновского исследования он предположил, что гармония в восточномонгольских языках является фарингальной (Svantesson, 1985: 297). В отличие от ойратских, в восточномонгольских языках слова с историческим **i* сохранили свой класс гармонии, а изменилась фонетическая основа гармонии. Поэтому «те и только те слова, которые имели заднерядную гармонию в классическом монгольском языке, являются фарингальными в восточномонгольском» (Svantesson, 1985: 306).

Остается добавить, что необходимо исследовать спектральную картину гласных бурятского языка, для которого еще Г.Рамстедт устанавливал сдвиг артикуляционной базы назад, а современные исследователи устанавливают принадлежность *з, е, ү* к центральному ряду (Рассадин, 1982: 16; 18; 20). Только после исследования всех языков, в которых изменилась фонетическая основа гармонии, можно будет сделать вывод о типе гармонии. Однако то, что она не палатальная, - очевидно.

§ 4. Современные монгольские языки распадаются на языки с пос-

ледовательной губной гармонией (Ха, Бу, ВМЯ) и группу, для которой она не характерна. К последней относятся ойратские, а также монгорский, дунсянский, баоаньский, то есть островные языки. Не характерна она и для могольского языка. Однако, как известно, в записях Г. Рамстедта о часто фиксируется во втором и даже третьем слогах: *arbon* “десять”; но примеры: *dora* “внизу”, *oraxu* “входить” - свидетельствуют об отсутствии лабиальной ассимиляции в могольском языке. Объяснение этим фактам можно найти, если учесть иноязычное окружение: появление *o* в *emol* “седло”, *arbon* “десять” произошло под влиянием иранских языков (Владимирцов, 1929: 316; Котвич, 1962: 95; Кузьменков, 1986: 118). Могольские данные важны для подтверждения позднего развития лабиальной гармонии в монгольских языках.

§ 5. На наш взгляд, в истории лабиальной ассимиляции следует выделять два этапа: первый, ранний, зафиксированный в среднемонгольском; второй - более поздний, совпадающий, видимо, с усиливающейся дифференциацией монгольских языков. Следы первого этапа лабиальной ассимиляции прослеживаются в редуцированном, неустойчивом характере гласного, например, следующего западномонгольского слова: *олън, олун, олн* “много”. В калмыцком он подвергся дальнейшей редукции и выпал: *олн*. Первый этап лабиальной ассимиляции, характерный как для северно-, восточно-, так и западномонгольских языков, происходил в тот период истории монгольских языков, когда еще не начался процесс их дивергенции.

Однако процессы, происходившие в рассматриваемых языках в ранний период: переогласовка * *e* > *o*, стяжение комплексов ГСГ > \bar{G} , умлаут, не позволили развиваться лабиальной ассимиляции. Вместе с тем, «усиливающаяся агглютинация» усложняла морфемную структуру слова, требовалась надежная скрепа аффикса с корнем. Это усугублялось тем, что в некоторых языках изменилась фонетическая основа палатальной гармонии, что ослабляло ее. На этой стадии усиливается старый, действовавший прежде процесс - лабиальная ассимиляция.

Для подтверждения верности изложенного очень ценны некоторые особенности ойратского Тодо бичиг. Как известно, в Ясном письме гласные *o/ö* последовательно отмечались в последующих слогах: *örö* > *örüge* СПМЯ “комната”; *ölon* > *ölung* СПМЯ “голодный”. Видимо, Тодо бичиг зафиксировал этот процесс. Г.Д.Санжеев предлагает иную интерпретацию фиксации *o/ö* в непервых слогах в Тодо бичиг. Он полагает, что непервослоговые гласные в тот период носили неясный характер, поэтому на их месте обозначали тот гласный, который был в предыдущем слоге. С этим трудно согласиться по двум причинам. Во-первых, Тодо бичиг был со-

здан для более ясного отражения звукового состава слова, благодаря чему вошел в историю как Ясное письмо, в отличие от полифоничного «неясного» старомонгольского письма. Поэтому отражение на письме не того звука, который там на самом деле имел место, противоречило бы «принципу ясности» Зая-пандитского письма. Во-вторых, хотя редко, но в текстах на Тодо бичиг встречаются случаи, нарушающие названный принцип. Это свидетельствует о том, что Тодо бичиг зафиксировал период, когда в западно-, как и в северно-, и восточномонгольских языках утвердилось лабиальная ассимиляция, но уже начинается ее нарушение. На этом этапе появляются ойратские *ора* "вечер" Ка, ЗМ, *орой* Ха, Бу > *oroj* СПМЯ, ЗП; *модар* "деревом" Ка, ЗМ, *модор* Ха, Бу и т. д. Оно усиливается в последующие периоды, сопровождавшиеся все большим обособлением западномонгольских языков. Разрушению лабиальной ассимиляции на этот раз способствовала сильная редукция непервослоговых гласных, характерная для ойратских языков (Кузьменков, 1986: 123).

§ 6. Редукция не единственная причина разрушения лабиальной гармонии в западномонгольских языках. Как показывает анализ, в ойратских языках сохранился старый тип гармонии - палатальный. В северных и восточных языках тип гармонии изменился, и, видимо, разрушение старой фонетической основы палатальной гармонии спровоцировало усиление в этих языках лабиальной. В начальный период усиления губной гармонии этой тенденцией были охвачены и ойратские языки, что нашло отражение в Тодо бичиг. Постепенное ослабление связей с теми языками, в которых господствовала данная тенденция, редукция, а также то, что палатальная гармония в этих языках не ослаблялась, не способствовали ее утверждению в западномонгольских языках.

Таким образом, лабиальная гармония укрепилась в тех языках, в которых ослабла палатальная и изменилась ее фонетическая основа. Она не получила развития и разрушилась в тех языках, в которых сохранилась старая палатальная гармония. Лабиальную и палатальную гармонии следует рассматривать не отдельно, а связно: они едины функционально (служат скрепой в многосложном слове), едины по технике (подчинение вокализма непервых слогов гласному первого слога слова). Именно функциональное тождество позволяет им выступать в языках то в связке, то порознь, что особенно ярко проявляется на материале данных языков.

2.4. Некоторые замечания о супraseгментных особенностях монгольских языков

2.4.1. Интонационные различия монгольских языков

§ 1. Темп речи является наиболее часто называемым исследователями интонационным признаком, различающим монгольские языки. Одним из первых на темп речи обратил внимание А.Д.Руднев. Он писал: «Из всех известных мне монгольских племен медленнее всего говорят буряты. У них значительна разница между долгими и краткими звуками. Первые они выговаривают как бы с особым удовольствием, останавливаясь на них и затягивая» (Руднев, 1911: 194). Исследователь дербетского говора Монголии Э.Вандуй отмечает замедленный темп речи дербетов по сравнению с халха (Вандуй, 1976: 22). На отличие говора волжских дербетов от кобдоских указывал Б. Я. Владимирцов (Владимирцов, 1929: 11). Н.О.Очилов обратил внимание на то, что «...торгутская речь отличается от дербетской силой и энергичностью, изобилует эмфатическими долготами и усилениями на отдельных слогах, чего не заметно у дербетов, которые говорят вяло и медленно» (Очилов, 1913: 83).

Исследователей калмыцкого языка и людей, не знающих его, поражал необычно быстрый темп речи. Г.Лыткин объяснял непривычное для «русского уха» интонационное оформление калмыцкой речи экстралингвистическим фактором - образом жизни его носителей: «...живость, необычайная сжатость, удивительная беглость и кипучесть живого говора ойратов вполне выражали их жизнь, кипучую и деятельную, и бдительность от нападения врагов» (Лыткин, 1859: 11). Проведенный нами анализ показал, что временная структурированность калмыцкой речи проявляется и в речи калмыков на русском языке (Есенова, Олядыкова, 1986).

Некоторые исследователи пытались установить причину появления подобных различий. Чаще всего они связываются с иноязычным влиянием. А. Д. Руднев отметил, что у восточных монголов «темп речи, ритм, интонация совершенно не те, что у всех остальных монгольских племен. Особая певучесть речи, скандирование и привычка говорить короткими выражениями при чрезвычайной быстроте резко отличают восточных от других монголов» (Руднев, 1911: 231). Заметим, что А.Д.Руднев - один из немногих лингвистов, учитывавших интонационные различия при классификации языков.

Хорошо воспринимаемые на слух интонационные различия речи представителей разных монгольских племен, живущих в разных условиях, рассматриваются как результат иноязычного влияния. Так, у монголов Внутренней Монголии «интонация у многих совершенно китайская, так что, не зная, на каком языке говорят и слыша издали речь восточных

монголов, можно думать, что говорят по-китайски» (Руднев, 1911: 194). По мнению И.Д.Бураева, монотонность, замедленный темп речи являются прямым следствием длительных языковых контактов предков современных бурят с эвенками. А.Попов, пытавшийся установить причину отличия калмыцкого языка от халхаского, полагал, что важнейшей является влияние тюркских племен: «...они переняли некоторые обычаи, смягчили грубое свое наречие и даже пересадили в свой язык множество тюркских слов, ... влияние тюркского племени здесь (на Волге - Т. Е.) не только не ослабло, но еще более проникло во внутреннюю жизнь калмыков. Вот причина той разности в наречии и в некоторых обычаях, которые существуют между калмыками и монголами» (Попов, 1839: 42).

§ 2. Данные, представленные в данной главе, показывают, что современные монгольские языки имеют разные типы фонологических систем, которые сложились в результате взаимодействия экстра- и интралингвистических факторов. Языки можно объединить в три типа: западно-, северно- и восточномонгольские типы. Северномонгольский языковой ареал характеризуется «сдвигом» согласных, здесь значительные изменения произошли в консонантизме: появились палатализованные согласные фонемы, спонантизация охватила систему аффрикат и исконную смычную фонему k ($k > x$), яркой приметой является переход $c > h$, не наблюдаемый ни в одном другом монгольском языке.

Северно- и восточномонгольские языки объединяет ряд явлений: в обеих группах языков произошли отодвижение назад исконных $\ddot{o} > *o$, $\ddot{y} > *y$, а также спонантизация $k > x$ и палатализация согласных. Отличительной чертой восточных является определенная устойчивость аффрикат: только в этих языках представлена вся система смычно-щелевых; их также выделяет неустойчивость конечных согласных и даже целых слогов, которые могут выпадать. Объединяет эти две группы языков также и тот факт, что в них действуют и более жесткие законы сочетания гласных в слове.

В ойратских языках слово более гибко, следовательно, оно может реагировать на изменение коммуникативного задания высказывания. В этих языках согласные оказались более устойчивыми: в них сохранилась исконная смычная фонема k , спонантизировалась только одна аффриката $d\ddot{z} > z$. В западно-монгольских языках произошла перестройка вокализма слова под влиянием $*i$, но это не привело к изменению качества гласных - только расширилось употребление \ddot{o} , \ddot{y} . В целом, фонологическая система ойратских языков более архаична. Ордосский диалект выделяется на фоне других диалектов восточномонгольского языка сходством с западномонгольскими языками: как и в ойратских, там произошло опереднение гласных под влиянием $*i$, в анлауте сохраняется k .

Слуховые наблюдения и имеющиеся в литературе замечания об интонационных особенностях отдельных языков показывают, что различия не ограничиваются сегментными характеристиками, а касаются и супraseгментной организации. Предстоит выяснить, каким образом универсальные интонационные средства накладываются на разные сегментные последовательности монгольских языков.

2.4.2. Особенности просодического оформления эпоса «Джангар»

§ 1. Первоначальной и единственной формой существования и передачи эпоса была устная речь. Джангарчи передавали свои традиции из уст в уста, особое внимание уделяя просодическому рисунку эпоса. Это способствовало созданию специфической просодики «Джангара», которая складывалась и совершенствовалась наряду с содержанием и другими языковыми средствами. О том, насколько важно было соблюдение специфического интонирования эпоса, свидетельствует замечание В.Л.Котвича, одного из тех, кто слышал «Джангар» из уст знаменитого сказителя Ээлян Овла. «Мелодика, которая играла в искусстве джангарчи наибольшую роль, вообще с трудом поддавалась усвоению. Легче было запомнить слова песни, чем овладеть мелодией, а именно ее воспроизведение и решало вопрос о достоинствах джангарчи» (Котвич, 1958: 198). На слушателя поэма производила сильное впечатление. Она воздействовала одновременно на ум, эмоции, слух. Усилению впечатления способствовала и та обстановка, в которой исполнялся «Джангар»: «...сеанс начинался вечером, в присутствии многочисленных слушателей и имел характер какого-то культового акта» (Котвич, 1958: 199). Понятно, что изучение интонирования «Джангара» так же важно, как и исследование лексических, грамматических, художественных и других достоинств эпоса. Это важно и для сохранения традиций джангарчи в будущем. Пока делаются лишь первые шаги на этом пути.

Так как эпос относится к тем образцам устного творчества, которые складывались и шлифовались на протяжении долгого времени и особая форма реализации которой была обязательной, то есть со временем она архаизировалась, то закономерна постановка вопроса об отражении в его просодике интонационной организации языка. Ниже мы приведем результаты слухового анализа одной из песен эпоса - «Песни о поединке Хонгора с Догшн Мангна-ханом» - в исполнении сказителя Батаева Д.Н.

§ 2. Основной интонационно-смысловой единицей выступает синтагма. Количество слогов в синтагме является не твердым, встречаются

синтагмы, состоящие как из 5, 6, 7, так и из 12, 13, 15 и более слогов. Определенная свобода слогового наполнения строки, ритм которой создается не последовательным чередованием ударных и безударных слогов, а иными законами, образует необычную ритмику поэмы. Она и составила, по свидетельству автора русского поэтического перевода С.И.Липкина, основную трудность. К сожалению, принципы калмыцкого стихосложения остаются неисследованными.

В анализируемом отрывке наибольшую нагрузку несут такие компоненты, как длительность, интенсивность, пауза. В меньшей степени используются мелодические перепады. Это образует своеобразный настрой, совершенно не похожий на ритмику, например, русского стиха. С.И.Липкин отмечает: «Ритм поэмы долгое время оставался для меня загадочным. Сколько я ни вчитывался в подлинник, я никак не мог уловить стихотворный размер. Мне даже порой казалось, что памятник написан не стихами, а прозой» (Джангар, 1978: 372).

В «Джангаре» основной компонент интонации – частота основного тона (ЧОТ) -, благодаря которому речь приобретает плавность, мелодичность, менее загружен. В отрывке о схватке Хонгора динамизм сюжета, быстрая смена действия передается временными и динамическими параметрами интонации. При этом временной компонент способствует созданию особого ритма: как правило, внутри одной синтагмы длительность слогов одинакова, песня в целом исполняется в быстром темпе. Длительность звуков очень мала, что отражает характерный для калмыцкого языка убыстренный темп речи. На фоне быстро сменяющихся звуков особо действует на слух, производит необычное впечатление удлинение одного из слогов в синтагме. Удлинение характерно для инициального, либо второго или третьего слога от начала и самого последнего, носителя синтагматического ударения. Такое распределение длительности - быстрый темп и удлинение одного из слогов - одна из ярких, запоминающихся особенностей «Джангара».

Другой темпоральный компонент - пауза - также имеет свои закономерности распределения. Хотя считается, что пауза - самый не поддающийся заданности компонент интонации, появление которого тесно связано не только с семантикой текста, но и с условиями речи, наш анализ показывает, что паузация «Джангара» строго подчиняется сложившейся традиции. Так как отличительной чертой «Джангара» является высокий темп, небольшая длительность звуков, то и средняя длительность паузы невелика. Звуки, входящие в одну синтагму, объединяются как единым динамическим, мелодическим контуром, так и паузами, появляющимися

ся на границах синтагмы. Внутри синтагмы логические паузы, как правило, не имеют места. Паузы - показатели границы синтагмы - также имеют небольшую длительность. Так как паузы, являющиеся неотъемлемой частью любого текста, зависят от того, что, когда, кому, при каких условиях, в каком состоянии и т.д. говорится, то в обычном тексте они менее всего предсказуемы. Однако при исполнении «Джангара» действовали несколько другие обстоятельства. Дело в том, что об искусстве джангарчи свидетельствовало то, как они владели вниманием слушателей. Излишняя насыщенность речи паузами снижает качество ее, затрудняет понимание, поэтому паузация «Джангара» строго упорядочена. Раз овладев вниманием слушателей, сказитель держал их в постоянном напряжении. Необычная обстановка, неповторимость просодики, сказочный сюжет - все должно было оторвать кочевников от повседневных забот тяжелых будней, дать столь необходимый отдых их душам. Поэтому постоянное нарастание динамизма сюжета, его величие заставляли джангарчи избегать каких бы то ни было остановок в речи. Этой цели была подчинена темпоральная организация поэмы.

Динамический компонент не характеризуется резкими подъемами и падениями внутри одной синтагмы. Если перепады интенсивности незначительны внутри одной синтагмы, то начало и конец - зоны изменения. В начальной зоне амплитуда имеет тенденцию к повышению, а в последнем слоге она может резко возрасти, создавая значение незавершенности или, наоборот, уменьшиться. Внутри синтагмы на выделенном слогем семантически важного слова отмечается повышение интенсивности. Таким образом, динамический диапазон не очень широк, амплитуда варьирует не в большом интервале. Отметим то, что и эта динамическая характеристика «Джангара» отражает свойственную калмыцкому языку интонационную особенность.

Выше уже говорилось о том, что мелодический параметр интонации используется в меньшей степени по сравнению с двумя другими. Изменение мелодического компонента характерно для конца синтагмы. Чаще всего синтагма начинается на среднем тоне, в середине синтагмы гласные монотонны. Повышение тона внутри синтагмы может быть на наиболее важном слове, на котором одновременно повышается длительность и интенсивность звука. Такое мелодическое завершение напоминает мелодику калмыцких старинных «ут дун». Описанное выше распределение параметров интонации образует незабываемый просодический рисунок и служит созданию образов могучих богатырей, описанию их боевых подвигов.

§ 3. «Джангар» - героический эпос. Главная тема - ратный подвиг. Этой семантикой задана вся просодика поэмы. Здесь наибольшая нагрузка приходится на те компоненты интонации, которые создают впечатление динамизма. Однако слуховой анализ показывает, что в повествованиях другого плана: поэтическом описании страны Джангара Бумбы, его красавицы-жены Ага Шавдал - используются эти же интонационные средства, распределение их остается почти без изменения. Возможно, просодическая форма эпоса, постепенно архаизировавшись, стала такой же обязательной, как передача сюжета определенными языковыми средствами и, по-видимому, отражает характерное для языка в целом распределение просодических средств.

§ 4. Таким образом, подводя итоги изложенного в настоящей главе, подчеркнем, что интонация является важным средством реализации смысла звучащего высказывания. Интонационные средства, универсальные по физической природе, составу, в процессе реализации приобретают индивидуальный характер. Степень «индивидуализации» зависит от специфической организации слова и высказывания в данном языке.

Монгольские языки отличаются от хорошо описанных индоевропейских языков не только принципами строения словосочетания и предложения, но и устройством слова. В связи с этим в задачи исследования входит изучение того, как универсальные интонационные средства накладываются на специфическую организацию монгольского слова, агглютинативного по морфологическому характеру и «равномерного» по тембральной настройке.

Глава 3. МАТЕРИАЛ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Принципы составления и исследования экспериментального материала

§ 1. Слуховой анализ свидетельствует о заметной монотонности интонационного оформления монгольской фразы, такое же мнение можно встретить в тех немногочисленных свидетельствах, которые имеются в литературе. На наш взгляд, основной причиной, вызывающей некоторое единообразие просодического оформления монгольской фразы, является сингармонизм. Поэтому описание интонационной системы монгольских языков, как и любого другого сингармонического языка, невозможно без учета явления, создающего предпосылки для появления супрасегментных особенностей этих языков.

§ 2. Современное состояние исследований интонационных систем сингармонических языков таково, что, с одной стороны, практически во всех работах, выполненных по этой проблематике, существуют предположения о большой роли сингармонизма в формировании просодии фразы, а с другой - совершенно неисследованным остается механизм реализации сингармонизма в речи. Полностью неизвестно, за счет чего образуется столь характерная для этих языков монотонность речи, участвуют ли в ее создании все или только отдельные компоненты интонации, какова специфика их распределения на протяжении фразы. В работах в лучшем случае приводятся данные экспериментально-фонетического анализа параметров интонации, создающие общее представление о характере их распределения во фразе. Подобная ситуация является следствием взаимодействия двух факторов. Во-первых, в фонетике не предпринималось серьезное исследование организации просодической структуры сингармонических языков. Идеи о принципиальной роли сингармонизма в «туранских» языках, восходящие к И. А. Бодуэну де Куртенэ, или забывались, или критиковались, а настоящее признание и развитие они получают только в последнее время. Во-вторых, отсутствует методика, которая позволила бы с достаточной надежностью анализировать данное явление. Ни в одной из работ не предлагается набор таких способов, которые устанавливали бы механизм реализации сингармонизма.

Необходимость исследования упомянутого явления определяется тем, что без этого нельзя понять просодическую организацию сингармонических языков. Важность для общего языкознания исследования сингармонизма, порождающего новые проблемы перед лингвистикой, служит основанием для проведения подобных работ.

§ 3. В качестве такого метода нами используются приемы математической статистики, так как они позволяют устанавливать не только средние значения признака, но и степень их вариативности. А, как известно, зависимость характеристик одних гласных от характеристик других составляет суть сингармонизма. Анализируя характер разброса просодических признаков от средних значений, мы можем проследить за механизмом реализации сингармонизма в условиях фразы.

Сингармонизм, не «будучи суперсегментом» (Бертагаев, 1968: 107), участвует в создании интонационной специфики монгольских языков, поскольку создает условия для сохранения однородного тембра в слове. Гласные в пределах одной словоформы, будучи «настроенными» по ряду и огубленности, конечно, не могут полностью повторять физические характеристики гласного первого слога. Так как гласные могут находиться в разных фонетических условиях, в разных фразовых позициях, они различаются по своим объективным показателям. Однако, как будет показано в соответствующих разделах работы, просодические характеристики тем не менее обладают малой изменчивостью. А так как эта черта не может быть отнесена на счет сегментных и позиционных различий (наполнение и структура фраз максимально сходны), то она может быть связана только с особенностями просодической организации Монгольских языков. Этому способствует также и тот факт, что в монгольском слове нет качественной редукции, то есть нет безусловного доминирования одного из слогов над другими.

В соответствующих разделах работы мы покажем, что монгольские языки различаются спецификой варьирования просодических признаков: одни языки характеризуются большей, а другие - меньшей степенью изменчивости, что находится в прямой зависимости от проявления сингармонизма в этих языках. Просодика фразы в монгольских языках развертывается в таких условиях, при которых гласные в одной словоформе предопределены иметь одинаковые качества и ни один из слогов не доминирует над другими, создавая условия для редукции остальных. Следовательно, нет и того резкого контраста между гласными, столь характерного для языков со словесным ударением. Наоборот, гласные незначительно различаются по физическим признакам; различия обусловлены не разноударностью и природной «разнокачественностью» гласных слова, а в основном позицией, в которой оказывается гласный. Таким образом, для монгольского слова характерна совершенно иная фонетическая организация - его части соединяются неорганически, они менее слитны. Основным средством его цельноформленности является сингармонизм, а равномерное произношение

слогов - источник появления интонационных особенностей монгольских языков.

§ 4. Пожалуй, теоретически наиболее сложным, но важным для интонологической практики является вопрос о единицах исследования. Хотя изучение интонации имеет уже сложившуюся традицию, проблема выделения интонационных единиц, определения принципов их вычленения стоит довольно остро. Существует несколько подходов к решению этого вопроса. Одно из грамматических направлений исследования, представленное в англистике М. Халлидеем (Halliday, 1970), русистике - Е.А. Брызгуновой (Брызгунова, 1969; 1977), тюркологии - А.Н.Нурмахановой (Нурмаханова, 1966), монголистике - Э.И.Бюраевой (Бюраева, 1986), в основу анализа ставит предложение и смыслоразличительную функцию интонации. Э.И.Бюраева в бурятском языке выделяет пять типов интонационных единиц исходя из оппозиций предложений, в которых члены оппозиции независимы и несовместимы в одном контексте. ИК-1 употребляется в повествовательном предложении. ИК-2 используется в обращениях, для выражения просьбы, требования, желания, досады. ИК-3 участвует в выражении собственно вопроса, повторного вопроса, переспроса и в незавершенном высказывании. ИК-4 употребляется в вопросительных предложениях, выражающих противопоставление предшествующему высказыванию; при подчеркивании противопоставления, категоричности, утверждения, удивления, вызова. ИК-5, используемая ограниченно, выражает высокую степень качества (Бюраева, 1986: 118-123). Однако, как еще в 1930 г. отмечал А.М.Пешковский, «простое безоговорочное включение признаков фразовой интонации в общий запас синтаксических признаков...так же неосторожно, как и полное изгнание ее из синтаксиса. Грамматические функции ее все же эпизодичны для нее, случайны, не связаны с ее основной природой» (Пешковский, 1930: 98; 108). В 1979 г. вновь было замечено Л.Р.Зиндером: «...интонация лишь косвенно выражает синтаксическую роль того или иного слова или синтагмы» (Зиндер, 1979: 272).

Важно отметить тот факт, что единицы интонационно-смыслового членения могут не совпадать с синтаксическими конструкциями. Это обусловлено тем, что в потоке речи фразы не имеют, как правило, четко обозначенных границ. Кроме того, существование разных типов синтаксических конструкций вовсе не предполагает существование свойственного только какой-то одной из них интонационного типа, что было показано Т.М.Николаевой на материале славянских языков (Николаева, 1969). Экспериментально-фонетические исследования показали как то, что одной синтаксической конструкции может соответствовать несколько акус-

тических вариантов, так и то, что различные синтаксические структуры могут получать сходное акустическое оформление (Бондарко, 1977; Галеева, 1973). Основной тезис интонационных работ 50-60 годов о том, что «каждый тип синтаксических отношений должен обязательно иметь свой собственный интонационный коррелят», сменился провозглашением того, что «этот параллелизм необязателен и что интонационный слой обслуживает свои автономные смысловые проблемы и обладает набором собственных средств для решения. Тогда центром интонационных исследований стал поиск смысловых категорий, передаваемых интонацией как таковой» (Николаева, 1983: 144). Это означает то, что интонация выражает лишь общие категории, а не конкретные отношения внутри предложений или между предложениями, она участвует в выражении не всех синтаксических и не только синтаксических категорий (Щерба, 1939; Пешковский, 1956; Гвоздев, 1963; Николаева, 1969; Светозарова, 1982). Именно этим объясняется невозможность установления таких интонационных единиц, которые соответствовали бы единицам синтаксическим (Brown et al., 1980). Сказанное выше не отрицает взаимосвязи интонации и синтаксиса, а лишь подчеркивает соотносительность, но не симметричность этих двух явлений. «Эта соотносительность определяется тем, что интонация, наряду с синтаксисом и во взаимосвязи с ним, служит для выражения смысловых отношений между элементами высказывания» (Черемисина, 1989: 27).

Существует еще один подход к описанию интонации монгольских языков. Он предпринят на материале халха-монгольского языка Н. Н. Поппе. Автор исходит из сложившейся в американской лингвистической традиции анализа от формы к функции и выделяет три типа интонации: нисходящий, восходящий и ровный. По мнению Н. Н. Поппе, нисходящий тип интонации (—) является характеристикой повествовательных предложений, восходящий (_ →) - вопросительных, ровный - восклицательных. В повествовательных предложениях интонация бывает либо падающей, либо падающе-ровной, интенсивность в начале предложения больше, чем в конце. При нисходяще-ровной интонации интенсивность, будучи более высокой в начале предложения, падает, но после понижения сохраняет ровный уровень; этот тип интонации показывает, что предложение не кончилось. Если при первой разновидности нисходящей мелодики рисунок интенсивности может быть представлен следующим образом — __, то при второй он имеет иной вид: _ — ___.

Мелодика вопросительных предложений, по Н. Н. Поппе, может быть либо восходяще-нисходящей, либо восходящей. Восходящая интонация характерна для предложений, в которых вопрос относится к сказуе-

мому. Здесь сказуемое всегда принимает вопросительную частицу *wh*. В отрицательных вопросительных предложениях сказуемое принимает отрицательную частицу *gní*, к которой добавляется вопросительная частица *wh*. Оба аффикса соединяются: *gníwh*. Интонация восходящая, с большой интенсивностью на последнем ударном слоге. Восходяще-нисходящая интонация характерна для предложений, которые содержат вопросительное слово. В таких предложениях интенсивность, будучи высокой на ударном слоге вопросительного слова, снижается по направлению к сказуемому, то есть к концу. В восклицательных предложениях интенсивность сохраняет ровный уровень на всех ударных слогах; ударение более сильное, чем обычно (Porpe, 1970: 157-158).

Чисто фонетический критерий выделения интонационных единиц, широко распространенный в английской традиции (Г.Суит, Д.Джоунз, Г.Пальмер, И.Уорд, Л. Армстронг, Дж. О'Коннор, Н.Н.Поппе), как и чисто синтаксический, не может быть признан приемлемым, так как звучащая фраза представляет собой взаимодействие всех уровней языка одновременно. Важно то, что «интонация не дублирует грамматические и лексические значения, она обладает собственными различительными возможностями: более детально дифференцирует коммуникативно-эмоциональные типы высказывания, более обобщенно и «глубинно» выражает типы связи между предложениями и их частями, придает слову ту или иную степень важности и новизны» (Светозарова, 1983: 159).

Разные подходы к выделению интонационных единиц вызваны сложным характером интонации, ее вариативностью: «...видимо, ни в одной области языка нет такой широты варьирования, как в интонации. Эта особенность долго препятствовала вычленению дискретных единиц интонации» (Торсуева, 1979: 68). Можно согласиться с Л. Р. Зиндером в том, что «...вопрос об интонационных единицах остается еще теоретически не разработанным, поэтому нет и ясных критериев их различения. И дело здесь не в авторских недоработках, а чрезвычайной сложности и многогранности самого объекта исследования - интонации живого языка» (Зиндер, 1979: 272).

Обобщая сказанное выше, можно отметить, что единой и непротиворечивой классификации интонационных единиц, которую можно было взять за основу, на сегодня нет. Это наблюдается в описаниях интонации разных языков, что отражает в какой-то степени положение дел в исследовании интонации. Актуальными до сих пор остаются слова Л.В.Бондарко и Л.Р.Зиндера: «...вопрос о существовании суперсегментных и просодических единиц (именно единиц, образующих систему) в настоящее время нельзя считать близким к решению. Сказанное относится к

тому, что сейчас принято называть ИК, интонемами и т.п. Хотя, с одной стороны, число их в языке, по-видимому, ограничено, обнаружить их самостоятельность и системность их организации весьма трудно» (Бондарко, Зиндер, 1974: 152).

§ 5. При выделении интонационных типов мы учитываем три разных критерия, характеризующих один и тот же объект - интонацию - с разных сторон: функциональный, семантический, формальный. При этом под интонационным типом мы, вслед за Н.Д.Светозаровой, понимаем наиболее употребительные, обобщенные для данного языка интонационные модели, связанные с основными языковыми функциями интонации (Светозарова, 1983: 180).

По Л.Р.Зиндеру, в интонации следует различать два аспекта - коммуникативный и эмоциональный, последний в данной работе не анализируется. Коммуникативный аспект проявляется при реализации четырех основных функций интонации, на которых основано выделение интонационных типов. Важнейшей считается «функция организации и членения речевого потока в соответствии со смыслом передаваемого сообщения. Она универсальна: любая речь является интонационно расчлененной и интонационно организованной» (Светозарова, 1983: 29). Эта функция вместе с функцией оформления коммуникативных типов высказываний реализуется в каждой фразе (Danes, 1960). Выделение таких типов интонации, как незавершенный, завершенный с выделением, основано на следующих функциях интонации: выражение отношений между интонационно-смысловыми единицами (Николаева, 1979; Светозарова, 1982) и градация элементов высказывания по степени важности (Щерба, 1953; Торсуева, 1979; Светозарова, 1982; Danes, 1960). Можно предположить, что универсальный характер названных выше функций интонации обуславливает и универсальный характер тех интонационных единиц, которые служат их реализации. В интонологии нет терминологического единства: существуют разные названия для обозначения этих единиц. Наиболее приемлемый термин, интогема, также не является общепризнанным.

Итак, в качестве типов интонации, которые используют и различают носители современных монгольских языков, были взяты завершенная интонация, интонация вопроса, интонация незавершенности, которую Н.С.Трубецкой называл предупредительной (Трубецкой, 1960: 249). В материал вошли также предложения с особым выделением одного из компонентов предложения.

Содержанием категории завершенности-незавершенности является смысловая законченность или незаконченность высказывания, которая

определяется возможностью коммуникативной автономности; полная или неполная реализация замысла говорящего. Вопрос направлен на ликвидацию пробела в знаниях говорящего. В зависимости от того, чего касается незнание - всей ситуации или какого-то компонента -, он может быть оформлен по-разному: лексически, грамматически и интонационно. Универсальность передаваемого им значения обуславливает понятность вопросительной интонации даже при незнании языка. Выделенность соотносится с емой важного-менее важного в передаваемой говорящим информации. Чаще всего выделенность связывается с актуальным членением: она сопровождает ремю. Однако, как показано в исследовании Т. М. Николаевой, спектр значений акцентного выделения, разновидности категории выделенности, гораздо шире (Николаева, 1979; 1982).

§ 6. Что же касается формальных средств, служащих реализации основных интонационных единиц, то здесь также существуют некоторые общие закономерности. Д. Болинджер в специальной статье, посвященной этой проблеме, отмечает, что тенденция к конечному понижению тона универсальна во всех языках, как тональных, так и нетональных (Болинджер, 1972). Оформление общего вопроса восходящим тоном, а утверждения - нисходящим, наблюдаемое в самых разных языках, дало основание для предположения, согласно которому носители разных языков одинаково понимают тональные изменения (Bolinger, 1978: 515), и обоснования этологической концепции универсалий (Ohala, 1983; 1984). Известно и другое, физиологическое, объяснение этого явления, предложенное Ф. Либерманом. Согласно ему, нисходящий тон связан с падением подсвязочного давления к концу высказывания, а восходящий - с работой мышц гортани (Liberman, 1967: 31; 38).

Определенным сходством в разных языках характеризуется вопросительная и незавершенная интонации: «Незаконченность ... сообщает нам, перемещая высокую мелодическую точку (пик) с середины в конец высказывания, что данная фраза не завершена, то есть некоторым образом представлена в виде вопроса, предполагающего ответ собеседника, тем самым заканчивающего произносимый текст» (Болинджер, 1972: 228). Однако, в отличие от незавершенного, вопросительный тип находится в отношениях компенсации с лексико-грамматическими средствами, что дало основание А.М. Пешковскому выдвинуть «принцип замены», на проверку которого был направлен ряд экспериментально-фонетических исследований (Николаева, 1969; Петер, 1955; 1961).

Выделение семантически важного в разных языках достигается одинаково - увеличением значений нескольких просодических параметров (хотя состав и степень усиления по языкам не совпадают, образуя слои

языковой специфики). Эти и некоторые другие сходства в реализации одних и тех же интонационных значений дали основание исследователям заметить, что из всех аспектов языка именно интонационные категории наиболее близки к универсальности (Николаева, 1977; Болинджер, 1972; Bolinger, 1978). Среди причин, обуславливающих этот параллелизм, интонологи называют общечеловеческий характер устройства речевого аппарата-источника речи; ограниченность параметров интонации, линейный характер звуков речи и супraseгментный характер интонации, единство ее функций, вытекающее из лингвистического статуса интонации (Николаева, 1977; Торсуева, 1979; Дубовский, 1979; Светозарова, 1982; Liberman, 1967).

§ 7. Требования к сегментному составу выполнялись в результате специального подбора материала исследования (максимальное лексическое сходство анализируемых фраз), во всех случаях структура высказываний одинакова: тема предшествует реме. В целом, большое лексико-грамматическое сходство монгольских языков позволило составить максимально совпадающий по структуре, набору единиц и семантике экспериментальный материал.

Основой при построении экспериментального материала послужили ключевые слова, представляющие собой наиболее распространенные в монгольских языках ритмические структуры: —, — —, — — —. В первой серии эксперимента ключевые слова начитывались дикторами изолированно, так что каждое из них образовывало отдельное предложение или синтагму. Тот или иной тип мелодики задавался дикторам знаком препинания.

Во второй серии эксперимента ключевые слова произносились в составе предложений, занимая в них строго определенное место. Взаимодействие фразовой и словесной просодии анализировалось через помещение слов в начало, середину, конец предложения (если это позволяла структура предложения). Всего было составлено по 28 предложений на каждый интонационный тип. Предложения различались по количеству звуков, входящих в их состав, структуре и содержали потенциальную возможность реализации анализируемых типов интонации. Факторами, побуждавшими дикторов реализовывать тот или иной тип интонации, были знаки препинания и особенности структуры предложения.

Завершенная интонация была представлена в повествовательных предложениях различной ритмической структуры. Вопросы содержали вопросительные аффиксы -ва/-ве, -в; -у/-ү; -ый/-ий, -й. Предложения с интонацией незавершенности входили в состав сложных предложений или представляли собой часть перечисления; анализу подвергалась началь-

ная часть. Интонация выделенности создавалась наличием левого или правого контекста, нужное слово было подчеркнуто.

§ 8. В соответствии с задачами исследования, с учетом классификации современных монгольских языков материал записывался от носителей пяти монгольских наречий. Восточномонгольская ветвь в работе представлена халха-монгольским (Мо) языком, северномонгольская – бурятским (Бу). Западномонгольская ветвь представлена дербетским говором калмыцкого языка и торгутскими говорами Калмыкии (ТКа) и Китая (ТКи). Торгутский говор Китая более 200 лет развивается отдельно, в иных лингвистических условиях, отличается языковым окружением. В связи с этим интерес вызывает выяснение того, какие последствия для интонационной системы имело длительное изолированное развитие То говора калмыков Китая (заметим, в настоящей работе впервые в монголистике рассматриваются материалы данного говора).

Всего были проанализированы 1232 реализации.

3.2. Дикторы

§ 1. Привлекаемые в качестве дикторов носители данного языка различались по своим индивидуальным характеристикам, поэтому полученные результаты являются представительными для данного языка в целом. В качестве дикторов были использованы по два диктора-мужчин для каждого из языков (То говор Китая представлен одним диктором).

Сведения о дикторах:

бурятский язык: диктор 1Бу - мужчина, 35 лет, образование высшее, филологическое, научный сотрудник Бурятского научного центра (БНЦ); диктор 2Бу - мужчина, 39 лет, образование высшее, филологическое, научный сотрудник БНЦ.

монгольский язык: диктор 1Мо - мужчина, 42 года, образование высшее, филологическое, преподаватель Улан-Баторского педиститута; диктор 2Мо - мужчина 32 года, образование высшее, культработник.

дербетский говор: диктор 1Де - мужчина, 30 лет, образование высшее, учитель калмыцкого языка и литературы; диктор 2Де - мужчина, 33 года, образование высшее, учитель калмыцкого языка и литературы.

торгутский говор Ка языка: диктор 1ТКа - мужчина, 34 года, образование высшее, филологическое, учитель калмыцкого языка и литературы; диктор 2ТКа - мужчина, 40 лет, образование высшее, филологическое, преподаватель Калмыцкого университета.

торгутский говор Китая: диктор ТКи - мужчина, 59 лет, образование высшее, преподаватель Синьцзян-Уйгурского университета КНР.

Все дикторы владеют родным языком в совершенстве. Индивиду-

альные мелодические характеристики дикторов приводятся в таблице 2.

§ 2. Запись материала проводилась в студийных условиях, с соблюдением всех технических требований на магнитофон «Тембр» при скорости движения ленты 19,5 см/с. Затем был проведен слуховой анализ всего материала, в ходе которого проводилось транскрибирование.

3.3. Аудиторы

§ 1. Среди разнообразных методов анализа речи значительное место занимают опыты по восприятию, поскольку в конечном итоге самым важным является «выяснение значимости тех или иных параметров для носителей языка» (Вербицкая, 1968: 38). Так как нами исследуется интонационный строй пяти монгольских языков, важно узнать, как воспринимаются интонационные типы аудиторными носителями близкородственных языков, а также аудиторными, не знающими ни один из предъявляемых языков. Это определило проведение аудиторского эксперимента в два этапа (подробнее об этом будет сказано в соответствующем разделе).

На первом этапе в качестве испытуемых выступили носители монгольских языков: буряты, калмыки, монголы (по 20 человек в каждой группе). Испытуемые-калмыки - студенты факультета калмыцкой филологии и культуры Калмгосуниверситета; аудиторы-буряты - студенты филологического факультета Бурятского пединститута, испытуемые-монголы - студенты разных факультетов Калмгосуниверситета и Санкт-Петербургского университета.

На втором этапе в качестве аудиторов были привлечены студенты русского отделения Калмгосуниверситета, для которых русский язык является родным и которые не знали ни один из предъявляемых языков.

§ 2. Все аудиторы получили одно и то же задание: на специальном бланке условными знаками обозначить слышимую интонацию. Полученные ответы заносились в специальные матрицы и обрабатывались статистически.

3.4. Инструментальный анализ

§ 1. Основой для инструментального анализа послужили магнитофонные записи экспериментального материала. Интонограммы были сняты в Лабораториях экспериментальной фонетики им. акад. Л.В.Щербы СПбГУ и Бурятского научного центра на осциллографе Н-102 при скорости движения киноплёнки 250 мм/с.

Членение осциллограмм проводилось по общепринятой методике (Бондарко, 1965; Цеплитис, 1974; Блохина, Потапова, 1977). При этом мы исходили не из идеального, а реального фонемного состава слова.

После расшифровки по интонограмме были получены сведения о частоте основного тона (Гц), интенсивности (мм), длительности (мс). Все абсолютные данные заносились в исходные матрицы. Затем на их основе были получены относительные данные, которые и анализировались в дальнейшем. Обращение к относительным величинам было продиктовано стремлением избежать влияния индивидуальных дикторских особенностей, лингвистически не значимых.

§ 2. Частота основного тона (ЧОТ). Мелодические данные получались по огибающей ЧОТ. В работе использовалась следующая методика измерения и подсчета значений ЧОТ: для всех тональных звуков определялась средняя ЧОТ за каждые 20 мс. Описание мелодических характеристик производилось по отношению к выявленным дикторским характеристикам, что позволило отвлечься от индивидуальных особенностей диктора: (высота голоса и ширина речевого диапазона).

Для сравнения данных разных дикторов обычно находят определенные устойчивые величины, которые характеризуют голос человека. Важнейшими из них являются: средняя ЧОТ диктора (среднедикторская), ширина речевого диапазона диктора. Для определения среднего речевого диапазона диктора вычислялась средняя минимальная и средняя максимальная ЧОТ, расстояние между которыми и составляет средний диапазон. Средняя максимальная ЧОТ определялась как среднее арифметическое из мелодических максимумов у данного диктора по всему материалу. Средняя минимальная высота определялась как среднее арифметическое мелодических минимумов повествовательных предложений, поскольку с ними связано подлинное понижение ЧОТ.

Важной характеристикой голоса диктора является средняя индивидуальная высота голоса. Под средней дикторской понимается свойственная каждому говорящему некая нейтральная, наиболее удобная и часто используемая им высота ЧОТ (Блохина, Потапова, 1977; Светозарова, 1982). Существует несколько способов ее определения. В данной работе использовались два широко применяемых способа. Первый способ заключался в нахождении средней арифметической по максимальным и минимальным значениям ЧОТ. Недостаток этого метода в том, что выбор максимума и минимума в какой-то степени случаен, статистически не обоснован, не учитывается удельный вес каждого из параметров. Для достижения наибольшей точности был использован другой, также часто употребляемый метод. Он заключается в нахождении средней арифметической по случайным образом выбранным значениям ЧОТ (по всему материалу). Средняя индивидуальная в конечном итоге определялась как средняя арифметическая по двум вышеописанным способам.

Дальнейшим этапом обработки данных мелодики стало получение сведений об относительном значении ЧОТ. Для этого абсолютные значения ЧОТ звука относились к средней индивидуальной ЧОТ. Для определения степени варьирования мелодических характеристик в разных типах предложений с учетом фразовой позиции определялись значения ЧОТ во фразе, доверительные интервалы к ним и значения дисперсии, среднего квадратического отклонения и коэффициента вариации.

§ 3. Интенсивность. Исходные данные о динамических характеристиках получались на основе измерения максимальной интенсивности всех тональных звуков. Абсолютные значения легли в основу подсчетов относительных значений. Для этого максимальное значение интенсивности каждого гласного относилось к максимальному значению интенсивности в предложении. Обращение к относительным величинам при анализе интенсивности необходимо по целому ряду причин. В первую очередь - из-за возможных различий по громкости между разными дикторами и между разными предложениями у одного диктора, связанных как с индивидуальными особенностями диктора, так и с условиями записи. Во-вторых, интенсивность звука зависит от таких факторов, как качество гласного, положение относительно ударения, общий уровень интенсивности высказывания. Различия по громкости нивелировались оперированием относительной, а не абсолютной интенсивностью звука. Нормировка интенсивности путем отнесения к средним значениям интенсивности гласных данного качества не проводилась, так как исследование строилось на одном и том же материале. Для характеристики варьирования интенсивности в каждом типе интонации с учетом фразовой позиции определялись средняя относительная интенсивность и показатели ее вариации (подробности в разделе «Интенсивность»).

§ 4. Длительность. Исходные данные для анализа характеристик длительности были получены в результате подсчета абсолютной длительности звука по осциллограмме с помощью отметчика времени с собственной частотой 100 Гц при скорости движения киноплёнки 250 мм/с. Средняя длительность звука подсчитывалась путем деления длительности предложения на количество звуков в нем. Для отвлечения от индивидуальных особенностей подсчитывалась относительная длительность всех звуков. Нормировка производилась относительно средней длительности звука в предложении, что давало представление об относительной доле каждого звука в данном предложении. С учетом типа интонации, фразовой позиции, качества гласного определялись средняя относительная длительность и показатели ее вариации (подробности в разделе «Длительность»).

3.5. Статистический анализ

§ 1. В работе широко использовались приемы и методы математической статистики, которые, с одной стороны, позволили наиболее адекватно и корректно исследовать столь исключительно вариативный феномен, каким является интонация живого языка, а с другой - способствовали извлечению максимальной информации из анализируемого материала. К статистическим методам мы обращались как при анализе объективных характеристик типов интонации, так и при исследовании их восприятия.

§ 2. Более полная информация об использованных статистических приемах будет представлена в соответствующих разделах работы, в связи с этим ниже охарактеризуем их вкратце.

1. Отдельно для каждого интонационного типа и с учетом фразовой позиции были произведены статистические расчеты средних значений ЧОТ, интенсивности, длительности и доверительных интервалов к ним.

2. Для характеристики варьирования найденных средних были определены показатели вариации: дисперсия и среднее квадратическое отклонение (для характеристики степени отклонения от средней арифметической), коэффициент вариации (для характеристики вариативности отдельных значений признака), а также ошибка средней арифметической.

3. Так как несходство монгольских языков в вариативности просодических характеристик составляет главную отличительную черту их интонационных систем, исследовалось, одинаково или неодинаково варьируют анализируемые признаки на протяжении предложения в разных монгольских языках. С этой целью использовался F-критерий Фишера.

4. Для сравнения результатов опознания разных групп аудиторов, для сопоставления данных, полученных от одной и той же группы в разных опытах, и выявления значимости того или иного результата использовался t-критерий Стьюдента.

5. В связи с тем что в опытах по восприятию каждый раз принимали участие разные группы аудиторов, в неодинаковой степени знакомых с предъявляемым языком, для анализа тесноты связи в разных случаях опознания был применен коэффициент нормальной корреляции Пирсона.

6. Мера неопределенности, с которой сталкивались аудиторы при опознании типа интонации, определялась с помощью оценок энтропии Шеннона.

Глава 4. ИНТОНАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАЗЫ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Главная цель настоящей главы - создание картины интонационного устройства монгольских языков, которая должна отражать как черты, обусловленные звуковой организацией монгольских языков вообще, так и черты, вытекающие из специфической фонетической организации каждого из языков, а также общезыковые, появление которых связано с большой универсальностью интонационных признаков, - обусловила выбор принципа сравнения. Каждый раз нами сравниваются реализации основных параметров интонации в разных интонационных типах, в разных условиях, в разных языках, что в конечном итоге позволило описать просодическую организацию фразы в монгольских языках, определить черты сходства и отличия.

4.1. Частота основного тона

4.1.1. Индивидуальные высотные характеристики дикторов

§ 1. Прежде чем приступить к обсуждению полученных данных, остановимся на мелодических характеристиках дикторов, в частности, тех, которые в совокупности создают представление о голосе человека: максимальные, минимальные, среднедикторские значения частоты основного тона (ЧОТ), ширина и середина речевого диапазона.

Более широким речевым диапазоном обладают дикторы 2Мо (87 Гц), 2Де (82 Гц), 3ТКа (80,9 Гц), 1Бу (76 Гц), 2Де (74,5 Гц); более узким характеризуются дикторы 3Де (65,8 Гц), 1Мо (52,7 Гц), 1Де (69 Гц), 1ТКа (64,1 Гц), 2ТКа (68,1 Гц), ТКи (59 Гц). Перейдем к более подробному анализу голосовых данных дикторов, для чего обратимся к среднeminимальным и среднемаксимальным значениям ЧОТ, расстояние между которыми формирует речевой диапазон.

С точки зрения средней минимальной ЧОТ наших дикторов условно можно разбить на четыре группы. В первую попадают дикторы с наименьшими значениями среднeminимальной ЧОТ: 1Мо (96,3 Гц), 1Бу (98 Гц), ТКи (99 Гц), для которых, кроме того, характерны низкие значения средней минимальной ЧОТ: 122,8 Гц, 138 Гц, 129,2 Гц. Несколько выше значения средней минимальной ЧОТ у второй группы дикторов: 2Мо (115 Гц), 2Де (103,9 Гц), 1ТКа (112,2 Гц), 2ТКа (103,3 Гц). Однако они отличаются от первых более высокими значениями среднеиндивидуальной частоты: 157,9 Гц (2Мо), 139,8 Гц (2Де), 145,8 Гц (1ТКа), 144,8 Гц (2ТКа). В третью группу входят дикторы с самыми высокими значениями среднeminимальной ЧОТ: 2Бу (123 Гц), 3ТКа (135,2 Гц), 1Де (141,2 Гц). Соответственно,

они обладают и самыми высокими значениями среднеиндивидуальной ЧОТ: 163 Гц, 180,3 Гц, 175,6 Гц, а самыми низкими значениями ЧОТ характеризуется диктор ЗДе (61,6 Гц), который обладает и самой низкой среднеиндивидуальной ЧОТ (90,5 Гц).

Сказанное выше можно проиллюстрировать, распределив отдельные значения минимальной ЧОТ на класс-интервалы (рисунки 1а, 1б). Можно видеть, что значения минимальной ЧОТ с пиком распределения в класс-интервале 110-119 Гц дикторов 2Мо и 2Бу близки с соответствующими значениями дикторов 1ТКа, 1Бу, ТКи, 1Де, у которых пик распределения смещен на один класс-интервал влево и находится в класс-интервале 100-109 Гц. Пик распределения другой группы дикторов (ЗДе, 1Мо, 2Де, 2ТКа) смещен влево и находится в класс-интервалах 60-69 Гц (диктор ЗДе) и 90-99 Гц (дикторы 1Мо, 2Де, 2ТКа). Распределения минимальных частот дикторов 2Бу, 1ТКа, 3ТКа имеют тенденцию к многовершинному распределению, с тенденцией к образованию второй вершины справа.

Рисунок 1а. Распределение значений минимальной ЧОТ

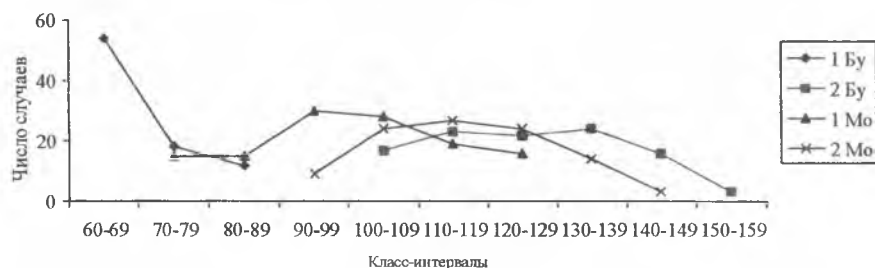
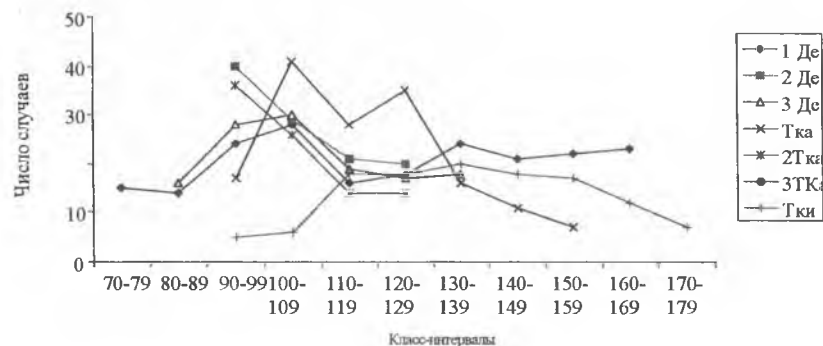

Рисунок 1б. Распределение значений минимальной ЧОТ

Еще более ярко тенденция к многовершинности проявляется в распределении максимальных частот (рисунки 2а, 2б). Так, пиками отмечены следующие класс-интервалы: 150-159 Гц и 200-209 Гц (диктор 2ТКа); 170-179 Гц и 190-199 Гц (диктор 2Де); 210-219 Гц и 230-239 Гц (диктор 1Де); 200-209 Гц и 220-229 Гц (диктор 2Мо); 90-99 и 120-129 Гц (диктор 3Де). Распределения остальных дикторов являются одновершинными, похожими на нормальные, имеющими, как правило, довольно длинный низкочастотный хвост справа.

На основании значений средней максимальной ЧОТ дикторов можно разбить на четыре группы. В первую входят дикторы 1Мо (149 Гц) и ТКи (158 Гц), близкие по значениям средней минимальной ЧОТ. Дикторы, составившие вторую группу, весьма незначительно отличаются от первой максимальными значениями ЧОТ: 178,4 Гц (2Де), 174 Гц (1Бу), 176,2 Гц (1ТКа), 171,4 Гц (2ТКа). Эти дикторы близки и с точки зрения среднего объема речевого диапазона: 74,5 Гц; 76 Гц; 64,1 Гц; 68,1 Гц. Группу дикторов с наиболее высокими значениями среднемаксимальной ЧОТ составили: 2Бу (205 Гц), 2Мо (202 Гц), 1Де (210 Гц) и 3ТКа (216,1 Гц). Соответствующие значения диктора 3Де невелики: 127,4 Гц. Этот диктор обладает и самыми низкими значениями среднеминимальной ЧОТ, что позволяет характеризовать его как диктора с наиболее низкими среднеиндивидуальными мелодическими показателями.

Рисунок 2а. Распределение значений максимальной ЧОТ

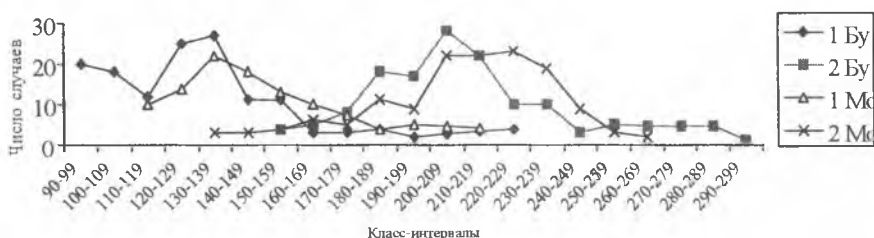
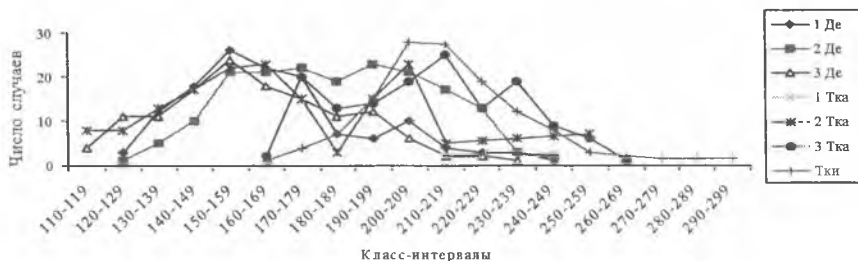

Рисунок 2б. Распределение значений максимальной ЧОТ

Класс-интервалы, отмеченные низкими частотами, соответствуют тем мелодическим характеристикам речевого диапазона, которые не входят в зону среднеиндивидуальной. Среднеиндивидуальные значения ЧОТ наших дикторов отличаются значительным разбросом: 90,5 Гц (3Де), 180 Гц (3ТКа). Данные значения можно определить как крайние, между которыми располагаются показатели остальных дикторов. Средние индивидуальные частоты дикторов 1Мо (122,8 Гц), 2Де (139,8 Гц), 1Бу (138 Гц), ТКи (129,2 Гц) близки и значительно отличаются от характеристик дикторов 2Бу (163 Гц), 2Мо (157,9 Гц), 1Де (175,6 Гц), 1ТКа (145,8 Гц), 2ТКа (144,8 Гц), а также диктора 3Де (90,5 Гц).

Максимальные и минимальные значения ЧОТ, хотя и характеризуют голосовые свойства диктора, по ним можно сравнивать голоса разных дикторов, однако наиболее информативным является другой мелодический показатель - средняя индивидуальная ЧОТ, наиболее типичная для данного диктора. Среднедикторская соответствует той зоне в речевом диапазоне диктора, которая наиболее часто используется говорящим. Охарактеризуем голоса наших дикторов с этой точки зрения.

Средняя индивидуальная всех дикторов, кроме 1Де (175,6 Гц) и 1Мо (122,8 Гц), не совпадает с серединой их речевого диапазона. Она несколько ниже значения середины диапазона у следующих дикторов: 3Де (90,5-94,5 Гц), 2Бу (163-164 Гц), 2Мо (157,9-158,5 Гц), 2Де (139,8-141,1 Гц). У остальных дикторов она несколько превышает середину речевого диапазона: 138-136 Гц (1Бу), 145,8-144,2 Гц (1ТКа), 144,8-137,3 Гц (2ТКа), 129,2-128,5 Гц (ТКи), 180,3-175,5 Гц (3ТКа). Это означает то, что у данной группы дикторов наиболее часто употребляемой является верхняя часть речевого диапазона, в то время как у первой чаще используется нижняя (все сведения об индивидуальных мелодических характеристиках дикторов приведены в таблице 2). Будучи наиболее типичной для данного говорящего, среднедикторская отражает наблюдаемое в реальной речевой практике несходство, различие голосов, обусловленное индивидуальными особенностями артикуляционного аппарата человека, его физическими параметрами.

§ 2. Таким образом, на основании близости индивидуальных мелодических характеристик дикторов условно можно объединить в две совокупности. Первая группа характеризуется более низкими значениями ЧОТ; в нее входят дикторы 1Бу, 1Мо, 2Де, 2ТКа и ТКи, обладающие более низкими голосами. Ко второй относятся дикторы с более высокими мелодическими характеристиками: 2Бу, 2Мо, 1ТКа, 1Де. Самыми низкими значениями ЧОТ обладает диктор 3Де, а самыми высокими - 3ТКа. Эти дикторы отличаются по своим голосовым данным как от первой, так и от

Индивидуальные мелодические характеристики дикторов

Дикторы	Средняя минимальная (Гц)	Средняя максимальная (Гц)	Средний диапазон (Гц)	Средняя индивидуальная (Гц)	Середина диапазона (Гц)
1Бу	98	174	76	138	136
2Бу	123	205	82	163	164
1Мо	96,3	149	52,7	122,8	122,6
2Мо	115	202	87	157,9	158,5
1Де	141,2	210,2	69	175,6	175,7
2Де	103,9	178,4	74,5	139,8	141,1
3Де	61,6	127,4	65,8	90,5	94,5
1ТКа	112,2	176,3	64,1	145,8	144,8
2ТКа	103,3	171,4	68,1	144,8	137,3
3ТКа	135,2	216,1	80,9	180,3	175,5
ТКи	99	158	59	129,2	128,5

второй группы дикторов, что не позволяет относить их ни к одной из них. В связи с тем что индивидуальные высотные характеристики дикторов 3Де и 3ТКа резко отличаются от данных остальных дикторов, было решено материалы этих дикторов для дальнейшего анализа не привлекать.

Сравнение индивидуальных высотных характеристик, показавшее их несходство, свидетельствует о необходимости оперирования некими относительными значениями для того, чтобы мелодические данные дикторов, обладающих разными голосовыми показателями, были сопоставимыми. Этим достигается абстрагирование как от индивидуальных голосовых свойств, так и характеристик, отражающих технические условия записи. Такой единицей, относительно которой нами рассматриваются частотные изменения, является среднедикторская. Все абсолютные значения ЧОТ нами соотносились со среднеиндивидуальной частотой диктора. Кроме того, относительные изменения в частотном контуре выражались такими понятиями, как полутоны, поскольку человек воспринимает не абсолютные изменения, а оценивает их в сравнении.

4.1.2. Мелодическая структура фразы в монгольских языках

4.1.2.1. Частотный уровень

§ 1. С целью выявления закономерностей распределения ЧОТ на протяжении фразы были определены следующие характеристики: x , σ , V , μ . Их величины высчитывались с учетом типа интонации и позиции (начало, предцентр, центр и постцентр).

Средняя относительная ЧОТ гласных считалась по формуле для сгруппированных вариационных рядов:

$$x = \frac{\sum m_i \cdot a_i}{\sum m_i}$$

где m_i - частота признака,

a_i - относительная ЧОТ i -го гласного.

Для характеристики степени отклонения частных значений от средней высчитывались средние квадратические отклонения (s) и коэффициент вариации (V) по следующим формулам:

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum m_i \cdot (a_i - x)^2}{n}}$$

где a_i - относительная ЧОТ i -го гласного,

x - средняя относительная ЧОТ в данной выборке,

n - число гласных,

m_i - частота признака;

$V = (\sigma / x) \cdot 100 \%$.

Для получения полного представления о точности и надежности найденной выборочной средней и для оценки существенности различий в величинах средних относительных значений, принадлежащих разным выборкам, определялись доверительные интервалы генеральных средних (μ). Доверительные интервалы, с вероятностью 0,95 накрывающие генеральную среднюю, определялись по формуле:

$$x - t \cdot s \leq \mu \leq x + t \cdot s$$

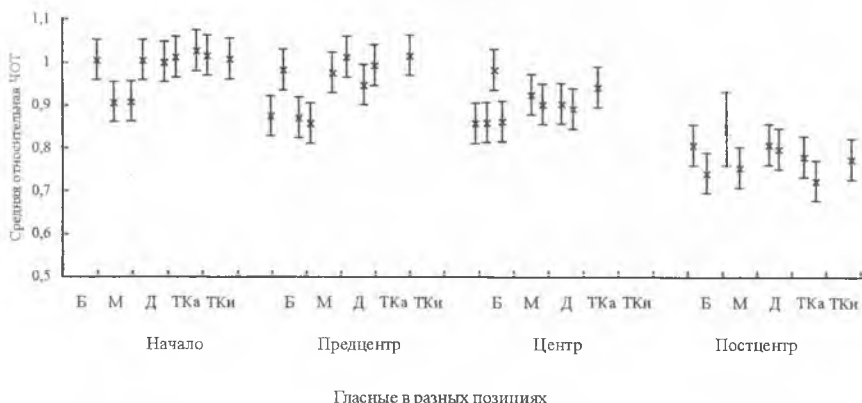
где s - ошибка средней, высчитанная по формуле: $s = \sigma / \sqrt{n}$,

t - критерий Стьюдента на 5% уровне значимости = 1,96.

Кроме того, анализируются сведения о направлении движения ЧОТ и интервалах стыка на важных участках контура, локализации максимума ЧОТ во фразе, ширине мелодического диапазона. Данные всех языков

Глава 1. Языковые средства оформления высказывания в монгольских языках
 будут рассмотрены сквозь призму вышеперечисленных частотных признаков с учетом типа интонации и фразовой позиции.

Рисунок 3а. Контраст по ЧОТ между гласными при завершенной интонации в монгольских языках

§ 2. Завершенная интонация. Полученные в результате статистической обработки данные свидетельствуют о несущественности различий между языками в тональном уровне начала: доверительные интервалы генеральных средних большинства дикторов (кроме 2Бу и 1Мо) совпадают, значения средних равны или отличаются несущественно (рисунок 3). Цифры, характеризующие меру варьирования, свидетельствуют о характерной для всех языков незначительности отклонений отдельных значений ЧОТ от средних: и значения средних квадратических отклонений, и значения коэффициента вариации малы (таблица 3).

Уровень ЧОТ на гласном, непосредственно предшествующем гласному под фразовым ударением, у дикторов-носителей ойратских говоров отличается от уровня начала незначительно. Об этом свидетельствует пересечение доверительных интервалов генеральных средних всех дикторов. У дикторов-бурят и монголов регистрируется более заметное изменение тона на этом участке; у дикторов-монголов при этом отмечается последовательное понижение ЧОТ. У дикторов-бурят вместе с понижением (диктор 1Бу) может происходить и незначительное повышение ЧОТ (диктор 2Бу).

Такого же характера изменения могут происходить и в калмыцких

говорах: у дикторов 1Де и 1ТКа отмечается незначительное понижение, а у дикторов 2Де и 2ТКа - малозаметное повышение ЧОТ. Доверительный интервал генеральной средней диктора ТКи охватывает как нижнюю, так и верхнюю часть доверительных интервалов дикторов-калмыков, что позволяет заключить, что в этом говоре также возможны и понижение, и повышение ЧОТ, носящие нерезкий характер.

На гласном под фразовым ударением во всех языках и у всех дикторов (кроме диктора 1Мо) происходит дальнейшее понижение ЧОТ. Изменение тона от предцентра к центру носит плавный, нерезкий характер: доверительные интервалы генеральных средних большинства дикторов имеют точки касания в верхней части. Однако этот контраст между гласными предцентра и центра носит более выраженный характер по сравнению с менее резкими перепадами ЧОТ от начала к предцентру. Это позволяет говорить о том, что гласный под фразовым ударением отличается от остальных сравнительно более ярким тональным контекстом, создающим эффект его выделенности.

Таблица 3

Средняя относительная ЧОТ и показатели ее вариации в монгольских языках

Параметры	Завершенный						Завершенный с выделением					
	Начало			Конец			Начало			Конец		
Дикторы	x	σ	v	x	σ	v	x	σ	v	x	σ	v
1Бу	1	0,15	15	0,8	0,2	14	1	0,7	17	0,7	0,1	12
2Бу	0,9	0,14	16	0,7	0,12	16	1	0,14	14	0,8	0,10	11
1Мо	0,9	0,14	16	0,8	0,11	15	0,9	0,13	14	0,8	0,15	13
2МО	1	0,13	13	0,7	0,10	14	1	0,13	13	0,7	0,10	14
1Де	0,96	0,21	22	0,7	0,17	18	0,9	0,18	20	0,8	0,7	19
2Де	1	0,18	18	0,7	0,16	22	0,9	0,21	23	0,71	0,16	18
1ТКа	1	0,20	20	0,74	0,16	10	1	0,20	20	0,79	0,17	18
2ТКа	0,98	0,24	25	0,65	0,19	21	1	0,27	27	0,72	0,21	22
ТКи	0,98	0,19	20	0,7	0,14	16	1	0,19	19	0,7	0,17	21
1Бу	0,9	0,15	17	0,92	0,25	28	1,02	0,16	16	0,83	0,15	19
2Бу	0,95	0,15	16	0,91	0,20	22	1	0,16	16	0,8	0,15	19
1МО	0,91	0,15	17	0,9	0,21	23	1,02	0,14	14	0,84	0,14	17
2МО	0,94	0,16	18	1,05	0,22	23	1,02	0,15	15	0,9	0,16	13
1Де	0,94	0,19	20	1,21	0,25	23	0,96	0,21	22	1,06	0,19	19
2Де	0,91	0,19	20	1,20	0,24	21	0,98	0,18	20,8	0,95	0,20	23
1ТКа	0,92	0,18	20	1,15	0,23	25	0,97	0,20	21	0,93	0,15	12
2ТКа	0,93	0,22	23	1,05	0,37	38	1	0,26	26	0,84	0,22	19
ТКи	0,93	0,18	19	0,98	0,21	23	1	0,19	19	0,7	0,16	23

Сравнительно больший интервал падения ЧОТ от центра к постцентру также способствует тональной выделенности гласного под фразовым ударением. Доверительные интервалы средней относительной ЧОТ, полученные для гласных конца, дикторов 2Мо, 2ТКа и ТКи, не имеющие точек касания с доверительными интервалами ЧОТ гласных под фразовым ударением, указывают на более существенный характер тональных различий на этом участке контура. У остальных дикторов доверительные интервалы двух выборок частично пересекаются, свидетельствуя о несущественности различий в уровне ЧОТ.

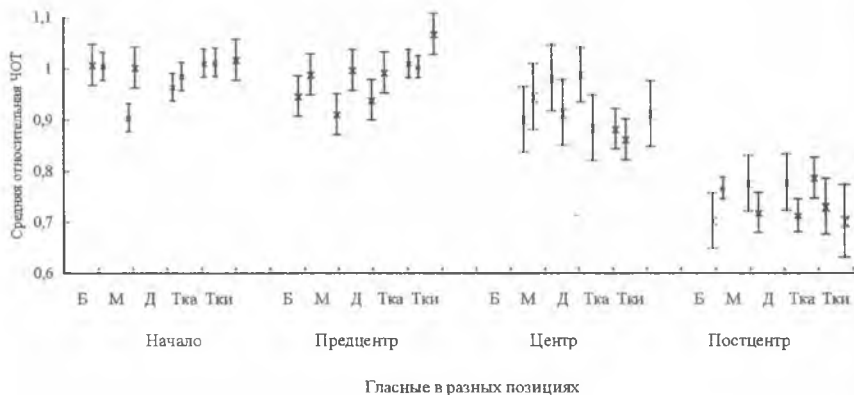
Данные, отражающие вариативность ЧОТ, свидетельствуют о том, что на конечном участке контура вариативность, как и в позиции начала, выражена очень незначительно.

Итак, мелодическая кривая фразы, оформленной завершенной интонацией, имеет последовательно нисходящий характер, при котором мелодическая вершина совпадает с началом фразы. Специфической чертой мелодического контура является чрезвычайно незначительное изменение ЧОТ на ее участках: движение ЧОТ носит не резкий, а плавный характер. Выделению гласного под фразовым ударением способствует больший интервал падения ЧОТ от предцентра к центру и далее к постцентру, т.е. этому способствует фонетический контекст. Для остальных участков контура характерно равномерное, неконтрастное движение ЧОТ, что создает впечатление некоторой монотонности речи. Оно усиливается от того, что частные значения ЧОТ незначительно отстоят от своих средних, т.е. относительной инвариантностью ЧОТ.

Завершенная интонация с выделением. Различия между отдельными языками в тональном уровне начала малы: доверительные интервалы средней ЧОТ одной группы дикторов (1Бу, 2Бу, 2Мо, 1ТКа, 2ТКа, ТКи) полностью совпадают, а другой (1Де, 2Де) пересекаются частично. Особняком находятся данные диктора 1Мо, для которого характерны самые низкие значения ЧОТ на данном участке контура (рисунок 3б). Что же касается данных варьирования, то значения средних квадратических отклонений и коэффициентов варьирования разных дикторов оказались близкими. Общим является сравнительно низкий характер варьирования: значения средних квадратических отклонений малы (около 0,12 - 0,19). Самое большое, выскакивающее значение отмечается у диктора 2Бу (0,27), которому в целом свойственна большая выразительность речи, что и отразилось в большем разбросе значений.

Обратим внимание на то, что дикторы по-разному оформляют гласный предцентра, но явно одно: на этом гласном отмечается некоторое изменение движения ЧОТ, имеющее неодинаковый характер в разных

Рисунок 3б. Контраст по ЧОТ между гласными при завершённой интонации с выделением в монгольских языках

языках. Так, у дикторов 1Бу, 1Мо происходит уменьшение значений ЧОТ, у диктора ТКи — увеличение; у остальных возможны как увеличение, так и уменьшение ЧОТ.

В торгутских говорах отмечается наибольший средний интервал падения ЧОТ на участке предцентр-центр. При этом наименьший средний интервал падения ЧОТ характерен для бурятского и монгольского языков. Это вытекает и из расположения доверительных интервалов разных выборок, частично пересекающихся. В дербетском говоре гласный под фразовым ударением также заметно выделен: ЧОТ может либо уменьшаться (диктор 1Де), либо увеличиваться (диктор 2Де).

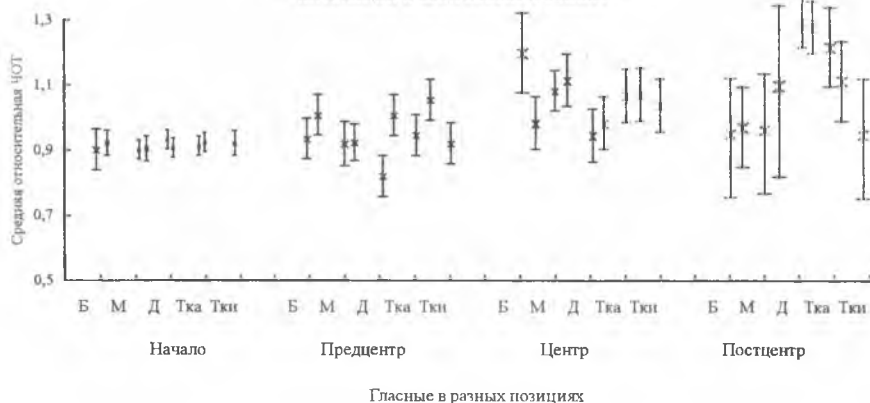
На следующем участке контура во всех языках отмечается последовательное понижение уровня ЧОТ. Частичное пересечение доверительных интервалов генеральных средних двух выборок (гласный под фразовым ударением и конечный гласный), небольшие различия в значениях средних свидетельствуют о нерезком, плавном движении ЧОТ от центра к постцентру. Эти особенности движения ЧОТ вместе с низкой вариативностью ЧОТ способствуют созданию эффекта монотонности интонационного рисунка данного типа интонации.

Из сказанного выше можно заключить, что завершённый с выделением тип интонации во всех языках имеет один и тот же нисходящий рисунок, в котором более высокие значения ЧОТ соответствуют началу, а более низкие — концу фразы. В отличие от рассмотренного выше типа интонации, данный тип характеризуется более высокими значениями ЧОТ на всех участках контура: начале, предцентре,

центре и постцентре. Что же касается характера движения ЧОТ внутри контура, то его важной чертой являются нерезкие изменения. Интервалы падения ЧОТ, средние значения ЧОТ на разных участках контура, наконец, показатели меры варьирования указывают на неконтрастное, равномерное движение ЧОТ на всем протяжении фразы.

Вопросительный тип. Одной из характерных черт этого типа интонации является более низкое, по сравнению с завершенными типами интонации, тональное начало: доверительные интервалы выборок не пересекаются верхней частью, а значения генеральных средних, полученные для начала вопросительного предложения, несколько меньше (рисунок 3в).

Рисунок 3в. Контраст по ЧОТ между гласными при вопросительной интонации в монгольских языках

В предцентре во всех языках, по данным всех дикторов, кроме диктора 1Де, тональный уровень повышается. Однако можно видеть, что языки несколько различаются по характеру подъема ЧОТ. У дикторов, представляющих бурятский и монгольский языки, а также торгутский говор Китая, подъем тона носит более плавный характер: доверительные интервалы средних частично пересекаются нижней частью, а значения средних близки. В калмыцких говорах изменения более выражены: доверительные интервалы средних дикторов-калмыков не пересекаются и не имеют точек касания, разрыв в значениях средних этих выборок больше, чем у дикторов, представляющих упомянутые выше языки.

Гласный под фразовым ударением также характеризуется повышением уровня ЧОТ. Однако повышение ЧОТ не носит резкий

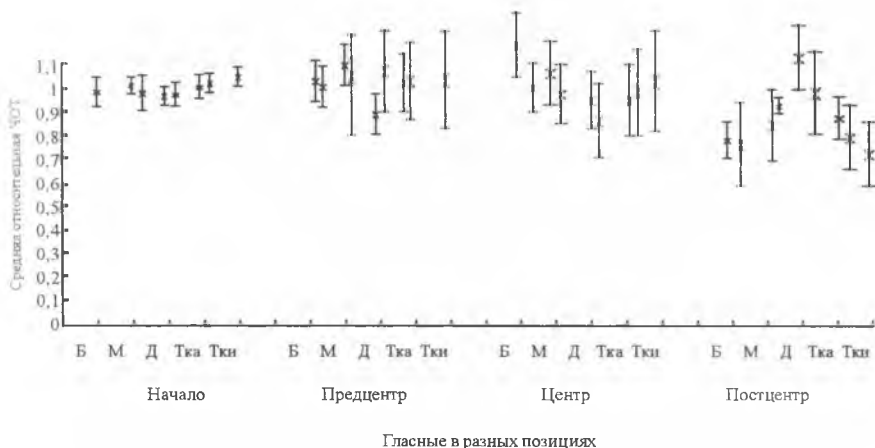
характер: доверительные интервалы частично пересекаются или имеют точки касания, а значения средних отстоят незначительно. Этот уровень является наивысшим в мелодическом контуре дикторов, носителей бурятского и монгольского языков и торгутского говора Китая, поскольку в этих языках на конечном участке контура происходит понижение ЧОТ. Последовательное повышение ЧОТ к концу свойственно дикторам-калмыкам. Увеличение ЧОТ к концу сопровождается усилением варьирования ЧОТ: показатели меры варьирования увеличиваются от начала к концу (таблица 3).

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать заключение о восходящем направлении движения ЧОТ в вопросительном предложении всех монгольских языков с мелодическим минимумом в начале. Различаются языки уровнем ЧОТ в предцентре и постцентре. В калмыцких говорах в предцентре изменение ЧОТ носит более выраженный характер, а конец характеризуется резким повышением ЧОТ. В остальных языках движение ЧОТ от начала к предцентру носит более плавный характер, а тональный пик совпадает с гласным, носителем фразового ударения. Создаваемое этими изменениями впечатление некоторого однообразия тонального движения несколько сглаживается сравнительно большей вариативностью ЧОТ и довольно высоким подъемом тона на гласном под фразовым ударением. Однако, несмотря на данные различия, применительно ко всем монгольским языкам можно говорить о монотонности мелодического оформления. Этот вывод основан на том, что в рассматриваемых языках намечается более выраженное движение ЧОТ только в зоне реализации интонационного центра, повышение тона в начале контура происходит плавно, нерезко.

Незавершенная интонация. Начало произносится на тоне, более высоком, чем вопросительный тип (рисунок 3 г). Можно видеть, что по уровню начала этот тип интонации примыкает к завершенным. Однако, в отличие от них, уровень ЧОТ в начале не является максимальным в контуре. Различие в мелодическом уровне начала контура между языками незначительно. Оно минимально между бурятским и монгольским языками: доверительные интервалы средних, принадлежащие разным дикторам, пересекаются большей частью, а генеральные средние совпадают. Ойратские говоры отличаются от названных языков несколько меньшим тональным уровнем: доверительные интервалы средних дикторов-калмыков, с одной стороны, и дикторов-бурят и монголов, с другой, не пересекаются верхней частью, а значения генеральных средних несколько меньше.

Нельзя с определенностью говорить о том, есть ли сколько-нибудь

Рисунок 3г. Контраст по ЧОТ между гласными при незавершенной интонации в монгольских языках

закономерное различие между языками в степени варьирования ЧОТ в начале фразы. Полученные в результате подсчетов данные свидетельствуют скорее об его отсутствии: средние квадратические отклонения выборок, принадлежащих дикторам 2Бу, 1Мо, меньше таковых дикторов 2Де и 1Тка. Следовательно, нет и очевидного различия между языками по степени варьирования ЧОТ (таблица 3).

Гласный предцентра во всех языках характеризуется повышением тона. Вместе с тем отмечается некоторое различие между языками по уровню подъема ЧОТ на этом участке контура. Если в бурятском и монгольском языках оно не столь заметно, о чем свидетельствуют средний интервал подъема ЧОТ и частичное пересечение доверительных интервалов генеральных средних разных дикторов, то в ойратских говорах налицо сравнительно более выраженный подъем ЧОТ.

Дальнейший подъем тона на гласном, носителе фразового ударения, происходит у дикторов-бурят и монголов, этот уровень является максимальным в синтагме. У дикторов-калмыков на этом участке регистрируется некоторое понижение ЧОТ. Однако как повышение, так и понижение тона происходит не столь резко: доверительные интервалы разных выборок частично пересекаются, а генеральные средние различаются несущественно.

Падением тонального уровня характеризуется конечный участок контура во всех языках, кроме дербетского говора, в котором обнаруживается его повышение. Большой интервал падения ЧОТ соответствует бурятскому и монгольскому языкам, меньший - торгутским говорам.

Значения показателей меры варьирования не позволяют сделать вывод о существовании какой-либо очевидной закономерности. С определенной долей уверенности можно говорить о большем варьировании ЧОТ в незавершенном типе, что связано с большей интонационной насыщенностью этого типа интонации. Однако говорить о том, есть ли различие в степени варьирования между языками, нельзя: средние квадратические отклонения, полученные для дикторов, носителей одного и того же языка, не демонстрируют единой тенденции, а наоборот, могут совпадать с таковыми дикторов, носителей других языков.

Изложенное выше можно обобщить следующим образом. Незавершенная интонация в монгольских языках имеет восходяще-нисходящую мелодическую кривую. Для нее характерно довольно высокое начало, мелодический пик может соответствовать либо гласному под фразовым ударением (бурятский и монгольский языки), либо конечному гласному (дербетский говор). Изменение ЧОТ на протяжении синтагмы носит равномерный характер. В бурятском и монгольском языках от начала к предцентру изменение ЧОТ носит нерезкий вид, однако его движение от предцентра к центру и постцентру более выражено, что способствует тональному выделению гласного под фразовым ударением. В западномонгольских говорах для создания интонации незавершенности более существенно движение ЧОТ в предцентре, хотя в общем наблюдается несколько сглаженное движение ЧОТ на всех участках контура. Не наблюдается сколько-нибудь очевидная закономерность в варьировании ЧОТ на протяжении контура, которая позволяла бы говорить о связанном с ней различии языков.

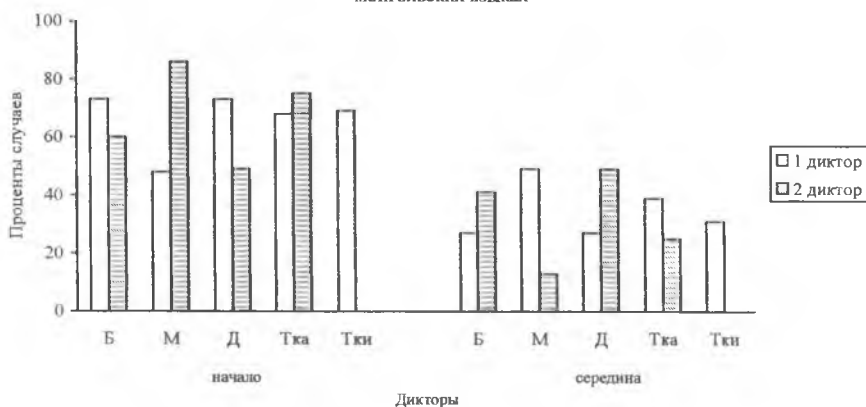
4.1.2.2. Локализация максимальной частоты основного тона

§ 1. Изучение местоположения пика ЧОТ во фразе выявило две основные черты. Первая, касающаяся существования явной связи между типом интонации и местом максимума ЧОТ во фразе, проявляется во многих языках и относится к области интонационных универсалий. Вторая, связанная с проявляющейся в анализируемых языках тенденцией к появлению нескольких максимумов и к расположению пика не в начальной позиции (в завершенных типах), видимо, относится к области языковой специфики, т.к. обусловлена неслитностью, большей дробностью членения речи, свойственной монгольским языкам. Рассмотрим, как они проявляются в разных языках при разных типах интонации.

§ 2. Во всех языках при завершенной интонации в подавляющем большинстве случаев (более 60 %) максимум ЧОТ приходится на начало

фразы (рисунок 4а). Обнаруживается несущественное различие между языками в этом отношении. Так, у дикторов, представляющих монгольский язык и дербетский говор, вероятность появления максимума в начале несколько меньше, а вероятность его локализации в середине несколько больше, чем у остальных дикторов. Сравнительно высокий процент появления пика ЧОТ в середине фразы соответствует проявляющейся в языках тенденции к более дробному членению речи. Слова даже в рамках одной синтагмы распадаются на более мелкие сегменты, между которыми устанавливается более тесная связь. Это приводит к разрыву общего мелодического контура. В результате в составе одной синтагмы оказывается несколько пиков ЧОТ, однако вероятность появления пика по мере приближения к концу синтагмы уменьшается. Универсальная тенденция мелодического параметра интонации понижаться к концу, свойственная этому типу интонации, взаимодействуя со свойственной монгольским языкам закономерностью более дробного членения речи, дает своеобразную картину положения максимума ЧОТ во фразе. Отличительной чертой ее является появление более одного пика ЧОТ во фразе и довольно высокий процент локализации его в середине. В этой позиции максимумы ЧОТ регистрируются во всех монгольских языках, а имеющиеся количественные различия ничтожно малы и носят непринципиальный характер.

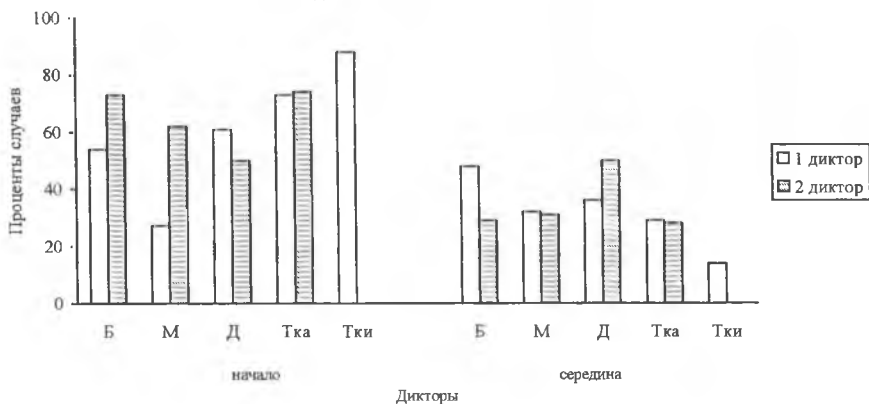
Рисунок 4а. Локализация максимальной ЧОТ при завершенной интонации в монгольских языках

Локализация максимума ЧОТ во фразе, оформленной завершённой интонацией с выделением, находится в согласии с общим нисходящим характером движения ЧОТ (рисунок 46). Этот вывод можно сделать, несмотря на сравнительно низкий, по сравнению с завершённой интонацией, процент совпадения пика ЧОТ с началом фразы. Особенно часто такого рода несовпадения выявляются в данных диктора 1Мо, дающего пиковые значения ЧОТ в начале фразы только в 26% случаев, но в 36% случаев - в середине и в 41% случаев - в конце фразы. Данные диктора 2Мо находятся в русле общих закономерностей: максимум ЧОТ в большинстве случаев (более 60%) расположен в начале фразы. Сказанное позволяет сделать вывод о единстве всех анализируемых языков в локализации пика ЧОТ во фразе, оформленной завершённой интонацией с выделением.

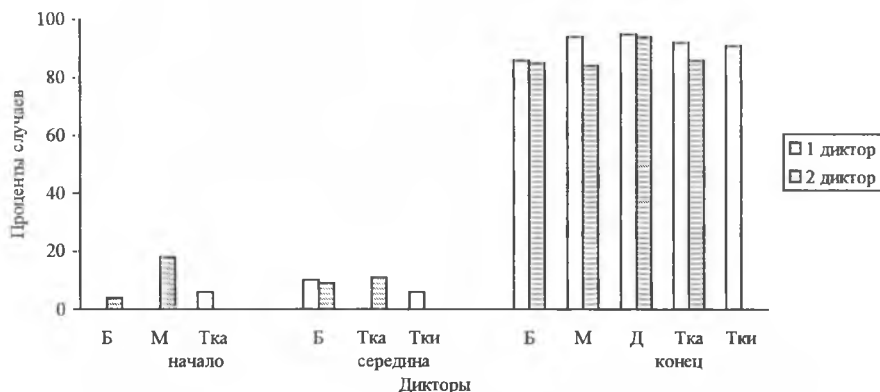
В данном типе интонации к двум основным тенденциям, регулирующим мелодическое оформление фразы, присоединяется ещё одна: реализация выделенности. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что реализация данного типа интонации не всегда приводит к появлению дополнительного пика ЧОТ во фразе. На выделенном слове, как правило, увеличивается уровень ЧОТ, но он не всегда равен пиковому, что соотносится с тем, что в анализируемых языках есть более мощный способ выделения - позиционный. Слово, требующее выделения, помещается в сильную предсказуемую позицию, а интонационные, в том числе мелодические, средства играют роль сопровождающего, неосновного, средства.

Рисунок 46. Локализация максимальной ЧОТ при завершённой интонации с выделением в монгольских языках

О принципиально ином направлении движения ЧОТ в вопросительном типе интонации свидетельствуют данные о локализации максимума ЧОТ (рисунок 4в).

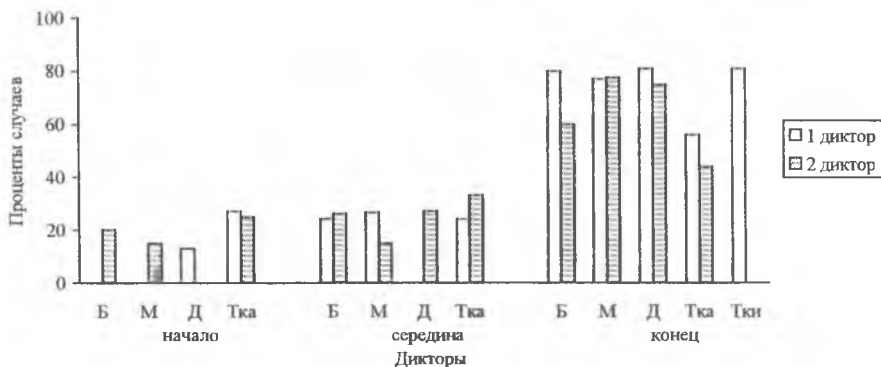
Рисунок 4в. Локализация максимальной ЧОТ при вопросительной интонации в монгольских языках

В рассматриваемом типе интонации особенно ярко проявляется зависимость между типом мелодики и местом максимума ЧОТ. Именно в данном типе интонации наименее выражена другая тенденция - появление нескольких пиков ЧОТ, что связано с большей слитностью составных частей контура в вопросительном типе. Пик ЧОТ здесь смещен вправо и совпадает с концом фразы в большинстве случаев (более 80%). Процент появления максимума ЧОТ в неконечной позиции невелик. Безусловно, это связано с меньшей расчлененностью, большей слитностью вопросительной интонации. В данном типе интонации заметно значительное единство данных разных языков в расположении мелодического максимума, однако наиболее частое совпадение мелодического пика с концом фразы проявляется у диктора, представляющего дербетский говор. Довольно высок процент таких совпадений у дикторов-торгутов, несколько ниже - у дикторов-бурят и монголов. Однако количественные несовпадения данных дикторов, представляющих разные языки, носят непринципиальный характер.

Большая «неспаянность» незавершенного типа интонации отражается в расположении максимальной ЧОТ (рисунок 4г). По сравнению с вопросительным типом в незавершенной интонации заметно возрастает процент случаев появления мелодического пика в неконечной

Рисунок 4г. Локализация максимальной ЧОТ при незавершенной интонации в монгольских языках

позиции. Особенно значительно число таких случаев у дикторов-носителей торгутского говора Калмыкии. У них практически в половине случаев максимум ЧОТ расположен в неконечной позиции. У дикторов-носителей других языков преобладающим является расположение максимума в конечной позиции. Наиболее часто в конце фразы тональный пик регистрируется у дикторов-носителей торгутского говора Китая и дербетского говора, чуть меньше - монгольского языка. Для дикторов-бурят это, видимо, также типично, хотя данные дикторов не совпадают: у диктора 2Бу максимум появляется в начале фразы в 19% случаев, в середине - 18%, тогда как у диктора 1Бу пик ЧОТ совпадает с концом в подавляющем большинстве случаев (83%).

Близость вопросительного и незавершенного типов интонации обнаруживается не только в восходящем характере движения ЧОТ, в тональном уровне отдельных участков контура, но и в локализации максимума, а именно в стремлении пика к концу фразы. Однако при всем сходстве тенденций именно в локализации максимума можно видеть и глубокое различие данных типов интонации: большая «неспаянность» незавершенной интонации, приводящая к увеличению числа случаев расположения тонального пика в неконечной позиции, большее «единство», «спаянность» мелодического контура вопроса, которое обнаруживается в ничтожно малом числе случаев сосредоточения максимума ЧОТ в начале и середине фразы.

4.1.2.3. Мелодический диапазон

§ 1. При изучении частотного уровня мы обратили внимание прежде всего на небольшие различия в уровне ЧОТ на разных участках контура. Об этом же свидетельствуют данные, полученные в результате статистической обработки материала: показатели меры варьирования, как правило, очень малы. По нашему мнению, это составляет одно из основных просодических особенностей монгольских языков. В конечном итоге такие нерезкие перепады ЧОТ, чрезвычайно характерные для анализируемых языков, должны обуславливать определенный объем мелодического диапазона, и напрашивается вывод о его узком объеме как об одном из важных свойств данных языков.

§ 2. Материалы свидетельствуют о несовпадении объема диапазона при разных типах интонации, о зависимости объема мелодического диапазона от интонационной насыщенности фразы: большая выразительность, большая интонационная насыщенность фразы приводит к более заметным изменениям ЧОТ на участках контура и, соответственно, увеличению объема диапазона. Этим, однако, не ограничиваются выводы, вытекающие из анализа материала. С точки зрения темы работы гораздо большую важность представляет различие монгольских языков по объему мелодического диапазона, связанное с сингармонизмом. Рассмотрим интересующие нас типы интонации сквозь призму данного признака.

Наиболее узким, по сравнению с другими типами интонации, объемом мелодического диапазона характеризуется завершенная интонация: значения и максимальной, и минимальной ЧОТ, расстояние между которыми образует диапазон, невелики (таблица 4). Нельзя не отметить то, что соответствующие цифры, характеризующие объем диапазона повествовательных предложений в западномонгольских языках, несколько больше.

Однако различия между языками в объеме диапазона незначительны (1-2 пт). Вместе с тем, эти, хотя и незначительные, различия не носят случайный характер, поскольку они обнаруживаются и при рассмотрении объема диапазона в других типах интонации, но и в других интонационных типах эти различия также носят неярко выраженный характер.

Во всех языках большая интонационная насыщенность завершенной интонации с выделением приводит к увеличению мелодического диапазона: он несколько больше объема диапазона при завершенной интонации.

В данном типе интонации сохраняется слабо выраженное различие между группами языков в величине диапазона. Уже отмеченный для

Мелодический диапазон при разных типах интонации

Тип интонации	Завершенный			Завершенный с выделением			Вопросительный			Незавершенный		
	max	min	диапазон	max	min	диапазон	max	min	диапазон	max	min	диапазон
Дикторы												
1Бу	162	100	Пт 8 Гц 62	169	102	Пт 9 Гц 67	189	111	Пт 10 Гц 78	173	115	Пт 7 Гц 58
2Бу	201	142	6 59	202	140	6 62	219	140	8 79	212	138	7 74
1Мо	145	91	8 54	148	99	9 49	167	94	11 73	151	104	7 47
2Мо	164	107	7 57	166	105	8 61	195	122	9 73	180	116	7 64
1Де	188	120	8 68	194	124	8 70	23	134	11 104	218	139	8 79
2Де	115	61	10 54	122	62	12 60	155	70	12 85	145	78	11 67
1ТКа	201	116	9 85	210	119	10 91	231	144	9 87	205	122	10 83
2ТКа	157	103	8 54	166	101	9 65	201	129	8 72	167	115	7 52
ТКи	198	135	6 63	218	144	8 74	235	157	7 78	232	156	7 76

рассмотренного выше типа интонации. Большой объем диапазона в ойратских говорах обнаруживается и здесь. Однако это прослеживается не во всех случаях и зависит в основном от степени реализации диктором значения выделенности. На фоне всех дикторов можно выделить дикторов 2Мо, 2ТКа, ТКи, имеющих в данном типе интонации наиболее широкий диапазон среди всех дикторов и всех типов интонации.

В большинстве языков самый широкий диапазон соответствует вопросительному типу интонации. Увеличение диапазона происходит за счет больших значений максимальной ЧОТ. Во всех языках максимальная ЧОТ при вопросительной интонации больше максимальной ЧОТ не только в завершенном, но и в завершенном с выделением типе интонации (в среднем на 26 Гц). Однако более заметно максимальные значения ЧОТ увеличиваются в бурятском языке: на 33 Гц (диктор 1Бу) и на 44 Гц (диктор 2Бу). В этом языке незначительно увеличиваются минимальные зна-

чения ЧОТ (в среднем на 9 Гц), что в общей сложности обеспечивает больший объем диапазона. В остальных языках соответствующие цифры несколько больше.

Наблюдаемое несходство ойратских говоров и северно- и восточно-монгольских языков по объему мелодического диапазона наиболее ярко проявляется в незавершенном типе интонации. В рассмотренных выше типах интонации данное несовпадение проявлялось не столь ярко: в среднем соответствующие диапазоны различались на 2 пт. В незавершенном типе интонации разрыв достигает 4 пт.

Во всех языках мелодический диапазон в незавершенном типе интонации больше, чем в завершенном, но меньше, чем в вопросительном. Это связано с тем, что в незавершенном типе интонации среднее максимальное значение ЧОТ меньше, чем в вопросительном, но больше, чем в завершенном типе интонации. Минимальные значения ЧОТ могут быть как меньше, так и больше, они могут соответствовать минимальным значениям вопросительного типа интонации. Здесь данные дикторов-носителей одного и того же языка дают разную картину.

§ 3. Таким образом, анализ мелодического диапазона во фразах, оформленных разными типами интонации, подтверждает те выводы, которые можно было сделать, исходя из анализа соотношений ЧОТ в разных частях контура и вариативности ЧОТ во фразе. Он заключается в том, что всем монгольским языкам присущ относительно узкий мелодический диапазон. Однако соответствующие цифры, характеризующие его объем, не совпадают как в разных языках, так и внутри одного и того же языка, но в разных интонационных типах. В этом несовпадении обнаруживаются две закономерности, определяющие объем мелодического диапазона в каждом из языков. Первая связана с тем, что более широким объемом диапазона во всех языках обладают те предложения, которые реализуют вопросительный, незавершенный, завершенный с выделением типы интонации, интонационно более выразительные. В этом проявляется общеинтонационная закономерность, которую можно наблюдать в любом другом языке: большая интонационная насыщенность фразы приводит к большим значениям ЧОТ и большему объему мелодического диапазона. Вторая связана с разной степенью вариативности ЧОТ во фразе: большая инвариантность ЧОТ в бурятском и монгольском языках отражается в меньшем объеме динамического диапазона. Наоборот, меньшая связанность отдельных значений ЧОТ со своими средними значениями в ойратских говорах приводит к большей вариативности ЧОТ и большему объему диапазона. И если в первой проявляются универсально-интонационные закономерности, то во

второй - особенности просодической структуры монгольских языков, связанные с сингармонизмом.

Нерезкие, неглубокие перепады тона формируют свойственный этим языкам небольшой объем диапазона, однако это обнаруживается не во всех частях контура. Нерезкие изменения ЧОТ, которые составляют важное отличительное свойство всех анализируемых языков, обнаруживаются в основном на неконечном участке контура и, в особенности, - в начале фразы. В зоне реализации интонационного центра и конце наблюдаются более заметные перепады тона, благодаря которым реализуется основное коммуникативное значение фразы. Иными словами, в конечной зоне в основном доминируют универсальные черты интонации, тогда как специфические обнаруживаются на участке до центра. Однако можно наблюдать проявление языковой специфики и в зоне центра. Это проявляется, в частности, в том, что на этом участке хотя и происходят более заметные тональные изменения, но не столь яркие.

Наши данные представляют важные сведения о значимости начальной части контура. Как хорошо известно, релевантность начала подвергается по традиции сомнению. Однако в работах Н.Д.Светозаровой и М.Г.Радиевской уже были приведены доказательства значимости начала, в частности, это подтвердилось в опытах по восприятию. Оказалось, что испытуемые начинали правильно опознавать тип интонации задолго до появления интонационного центра (Светозарова, 1982: 120; Радиевская, Светозарова, 1982: 70; Радиевская, Светозарова, 1984: 146). Наши данные дополняют эти сведения: начало важно и с точки зрения проявления языковых особенностей. Материалы свидетельствуют о том, что именно на участке до центра обнаруживается столь характерная для монгольских языков равномерность, монотонность речи. Лишь в конечной части происходят более или менее заметные изменения ЧОТ, необходимые для реализации типа интонации, и в этом смысле релевантность конца для опознания интонационного типа не подлежит сомнению.

4.1.2.4. Направление движения ЧОТ

§ 1. В монгольских языках общее направление движения тона в контуре при разных типах интонации напоминает таковые множества других языков. Это формальное сходство вытекает из единства стоящего за этой формой содержания: значения законченности, незаконченности, вопроса, выделенности. Принципиальное отличие мелодической структуры конкретных монгольских языков и всех монгольских языков в целом как представителей сингармонических языков не исчерпывается уже отмеченными выше чертами. Глубокое различие связано с характером

движения ЧОТ на протяжении фразы. Ниже будут рассмотрены направление движения тона в предцентре, центре, постцентре, после чего - частотные интервалы на стыках предцентра и центра, центра и постцентра.

§ 2. Во всех языках отмечаются, как правило, восходяще-нисходящие и нисходящие движения ЧОТ на гласном под фразовым ударением при завершённой интонации; значительно число случаев ровного движения ЧОТ, но нисходящие типы всегда доминируют (таблица 5). Вместе с тем, движение на гласном предцентра может быть гораздо более разнообразным. Здесь отмечаются вместе с нисходящим и ровным направлениями восходящие, однако первые преобладают.

Таблица 5

Направление движения ЧОТ в предцентре, центре и постцентре при завершённой интонации в монгольских языках (в % случаев)

Позиция Направление	Предцентр			Центр				Постцентр			
Дикторы											
1Бу	20	55		25	48	33		19	89		11
2Бу	36	14	32	18	39	44		17	77	5	18
1Мо	39	50		11	24	10	48	18	64	36	-
2Мо	43	5	48	4	54	14	10	22	52	38	10
1Де	18	53	9	20	35	45	8	12	60	28	15
2Де	33	14	48	5	55	35		10	75	20	5
1ТКа	43	14	19	24	55	20		25	90		10
2ТКа	52	5	24	19	52	28		20	95		5
ТКи	18	9	46	2Т	69	17		14	67	25	8

Важная черта мелодической организации анализируемых языков связана не с направлением движения ЧОТ, а с характером понижения ЧОТ. Во всех случаях на гласном центра отмечается нерезкое, равномерное движение ЧОТ. Следует обратить внимание на то, что тональный контраст между гласными предцентра, центра и постцентра также не отличается заметной глубиной (таблица 6). Более выражено падение ЧОТ от центра к постцентру. Особенно ярко эта черта проявляется в ойратских говорах. Они характеризуются более глубоким падением ЧОТ на

конечном участке, что способствует более яркому тональному выделению предшествующего гласного - гласного под фразовым ударением.

Таблица 6

Интервал стыков предцентр+центр, центр+постцентр при разных типах интонации в монгольских языках (в п/т)

Тип интонации	Завершенный		Завершенный с выделением		Вопросительный		Незавершенный	
	Пред-центр + Центр	Центр + Пост-центр	Пред-центр + Центр	Центр + Пост-центр	Пред-центр + Центр	Центр + Пост-центр	Пред-центр + Центр	Центр + Пост-центр
Дикторы								
1Бу	1	1	2	4-5	4-5	6-7	3-4	5-6
2Бу	3	1-2	2	3-4	1-2	4-3	1	3-4
1Мо	2	3-4	2	3-4	3-4	4-5	1	3
2Мо	1	3	2	4-5	3-4	2-3	1-2	2-3
1Де	1	4-5	2-3	4	3	7-8	1-2	3-4
2Де	2	3-4	2-3	4	1-2	7-8	2-3	1
1ТКа	1	3-4	3-4	2	2-3	4-5	2-3	1
2ТКа	2-3	4-5	4-5	3	1	1	2-3	1-2
ТКи	1	4	3	3	2-3	2-3	2-3	1-2

Различия в характере падения ЧОТ от центра к постцентру можно проиллюстрировать не только сведениями об интервалах ЧОТ, но и используя для этого рисунок 3, дающий представление о тональном соотношении на этих участках контура. Переход от предцентра к центру носит плавный характер: цифры, характеризующие интервал стыка предцентр-центр, меньше соответствующих цифр, полученных для стыка центр-постцентр. Однако на фоне в целом неконтрастного движения тона от одного сегмента к другому изменения ЧОТ на участках, примыкающих к центру, носят более выраженный характер, что, безусловно, служит его выделению.

Итак, тональные признаки (изменение ЧОТ на гласных, тональный контраст на стыках слов) указывают на особый характер движения ЧОТ на протяжении монгольской фразы, заключающийся в нерезком, равномерном переходе ЧОТ от одного сегмента к другому.

§ 3. В отличие от завершенного типа интонации, при завершенном типе интонации с выделением на гласном предцентра прослеживаются более разнообразные направления движения ЧОТ (таблица 7). Кроме нисходящего, восходяще-нисходящего и ровного направлений, свойственных и для завершенного типа, в данном типе интонации значительно число случаев восходящего движения. Большая интонационная насыщен-

ность данного типа интонации проявляется в более разнообразных направлениях движения ЧОТ не только на гласном центра, но и на предцентре. Однако очевидно преобладание нисходящих типов движения, что связано со свойственным этому типу интонации общим нисходящим направлением движения ЧОТ. В постцентре прослеживается абсолютное доминирование нисходящего направления движения ЧОТ, именно на этом участке контура наиболее ярко обнаруживает себя нисходящее движение ЧОТ, без которого невозможна идентификация данного типа интонации.

Таблица 7

Направление движения ЧОТ на предцентре, центре, постцентре при завершённой интонации с выделением в монгольских языках (в % случаев)

Позиция Направление	Предцентр				Центр				Постцентр			
Дикторы												
1Бу	17	27	30	26	26	39	19	16	87	13		
2Бу	41	24	29	6	22	68	10		78	12	11	
1Мо	7	13	33	47	14	58	7	21	50	31	19	
2Мо	20	13	54	13	40	12	33	15	53	35	12	
1Де	13	25	50	12	6	53	29	12	60	33	7	
2Де	13	27	40	20	13	50	31	6	80	13	7	
1ТКа	6	19	56	19	30	38	7	25	73	13	14	
2ТКа	27	37	16	13	59	21	6	14	67	13	20	
ТКи	25	30	20	25	20	50	23	7	100			

Важным представляется не только направление, но и характер движения ЧОТ на этих участках контура: на протяжении гласного тон меняется не резко, а плавно.

Данные типы завершённой интонации различаются не только благодаря более разнообразным направлениям движения ЧОТ на предцентре и центре, но и благодаря большему интервалу падения ЧОТ от предцентра к центру и от центра к постцентру, что служит большей выделенности гласного под фразовым ударением в завершённом типе с выделением. Именно с этим связано некоторое различие, существующее между анализируемыми языками. В ойратских говорах интервал падения ЧОТ от предцентра к центру несколько больше, чем в бурятском и монгольских языках, тогда как в последних больший интервал падения отмечается от центра к постцентру. Однако общим для всех языков является то, что ЧОТ на всех участках фразы понижается нерезко, плавно.

Как было сказано выше, общее направление движения ЧОТ, как и направление движения ЧОТ на гласном центра, не отражает специфики интонации анализируемых языков, которая связана с характером движения ЧОТ внутри контура. Важная черта мелодической структуры завершенной интонации с выделением связана с типом движения ЧОТ как на отдельных гласных, так и в целом на составных частях контура. Ее можно определить как неконтрастность; именно в равномерном движении ЧОТ отражается нерезкий характер изменения ЧОТ внутри контура, столь типичный для всех анализируемых языков.

§ 4. В вопросительном типе интонации на предцентре фиксируются восходяще-нисходящие, нисходяще-восходящие и ровные движения ЧОТ при явном преобладании восходящих типов движения (таблица 8).

Таблица 8

Направление движения ЧОТ на предцентре, центре, постцентре при вопросительной интонации в монгольских языках (% случаев)

Позиция Направление	Предцентр				Центр				Постцентр				
Дикторы													
1Бу	12	29	41	18	11	65	6	18	36	50		7	7
2Бу	7	35	40	18	18	48	29	5	29	57			14
1Мо	11	23	33	33	11	61	17	11	70	13			17
2Мо	15	69	10	6	5	62	20	13	13	13	74		
1Де	19	38	25	18		94		6			85		15
2Де	24	41	18	17		77	14	9			70	9	21
1ТКа	31	32	27	20		94		6		42	35	12	11
2ТКа	5	47	29	19		48	40	12	15	45	38		2
ТКи	24	35	12	29	29	30	41		22	36	18		24

Языки не различаются по характеру подъема ЧОТ от предцентра к центру, который можно определить в целом как плавный: интервал стыка составляет в среднем 2-3 пт (таблица 6).

На гласном центра во всех языках чаще всего отмечается восходящее движение ЧОТ; остальные типы (восходяще-нисходящее, нисходяще-восходящее, ровное) используются гораздо реже. Конец в целом

является единственным участком в вопросительном типе, на котором наблюдаются более яркие, более выраженные изменения ЧОТ. У дикторов-бурят и монголов происходит последовательное повышение ЧОТ на всех участках контура вплоть до центра, на центре ЧОТ повышается довольно резко, а на постцентре наблюдается заметное понижение ЧОТ. У дикторов-калмыков все части контура охвачены повышением ЧОТ, характер которого не везде одинаков. У всех дикторов только в центре наблюдается довольно резкий подъем тона, в то время как все предшествующие участки контура характеризуются последовательно повышающимся движением ЧОТ. Довольно высокий подъем ЧОТ в конце контура приводит к расширению диапазона, что отличает этот тип интонации от других.

Сказанное подтверждается данными таблицы 6, содержащими сведения о характере движения ЧОТ от центра к постцентру. Как падение, так и подъем ЧОТ носят довольно выраженный характер, что наблюдается у всех дикторов, кроме диктора, представляющего торгутский говор Китая.

§ 5. Если в вопросительном типе интонации наблюдалось преобладание восходящего направления движения ЧОТ на всех участках контура, то в незавершенном типе интонации такого доминирования какого-то одного направления не наблюдается. В этом проявляется глобальность, цельнооформленность вопросительной интонации и сложность движения ЧОТ в незавершенном типе интонации. Так, на предцентре при незавершенной интонации отмечаются следующие направления движения: нисходящее, восходяще-нисходящее, восходящее, восходяще-нисходящее и ровное; и ни один из них ни в одном из языков не доминирует (таблица 9).

Таблица 9

Направление движения ЧОТ на предцентре, центре, постцентре при незавершенной интонации в монгольских языках (% случаев)

Позиция Направление	Предцентр					Центр					Постцентр				
Дикторы															
1Бу	13		50	6	31	6	19	44			31	31	31	8	30
2Бу	47	6	35	6	6	17	22	44			17	50	21	15	14
1Мо	22	11	33	6	28	12	12	47			29	62	7	31	
2Мо	26	12	40		22	20	7	53			20	38	7	47	8
1Де	22		61		17		11	78			11	37		50	13
2Де	28	10	33	10	19		13	44	13		31	31		38	31
1ТКа	29	30	29		12	24	5	59			12	53		40	7
2ТКа	25	20	32		23	18	24	35			23	69		19	12
ТКи	2	36	20		19			50			6	43		36	21

Эти же виды движения ЧОТ регистрируются на гласном центра. Здесь также значительно число случаев ровного движения, а случаи оформления гласного центра восходящим движением несколько увеличиваются, что соответствует повышению уровня ЧОТ на этом участке контура. В постцентре у дикторов-бурят преобладают нисходящие типы движения, у остальных дикторов в постцентре отмечаются как нисходящие, так и ровные и восходящие направления движения.

О нерезком характере движения ЧОТ, также свойственном данному типу интонации, можно судить по величине интервала ЧОТ на стыках предцентр-центр, центр-постцентр (таблица 6). Обнаруживаются различия в направлении движения ЧОТ от центра к постцентру и интервалах ЧОТ на этом участке контура между дикторами, представляющими северно- и восточномонгольские языки, с одной стороны, и западномонгольские - с другой. У последних наблюдается восходящее движение, а у бурят и монголов - нисходящее. Если все предшествующие центру участки контура характеризуются постепенным повышением ЧОТ, то конечная зона имеет более яркое мелодическое оформление. Оно выражается в более резком, имеющем больший интервал, подъеме ЧОТ; это особенно ярко демонстрируют дикторы-буряты, у которых интервал может достигать 5-6 пт.

§ 6. Рассмотренные выше типы интонации различаются многими признаками: общим направлением движения ЧОТ в контуре, направлением движения ЧОТ на составных частях контура, объемом частотного диапазона, частотным интервалом на стыках слов, локализацией максимальной и минимальной ЧОТ. Каждый из перечисленных выше признаков важен для реализации того или иного типа интонации. Однако с точки зрения проявления специфики просодической структуры анализируемых языков важны не все. Во всех языках именно с характером движения ЧОТ связана основная мелодическая черта языков: некоторая монотонность произношения. Она обнаруживается в частотном интервале как на стыках слов, так и внутри слова, объеме мелодического диапазона и в относительной инвариантности ЧОТ. Именно малая изменчивость ЧОТ - причина и небольшого интервала, и узкого мелодического диапазона типов интонации рассматриваемых языков. В свою очередь, большая или меньшая степень проявления этой черты, характерной для всех языков, - источник тех мелодических различий анализируемых языков, которые были установлены в ходе анализа.

4.1.3. Вариативность частоты основного тона гласных

§ 1. В ходе исследования просодической организации монгольской фразы нами было установлено: 1) в разных монгольских языках и длительность, и интенсивность гласных во фразе варьируют неодинаково; 2) с точки зрения вариативности этих характеристик близкими оказываются те языки, вокализм которых регулируется одним или двумя типами гармонии гласных; наоборот, языки, имеющие разные типы гармонии, более далеко отстоят друг от друга. Таким образом, можно говорить о сходстве/различии языков на акустическом уровне.

В связи с тем, что, на наш взгляд, несходство монгольских языков в вариативности просодических характеристик составляет главную отличительную черту интонационных систем этих языков, представляется, что именно вариативность ЧОТ требует специального анализа.

Достаточно надежным и корректным приемом исследования нам представляется F-критерий Фишера, поскольку F-критерий оперирует цифрами, полученными в результате целого ряда обобщений. F-критерий гласит: если сравниваемые выборки извлечены из одной и той же генеральной совокупности или из разных совокупностей с дисперсиями σ_1^2 и σ_2^2 , равными друг другу: ($\sigma_1^2 = \sigma_2^2$), то величина критерия не превышает критические точки (F-теор.). Если же выборки взяты из разных совокупностей с их параметрами σ_1^2 и σ_2^2 , не равными друг другу, то F-факт. > F-теор. и нулевая гипотеза должна быть отвергнута (Лакин, 1990: 125). F-критерий Фишера вычислялся по формуле:

F-факт. = σ_1^2 / σ_2^2 , где σ - среднее квадратическое отклонение.

Табличное значение критерия бралось на 5 % уровне значимости и чисел степеней свободы v_1 - для большей дисперсии, v_2 - для меньшей дисперсии ($v = n-1$). Результаты подсчетов обобщены в таблицах 10, 11, 12, 13.

Можно думать, что вариативность ЧОТ в каждой сравниваемой паре монгольских языков различна. Для проверки этой гипотезы вычислим F-факт. поочередно для каждой пары языков с учетом типа интонации и фразовой позиции.

§ 2. Во всех сравниваемых парах фактические значения F-крит., полученные для начала повествовательной фразы, превысили теоретические значения (F-факт. > F-теор.). Можно думать, что в данных ситуациях ЧОТ в данных парах варьирует по-разному.

В конечной позиции вариативность ЧОТ в одних языках одинакова, в других неодинакова. Наиболее близкими между собой оказались бурятский и монгольский языки, с одной стороны, и ойратские говоры - с другой. Сравнение бурятского и монгольского языков поочередно с

**Вариативность ЧОТ в завершённом типе в разных ситуациях
(+ одинаковая F-факт. < F-теор.; – неодинаковая F-факт. > F-теор.)**

Сравниваемые языки	Начало	Конец
1. Бу и Мо	–	+
Бу и ТКи	–	+
Де и ТКа	–	+
Де и ТКи	–	+
ТКи и ТКа	–	+
2. Бу и Де	–	–
Бу и ТКа	–	–
Мо и Де	–	–
Мо и ТКа	–	–
Мо и ТКи	–	–

Таблица 11

**Вариативность ЧОТ гласных в вопросительном типе в разных ситуациях
(+ одинаковая F-факт. < F-теор.; – неодинаковая F-факт. > F-теор.)**

Сравниваемые языки	Начало	Конец
1. Бу и Мо	+	+
Де и ТКи	+	+
ТКа и ТКи	+	+
2. Мо и ТКа	–	+
Мо и ТКи	–	+
Де и ТКа	–	+
3. Бу и Де	–	–
Бу и ТКа	–	–
Бу и ТКи	–	–
Мо и Де	–	–

каждым из ойратских говоров по F-критерию Фишера свидетельствует о том, что в каждой сравниваемой паре языков ЧОТ варьирует неодинаково (F-факт./F-теор.). И именно эти комбинации языков в целом оказываются наиболее несходными по данному признаку, т.к. в них ЧОТ варьирует неодинаково как в начале, так и в конце фразы. В ойратских говорах, а также в бурятском и монгольском языках наибольшие различия в вариативности ЧОТ сохраняются в позиции начала фразы, в конечной позиции различия нейтрализуются.

Таким образом, начало повествовательной фразы является позицией, наиболее благоприятной для проявления различий языков по характеру варьирования ЧОТ: ни в одной из сравниваемых пар языков не выявляется одинаковая вариативность данного признака. Конец фразы информативен в том отношении, что в данной позиции ярко проявляется связь между характером вариативности ЧОТ и близостью языков с точки зрения принципов организации фонетического материала.

Таблица 12

**Вариативность ЧОТ в завершенном типе с выделением
в разных ситуациях (+ одинаковая F-факт. < F-теор.;
– неодинаковая F-факт. > F-теор.)**

Сравниваемые языки	Начало	Конец
1. Де и ТКи	+	+
2. Бу и Де	–	–
Бу и ТКа	–	–
3. Мо и Бу	–	+
Бу и ТКи	–	+
Мо и Де	–	+
Мо и ТКа	–	+
Мо и ТКи	–	+
Де и ТКа	–	+
ТКа и ТКи	–	+

Таблица 13

**Вариативность ЧОТ в незавершенном типе в разных ситуациях
(+ одинаковая F-факт. < F-теор.;
– неодинаковая F-факт. > F-теор.)**

Сравниваемые языки	Начало	Конец
1. Де и ТКа	+	+
Де и ТКи	+	+
ТКи и ТКа	+	+
2. Мо и Бу	–	+
Бу и Де	–	+
Бу и ТКа	–	+
Бу и ТКи	–	+
Мо и Де	–	+
Мо и ТКа	–	+
Мо и ТКи	–	+

§ 3. По характеру варьирования ЧОТ при завершённой интонации с выделением языка распадаются на три совокупности (таблица 12). В первой группе языков, в которую входят дербетский и торгутский говор Китая, выявляется одинаковая вариативность ЧОТ как в начале, так и в конце фразы (F-факт. < F-теор.).

Наиболее несходными языками являются такие, как бурятский и дербетский, бурятский и торгутский Калмыкии, составляющие вторую группу. Эмпирические значения F-критерия, высчитанные для начала и конца фразы, превышают критические значения F-критерия. Это свидетельствует о том, что в названных языках в обеих фразовых позициях ЧОТ варьирует неодинаково.

Третью, самую многочисленную, группу составляют языки, в которых ЧОТ одинаково варьирует в позиции конца фразы (F-крит. < F-теор.) и неодинаково - в позиции начала (F-факт. > F-теор.).

Нисходящие типы интонации обнаруживают сходство по характеру варьирования ЧОТ. Оно проявляется в том, что в этих типах интонации в большинстве сравниваемых пар языков ЧОТ варьирует одинаково в позиции конца и неодинаково - в позиции начала фразы. Это связано с тем, что ЧОТ в конце фраз, реализующих нисходящую мелодику, понижается, отдельные значения ЧОТ гласных незначительно отстоят от своих средних, поэтому сравниваемые языки не различаются по характеру варьирования ЧОТ в этой позиции. Начало фраз, совпадающее с восходящей сонорной ветвью, характеризуется большей вариативностью отдельных значений ЧОТ (в каждом языке значения ν и σ в позиции начала больше, чем в позиции конца фразы). Однако использование F-критерия Фишера помогло установить факт несходства языков по характеру варьирования ЧОТ. Не случайным, по нашему мнению, является то, что одни и те же пары языков при завершённой интонации и при завершённой интонации с выделением и в начале, и в конце фразы обнаруживают максимальное различие по данному признаку (Бу и Де, Бу и То Калмыкии). В остальных языках при сходстве варьирования ЧОТ в позиции начала фразы сохраняется различие для начальной позиции.

§ 4. По характеру варьирования ЧОТ в вопросительном предложении сравниваемые языки также распадаются на три группы (таблица 11). В группу языков, имеющих одинаковую вариативность ЧОТ и в начале, и в конце фразы, входят бурятский и монгольский языки и ойратские говоры. Во всех случаях эмпирические значения F-критерия оказались ниже критических (F-факт.<F-крит.), что можно рассматривать как свидетельство сходства языков по характеру варьирования ЧОТ при вопросительной интонации.

Напротив, языками, наиболее далеко отстоящими друг от друга по рассматриваемому признаку, являются бурятский и дербетский, бурятский и торгутский Калмыкии, бурятский и торгутский Китая, монгольский и дербетский (во всех случаях F-факт.>F-теор.).

Монгольский и торгутский Калмыкии, монгольский и торгутский Китая, дербетский и торгутский Калмыкии образуют третью группу языков, которые имеют одинаковую вариативность ЧОТ в конечной позиции и разную - в начальной фразовой позиции. Об этом свидетельствует то, что во всех случаях фактические значения критерия, полученные для начальной позиции, превышают значения F-теор. (F-факт.>F-теор.), и эти же значения, полученные для конечной позиции, всегда ниже критических (F-факт.<F-теор.).

Итак, при вопросительной, как и при рассмотренных выше типах интонации, наблюдается зависимость вариативности ЧОТ гласных от фразовой позиции. Установлено, что по вариативности этого признака разные монгольские языки могут совпадать, либо, напротив, могут не совпадать. Последнее зависит от того, сходятся или расходятся языки с точки зрения действующих в языках принципов организации звукового материала, связанных с сингармонизмом.

§ 5. При незавершенной интонации выделяются две группы языков. В первой группе (таблица 13) в обеих фразовых позициях фактические значения F-крит. ниже теоретических (F-факт.<F-теор.), что свидетельствует о тождестве языков с точки зрения вариативности ЧОТ гласных. Для второй группы, в которую входит большинство языков, характерна неодинаковая вариативность ЧОТ в позиции начала фразы (F-факт.<F-теор.) и одинаковая вариативность ЧОТ в позиции конца фразы (F-факт.<F-теор.).

Анализ показывает, что по данному признаку, с одной стороны, наиболее близкими оказываются ойратские говоры, в которых действуют одни и те же принципы организации звукового материала, а с другой - именно ойратские говоры расходятся с теми языками, с которыми у них не совпадают принципы звуковой организации.

Мы неоднократно фиксировали факт сходства бурятского и монгольского языков по характеру варьирования интенсивности и длительности в разных ситуациях, мы наблюдали также случаи, когда именно бурятский и монгольский языки по данным признакам расходились с ойратскими говорами. Это же отмечается при анализе мелодического компонента. Не случайным является тот факт, что бурятский и монгольский языки, имеющие сходные законы регулирования вокализма слова, почти всегда совпадают по вариативности и длительности, и интенсивности, и ЧОТ.

Это наблюдается в разных условиях: как в разных интонационных типах, так и разных фразовых позициях. Не случайно и то, что именно эти языки при сравнении с одним из ойратских говоров, с которыми их различают типы гармонии гласных, в подавляющем большинстве случаев обнаруживают несходство в варьировании и длительности, и интенсивности, и ЧОТ, причем это различие устойчиво проявляется в разных условиях.

Степень варьирования акустических признаков гласных определяется такими факторами, как ударение, сингармонизм, позиция во фразе, качество звука. В наших случаях в результате специального подбора соблюдалось тождество материала, легшего в основу сравнительного анализа. В таком случае выявленные различия можно отнести только на счет несходств языков с точки зрения сингармонизма. Только этим можно объяснить факт устойчиво проявляющегося сходства бурятского и монгольского языков по характеру варьирования акустических признаков. Об этом же свидетельствует то, что именно они обнаруживают различие в характере варьирования признаков с одним из ойратских говоров. В свою очередь, ойратские говоры, благодаря относительно большей свободе вокалического наполнения слова, характеризуются большей вариативностью акустических признаков, которые в разных говорах варьируют не всегда одинаково.

4.1.4. Модификация мелодической программы слова во фразе

§ 1. В результате анализа просодических характеристик слов, находящихся в разных фразовых позициях, исследователи установили самостоятельность статуса просодической структуры слова. Во многом это направление возникло под влиянием теории Т.М.Николаевой о слое словесной просодии, которое находит убедительное подтверждение в целом ряде экспериментально-фонетических работ, выполненных в ЛЭФ им. акад. Л.В.Щербы (Дербилова, 1980; Абрамова, 1983; Юркова, 1983; Жанабаяева, 1985; Мередукулиева, 1989). В исследованиях этих авторов был, в частности, сделан вывод о том, что «благодаря цельности своих характеристик, просодия слова обеспечивает функционирование слова как некоторой самостоятельной единицы» (Абрамова. 1983: 15), а «характер и степень воздействия фразовой просодии на словесную определенным образом может быть связан с типом языка» (Юркова, 1983: 3). Вместе с тем в каждой из этих работ постоянно подчеркивается мысль о тесном переплетении и взаимосвязанности уровня слова и уровня предложения в интонации: «Даже некоторая автономность отдельных просодических характеристик слова носит относительный характер» (Абрамова, 1983: 14).

Мы считаем, что слово, как всякая сегментная единица, обладает собственными просодическими признаками, которым, в силу специфики слова быть минимальной фразой, свойственна чрезвычайная вариативность. «Слово, будучи центральной единицей языка, является фокусом взаимосвязи, взаимодействия, взаимопроникновения всех уровней языка» (Зубкова, 1982: 100), но наиболее тесно в нем переплетаются просодические признаки, признаки собственно слова и фразы. Находясь в составе более крупной единицы, занимая в ней определенное место или образуя минимальную фразу, слово заключает в себе и характеристики фразы. Однако именно благодаря «потенциальной изолируемости слова», благодаря тому что «слово есть отрезок речи, который можно изолировать и произносить как единственную составную часть предложения» (Поливанова, 1971: 195), оно выделяется как самостоятельная единица, обладающая определенным значением и фонетической формой: фонемной и просодической организацией. При этом мы исходим из того, что исследование просодических характеристик слова так же важно, как и изучение его грамматических и семантических свойств, поскольку «ни одна языковая система (и ни один уровень этой системы) не может быть описана, как таковая, без обращения к материальным характеристикам этой системы» (Бондарко. 1981: 4).

§ 2. Существует мнение, согласно которому частотный компонент интонации является характеристикой не просодии слова, а фразопросодическим фактором, обуславливающим вариативность просодических признаков слова (Николаева, 1977; Дербилова, 1980). Эту точку зрения разделяют даже те исследователи, которые признают самостоятельность статуса словесной просодии. Действительно, мелодика в большей степени, чем длительность и интенсивность, «работает» на смысл, это наиболее «функционально-семантический акустический параметр» (Николаева, 1977: 61).

§ 3. С целью анализа силы воздействия просодии фразы на просодию слова из всего материала были отобраны примеры, в которых одни и те же слова занимали определенную позицию во фразе: начало, середину, конец. Таких предложений оказалось по 17 на каждый интонационный тип, слова содержали широкие гласные. Все предложения были сгруппированы по типам интонации, а внутри типов - по позициям (не рассматривается завершенная интонация с выделением, в которой характеристики слова сильно зависят от места выделенного слова). Вначале были установлены характеристики слова вне фразы. Для этого рассматривались относительные значения ЧОТ, длительности, интенсивности изолированного слова, которое, вслед за Т.М.Николаевой, понимает-

ся как микрофраза, дающая еще один вариант воплощения слова и помогающая тем самым создать его инвариантную просодическую модель (Николаева, 1977: 80).

Проведенный нами анализ механизмов адаптации мелодического рисунка слова в мелодическом контуре фразы показывает, что последний не является механическим соединением отдельных слов со специфическим мелодическим рисунком, но и не представляет собой некую кривую с размытыми границами между составляющими ее элементами. Если в мелодическом контуре фразы в языках со словесным ударением участки мелодического подъема, как правило, совпадают с отдельными словами, то мелодический контур монгольских языков - это контур, в котором отдельные слова «встраиваются» в заданный мелодический рисунок фразы. В целом, как говорилось выше, мелодический контур в этих языках характеризуется некоторой монотонностью, отсутствием резких мелодических подъемов. Однако и в них отмечается неоднородность мелодических движений. Как показывает анализ, она создается некоторым подъемом ЧОТ в конце слов, но этот подъем отмечен не во всех фразовых позициях. Тональные повышения, как правило, совпадают с границами слов, и вместе со сменой сингармонической модели слова они могут рассматриваться в качестве пограничных сигналов; об этом, как известно, писали Е.Д. Поливанов и Н.С. Трубецкой.

Анализ показывает, что мелодические характеристики слова так же, как и динамические и темпоральные, находятся в зависимости от интонационного типа фразы и места слова в ней. Так, при незавершенной интонации слово во всех монгольских языках характеризуется большими частотными значениями, чем при завершенной. Если при завершенной мелодике частотные значения слова в начальной позиции выше, чем в серединной и конечной, то при вопросительной, наоборот, частотные показатели слова из конечной позиции выше, чем слов из середины и конца фразы. Изучение соотношения частотных уровней внутри слова показывает сохранение определенного преобладания частотных значений гласного второго слога в одних позициях и изменение - в других.

§ 4. Завершенная интонация. Как в начальной, так и в серединной позициях во всех языках отмечаются большие частотные значения второго гласного в слове (таблица 14). Частотный интервал, более значительный в начальной позиции, несколько сглаживается в серединной позиции и примерно равняется 0,2 - 0,02. В конечной позиции мелодическое соотношение гласных меняется: 0,43 - 0,17; частотные соотношения гласного первого слога во всех языках выше соответствующих значений гласного второго слога. Это соответствует подъему тона на глас-

ном - носителе фразового ударения. На последующем гласном ЧОТ понижается, что создает определенный мелодический контраст на данном участке и способствует созданию впечатления выделенности этого гласного. В целом мелодическое движение в слове из конечной позиции отражает общий нисходящий характер движения ЧОТ в повествовательном предложении и не согласуется с мелодическим движением слов из начальной и срединной позиций, что также создает эффект выделенности гласного, на котором отмечено незначительное повышение ЧОТ.

Таблица 14

**Тональное соотношение гласных двусложного слова
в разных фразовых позициях (завершенная интонация)**

Дикторы	Позиция	Начало		Середина		Конец	
		1	2	1	2	1	2
1Бу		0,83	1,26	0,94	0,96	0,82	0,76
2Бу		0,75	1,1	0,91	0,98	0,9	0,8
1Мо		0,81	0,98	0,84	1	0,9	0,83
2Мо		0,88	1,3	0,8	1	0,8	0,78
1Де		0,95	1,08	0,96	0,98	0,96	0,87
2Де		0,78	1,06	1	1,14	1,06	0,93
1ТКа		0,91	1,1	1,1	0,82	0,91	0,87
2ТКа		0,96	1,26	1,07	1,08	0,88	0,88
ТКи		0,8	1,1	1,03	1,05	0,85	0,78

Однако нельзя не заметить то, что частотный уровень на этом гласном не столь сильно превышает уровень последующего гласного (в среднем 0,1 - 0,06). Отмечается некоторая сглаженность тонального контраста между гласными, что характерно и для гласных в позиции середины фразы. На наш взгляд, впечатлению выделенности гласного под фразовым ударением способствует не столько его преобладание по тону, сколько несовпадение направления движения, свойственного слову в позиции конца, с направлением движения ЧОТ в предшествующих словах фразы.

Вопросительная интонация. В данном типе интонации, как и в завершенном типе, отмечаются большие значения ЧОТ гласного второго слога в начальной и срединной позициях и более заметный контраст между гласными в начальной позиции по сравнению с срединной (таблица 15).

**Тональное соотношение гласных двусложного слова
в разных фразовых позициях (вопросительная интонация)**

Дикторы	Позиция		Начало		Середина		Конец	
	1	2	1	2	1	2	1	2
1Бу	0,7	1,12	0,97	0,97	0,65	0,87		
2Бу	0,72	1,02	0,96	1	1,05	0,97		
1Мо	0,87	1,02	0,9	0,95	1,05	0,9		
2Мо	0,8	1,2	0,86	1,06	0,81	1,06		
1Де	0,9	0,92	0,95	1	1,04	1,2		
2Де	0,85	1	0,88	0,9	0,96	1,15		
1ТКа	0,77	1,03	1	0,92	0,91	1,18		
2ТКа	0,8	1,05	0,87	0,92	1,03	0,88		
ТКи	0,8	1,3	0,91	0,98	1	1,1		

В конечной позиции ЧОТ может повышаться и на первом, и на втором гласном слова, что полностью зависит от места интонационного центра. Иными словами, в этой позиции под влиянием чисто интонационного фактора меняется частотное соотношение гласных в слове. Вместе с тем заслуживает внимания тот факт, что для гласных слова во всех позициях, хотя и отмечается преобладание одного из гласных, однако оно не столь существенно. Так, в среднем тональный контраст между гласными первого и второго слога в начальной позиции составляет 0,5 - 0,02, тогда как в серединной он примерно равен 0,03 - 0,08, т.е. практически можно говорить об очень незначительном повышении ЧОТ к концу слова.

Незавершенная интонация. В начальной позиции во всех языках регистрируются большие частотные значения гласного второго слога (таблица 16). Частотное преобладание этого гласного сохраняется в серединной и конечной позициях в бурятском и монгольском языках. Можно говорить о том, что мелодическая программа слова в этих языках проявляет определенную устойчивость, сохраняя тональное соотношение гласных в пользу гласного второго слога.

В калмыцких говорах в позиции середины можно наблюдать как преобладание гласного первого слога (диктор 1Де), так и выравнивание частотных уровней этих гласных (дикторы 2Де, 1ТКа, 2ТКа). В конце фразы в одном и том же говоре наблюдаются сохранение более высокого уровня второго гласного в слове (дикторы 1Де, 1ТКа) и, наоборот, большая частота гласного первого слога (дикторы 2Де, 2ТКа). Это означает то, что в этих говорах в серединной и конечной позициях наблюдается «неста-

**Тональное соотношение гласных двусложного слова
в разных фразовых позициях (незавершенная интонация)**

Дикторы	Позиция	Начало		Середина		Конец	
		1	2	1	2	1	2
1Бу		0,9	1,3	1,03	1,06	0,82	0,97
2Бу		0,8	1,13	1,01	1,1	0,93	0,93
1Мо		0,86	1,1	0,97	1,08	0,86	0,96
2Мо		0,83	1,4	0,84	0,97	0,82	1,07
1Де		0,73	0,86	1,01	0,96	0,82	0,92
2Де		0,8	1,13	1,1	1,1	1,03	0,96
1ТКа		0,9	1,1	0,98	0,98	0,9	1,3
2ТКа		0,86	1,2	1,1	1,1	0,95	0,82
ТКи		0,83	1,1	1,01	1,21	1,05	0,75

бильность» мелодической структуры слова. В слове в конечной позиции, в зоне сильного проявления фразовой просодии, наблюдается наибольшая адаптация мелодического рисунка.

При данном типе интонации во всех языках хотя и можно заметить некоторое повышение ЧОТ на одном из гласных, однако мелодический контраст между гласными не столь ярок. Наиболее значителен он в словах из начальной фразовой позиции: 0,57 - 0,2. Заметно сглаживается тональный контраст во всех языках в серединной позиции: 0,2 - 0,01; несколько усиливается в конечной: 0,3 - 0,01.

Таким образом, во всех монгольских языках тональный контраст между гласными при всех типах интонации регистрируется, но он невелик. Контраст наиболее значителен в позиции начала фразы, сглаживается в серединной, несколько усиливается в конце. Однако в этой позиции во всех языках изменяется направление движения ЧОТ в слове, меняется тональное соотношение гласных. В этой позиции, позиции наибольшего проявления фразовой интонации, движение тона в слове «повторяет» движение ЧОТ во фразе в целом, подчиняясь в наибольшей степени направлению движения ЧОТ в предложении.

Объяснение тональному соотношению гласных в слове, особенностью которого является неконтрастность, мы видим в сингармоническом характере монгольского слова. «В сингармоническом языке каждое слово представляет собой как бы ряд звуков, имеющий определенную тональность», «...слово представляет собой, так сказать, единство в плане характерного тона» (Трубецкой, 1960: 313). Законы гармонии гласных, не позволяя сочетание в одном слове гласных, не совпадающих по ряду и участию губ, таким образом, определяют

не только одинаковую тональность, но и «равномощность» гласных слова. А соединение в рамках фразы слов, характеризующихся «единством в плане характерного тона», обуславливает, в свою очередь, некоторую монотонность, некоторое единообразие движения ЧОТ в целом во фразе, в которой нет резких перепадов ЧОТ. Отсутствие резких перепадов ЧОТ внутри слова, нерезкий перепад тона на стыках слов создает впечатление некоторой монотонности речи монголов, бурят, калмыков.

§ 5. Проведенный анализ позволяет заключить, что слово в монгольских языках имеет восходящую мелодическую структуру. Этот факт уже отмечался на материале бурятского языка: «В словоформах, состоящих из более чем одна силлаба и имеющих однородный по качеству состав гласных, четко зафиксирована закономерность, заключающаяся в фиксации тональной вершины на последнем слоге» (Будаев, 1984: 12). Восходящая мелодическая кривая слова нарушается во фразе в некоторых позициях под влиянием интонации предложения. Нами установлено, что во всех монгольских языках такой позицией является конец. Такие же данные были получены применительно к бурятскому языку Б.Ж. Будаевым, который дает им следующую интерпретацию: «Перенос высотного пика с последнего слога на первый или его полное изъятие служит выделительным средством, своеобразной маркировкой главных членов двусоставного предложения» (Будаев, 1984: 12).

На перераспределение характеристик слов, помещенных в конец фразы, обратил внимание Е.Д. Поливанов, который квалифицировал этот факт как перемещение ударения: «В тюркских языках ударение падает на последний слог слова, однако в определенных случаях, например, в *verbum finitum* или в вокативных предложениях, мы наблюдаем передвижение ударения на первый слог... В монгольских диалектах, например, в калмыцком, ударение падает, напротив, на первый слог, но в определенных случаях возможно передвижение ударения на конечный слог... И, наконец, в корейском языке слово внутри предложения имеет конечное ударение, а в конце предложения или в изолированной позиции - начальное ударение» (Поливанов, 1971: 196).

В литературе можно встретить точку зрения, согласно которой ударение в монгольских языках определяется как музыкальное. Таким по качеству, согласно мнению П.Ц. Биткеева, является ударение в калмыцком языке и монгольском языке Юго-Восточной Тувы, характеристикой которого является повышение ЧОТ на последнем слоге слова (Биткеев, 1980: 84). Аналогичный вывод был сделан на материале бурятского языка Б.Ж. Будаевым (Будаев, 1981; 1984). Учитывая модификацию просодических характеристик слова во фразе, можно

утверждать, что так же, как и повышение интенсивности на втором слоге слова, увеличение ЧОТ на этом гласном не может служить коррелятом словесного ударения. Оно служит не выделению одного из слогов слова, а, будучи обязательной приметой фонетического облика слова, служит объединению всех элементов агглютинативного слова, целостности слова, т.е. имеет конститутивную функцию. Слово существует и опознается только при данном соотношении просодических признаков гласных. Значит, все его элементы, как фонемы, так и свойственная слову просодическая организация, в совокупности выполняют конститутивную функцию. И в этом контексте нужно говорить о самостоятельности статуса просодической структуры слова в монгольских языках.

Просодические характеристики слова участвуют, по нашему мнению, в членении потока речи: вместе с сингармонической моделью слова они служат маркером границы слова. Изменившаяся сингармоническая модель и изменения в просодической структуре слова сигнализируют о конце одного и начале другого сегмента. В позиции конца фразы просодия слова подавляется фразовой, изменяется соотношение длительности, интенсивности, ЧОТ, поэтому она уже не может служить маркером границы, эти функции целиком выполняет другое просодическое средство - пауза. По ее протяженности можно судить о конце сегмента. Ср.: «Наличие ударения на конечном слоге последнего слова в предложении не нужно для выделения слова, т.к. конец слова совпадает здесь с концом предложения. Дальше нет никаких слогов, следовательно, здесь нет необходимости в конечном ударении для опознания конца слова» (Поливанов, 1971: 197). К средствам, определяющим границу слова в монгольских языках, можно отнести и просодическую структуру слова.

§ 6. Возвращаясь к проблеме словесного ударения в монгольских языках, заметим, что эта проблема многократно обсуждалась в литературе и хорошо известна специалистам, что позволяет нам не излагать здесь основные точки зрения. Следует лишь отметить то, что в последние годы все большее внимание к себе привлекает восходящая к И.А. Бодуэну де Куртенэ идея отождествления функций ударения и гармонии гласных в сингармонических языках. В этих языках гармония гласных, напрямую связанная с фонологической системой гласных, является одним из организующих слово средств. И.А. Бодуэн де Куртенэ отмечает большую организующую роль гармонии на основании того, что безударные слоги «хоть и лишены той силы, что и слог с ударением, все-таки сохраняют свои индивидуальные особенности... в туранских языках подчиненные слоги уподобляются слогу господствующему в полном смысле этого слова» (Бодуэн де Куртенэ, 1876: 322).

Согласно закону гармонии гласных, первый гласный слова должен быть более ясным, «контрастивные возможности более велики у первого гласного, который несет больше информации, чем другие» (Svantesson, 1990: 619). Не случайно «носители языка приписывают ударение первому слогу» (Svantesson, 1990: 619). Вместе с тем анализ показывает, что в двусложном слове фонетические характеристики гласного второго слога выражены ярче. Это означает то, что в слове имеются две сильные точки: фонологически важен первый гласный слова, а фонетически - второй. Создаются условия для равномерности гласных слова, которая реализуется во фразе в зависимости от типа интонации и позиции слова. Однако, несмотря на функциональное тождество ударения и сингармонизма, полного совпадения между ними нет; нельзя не согласиться с Т.А. Бертагаевым в том, что «сингармонизм не является суперсегментом... по своей акустико-физической природе» (Бертагаев, 1968: 107).

Новый взгляд на эти явления представлен в работах В.Б. Касевича, считающего, что «наличие сингармонизма служит предпосылкой отсутствия ударения как особой фонологической категории, и сингармонические языки проявляют предрасположенность к анакцентности более, чем какие-либо другие» (Касевич, 1986: 17). Уместно отметить то, что, по мнению таких известных фонетистов, как М.И. Матусевич (Матусевич, 1978) и Л.Р.Зиндер (Зиндер, 1979), словесное ударение не является универсальной категорией. А.Д. Джунисбеков (Джунисбеков, 1980; 1987), руководствуясь идеей Л.В. Щербы о существовании языков, которые «выражают то же, что мы, - иначе», сделал вывод об отсутствии ударения в казахском языке. В последние годы экспериментально-фонетические исследования все чаще убеждают и монголистов в отсутствии словесного ударения в монгольских языках: ни одно из акустических средств не дает оснований для вывода о качестве и месте ударения в этих языках. Так, вывод об анакцентности монгольского языка был сделан Л.К. Герасимович (Герасимович, 1975) и Я.-О. Свантессоном (Svantesson, 1990). Причины отсутствия словесного ударения в сингармонических языках, по нашему мнению, кроются в грамматическом свойстве этих языков - агглютинации и, в частности, в том, что в таких языках «слову не принадлежит центральная роль в языковом механизме» (Касевич и др., 1990: 54). На наш взгляд, специфическая просодическая форма слова, свойственная монгольским языкам, связана с агглютинацией (вспомним, что монгольские языки имеют «очень высокий индекс агглютинации и ничтожно малый индекс флективности» (Касевич, Яхонтов, 1982: 166). Агглютинация, благодаря

которой словоформы в языке образуются посредством присоединения аффиксов к корню, а корень при этом не претерпевает изменений, способствует и сохранению самостоятельности слова.

Слово в этих языках является более самостоятельной фонетической единицей, чем, например, в русском, в котором при формообразовании корень меняет форму, иногда меняется место ударения. То есть «костяк» слова в них более жесткий. На более высоком уровне, уровне фразы и синтагмы, где слово занимает строго определенное место, «костяк» фразы также жесткий. Большая самостоятельность слова в агглютинативных языках приводит к тому, что тенденция подчинения фразовой просодии проявляется не так сильно, как, например, во флективном русском языке. Об этом свидетельствуют полученные нами данные о механизме включения монгольского слова во фразу и адаптации ее просодической структуры в разных фразовых условиях. Слово как бы стремится сохранить свою фонетическую самостоятельность, в частности, свойственную ему просодическую структуру. Оно сохраняет просодическую форму в одних фразовых условиях и проявляет неустойчивость в другой - в зоне сильного воздействия просодии фразы.

О столкновении тенденции слова и фразы в алтайских языках свидетельствуют и наблюдения У.Ш.Байчуры: «В большинстве обследованных нами языков обычный мелодический рисунок предложения постоянно перебивается словесным ударением» (Байчура, 1971: 289); «словесное ударение может оказывать влияние на интонацию предложения, особенно когда слово находится в его начале» (Байчура, 1971: 290).

Различие языков по месту интонации в дифференциации функциональных типов предложений связано со строевой структурой предложения в данном языке (Николаева, 1977: 38). В монгольских языках, для которых характерна, с одной стороны, определенная «строгость» порядка слов, а с другой - использование частиц, различительные возможности интонации снижаются. Слово и в составе фразы стремится сохранить свою самостоятельность. Однако изучение динамики изменения ЧОТ, а также интенсивности слова в разных фразовых позициях показывает, что на слово определенное воздействие оказывает интонация фразы, в состав которой оно входит. Это происходит, по всей вероятности, в силу глобальности функции интенсивности - служить целью оформленности, - в противном случае фраза будет «разваливаться» на отдельные сегменты. Благодаря подавлению и подчинению динамических и мелодических признаков слова фразовым и достигается единство сегмента.

§ 7. Анализ частотного компонента интонации, модификации мелодической программы слова во фразе позволяют нам сделать некоторые основные выводы.

1. Равномерность, неслитность произношения, дробность членения являются отличительными чертами просодической структуры всех монгольских языков, отражающими их специфику. Об этом свидетельствуют такие мелодические признаки, как интервал падения ЧОТ, скорость изменения ЧОТ, соотношение мелодических уровней в разных частях контура, объем мелодического диапазона.

2. Безусловно, источником равномерного движения ЧОТ как от одного участка контура к другому, так и на отдельных гласных является фонетическая организация слова в этих языках и такая ее важная примета, как сингармонизм. Принцип устройства мелодического контура фразы в сингармонических языках совершенно особый. Слова со собственными им мелодическими рисунками мало адаптируются в мелодическом контуре фразы. В языках со словесным ударением имеют место разные соотношения ударных и безударных слогов, что ведет к большей зависимости рисунка фразы от рисунка слова и обеспечивает слитность произношения. В сингармонических языках нерезкие, плавные движения ЧОТ как внутри слов, так и на их стыках, обусловленные фонетической автономностью слова в условиях фразы, приводят к дробности, неслитности произношения. Эта черта еще более усиливается существующей в языках тенденцией к дробному членению речи, что хорошо прослеживается в особенностях расположения максимума ЧОТ в монгольской фразе.

3. Сказанное характерно для всех монгольских языков. Однако в силу того что в анализируемых языках принципы организации звукового материала совпадают частично, это обуславливает появление специфических черт в интонации трех групп монгольских языков. Используемые в работе приемы математической статистики убеждают нас в том, что между вариативностью мелодических характеристик и «связанностью» вокализма слова существует определенная связь. Только этим можно объяснить тот факт, что одинаковая вариативность ЧОТ гласных характерна для тех языков, которые имеют одинаковые типы гармонии. Наоборот, наиболее далеко отстоят друг от друга языки, в которых вокализм слова регулируется двумя/одним типом гармонии гласных. Это означает то, что как сходства в интонационных системах монгольских языков, так и различия связаны с сингармонизмом.

4.2. Интенсивность

Исходные данные были получены в результате измерения максимальной интенсивности всех звуков. На основе абсолютных значений пиковой интенсивности определялись значения относительной интенсивности для всех гласных. Для этого максимальная интенсивность каждого гласного относилась к максимальному значению интенсивности в предложении. Настоящая методика, используемая в ЛЭФ им. акад. Л.В. Щербы, основана на данных психоакустики, согласно которым «человек определяет громкость сигнала по наибольшей в данном отрезке интенсивности», а значит, «изменение максимальной амплитуды в каждом звуке будет давать удовлетворительное представление о соотношениях интенсивности в данном речевом отрезке» (Бондарко, 1977: 49).

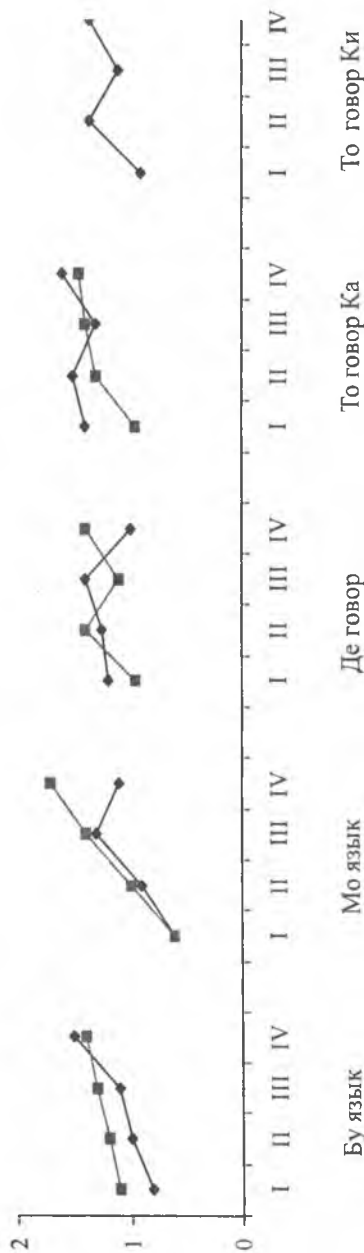
Достаточность оперирования относительной интенсивностью, полученной названным выше способом, была подтверждена в специальном исследовании ЛЭФ им. акад. Л.В. Щербы, цель которого заключалась в проверке сохраняемости общей закономерности при разных способах подсчета данных интенсивности. В результате оказалось, что «относительная интенсивность, как полученная по максимуму, так и по подсчетам средней амплитуды, показывает близкие результаты» (Отчет ЛЭФ, 1970: 58).

4.2.1. Динамическая структура фразы в монгольских языках

Динамическая структура фразы не анализировалась ни в одном из имеющихся исследований интонационных систем монгольских языков. Для исследования интенсивности в разных интонационных типах предложений нами рассматриваются динамический диапазон, локализация максимальной интенсивности, изменение уровня интенсивности на протяжении фразы.

Во всех языках самым низким уровнем интенсивности гласного - носителя фразового ударения характеризуется завершенная интонация. При этом типе интонации уменьшение интенсивности к концу соответствует падению ЧОТ на этом участке контура. Гласный под фразовым ударением, находящийся в нисходящей зоне контура, оказывается охваченным тенденцией угасания ЧОТ и, соответственно, - интенсивности. Более высокий, чем в завершенном типе, уровень интенсивности на гласном под фразовым ударением соответствует завершенной интонации с выделением. Однако различие по уровню интенсивности этого гласного между двумя типами завершенной интонации незначительно (за исключением торгутского говора Китая, в котором уровень интенсивности при завершенной интонации с выделением высокий и приближается к уровню интенсивности в вопросительном типе).

Рисунок 5. Средняя относительная интенсивность гласного под фразовым ударением в монгольских языках

Тип интонации: I – завершенный, II – завершенный с выделением,
 III – незавершенный, IV – вопросительный

Во всех языках, по данным всех дикторов (кроме дикторов 1Мо, 1Де), максимальное значение средней относительной интенсивности у гласного под фразовым ударением соответствует вопросительному типу интонации (рисунок 5). У дикторов 1Мо и 1Де максимальное значение этого параметра связано с другим типом восходящей интонации - незавершенным. Однако разрыв в значениях интенсивности между вопросительным типом, имеющим самое большое значение этого параметра, и завершенным типом интонации, которому свойственно наименьшее значение относительной интенсивности, не очень значителен.

Монгольские языки демонстрируют определенное сходство и с точки зрения значений относительной интенсивности гласного под фразовым ударением в незавершенном типе интонации. По этому признаку данный тип интонации близок вопросительному. Более высокий уровень интенсивности на этом гласном служит одним из фонетических признаков незавершенности и связан с наличием или отсутствием паузы после первой, неконечной синтагмы. Появление паузы сопровождается падением интенсивности к концу синтагмы, тенденцией уменьшения интенсивности оказывается охваченным и гласный под фразовым ударением. Особенно ярко это наблюдается у диктора, представляющего торгутский говор Китая. У остальных дикторов интенсивность данного гласного хотя и выше, чем в завершенных типах интонации, однако уровень ее относительно невысок.

Изложенное выше можно суммировать следующим образом: интенсивность гласного под фразовым ударением связана с типом мелодики фразы. Нисходящему типу мелодики свойственны более низкие значения относительной интенсивности, а восходящему - более высокие. В таком случае данные монгольских языков не противоречат тем закономерностям распределения интенсивности, которые выявлены в ряде других языков. Характерными признаками динамической структуры фразы в монгольских языках являются незначительный разрыв в значениях относительной интенсивности и некоторое несходство тенденций в распределении интенсивности в разных типах интонации. К данным, обусловленным фонетическими особенностями монгольских языков, относятся сведения о распределении и характере варьирования интенсивности в разных участках фразы: в предцентре, центре, постцентре.

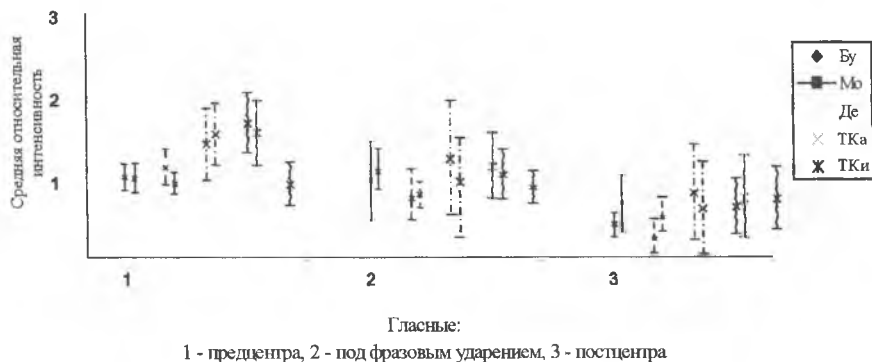
4.2.1.1. Уровень интенсивности

§ 1. С целью определения закономерностей распределения интенсивности на протяжении фразы при разных типах интонации и в разных позициях сравниваются следующие характеристики: x , σ , V , μ .

§ 2. Завершенная интонация. В позиции начала фразы наблюдается близость данных дикторов-носителей одного и того же языка: доверительные интервалы генеральных средних совпали, близкими оказались и значения генеральных средних (рисунок 6). Одновременно можно говорить о двух зонах размещения генеральных средних. К первой, характеризующейся более низким уровнем интенсивности, относятся калмыцкие говоры. Различие в уровне интенсивности между языками на этом участке контура довольно значительно: 1,15 - 0,88.

В целом во всех языках уровень интенсивности гласных в конечной части фразы, включая и гласный под фразовым ударением, находящийся в конечной части фразы, ниже, чем на участке до фразового ударения. Гласный под фразовым ударением, находящийся в конечной части фразы, также имеет небольшую интенсивность. Доверительные интервалы, характеризующие средние значения признака гласных под фразовым ударением дикторов-носителей одного и того же языка, пересекаются. При этом можно заметить и частичное пересечение их и у дикторов-носителей разных языков: доверительные интервалы дикторов-бурят, монголов и торгутов Китая пересекаются с нижней частью доверительных интервалов дикторов-калмыков. Однако в верхней части они не имеют точек касания, что свидетельствует о том, что у дикторов-калмыков интенсивность гласного под фразовым ударением может превышать таковую остальных дикторов.

Рисунок 6. Контраст по интенсивности между гласными при завершенной интонации в монгольских языках

Уровень интенсивности на участке после фразового ударения меньше, чем в начале. Интервал падения интенсивности от начала к концу контура примерно составляет 0,63. Здесь, как и в рассмотренном выше случае, отмечается частичное пересечение доверительных интервалов генеральных средних всех дикторов. Доверительные интервалы дикторов-монголов и бурят пересекаются с нижней частью доверительных интервалов дикторов-калмыков, свидетельствуя о более высоком уровне интенсивности на этом участке фразы в ойратских говорах. Вариативность рассматриваемого признака в этой позиции также меньше: у всех дикторов, кроме 2Бу, 1Де, 2Де, показатели меры варьирования, полученные для этой позиции, меньше, чем в позиции начала фразы.

Важные результаты были получены после сравнения значений средних квадратических отклонений, принадлежащих разным выборкам: они свидетельствуют о разной специфике варьирования относительной интенсивности вокруг генеральной средней (таблица 17).

Таблица 17

Вариативность средней относительной интенсивности при разных типах интонации (относит. величин.)

Интонация Дикторы	Завершенная		Завершенная с выделением		Вопросительная		Незавершенная	
	Начало	Конец	Начало	Конец	Начало	Конец	Начало	Конец
1Бу	0,83	0,44	1,17	0,47	1,42	1,02	1,22	1,1
2Бу	0,96	0,84	1,01	0,75	0,94	0,94	0,87	0,22
1Мо	1	0,38	1	0,62	1,16	0,59	1,3	1
2Мо	0,52	0,35	0,52	0,35	0,81	0,27	1	0,1
1Де	1,85	1,8	1,7	1	1,3	1,8	1,4	1,3
2Де	1,5	1,4	1,5	0,75	1,6	1,2	1,5	1
1ТКа	1,4	0,5	1,2	0,7	1,4	1,2	1,5	1,8
2ТКа	1,5	0,8	1,8	0,8	1,4	1,4	1,6	0,94
ТКи	1,2	0,5	1,4	1	1,1	0,59	1,6	1

Ойратские говоры характеризуются большей степенью вариативности: значения показателя варьирования в них значительно больше, чем в бурятском и монгольском языках. Следовательно, отдельно взятые значения относительной интенсивности в западномонгольских языках больше варьируют вокруг своих средних, в то время как в северно- и восточномонгольских языках они меньше отстоят от своих средних значений. Объяснение выявленной важной характеристики мы видим в специфике монгольских языков, связанной с сингармо-

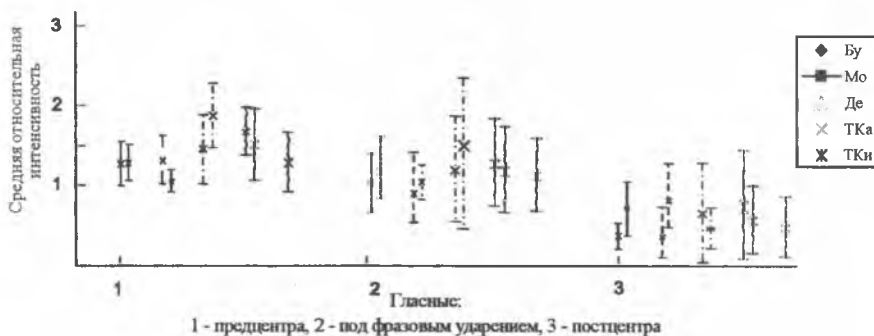
низмом. Как уже говорилось ранее, в северно- и восточномонгольских языках вокализм слова регулируется корневым гласным, который диктует как ряд, так и наличие/отсутствие огубленности последующему гласному. В западномонгольских языках выбор гласных последующих слогов более широк из-за отсутствия лабиальной гармонии. Таким образом, эти различия в характере проявления сингармонизма в разных монгольских языках предопределяют большую или меньшую вариативность акустических характеристик гласных, в частности, динамических.

Итак, во всех монгольских языках завершенная интонация имеет последовательно нисходящий динамический рисунок с более высоким уровнем интенсивности в начальной части. При этом уровень интенсивности на разных участках - в начале, конце и на гласном, выделенном фразовым ударением, - изменяется не так контрастно: падение интенсивности носит не резкий, а более плавный характер. Эта черта наиболее ярко проявляется в восточно- и северномонгольских языках, тогда как в западномонгольских языках изменения интенсивности более выражены. Это, по-видимому, связано с тем, что в последних отмечается большая степень варьирования средней относительной интенсивности по сравнению с восточно- и северномонгольскими языками. Общим для всех языков является и то, что уменьшение уровня интенсивности от начала к концу сопровождается уменьшением степени варьирования интенсивности.

§ 3. Завершенная интонация с выделением. В целом для этого типа интонации характерен более высокий уровень реализации интенсивности по сравнению с рассмотренным выше интонационным типом (рисунок 7). Во всех языках уровень интенсивности в начале фразы в завершенном типе с выделением больше, чем в этой же позиции при завершенной интонации (в среднем на 0,14 - 0,25). Однако различие в уровне интенсивности между языками продолжает сохраняться. Для дикторов-калмыков характерны большие значения средней относительной интенсивности. Доверительные интервалы генеральных средних дикторов-монголов и бурят, с одной стороны, и калмыков, с другой, не имеют точек касания в верхней части, пересекаясь нижней частью.

Вариативность интенсивности гласных в этой позиции при завершенной интонации с выделением заметно выше таковой в завершенном типе: значения средних квадратических отклонений больше. Для этого типа интонации характерны как более высокий уровень интенсивности, так и то, что отдельно взятые значения интенсивности дальше отстоят от сво-

Рисунок 7. Контраст по интенсивности между гласными при завершённой интонации с выделением в монгольских языках

их средних значений. Это свидетельствует о большей вариативности интенсивности в завершённом типе с выделением. Однако и при этом типе интонации наблюдается уже отмеченный выше факт: большая степень варьирования интенсивности свойственна ойратским говорам, в то время как в бурятском и монгольских языках частные значения интенсивности более тесно обступают свои средние значения.

По сравнению с начальной позицией уровень интенсивности гласного под фразовым ударением заметно ниже: у всех дикторов значения средней относительной интенсивности этого гласного меньше, чем у гласных, взятых из начальной позиции, а их доверительные интервалы пересекаются лишь нижней частью.

В конечной позиции во всех языках уровень интенсивности продолжает понижаться и приближается к минимальному. Интервал падения интенсивности от начала к концу составляет примерно 0,64 - 0,97. Доверительные интервалы генеральных средних дикторов 1Бу, 1Мо, 2Де, ТКи совпали и пересекаются с нижней частью доверительных интервалов остальных дикторов. У дикторов 1Де, 1ТКа, 2ТКа значения генеральных средних несколько больше, а доверительные интервалы не пересекаются верхней частью с таковыми остальных дикторов. Падение интенсивности сопровождается уменьшением ее вариативности: показатели средних квадратических отклонений во всех языках уменьшаются. Однако цифры, характеризующие меру варьирования признака, в ойратских говорах больше, чем в бурятском и монгольских языках.

Таким образом, во всех монгольских языках завершённая интонация с выделением характеризуется понижающейся динамической кривой с максимальным уровнем интенсивности в начале контура. Кривая имеет последовательно понижающийся характер: гласный под фразо-

вым ударением не выделяется по уровню интенсивности на фоне в целом понижающегося динамического рисунка. Этот тип интонации отличается от завершённого, имеющего также нисходящий характер динамической кривой, уровнем интенсивности – более высоким. Во всех монгольских языках динамическая кривая при нисходящих типах интонации имеет одну и ту же нисходящую направленность, и в этом проявляется ее сходство с данными других языков, что обусловлено акустико-физиологическими причинами. Вместе с тем в монгольских языках характер варьирования отдельных значений интенсивности вокруг своих средних различен, что самым непосредственным образом связано с сингармонизмом. В северно- и восточномонгольских языках отдельно взятые значения относительной интенсивности больше связаны со своими средними значениями, меньше варьируют. В ойратских они в большей степени подвержены вариативности, что соответствует действующему в этих языках закону регулирования вокализма слова по одному или сразу двум признакам.

§ 4. Вопросительная интонация. Уровень интенсивности в этом типе интонации на всех участках контура выше, чем в двух рассмотренных выше типах интонации. При этом подсчеты и сделанные на их основе рисунки (рисунок 8) свидетельствуют о пересечении доверительных интервалов дикторов 1Бу, 2Бу, 1Мо, 2Де, 2ТКа, 1ТКа, с одной стороны, и дикторов 2Мо, 1Де, ТКи - с другой, что свидетельствует о несущественности различий между данными этих двух групп дикторов. Однако характер варьирования частот в разных языках по-прежнему не совпадает. Хотя уровень интенсивности во всех языках примерно одинаков, вариативность частот в ойратских говорах выше: в этих говорах показатели средних квадратических отклонений больше, чем в монгольских и бурятском языках.

Рисунок 8. Контраст по интенсивности между гласными при вопросительной интонации в монгольских языках

Во всех языках, у всех дикторов уровень интенсивности на гласном под фразовым ударением повышается. Доверительные интервалы генеральных средних большинства дикторов (за исключением 1Мо и 1Де) пересекаются, а доверительные интервалы дикторов 1Мо и 1Де пересекаются с нижней частью доверительных интервалов остальных дикторов. Это свидетельствует о примерно одинаковом уровне интенсивности гласного под фразовым ударением у всех дикторов.

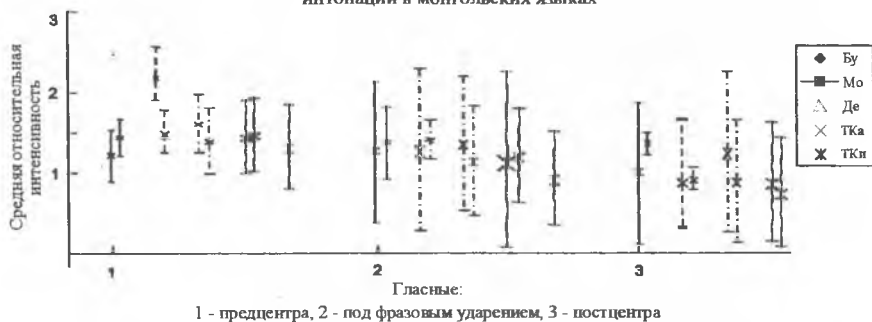
В конечной части контура уровень интенсивности во всех языках понижается. Интервал падения интенсивности на этом участке составляет примерно 0,37, что заметно больше, чем в завершенных типах интонации. Интенсивность, понижаясь на этом участке, не достигает минимального уровня, как это происходит в завершенных типах интонации. Доверительные интервалы средних дикторов-бурят, монголов, а также диктора ТКи совпадают, частично пересекаясь с нижней частью доверительных интервалов дикторов-калмыков. Значения генеральных средних дикторов-калмыков несколько больше, чем дикторов-монголов и бурят. Следовательно, уровень интенсивности в конечной части вопросительной фразы в калмыцких говорах несколько выше, чем в других языках. Калмыцкие говоры отличаются от бурятского и монгольского языков не только более высоким уровнем интенсивности, но и большей вариативностью частот. Бурятский и монгольский языки и в этой позиции обнаруживают большую инвариантность признака.

Таким образом, вопросительный тип интонации во всех монгольских языках имеет в целом нисходящую динамическую кривую. Однако в этом типе интонации распределение интенсивности в пределах контура имеет несколько иной характер. В вопросе на конечном участке контура отмечается более высокий уровень интенсивности, который снижается на абсолютно конечном гласном. Интервал падения интенсивности небольшой, интенсивность в конечной части никогда не достигает того минимального уровня, который отмечается в завершенных типах интонации. Несходства языков в специфике варьирования частот продолжают сохраняться и в вопросе: во всех фразовых позициях в западномонгольских языках вариативность значений интенсивности больше, чем в северно- и восточномонгольских языках, в которых отдельно взятые значения интенсивности меньше отстоят от своих средних.

§ 5. Незавершенная интонация. В начальной позиции при данной интонации уровень интенсивности несколько выше, чем при вопросительной: значения средней относительной интенсивности у всех дикторов больше (рисунок 9).

Доверительные интервалы дикторов пересекаются, что свидетель-

Рисунок 9. Контраст по интенсивности между гласными при незавершенной интонации в монгольских языках

ствует о несущественности различий в уровне интенсивности между языками. Однако несходство в характере варьирования частот между языками сохраняется и при данном типе интонации. Хотя в бурятском и монгольском языках в незавершенном, как и в вопросительном, типе вариативность частот выше, чем в завершенных типах интонации, однако она заметно меньше, чем в ойратских говорах.

В позиции реализации интонационного центра во всех языках уровень интенсивности несколько снижается: значения средней относительной интенсивности меньше.

В конечной части контура уровень интенсивности продолжает понижаться, однако снижение не носит резкий характер. Средний интервал падения интенсивности составляет 0,19, что меньше, чем в вопросительном типе интонации. Заметим, что у диктора 2Бу он практически остается на том же уровне и незначительно отличается от уровня интенсивности в начале. Доверительные интервалы всех дикторов пересекаются, что говорит о несущественности различий в уровне интенсивности. Однако это не относится к варьированию частот. В калмыцких говорах вариативность интенсивности, хотя и понижается в этой позиции по сравнению с началом, но по-прежнему выше, чем в бурятском и монгольском языках. Значения средних квадратических отклонений интенсивности у дикторов-бурят и монголов меньше, чем соответствующие значения у дикторов-калмыков.

Итак, незавершенный тип интонации во всех рассматриваемых языках имеет нисходящий динамический рисунок. Сравнительно высокий уровень интенсивности в целом на протяжении всего контура и в особенности в его конечной части сближает незавершенный тип с вопросительным, а общая нисходящая направленность - с завершен-

ными типами. Однако уровень интенсивности конца зависит от типа связи неконечной синтагмы, оформленной незавершенной интонацией, с последующей, конечной. Наличие паузы между двумя синтагмами приводит к заметному понижению уровня интенсивности в конце первой синтагмы.

4.2.1.2. Локализация максимальной интенсивности

§ 1. Сингармонизм, создающий условия для проявления интонационных особенностей монгольских языков, не является единственным фактором, обуславливающим их появление. Дело в том, что в монгольских языках основным средством связи слов являются примыкание и управление, согласование не используется. С этим, на наш взгляд, связана такая интонационная особенность монгольских языков, как неслитность речи: слова, входящие в состав фразы, в рассматриваемых языках характеризуются неслитностью, сохраняют свою самостоятельность в составе более крупной единицы. Фонетически это выражается как в более дробном синтагматическом членении речи в целом, так и в том, что в составе одной синтагмы ее сегменты также могут разъединяться небольшими паузами.

Группы слов, представляющие собой сочетание знаменательных и служебных слов, определения с определяемыми словами, а также сложные аналитические формы глагола в речи образуют один сегмент, характеризующийся более тесной фонетической связью между своими частями. К ним можно отнести и группу сказуемого, в которую входит рема высказывания, занимающая сильную предсказуемую позицию. Такие сочетания в речи отделяются от остальной части паузой. В результате фраза в монгольских языках представляет собой соединение отдельных групп слов, разъединенных паузами разной длительности. Самая длительная пауза соответствует границе между синтагмами. Группы слов внутри синтагмы в зависимости от типа связи между входящими в их состав словами также могут разбиваться паузами, продолжительность которых существенно меньше межсинтагменных. Такая расчлененность, дробность членения имеет своим следствием большую раздробленность динамического рисунка фразы. Слова, объединяясь в одну фонетическую единицу, часто разрывают единый динамический контур фразы, который в результате этого приобретает более ломаный вид.

§ 2. Сказанное можно проиллюстрировать данными о локализации максимальной интенсивности во фразе. Общей чертой всех монгольских языков является то, что во фразе довольно часто отмечается не один,

а несколько максимумов интенсивности. Однако в разных интонационных типах число пиков неодинаково, и можно говорить о том, что тип интонации оказывает определенное влияние как на появление второго максимума, так и на его локализацию во фразе.

Следующей объединяющей все языки чертой является то, что максимум интенсивности, как правило, появляется на отрезках речи, объединенных тесной связью между своими сегментами и отделенных от остальных паузами. Появление максимальной интенсивности в начальной фразовой позиции одинаково характерно для всех монгольских языков. Закон падения интенсивности от начала к концу регулирует как уровень интенсивности в разных частях контура, так и появление максимума в неначальной части фразы, а с этим связано одно из различий анализируемых языков. Языки, единые с точки зрения локализации максимума в начальной части фразы, различаются частотой появления пиков интенсивности в середине и конце фразы.

При всех типах интонации чаще всего максимум интенсивности сосредоточен в начальной позиции и, как правило, на втором слоге. Однако в зависимости от типа интонации процент появления максимума в начале может быть больше или меньше. Так, наибольший процент случаев локализации максимума в начальной позиции соответствует незавершенному и завершенному типам интонации (рисунки 10 - 13). При этом данные разных языков не совсем совпадают: в завершенном типе интонации в более чем 60 % случаев максимум приходится на начало фразы в бурятском и монгольском языках, в калмыцких говорах в этой позиции пик отмечается в 50 % случаев.

Кроме начальной позиции, максимум интенсивности может появиться в середине и конце фразы. В середине фразы в ойратских говорах пик регистрируется чаще, чем в бурятском и монгольском языках. Можно заключить, что в целом при завершенной интонации максимум стремится к началу фразы. Однако, наряду с этим, в связи с большей дробностью членения сегментов внутри одной синтагмы и объединения группы слов в более компактные группы в рамках одной синтагмы, характеризующиеся более тесным фонетическим единством, на одной из этих неначальных групп слов может регистрироваться уровень, близкий максимальному. По мере удаления слов от начала фразы вероятность появления пика в неначальной позиции уменьшается.

Рисунок 10. Локализация максимальной интенсивности в завершенном типе в монгольских языках

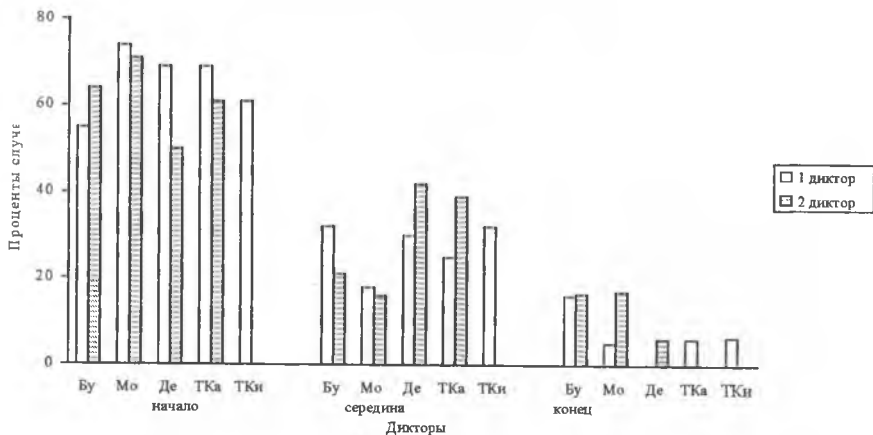

Рисунок 11. Локализация максимальной интенсивности в завершенном типе с выделением в монгольских языках

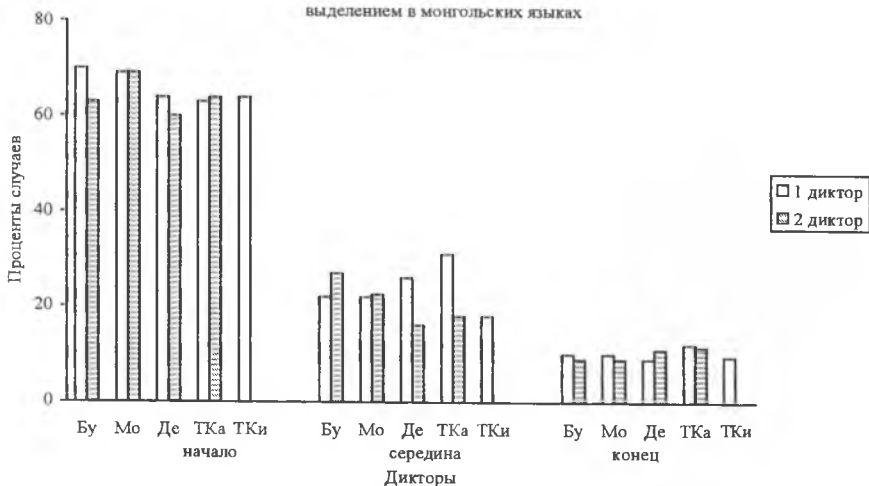

Рисунок 12. Локализация максимальной интенсивности в вопросительном типе в монгольских языках

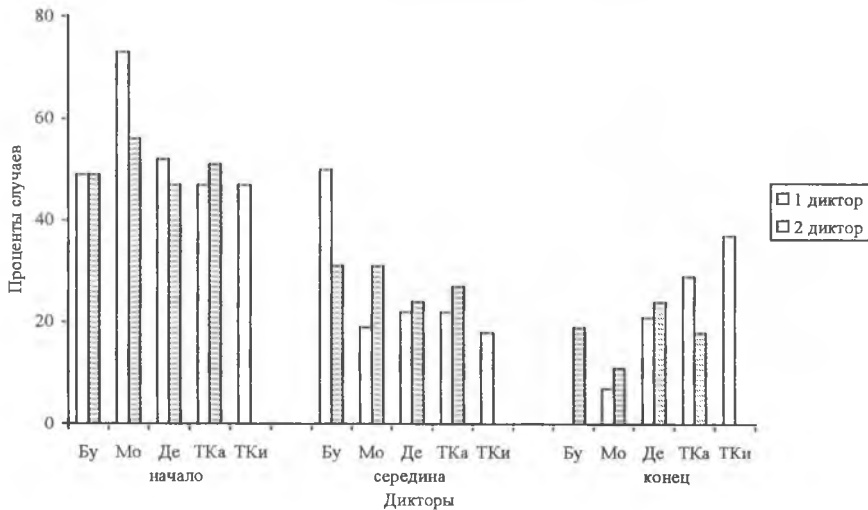
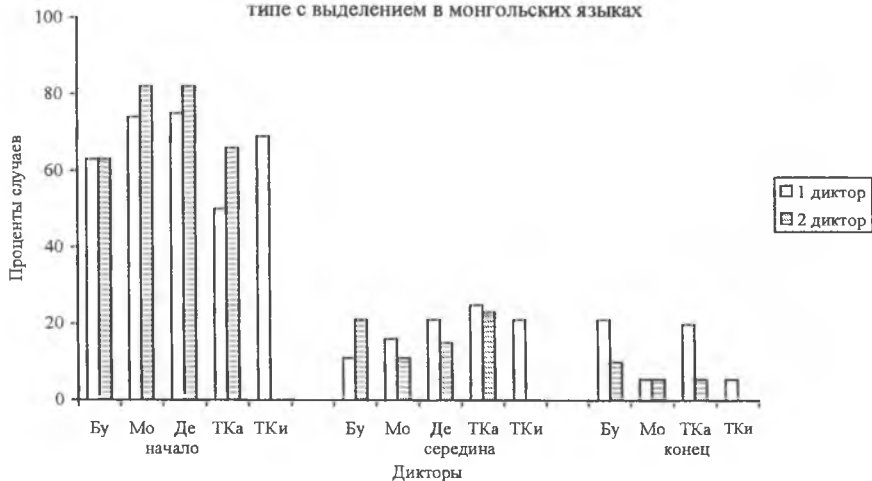

Рисунок 13. Локализация максимальной интенсивности в незавершенном типе с выделением в монгольских языках

При завершенной интонации с выделением различия между языками в локализации пиков интенсивности незначительны (рисунок 11). Во всех языках наибольший процент таких случаев приходится на начало фразы (в среднем более 60%). В бурятском и монгольском языках максимум встречается в начале в среднем несколько чаще: 70 % (диктор 1Бу), 64 % (диктор 2Бу), 70 % (дикторы 1Мо и 2Мо). В ойратских говорах соответствующие цифры несколько меньше: 67 % (диктор 1Де), 62 % (диктор 2Де), 65 % (дикторы 1ТКа и ТКи), 66 % (диктор 2ТКа). Появление пика в неначальной позиции при этом типе интонации связано не только с большей дробностью членения речи, но и с реализацией значения выделенности. В этом типе интонации проявляется особая ситуация смыслового доминирования одного понятия над другим, что фактически выражается безусловным доминированием одного слова над всеми другими (Павлова, Светозарова, 1986: 14). Большее число случаев появления максимума интенсивности в конечной позиции в этом типе интонации можно объяснить положением выделенного слова - оно находится в предсказуемой позиции.

При вопросительной и незавершенной интонациях динамическая структура фразы в монгольских языках имеет следующий вид:

И в вопросительном, и в незавершенном типах интонации по-прежнему существенно число случаев появления максимума в начале (в среднем около 50% случаев при вопросительном типе и более 60% - при незавершенном). Однако по сравнению с рассмотренными выше типами интонации число это несколько меньше.

На фоне всех типов интонации выделяется вопросительный тем, что в нем реже, чем в остальных типах интонации, максимальное значение интенсивности соответствует началу фразы и в нем чаще, чем в других типах, оно появляется в серединной и конечной позициях. При этом наблюдается определенное различие по языкам. Так, в калмыцких говорах и торгутском говоре Китая процент появления максимума в начальной позиции оказывается самым высоким. В названных говорах в среднем в менее чем 50 % случаев пик интенсивности регистрируется в начале контура, тогда как более 50 % случаев приходится на серединную и конечную позиции.

Высок процент появления пика интенсивности в начале вопросительной фразы в монгольском языке. В этом языке максимум интенсивности в конечной позиции регистрируется реже, чем во всех остальных языках. Чаще, чем в остальных языках, пик интенсивности в

середине отмечается в бурятском языке, при этом вероятность его появления в конце не очень высока.

При незавершенной интонации во всех языках высок процент появления пика интенсивности в начале. Однако при этом можно отметить то, что чаще, чем в других языках, в этой позиции пик фиксируется в монгольском языке и дербетском говоре. В торгутских говорах чаще, чем в остальных языках, максимум регистрируется в середине фразы. Во всех языках, кроме дербетского говора, отмечаются случаи появления максимума в конце, но в целом их число невелико.

Во всех анализируемых языках число случаев появления пика интенсивности в неначальной позиции значительно меньше числа случаев появления его в позиции начала, однако соответствующие цифры по языкам не совпадают. В ойратских говорах максимум в конечной и срединной позициях регистрируется чаще, чем в бурятском и монгольском языках. В последних меньшая вариативность интенсивности приводит к большей привязанности отдельных значений к своим средним, в связи с чем в меньшем количестве случаев максимум отмечается в позициях, отличных от начальной. Сказанное составляет одно из отличий динамической организации анализируемых языков.

4.2.1.3. Динамический диапазон

§ 1. К просодическим фактам, обусловленным проявлением сингармонизма в конкретных монгольских языках, относятся данные об объеме динамического диапазона. С целью анализа динамического диапазона на основе абсолютных значений для каждого предложения определялись максимальное и минимальное значения интенсивности. В результате усреднения этих значений по типам интонации были получены средние максимальные и минимальные значения интенсивности для каждого типа, расстояние между которыми составляет динамический диапазон.

§ 2. Во всех языках минимальный динамический диапазон соответствует завершенной интонации (таблица 18). При этом обращает на себя внимание заметное различие в объеме диапазона между отдельными языками. В ойратских говорах отмечается наибольший разрыв между средними минимальными и максимальными значениями интенсивности; в бурятском и монгольском языках максимальные и минимальные значения отстоят друг от друга меньше. Это связано с тем, что в ойратских говорах допускается больший разброс значений интенсивности во фразе, в то время как в бурятском и

Глава 4. Интонационные характеристики фразы в монгольских языках
 монгольском языках заметна большая «связанность» значений интенсивности во фразе.

При завершенной интонации с выделением динамический диапазон во всех языках довольно значителен. При этом средний минимальный уровень интенсивности примерно равен минимальному уровню интенсивности в завершенном типе интонации. Увеличение диапазона, как правило, происходит за счет больших значений максимальной интенсивности. В ойратских говорах минимальные значения несколько меньше, а максимальные - больше, чем в бурятском и монгольском языках, что и обеспечивает в целом больший объем динамического диапазона. При этом у части дикторов-калмыков (1Де, 2Де, 2ТКа) диапазон является самым широким; он заметно шире, чем в вопросительном и незавершенном типах интонации, для которых также характерен более широкий объем диапазона.

В бурятском и торгутском говоре Китая самый широкий диапазон отмечен в вопросительном типе: как минимальные, так и максимальные значения интенсивности больше, чем в других типах интонации. В остальных языках особенно заметно возрастают значения минимальной интенсивности, максимальные значения также увеличиваются, но из-за возросших значений минимальной интенсивности диапазон увеличивается не столь заметно.

Таблица 18

**Динамический диапазон фраз, оформленных
 разными типами интонации**

Параметр	Завершенная интонация			Завершенная интонация с выделением		
	Средняя min интенсивность (мм)	Средняя max J (мм)	Средний диапазон (мм)	Средняя min J (мм)	Средняя max J (мм)	Средний диапазон (мм)
Диктор						
1Бу	0,92	3,14	2,22	0,87	3,73	2,86
2Бу	1,9	4,18	2,20	1,54	4,21	2,67
1Мо	0,82	3,23	2,41	0,88	3,38	2,50
2Мо	1,11	2,18	1,07	1,11	2,23	1,12
1Де	1,32	5,55	4,23	1,16	5,38	4,22
2Де	1,07	5,7	4,63	0,61	6,25	5,64
1ТКа	0,65	4,65	4	0,75	5,13	4,38
2ТКа	0,67	4,82	4,15	0,44	5,19	4,75
ТКи	0,42	4,8	4,38	0,5	3,98	3,48

Параметр	Вопросительная интонация			Незавершенная интонация		
	Средняя min интен- сивность (мм)	Средняя max J (мм)	Средний диапазон (мм)	Средняя min J (мм)	Средняя max J (мм)	Средний диапазон (мм)
Диктор						
1Бу	0,91	3,77	2,86	0,80	3,35	2,55
2Бу	2,15	4,70	2,55	2,17	4,67	2,50
1Мо	1,14	3,35	2,21	1,12	4,1	2,98
2Мо	1,2	2,61	1,41	1	2,51	1,51
1Де	2,91	6,23	3,31	1,59	3,75	2,16
2Де	1,64	5,73	4,09	2,25	5,62	4,37
1ТКа	1,68	5,31	3,63	0,78	6,4	4,62
2ТКа	1,47	5,55	4,08	0,68	4,5	3,88
ТКи	0,64	4,46	3,82	0,56	4	3,47

В целом, во всех языках вопросительный тип имеет более высокий уровень интенсивности. Однако и при этом типе интонации динамический диапазон в западномонгольских говорах также значительно шире, чем в северно- и восточномонгольских языках. В ойратских говорах в вопросительном типе интонации допускается больший разброс значений интенсивности, интенсивность характеризуется меньшей, чем в двух других языках, инвариантностью.

В монгольском языке самый широкий диапазон соответствует незавершенному типу. В этом языке расширение диапазона происходит за счет увеличения максимальных значений, в то время как минимальные значения примерно равны соответствующим значениям вопросительного типа. В бурятском языке максимальный уровень несколько ниже, что в целом отражается на ширине диапазона: он сужается. В ойратских говорах в незавершенном типе интонации значения как минимальной, так и максимальной интенсивности меньше, чем в вопросе, что обеспечивает более узкий диапазон. Хотя в ойратских говорах в незавершенном типе интонации объем динамического диапазона уже, чем в вопросительном и завершенном типе интонации с выделением, но он существенно шире, чем в том же типе интонации в бурятском и монгольском языках.

§ 3. Таким образом, анализ объема динамического диапазона выявил как обще-, так и конкретно-языковые черты в интонации монгольских языков. К первым относится то, что интонационная насыщенность предложения приводит к большему варьированию значений интенсивности, увеличению динамического диапазона. Такими интонационными типами

являются завершенная интонация с выделением (калмыцкие говоры), вопросительная (бурятский и торгутский говор Китая) и незавершенная (монгольский язык). В каждом из этих языков в названных типах интонации увеличиваются максимальные значения интенсивности, и это приводит к расширению объема динамического диапазона, в то время как во всех языках минимальные значения наиболее значительно увеличиваются в вопросительном типе, характеризующемся более высоким уровнем интенсивности. Эти данные находятся в русле интонационных закономерностей, установленных на материале многих языков.

К явлениям, характерным для монгольских языков, в которых организуяющим слово средством является сингармонизм, относится различие языков по объему динамического диапазона в одном и том же интонационном типе. Более узкий диапазон во всех типах интонации обнаруживается в северно- и восточномонгольских языках, в которых законы регулирования вокализма слова более жестки. Некоторая свобода вокалического наполнения слова в западномонгольских языках обуславливает большую вариативность динамических характеристик гласных в слове и, соответственно, более широкий диапазон. Хотя в целом сингармонизм создает предпосылки для равномерного произношения слогов слова, затрудняя выделенность одного из слогов, в монгольских языках обнаруживается различие в его проявлении во фразе, что находится в прямой зависимости от того, регулируется ли вокализм слова по двум или одному признакам.

§ 4. Проведенный анализ, направленный на изучение данных интенсивности, позволил установить ряд черт универсально- и частично-языкового характера, отражающих специфику динамической организации фразы в монгольских языках в целом и в каждом из языков в частности. К первым относятся сведения о закономерностях распределения интенсивности в отдельных типах интонации: восходящая мелодика характеризуется более высоким динамическим уровнем, при этом в конечной части контура уровень интенсивности остается довольно высоким. Нисходящая мелодика характеризуется последовательно понижающимся динамическим рисунком.

Особое внимание было уделено динамике изменения интенсивности на протяжении фразы, при этом учитывались тип интонации и специфика анализируемого материала. Использование методов математической статистики позволило установить не только величину, но и специфику варьирования интенсивности, находящихся в прямой зависимости от действующего в языках закона сингармонизма. Основываясь на данных, определяющих характер варьирования интенсивности в монгольс-

ких языках, можно говорить о большей вариативности интенсивности в западномонгольских языках и меньшем разбросе отдельных значений интенсивности, большей их связанности со своими средними значениями в восточно- и северномонгольских языках, что соответствует более жесткому регулированию состава гласных слова, свойственному этим языкам. Сингармонизм, «не будучи суперсегментом» (термин Т.А. Бертагаева), влияет на просодическую организацию фразы, т.к. благодаря одинаковой тембральной настройке гласных слова создает предпосылки для появления яркой интонационной приметы этих языков. Функциональное тождество сингармонизма и ударения снижает значимость ударения для этих языков. А отсутствие такого средства цельнооформленности, как ударение, порождает другую просодическую черту - равновыделенность сегментов в слове. В монгольском слове нет ударных и безударных слогов, следовательно, нет и безусловного доминирования одного слога над другими. Вариативность характеристик гласных определяется не ударностью/безударностью слога в этих языках, а, в основном, позицией в слове и во фразе, т.е. фонетическим контекстом.

Изучение локализации максимума интенсивности выявило следующую особенность. При явном стремлении максимума к началу фразы, которое наиболее ярко выражается в завершенном типе, а в остальных типах регулируется местом выделенного слова во фразе, наличием/отсутствием паузы после неконечной синтагмы, отмечаются случаи как появления максимума в неначальной позиции, так и нескольких пиков во фразе. Это связано с большей дробностью членения речи в монгольских языках, ее неслитностью. Сочетания слов в этих языках, соединенные в основном посредством управления и примыкания, объединяются в более компактные группы, что приводит к более дробной сегментации потока речи. В западномонгольских языках большая дробность речи сочетается с большей вариативностью интенсивности во фразе и большей вероятностью появления максимальных значений в неначальной фразовой позиции. Все это создает впечатление большей энергичности речи калмыков, что отмечалось на основе слуховых наблюдений авторами-предшественниками. Напротив, более строгое соблюдение законов сингармонизма в северно- и восточномонгольских языках создает предпосылки для большей инвариантности интенсивности и меньшей вероятности появления максимума в неначальной позиции, что создает впечатление большей «вялости», монотонности речи носителей этих языков.

Сказанное хорошо дополняется данными о динамическом диапазоне. Во всех интонационных типах в северно- и восточномонгольских языках динамический диапазон неширок, это согласуется с характерной для

этих языков меньшей вариативностью интенсивности. Более широкий диапазон, свойственный западномонгольским языкам, соотносится с большей вариативностью интенсивности, которая, в свою очередь, обусловлена свободой вокалического наполнения слова, характерной для этих языков.

4.2.2. Вариативность интенсивности гласных

§ 1. Хорошо воспринимаемое на слух различие монгольских языков в «степени монотонности» обусловлено большей или меньшей «связанностью» вокализма слова. Одним из способов проверки этого предположения может стать установление того, одинаковы или неодинаковы языки с точки зрения вариативности, например, интенсивности, поскольку анализируемые языки не совпадают по «степени связанности» вокализма слова. Для этого, следуя единой методике, используем F-критерий Фишера, позволяющий устанавливать одинаковость/неодинаковость варьирования признака.

Напомним, F-критерий Фишера гласит: если сравниваемые выборки извлечены из одной и той же генеральной совокупности или из разных совокупностей с дисперсиями σ_1^2 и σ_2^2 , равными друг другу, то величина критерия не превысит критические точки (F-теор.). Если же выборки взяты из разных совокупностей с их параметрами σ_1^2 и σ_2^2 , не равными друг другу, то F-факт.>F-теор. и нулевая гипотеза должна быть отвергнута (Лакин, 1990: 125).

Основываясь на полученных ранее данных, касающихся меры варьирования интенсивности (σ), определим F-факт. для разных ситуаций. Каждый раз с учетом интонационного типа для сравниваемой пары языков будем вычислять F-факт. отдельно для начала и конца фразы и сопоставлять его с табличным значением (F-теор.) на 5 % уровне значимости.

§ 2. При завершенной интонации (таблица 19) в начальной фразовой позиции во всех сравниваемых парах языков, кроме бурятского и монгольского, отмечается неодинаковая вариативность интенсивности (F-факт.>F-теор.). Из этого следует вывод о том, что в начальной позиции наблюдается наибольшее различие языков в характере варьирования интенсивности. Именно эта позиция является наиболее благоприятной для реализации различий языков, связанных с особенностями организации динамической структуры фразы. Из всех сопоставляемых пар языков лишь в бурятском и монгольском в данной позиции наблюдается одинаковая вариативность интенсивности; можно думать, что названные языки по данному признаку не различаются.

Ранее было показано то, что в этих языках отдельные значения ин-

тенсивности более тесно обступают свои средние значения, меньше варьируют. Применение F-критерия Фишера помогло установить тот факт, что они, кроме того, в данных языках варьируют одинаково.

Таблица 19

**Вариативность интенсивности в завершённом типе в разных ситуациях (+ одинаковая F-факт.<F-теор.;
– неодинаковая F-факт.>F-теор.)**

Сравниваемые языки	Начало	Конец
1. Бу и Мо	+	+
2. Бу и Де	–	–
Мо и Де	–	–
3. Бу и ТКа	–	+
Бу и ТКи	–	+
Мо и ТКа	–	+
Мо и ТКи	–	+
ТКа и Де	–	+
Де и ТКи	–	+
ТКи и ТКа	–	+

Таблица 20

**Вариативность интенсивности в вопросительном типе в разных ситуациях (+ одинаковая F-факт.<F-теор.;
– неодинаковая F-факт.>F-теор.)**

Сравниваемые языки	Начало	Конец
1. Бу и Мо	+	+
Де и ТКа	+	+
2. Бу и ТКи	–	–
Мо и ТКа	–	–
3. Бу и Де	+	–
Бу и ТКа	+	–
Мо и Де	+	–
Мо и ТКи	+	–
Де и ТКи	+	–
ТКи и ТКа	+	–

Вариативность интенсивности в позиции конца фразы во всех сравниваемых языках, кроме бурятского и дербетского, монгольского и дербетского, одинакова. Это связано с тем, что во всех языках в конце повествовательного предложения интенсивность понижается; кроме того,

вариативность интенсивности в конце меньше, чем в начале фразы. Поэтому языки, различаясь характером варьирования интенсивности в позиции начала фразы, обнаруживают сходство в степени варьирования ее в позиции конца фразы. Лишь в таких парах языков, как бурятский и дербетский, монгольский и дербетский, сохраняется различие в характере варьирования интенсивности не только в начале, но и в конце фразы. Можно думать, что по данному признаку дербетский говор наиболее «далек» как от монгольского, так и от бурятского языков, в то время как каждый из двух других ойратских говоров при сравнении с бурятским и монгольским языками обнаруживает одинаковую вариативность интенсивности в конце фразы, различаясь вариативностью в позиции начала фразы.

В целом из всех языков только бурятский и монгольский имеют одинаковую вариативность интенсивности как в начале, так и в конце фразы. Это, по всей вероятности, соотносится с тем, что именно в данных языках вокализм слова регулируется двумя типами гармонии гласных, благодаря чему слово в этих языках менее «эластично», менее «гибко». Остальные языки, совпадая по характеру варьирования интенсивности в конце фразы, различаются степенью варьирования ее в начале, именно в этой позиции обнаруживается несходство языков в специфике организации динамической структуры фразы. Динамическая кривая фразы в западномонгольских языках, будучи более «изрезанной», более ломаной, характеризуется и большей вариативностью отдельных значений интенсивности, что отличает ее от таковой бурятского и монгольского языков. Кривая интенсивности в северно- и восточномонгольских языках характеризуется меньшей вариативностью отдельно взятых значений интенсивности, что, по-видимому, и создает впечатление большей монотонности этих языков.

§ 3. При завершенной интонации с выделением (таблица 21) обнаруживается одинаковая вариативность интенсивности в позиции конца фразы (F-факт.>F-теор.) и неодинаковая - в позиции начала (F-факт.<F-теор.). При этом по характеру варьирования интенсивности в данном типе интонации языки распадаются на три совокупности. В первую группу языков входят следующие: бурятский и монгольский, торгутский Китая и торгутский Калмыкии, в которых одинакова вариативность как в начале, так и в конце фразы. Напротив, неодинаковой вариативностью интенсивности гласных, находящихся в этих же самых позициях, характеризуются такие пары языков, как бурятский и дербетский, бурятский и торгутский Китая, монгольский и дербетский, составляющие вторую совокупность. Если языки, входящие в первую группу, максимально близки по харак-

теру варьирования интенсивности, то языки второй группы максимально расходятся по данному признаку.

Последнюю группу образуют языки, имеющие одинаковую вариативность интенсивности в позиции конца фразы и неодинаковую вариативность в начальной позиции. В нее входят следующие пары: бурятский и торгутский Калмыкии, монгольский и торгутский Калмыкии, монгольский и торгутский Китая, дербетский и торгутский Калмыкии, дербетский и торгутский Китая.

Обращает на себя внимание тот факт, что в группы языков, имеющих одинаковую/неодинаковую вариативность интенсивности в обеих фразовых позициях, совпадающих по вариативности интенсивности в начале, но расходящихся вариативностью интенсивности в позиции конца фразы, попадают одни и те же пары языков. На наш взгляд, не случайным является то, что именно в бурятском и монгольском языках, а также торгутских говорах Китая и Калмыкии обнаруживается одинаковая вариативность интенсивности; не случайно и то, что при сравнении именно бурятского и монгольского языков с одним из ойратских говоров выявляется неодинаковая вариативность интенсивности сразу в обеих, либо в одной из рассматриваемых позиций.

§ 4. С точки зрения характера варьирования интенсивности при вопросительной интонации (таблица 20) сравниваемые языки также разбиваются на три группы. В первую входят бурятский и монгольский, дербетский и торгутский Калмыкии, в которых одинакова вариативность интенсивности как в позиции начала, так и в позиции конца фразы. В каждой из этих пар языков фиксируется максимальное сходство в степени связанности отдельных значений интенсивности со своими средними. И именно эти пары языков максимально близки с точки зрения принципов организации звукового материала.

Такие пары языков, как бурятский и торгутский Китая, монгольский и торгутский Калмыкии, образуют вторую группу языков, отличительной чертой которых является то, что в них интенсивность как в начале, так и в конце фразы варьирует неодинаково. Если языки, входящие в первую группу, обнаруживают максимальное сходство в характере варьирования интенсивности, то языки второй группы, наоборот, максимально различаются.

Третью группу образуют такие пары, как бурятский и дербетский, бурятский и торгутский Калмыкии, монгольский и дербетский, монгольский и торгутский Китая, дербетский и торгутский Китая, торгутский Китая и торгутский Калмыкии. Эти языки сходны по характеру варьирования интенсивности в позиции начала и различны в характере варьиро-

вания интенсивности в позиции конца фразы. Настоящий анализ свидетельствует о том, что при сходстве тенденций языки различаются по характеру варьирования интенсивности: одни языки обнаруживают большое сходство, другие - максимальное различие, третьи - в чем-то сходятся, а в чем-то не совпадают. Важным представляется то, что это соотносится с большим или меньшим сходством языков в организации звуковой материи.

§ 5. По характеру варьирования интенсивности при незавершенной интонации (таблица 22) рассматриваемые языки распадаются на две совокупности. В четырех случаях из десяти эмпирические значения F-критерия в обеих фразовых позициях не превышают значения F-теор. (F-факт.<F-теор.). Это означает то, что в бурятском и монгольском языках, дербетском и торгутском Калмыкии, дербетском и торгутском Китая, торгутском Калмыкии и торгутском Китая интенсивность гласных как в начале, так и в конце фразы варьирует одинаково. Вновь наблюдается связь между характером варьирования интенсивности и большим или меньшим сходством языков с точки зрения принципов организации звуковой материи. Не случайно то, что одинаковая вариативность интенсивности выявляется в бурятском и монгольском языках и в ойратских говорах, имеющих одинаковые типы гармонии гласных.

Языки, входящие во вторую группу, сходны по вариативности интенсивности в позиции конца фразы (во всех случаях F-факт.<F-теор.), но не совпадают по варьированию интенсивности в позиции начала фразы (F-факт.>F-теор.). В эту группу попадают те языки, которые имеют разные типы гармонии.

Таким образом, исследование вариативности интенсивности с помощью F-критерия Фишера помогло установить сходство и различие языков по характеру варьирования интенсивности на протяжении фразы. Выявляется зависимость вариативности интенсивности в позиции начала и конца фразы от типа мелодики: при нисходящей мелодике в большинстве языков в конце фразы интенсивность варьирует одинаково, различаются языки по характеру варьирования интенсивности в начальной позиции. При вопросительной интонации обнаруживается обратная закономерность: в большинстве языков одинаковая вариативность интенсивности выявляется в позиции начала, а различаются языки характером варьирования интенсивности в конечной позиции.

Обращает на себя внимание тот факт, что в одних и тех же парах языков выявляется одинаковая или, напротив, неодинаковая вариативность интенсивности. Так, бурятский и монгольский языки, в которых из-за регулирования вокализма слова двумя типами гармонии гласных сло-

во менее «эластично», более «сковано», обнаруживают сходство в характере варьирования интенсивности гласных во всех позициях как при восходящей, так и при нисходящей мелодике. Не случайным, на наш взгляд, является и то, что наиболее далеко отстоят друг от друга ойратские говоры и бурятский и монгольский языки, расходящиеся варьированием интенсивности в одной, либо сразу в двух фразовых позициях. Поскольку в одних и тех же сравниваемых языках при разных типах интонации в разных фразовых позициях регистрируется постоянное сходство или различие в характере варьирования интенсивности, то данный феномен, несмотря на ограниченность материала, можно рассматривать как проявление общей закономерности. Ее можно сформулировать следующим образом: между большей или меньшей «связанностью» вокализма слова и характером варьирования интенсивности существует определенная связь. Одинаково варьирует интенсивность гласных в тех языках, вокализм которых управляется двумя типами гармонии гласных, неодинаково варьирует интенсивность в тех языках, в которых принципы организации звуковой материи не совпадают.

4.2.3. Модификация динамической программы слова во фразе

§ 1. Анализ средней относительной интенсивности слов в разных фразовых позициях показывает постепенное уменьшение интенсивности слова в направлении $H > C > K$ (таблицы 23-25). Однако обнаруживается определенное влияние интонации фразы на уровень интенсивности слова. Так, в конечной позиции при вопросительной интонации относительно высокий уровень интенсивности слова сохраняется, тогда как в завершённом типе интонации наблюдается последовательное снижение интенсивности от начала к середине и концу. Можно говорить об определенном влиянии типа интонации и фразовой позиции на общий уровень интенсивности слова в целом, в котором проявляются универсально-языковые закономерности.

При завершённой интонации (таблица 23) соотношение интенсивности гласных в слове в разных фразовых позициях неодинаково. В начальной позиции во всех языках отмечается большая интенсивность второго гласного. В серединной позиции это соотношение нарушается в одних языках и сохраняется - в других. Так, в бурятском и во всех ойратских говорах интенсивность второго гласного по-прежнему остается больше интенсивности первого, т.е. наблюдается восходящая динамическая кривая, характерная для начальной позиции. В монгольском языке гласный второго слога может быть интенсивнее первого (диктор 2Мо), а может

иметь и меньшую интенсивность (диктор 1Мо). В конечной позиции во всех языках регистрируется нисходящая динамическая кривая слова. Слово в этой позиции отражает общий нисходящий рисунок движения интенсивности во фразе.

Таблица 23

Интенсивность гласных в двусложных словах, находящихся в разных фразовых позициях при завершённой интонации

Дикторы	Позиция		Начало		Середина		Конец	
	1	2	1	2	1	2	1	2
1Бу	0,78	0,79	0,62	0,72	0,47	0,25		
2Бу	0,83	0,95	0,72	0,78	0,68	0,45		
1Мо	0,66	0,98	0,9	0,77	0,43	0,1		
2Мо	0,86	1,05	0,65	0,82	0,58	0,38		
1Де	0,71	0,9	0,56	0,76	0,67	0,48		
2Де	0,72	0,84	0,48	0,54	0,75	0,53		
1ТКа	0,78	0,88	0,54	0,72	0,56	0,46		
2ТКа	0,66	0,72	0,62	0,64	0,60	0,47		
ТКи	1	0,7	0,55	0,6	0,38	0,35		

Во всех языках в начальной позиции вопросительного предложения в слове отмечается восходящий динамический контур (таблица 24). В середине фразы в бурятском и монгольском языках, а также в торгутском говоре Китая интенсивность второго гласного в слове больше. Данные калмыцких говоров противоречивы: в одном и том же говоре интенсивность второго гласного может быть и больше (диктор 1Де), и меньше (дикторы 2Де и 2ТКа), и равной (диктор 1ТКа) интенсивности первого гласного. В этих говорах слова, оказавшись в слабой позиции, не испытывая сильного влияния просодии фразы, проявляют определенную неустойчивость, приводящую то к выравниванию интенсивности, то сохранению большей интенсивности второго гласного, то ее уменьшению.

Картина меняется, как только слово оказывается в зоне сильного влияния фразовой просодии - позиции реализации интонационного центра. Во всех языках, кроме монгольского, интенсивность первого гласного превышает интенсивность второго. Особого внимания заслуживают факты монгольского языка, в котором динамическая кривая слова сохраняет свою восходящую направленность во всех трех позициях. Можно было ожидать подобную устойчивость слова в бурятском языке, поскольку эти языки, в отличие от западномонгольских, имеют более жесткие сингармонические правила. Однако в бурятском языке обнаруживается

более сильное воздействие фактора фразы, разрушающее динамическую форму слова в зоне реализации интонационного центра.

Для начала и середины фразы в бурятском языке и торгутском говоре Китая характерна восходящая динамическая структура, а для конца – нисходящая. В калмыцких говорах как в середине, так и в конце интенсивность первого гласного может быть больше интенсивности второго, т.е. «нарушается» определенная схема движения интенсивности в слове, более строго соблюдаемая в бурятском и, в особенности, в монгольском языках: преобладание второго гласного по интенсивности обнаруживается не в одной, а в двух фразовых позициях.

Таблица 24

Интенсивность гласных в двусложных словах, находящихся в разных фразовых позициях при вопросительной интонации

Дикторы	Позиция	Начало		Середина		Конец	
		1	2	1	2	1	2
1Бу		0,75	0,92	0,58	0,68	0,62	0,62
2Бу		0,72	0,97	0,68	0,88	0,86	0,68
1Мо		0,77	0,95	0,57	0,72	0,48	0,56
2Мо		0,7	0,9	0,9	0,94	0,63	0,81
1Де		0,7	0,5	0,7	0,75	0,83	0,82
2Де		0,65	0,75	0,84	0,58	0,73	0,58
1ТКа		0,7	0,82	0,8	0,8	0,8	0,73
2ТКа		0,7	0,55	0,9	0,57	0,78	0,51
ТКи		0,78	0,7	0,35	0,46	0,66	0,35

При незавершенной интонации (таблица 25) в начале и середине фразы во всех анализируемых языках обнаруживается большая интенсивность второго гласного слова. В конечной позиции соотношение интенсивности гласных меняется: гласный первого слога имеет большую интенсивность. В этой зоне, в которой наиболее сильно проявляется фразовая просодия, динамическая структура слова изменяется: движение интенсивности в нем «уподобляется» движению интенсивности во фразе. Если динамическая кривая слов из серединной и начальной позиций не соответствует динамической кривой фразы, скорее «вступает с ней в противоречие», то в конечной позиции она полностью совпадает с направлением движения интенсивности, характерным в целом для фразы

§ 2. На основании проведенного анализа можно предположить, что динамическая структура слова в анализируемых языках имеет восходящий характер, однако в зависимости от фразовых условий она может

Интенсивность гласных в двусложных словах, находящихся в разных фразовых позициях при незавершенной интонации

Дикторы	Позиция		Начало		Середина		Конец	
	1	2	1	2	1	2	1	2
1Бу	0,56	0,86	0,47	0,52	0,67	0,62		
2Бу	0,8	0,93	0,72	0,83	0,66	0,6		
1Мо	0,66	0,93	0,62	0,7	0,56	0,5		
2Мо	0,76	0,76	0,47	0,74	0,47	0,37		
1Де	0,9	0,96	0,55	0,80	0,70	0,57		
2Де	0,7	0,76	0,6	0,6	0,73	0,43		
1ГКа	0,9	0,98	0,53	1,01	0,79	0,75		
2ГКа	0,7	0,76	0,7	1	0,45	0,57		
1Ки	0,93	0,98	0,31	0,37	0,43	0,26		

либо сохранять свой вид, либо изменяться. Она нарушается, когда слово попадает в зону сильного влияния просодии фразы - позицию реализации интонационного центра. В остальных она сохраняет свою восходящую направленность, демонстрируя определенную устойчивость к воздействию просодии фразы.

Восходящая направленность динамической кривой изолированно произнесенного слова уже отмечалась на материале ряда монгольских языков. Так, У.Ш. Байчурой установлено, что в двусложных бурятских словах максимум интенсивности приходится на гласный последнего слога: 1,25 : 3,759, отношение 36,5 % (Байчура, 1962: 56). Восходящая динамическая линия слова на материале хоринского говора бурятского языка подтвердилась в исследовании Б.Ж. Будаева: «Можно говорить о некоторой тенденции к большей интенсивности второго гласного по сравнению с первым» (Будаев, 1981: 60). В монгольском языке динамическая структура слова, видимо, также носит восходящий характер: «50 % экспериментальных монгольских слов имеет равную или большую интенсивность последующих гласных» (Герасимович, 1970: 135). В калмыцком слове наиболее интенсивным является, как правило, гласный последнего слога (Биткеев, 1980: 81).

Имеются свидетельства тюркологов о восходящей направленности динамической кривой слова в тюркских языках. Например, по данным М.К. Исаева, в 73 % двусложных и 65 % трехсложных казахских слов обнаружена большая интенсивность конечного гласного (Исаев, 1970: 10). Подобная тенденция выявлена У.Ш. Байчурой для турецкого и уйгурского языков, А. Орусбаевым - для киргизского: «Результаты экспериментального исследования позволяют утверждать, что в современном

киргизском языке в двух- и многосложных словах гласные конечных слогов обычно бывают интенсивнее гласных в предшествующих слогах» (Орусбаев, 1970: 117).

В монголистике уже была предпринята попытка интерпретации факта повышения интенсивности к концу слова. Монголисты-классики рассматривали это в качестве коррелята словесного ударения (А. Бобровников, О.М. Ковалевский, В.Л. Котвич, А.М. Позднеев). Такой взгляд, как нам кажется, сложился в силу того, что не учитывалось взаимодействие просодических признаков слова и фразы, особенности механизма включения слова во фразу.

В языках, для которых типично словесное ударение, фонетические признаки слова под влиянием фразы меняются, однако «типично сохранение словом своего ударения» (Касевич и др., 1990: 51), преобладание одного и того же слога по тому признаку, по которому определяется качество словесного ударения в этом языке, в основном сохраняется. В монгольских языках во фразе наблюдается не только изменение динамической структуры слова, но и полная «смена» направления движения интенсивности в позиции сильного проявления фразовой просодии. Следовательно, восходящая динамическая кривая слова является одной из фонетических характеристик слова в целом, а не отдельного слога: цельнооформленность слова определяется признаками, «характеризующими просодику целого слова, а не его отдельных частей» (Мередкулиева, 1989: 16). Особого внимания заслуживает факт сходства монгольских и тюркских языков: слово, произнесенное изолированно, имеет восходящую динамическую структуру, а попадая во фразу, плохо адаптируется в интонации фразы. И именно эти языки имеют сходные принципы организации звукового материала. Их объединяет и то, что основным средством выражения грамматического значения в этих языках является агглютинация.

§ 3. Таким образом, исследование динамического компонента интонации показало то, что в монгольских языках в распределении данного коррелята интонации проявляются две тенденции, взаимодействием которых определяется динамическая структура фразы. Первая касается уровня слова, вторая – уровня фразы. Слово во всех монгольских языках в изолированном произнесении характеризуется восходящим движением интенсивности. Это же отмечается на материале тюркских языков и связано, по нашему мнению, с морфологической особенностью этих языков – агглютинацией, при которой слово, начинающееся корневой морфемой может состоять из довольно большого числа аффиксов, не характеризующихся слитностью как с корнем, так и с дру-

ними аффиксами. Объединяются они в единую словоформу благодаря нисходящей динамической кривой интенсивности, функция которой - цельнооформление.

Морфологические свойства монгольских языков обеспечивают относительно большую самостоятельность слова, проявляющуюся в условиях фразы. Для монгольской фразы характерна нисходящая динамическая кривая, направление которой определяется функцией интенсивности, а также акустической формой воздушной струи. Как показал анализ, на нисходящий характер движения интенсивности во фразе указывает уровень интенсивности в начале, середине, конце фразы, а также локализация максимума интенсивности во фразе. То есть на уровне фразы монгольские факты находятся в рамках универсально-языковых закономерностей, в то время как факты на более низком уровне - на уровне слов - противоречат им.

Слово, имеющее свойственную ему восходящую направленность интенсивности, попадая во фразу, сталкивается с противоположной тенденцией, регулирующей распределение интенсивности во фразе, и относительно большая самостоятельность слова в этих языках дает специфическую картину движения интенсивности в слове в разных фразовых позициях. Здесь можно говорить, вслед за Т.М. Николаевой, о большем или меньшем подавлении слова во фразе. Сильной точкой, в которой обнаруживается большее воздействие фразы, является конец, позиция сильного проявления фразовой просодии. В середине особенно наглядно прослеживается столкновение фразовой и словесной просодии. Даже в одном и том же языке можно наблюдать как восходящую, так и нисходящую направленность динамической кривой слова. В начальной позиции, совпадающей с восходящей ветвью сонорной структуры фразы, сохраняется восходящая направленность кривой интенсивности в слове. С акустической точки зрения данная позиция является более благоприятной для гласного первого слога. Однако слово во всех монгольских языках и в этой позиции сохраняет большую интенсивность второго слога, демонстрируя определенную устойчивость динамической структуры и, в целом, большую самостоятельность слова. Сказанное дает нам основание утверждать, что слово во всех монгольских языках проявляет относительную устойчивость к воздействию просодии фразы. Свойственная слову динамическая организация изменяется лишь в одной из точек фразы - в конце.

Так как интонация фразы образуется в результате взаимодействия словесной и фразовой просодии, адаптации слова в интонации фразы, интонационный рисунок фразы зависит от фонетической организации слова

в данном языке. В этом смысле нужно говорить не только о воздействии фразовой просодии на словесную, но и о специфике строения слова, создающей базу для проявления специфики интонации в данном языке.

Таковыми чертами монгольского слова являются сингармонизм и неслитность частей слова, обусловленные агглютинацией и анакцентностью. Сингармонизм порождает некоторую монотонность речи носителей монгольских языков. Она проявляется как в нерезком падении интенсивности от начала к середине и концу фразы, так и в определенной инвариантности интенсивности гласных во всех обсуждаемых языках. Однако степень варьирования интенсивности в монгольских языках различна и находится в прямой зависимости от проявления сингармонизма. Большая вариативность и, соответственно, больший объем динамического диапазона и большая частота появления максимума интенсивности в неначальной позиции западномонгольских языков соответствует большей свободе вокалического наполнения слова, характерной для этих языков. Обратное - меньшая вариативность, меньший динамический диапазон, меньшая частота появления максимума в неначальной фразовой позиции - характерно для восточно- и северномонгольских языков, в которых законы сочетания гласных слова более жестки. Не случайным является то, что именно в бурятском и монгольском языках выявлена одинаковая вариативность интенсивности во фразе. Не случайно и то, что наибольшее различие в вариативности интенсивности обнаруживают именно бурятский и монгольский языки при сравнении с одним из ойратских говоров.

Просодика фразы в монгольских языках формируется в таких условиях, при которых каждый предыдущий гласный в слове предопределяет фонетические признаки последующего, в частности, такие важные, как ряд и огубленность. Это создает условие для равногромкости гласных. Однако эта общая закономерность коррелирует с интонацией фразы, применительно к динамическому компоненту такими ее закономерностями, как уменьшение уровня интенсивности от начала к концу.

Большая самостоятельность слова в монгольских языках, с одной стороны, ограниченное использование такого средства связи, как согласование, с другой, благоприятствуют большей дробности членения речи, ее неслитности. Монотонные звуковые последовательности, довольно часто прерываемые паузами различной протяженности, формируют основные интонационные особенности речи монголов, бурят, калмыков.

4.3. Длительность

4.3.1. Индивидуальный темп речи дикторов

§ 1. Средняя длительность звука определялась по формуле для сгруппированных вариационных рядов: $x = (\sum m_i \cdot a_i) / \sum m_i$

где m_i - частота признака,

a_i - темп диктора в данной фразе.

Средняя длительность звука дикторов, полученная по этой формуле, хотя и отражает основные свойства всех членов совокупности, однако существенно отличается как от максимального, минимального значений длительности звука, так и частных значений длительностей во фразе. Поэтому для характеристики варьирования средней длительности были определены показатели вариации: среднее квадратическое отклонение (для характеристики степени отклонения от средней арифметической), коэффициент вариации (для характеристики вариативности отдельных значений признака), а также ошибка средней арифметической и доверительный интервал генеральной средней (для оценки выборок).

Среднее квадратическое отклонение высчитывалось по формуле:

$$\sigma = \sqrt{[\sum m_i \cdot (a_i - x)^2] / n}$$

где σ - темп диктора в данной фразе,

x - средний темп диктора,

n - количество фраз,

m_i - частота признака.

Коэффициент вариации определялся по формуле: $V = (\sigma / x) \cdot 100 \%$;

ошибка средней арифметической – $S_x = \sigma / n$;

доверительный интервал генеральной средней – $x - t \cdot s \leq \mu \leq x + t \cdot s$,

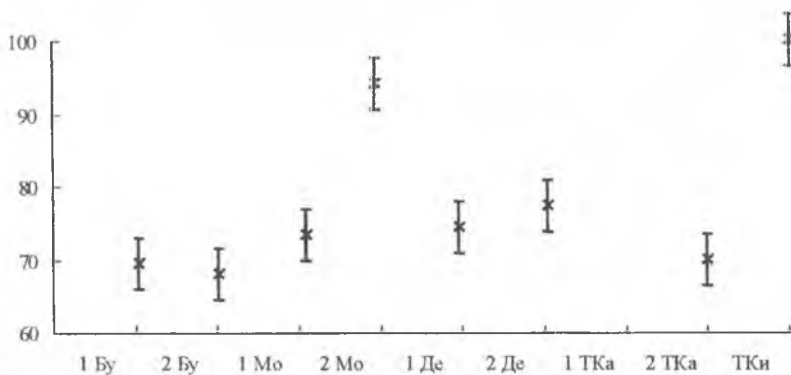
где t -крит. Стьюдента на 5 % уровне значимости равен 1,98.

§ 2. Полученные данные свидетельствуют о том, что наименьшей средней длительностью звука характеризуются дикторы 1Бу (77 мс), 2Бу (75 мс), 2ТКа (74 мс) (таблица 26, рисунок 14). Коэффициенты вариации темпа этих дикторов также близки: 14 % - 1Бу, 12 % - 2Бу, 15,4 % - 2ТКа. Несколько большими значениями средней длительности звука и, соответственно, более медленным темпом обладают дикторы 2Де (83 мс), 1Де (82 мс), 1Мо (83 мс), однако различия не столь значительны. От этой группы и, в особенности, от первой группы отличаются дикторы ТКи и 2Мо, которые могут быть названы дикторами с медленным индивидуальным темпом речи. Этих дикторов объединяет и максимальная устойчивость темпа: ТКи - 11,2 %, 2Мо - 12,9 %. Напротив, максимальной неустойчивостью темпа на фоне всех дикторов характеризуется диктор 1Мо (17 %). У остальных дикторов коэффициенты вариации близки (от 14 % до 15,8 %).

Средняя длительность звука диктора и показатели ее вариации

Характеристики	\bar{x} (мс)	σ	S (мс)	V (%)
Дикторы				
1Бу	77	11	1,3	14
2Бу	75	9,2	1,1	12
1Мо	81	13,8	1,6	17
2Мо	99	12,8	1,5	12,9
1Де	81	11,6	1,3	14,3
2Де	83	13,1	1,5	15,8
1ТКа	83	11,9	1,4	14,3
2ТКа	74	11,4	1,3	15,4
ТКи	103	11,5	1,4	11,2

Рисунок 14. Доверительные интервалы генеральных средних (объяснения в тексте)

4.3.2. Средняя длительность звука и количественные характеристики фразы

§ 1. Объектом особого внимания фонетистов является влияние на темп речи разнообразных сопутствующих факторов. Так, М. Лехисте было показано, что темп речи не зависит ни от морфологической, ни от синтаксической структуры фразы (Lehiste, 1972). Однако средняя длительность звука находится в некоторой зависимости от количества сегментов во фразе (фонем, морфем, слов). В коллективной работе сотрудников Лаборатории экспериментальной фонетики им. акад. Л.В. Щербы была установлена неодинаковость зависимости между этими двумя величинами.

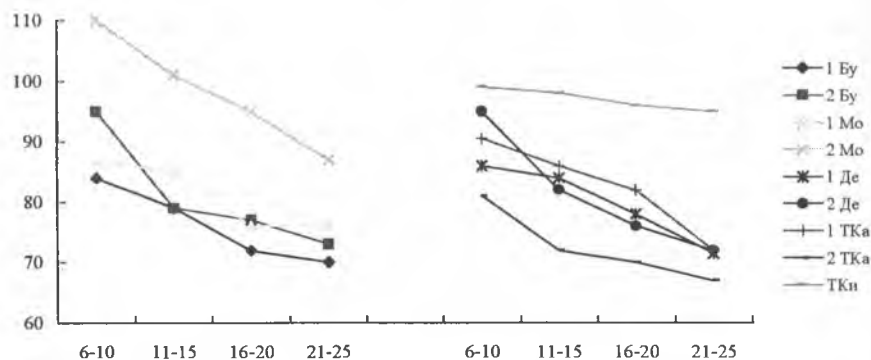
С одной стороны, характер связи между количеством фонем и слогов во фразе и средней длительностью звука оказался линейным: средняя длительность звука сокращается с увеличением числа звуков и слогов. С другой стороны, выяснилось, что средняя длительность звука не зависит от числа слов во фразе (Агафонова, Бондарко, Вербицкая и др., 1974: 29).

Данные, полученные М.К. Румянцевым на материале китайского языка, свидетельствуют о том, что «время звучания слога лишь в очень незначительной степени зависит от числа его элементов. При увеличении количества элементов слога никогда не происходит пропорционального увеличения времени его звучания» (Румянцев, 1966: 167). Здесь никакого противоречия нет, т.к. в слоговых языках слог является единицей, эквивалентной слову, «единицей типа словосочетания» (Касевич, 1977: 102). Поэтому полученный М.К. Румянцевым результат обнаруживает ту же закономерность, которая выявлена Л.С. Агафоновой, Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкой и др.: количество слов во фразе не влияет на длительность звука. В связи с этим определенный интерес представляет исследование связи между средней длительностью звука и количеством сегментов в агглютинативных языках, характерной особенностью которых является образование новых слов и словоформ путем соединения морфем (иногда довольно большого числа), а значит, этим языкам свойственна большая длительность слова.

§ 2. Зависимость между средней длительностью звука и количеством звуков во фразе, полученная в результате подсчетов, иллюстрируется на рисунке 15. Из рисунка видно, что в реализациях всех дикторов увеличение числа фонем во фразе приводит к одному и тому же результату: сокращению средней длительности звука. Наиболее ярко сокращение длительности звука проявляется у дикторов 2Мо, 1Бу и 2Де. Наименее контрастно эта зависимость проявляется у диктора ТКи, для которого в целом характерна наибольшая стабильность темпа ($V=11,2\%$). Следует отметить то, что при этом долгие гласные более подвержены сокращению длительности, чем краткие; среди согласных трудно выделить какую-то группу, т.к. согласные в целом характеризуются меньшей вариативностью своих временных характеристик.

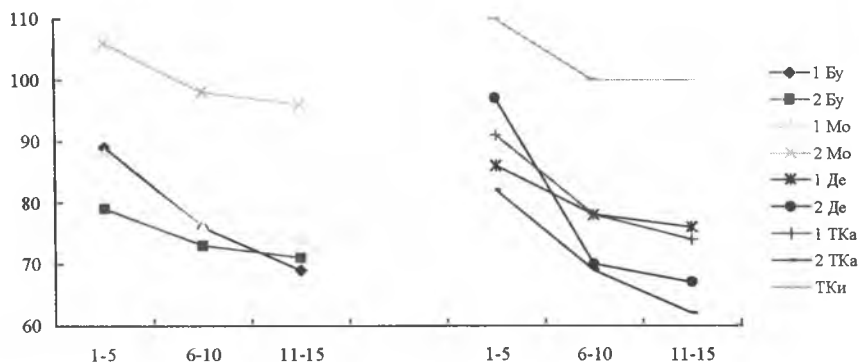
§ 3. В монгольских языках словоформы, как правило, представляют собой композицию из большого числа морфем, связь между которыми не столь тесная, не столь органичная: морфемы могут свободно отсоединяться. С этой точки зрения особенно выделяются калмыцкий язык и его говоры, использующие сложные синтетические формы, которым в бурятском и монгольском языках могут соответствовать аналитические.

Рисунок 15. Зависимость средней длительности звука от числа фонем во фразе

Так, например, часто используемая в нашем материале глагольная форма презенса в калмыцких говорах передается аффиксом –*жана/жэнэ*, а в остальных - аналитически: соединительная форма деепричастия + форма настоящего времени вспомогательного глагола бай- “быть” (калм. *сан-жанав* “думаю”: *Мо санаж байна, Бу ханажа байнаб*). Иными словами, в ойратских говорах средняя длина слова может быть больше, чем в северно- и восточномонгольских языках. В связи с этим интерес представляет выяснение того, как отражается это различие между языками на средней длительности звука во фразе.

Рисунок 16. Зависимость средней длительности звука от числа морфем во фразе

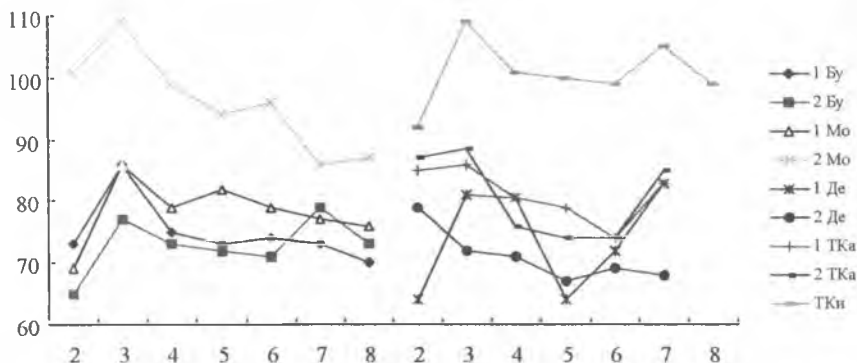
На рисунке 16 показана зависимость средней длительности звука от числа морфем во фразе (морфемы равны слогу). В целом обнаруживается линейный характер связи между этими величинами. Однако, как это видно из рисунка, зависимость средней длительности звука от числа морфем в класс-интервалах 1-5 и 6-10 выражена более ярко, чем в класс-интервале 11-15. Такой вывод можно сделать на основании данных большинства дикторов. Отмеченная особенность в крайнем виде проявляется у диктора ТКи: средние длительности звуков в класс-интервалах 6-10 и 11-15 оказываются равными; увеличение количества морфем от 11 до 15 не приводит к уменьшению длительности звука. Здесь уместно вспомнить о наблюдении Розичке, заключающемся в том, что при увеличении длины высказывания связь между средней длительностью звука и их количеством в данной синтаксической единице постепенно ослабляется, а при приближении ее длины к ста словам наступает полная стабильность (Rositske, 1939).

Наиболее ярко влияние числа морфем в слове на средний темп проявляется в калмыцких говорах: средняя длительность звука в них тем короче, чем больше морфем содержится во фразе. При этом обращает на себя внимание тот факт, что калмыцкие говоры по-разному реагируют на увеличение числа морфем от 11 до 15: в торгутском говоре Калмыкии происходит большая редукция средней длительности звука, чем в дербетском, в котором сокращение длительности также происходит, но не столь значительно. Именно это различие в распределении временных характеристик внутри фразы при равном количестве сегментов в ней составляет одну из несовпадающих черт калмыцких говоров.

В бурятском и монгольском языках количество морфем во фразе также влияет на среднюю длительность звука, сокращая ее. Различие заключается в том, что в калмыцких говорах увеличение числа морфем приводит к более значительному сокращению длительности звука. Таким образом, ускоренный темп речи калмыков оказывается связанным с морфологическим различием между языками: со степенью развитости элементов и черт аналитизма и синтетизма в них. В калмыцких говорах, в которых по сравнению с восточно- и северномонгольскими языками преобладают синтетические формы, протяженность слова больше. Увеличение количества сегментов в слове приводит к более заметному сокращению длительности звука во фразе, что и ощущается при восприятии речи носителей калмыцких говоров.

§ 4. Рассмотрим зависимость средней длительности звука от другой количественной величины - числа слов во фразе. Анализ показывает, что между этими двумя признаками нет закономерной связи, хотя в

Рисунок 17. Зависимость средней длительности звука от числа слов во фразе

некоторых случаях можно говорить о тенденции к установлению подобной связи (результаты представлены на рисунке 17). Так, по данным всех дикторов, кроме 2ТКа, длительность звука во фразе, состоящей из 2 слов, меньше длительности звука во фразе из 3 слов. Увеличение количества слов во фразе до 4 у всех дикторов привело к сокращению длительности звука. Такой же эффект оказывает увеличение числа слов до 5. Одновременно дальнейшее увеличение количества слов во фразе не приводит к сокращению длительности звука у дикторов 1Бу, 1Мо, 2Мо, а также всех дикторов-калмыков, кроме 2ТКа.

Отсутствие четкой зависимости между средней длительностью звука и количеством слов во фразе как в данных отдельных дикторов, так и внутри языков дает основание для заключения об отсутствии ее в целом. Вероятно, в этом проявляется функциональное различие, существующее между фонемой, морфемой и словом. Слово, будучи цельно-оформленной, самостоятельной единицей языка, передает определенную информацию, на что не способны ни морфема, ни фонема. Как известно, длительность призвана служить передаче важности информации, заключенной в слове. На уровне слов фактором, влияющим на среднюю длительность звука во фразе, является не количество слов, а семантика, значимость слова, информационная неравнозначность слов, входящих во фразу. Так, в нашем материале, по данным всех дикторов, длительность звука во фразе из 3 слов оказалась большей, чем во фразе из 2 единиц. Это объясняется тем, что первая фраза имеет большую коммуникативную насыщенность по сравнению со второй (*Тана аав соңсла* "Ваш дед слышал").

§ 5. Итак, количество сегментов во фразе определенным образом отражается на средней длительности звука: она сокращается с увеличением числа фонем и морфем во фразе. При этом в калмыцких говорах, где слово имеет большую длину по сравнению со словом в остальных языках, средняя длительность звука с ростом числа морфем сокращается более значительно. Наибольшую склонность к наблюдаемой компрессии проявляет торгутский говор калмыцкого языка, наименьшую – монгольский язык.

4.3.3. Темп речи в монгольских языках

Наиболее часто называемым просодическим различием монгольских языков является темп речи (Бураев, 1987; Вандуй, 1976; Руднев, 1911; Кичиков, 1967; Очиров, 1911). Замечания, имеющиеся в литературе, основаны на слуховых впечатлениях, объективных данных о темповой организации речи ни по одному из монгольских языков нет. При этом неясно, на каком основании делается вывод об ускоренности калмыцкой и замедленности бурятской речи, относится ли это ко всем без исключения звукам или касается только части их, например, гласных, как считает А.Д. Руднев. Роль редукции в формировании звуковых систем современных монгольских языков значительна: именно редукция способствовала упрощению слоговой структуры слова и изменению его фонемного состава. В современных монгольских языках тенденция к редукции продолжает сохраняться, однако в конкретных языках, судя по литературе, она имеет разную степень проявления. Нами выдвигается гипотеза о том, что ускорение темпа речи в монгольских языках является одной из причин порождения редукции. Для анализа темпа речи рассматриваются средняя относительная длительность и показатели ее вариации в каждой из следующих групп звуков: долгие узкие и долгие широкие гласные, краткие узкие и краткие широкие гласные; сильные смычные, сильные щелевые согласные, слабые щелевые, слабые смычные согласные, сверхслабые носовые согласные, сверхслабые плавные и дрожащие согласные.

4.3.3.1. Гласные

§ 1. Основные различия вокализмов бурятского, монгольского и калмыцкого языков заключаются в том, что в калмыцком языке «гласные образуются при наиболее переднем положении корпуса языка» (Биткеев, 1977: 33) и отсутствуют дифтонги. Дифтонги представлены в бурятском и монгольском языках, однако разные авторы отмечают тенденцию монофтонгизации дифтонгов в этих языках. Так, по мнению И.Д. Бураев-

ва, в бурятском языке у дифтонгов «наблюдается живой процесс сближения их компонентов» (Бураев, 1987: 94). Об определенной акустической близости долгих гласных и дифтонгов в этом языке свидетельствуют результаты, полученные Л.Д. Раднаевой. Согласно ее данным, разница между длительностью долгого гласного и дифтонга незначительна: средняя длительность долгих - 266 мс, дифтонгов - 263 мс (Раднаева, 1988: 9). Можно допустить, что количественная близость дифтонгов и долгих гласных - одно из проявлений происходящего в языке процесса монофтонгизации дифтонгов.

По мнению В.М. Надеяева, в монгольском языке «процесс монофтонгизации дифтонгов не зашел так далеко, как в ойратском языке, где он уже закончился, и несколько отстает в темпах от аналогичного процесса в бурятском языке» (Надеяев, 1957: 127). Однако и в монгольском языке намечается процесс монофтонгизации дифтонгов (дифтонги с тенденцией к монофтонгизации В.М. Надеяев называет дифтонгоидами и относит к ним [aɛ], [ɔɛ], [üi], [ɛɛ] (Надеяев, 1957: 128). Учитывая это, Г.Д.Санжеев считает, что дифтонги и долгие гласные следует рассматривать как один класс - долгие гласные фонемы (Санжеев, 1978: 95).

Наблюдаемый в речи процесс «сближения компонентов дифтонгов», а также такие критерии, как невозможность морфологической границы внутри дифтонга, сверхслоговость, сближают эти сложные звуки с долгими гласными. В связи с этим при анализе длительности гласных дифтонги мы будем рассматривать в классе долгих гласных фонем.

В анализируемых языках долгота-краткость гласных является дифференциальным признаком, в каждом из них количественные различия между долгими и краткими гласными значительны. Так, в бурятском языке долгие гласные длительнее кратких в два раза (Раднаева, 1988: 9), в калмыцком языке этот разрыв еще больше (Павлов, 1983: 45). В монгольском языке, как отмечает Ш. Лувсанвандан, различие между долгими и краткими гласными имеет огромное значение (Luvsanvandan, 1964: 178), однако опытные данные по этому языку отсутствуют.

В этой связи интерес представляет изучение количественных соотношений гласных рассматриваемых языков. Уместно здесь привести мнение известного японского лингвиста Ш. Хаттори: «Важную роль в сравнительных исследованиях монгольских языков и диалектов играют точные фактические данные по существующим диалектам, поскольку письменные памятники прошлого не различают кратких и долгих гласных и некоторые из них не фиксируют различия между слабыми и сильными согласными, между закрытыми и открытыми лабиализованными гласными и т.п.» (Хаттори, 1974: 273).

§ 2. Долгие и краткие гласные фонемы в современных монгольских языках реализуются соответственно в виде кратких и неясных, сверх-долгих и долгих оттенков. В каждом языке временные характеристики гласных легко группируются вокруг долгих и кратких гласных, образуя некую допустимую зону длительности каждой из них. Однако, как показал наш анализ, соотношение длительностей этих групп фонем в языках различно, что создает одну из несопадающих черт временной организации монгольских языков. В этом отношении наши данные не позволяют нам согласиться с Г.Д. Санжеевым в том, что длительность сверх-долгих, долгих и кратких гласных примерно одинакова в халхаском, калмыцком и бурятском языках (Санжеев, 1978: 88). Обратимся к опытным данным.

Нами сравнивались относительные длительности и показатели вариации (среднее квадратическое отклонение, доверительные интервалы) долгих и кратких гласных, в пределах которых с вероятностью 0,95 находятся значения средней относительной длительности. При этом отдельно рассматривались эти показатели узких и широких гласных (таблица 27).

Таблица 27

Средняя относительная длительность узких и широких гласных в монгольских языках

Гласные	Долгие				Краткие			
	Узкие		Широкие		Узкие		Широкие	
	х	σ	х	σ	х	σ	х	σ
1Бу	1,47	0,37	1,8	0,49	0,9	0,29	1	0,46
2Бу	1,55	0,44	1,8	0,53	0,8	0,36	1,06	0,37
1Мо	1,23	0,37	1,5	0,45	0,8	0,33	1	0,34
2Мо	1,27	0,44	1,6	0,45	0,8	0,27	1,1	0,33
1Де	1,8	0,32	2	0,43	0,8	0,25	1	0,29
2Де	2,2	0,51	2,7	0,6	0,6	0,26	1	0,33
1ТКа	1,6	0,41	2,2	0,41	0,7	0,33	0,9	0,37
2ТКа	1,5	0,45	2	0,41	0,7	0,22	0,8	0,29
ТКи	1,5	0,23	1,5	0,47	0,6	0,19	1,1	0,21

Прослеживается определенная зависимость длительности звука от типа гласных: широкие гласные длиннее узких гласных. Во всех языках как долгие, так и краткие гласные короче широких гласных. При этом разрыв в длительности между краткими широкими и краткими узкими гласными меньше, чем между долгими широкими и долгими узкими глас-

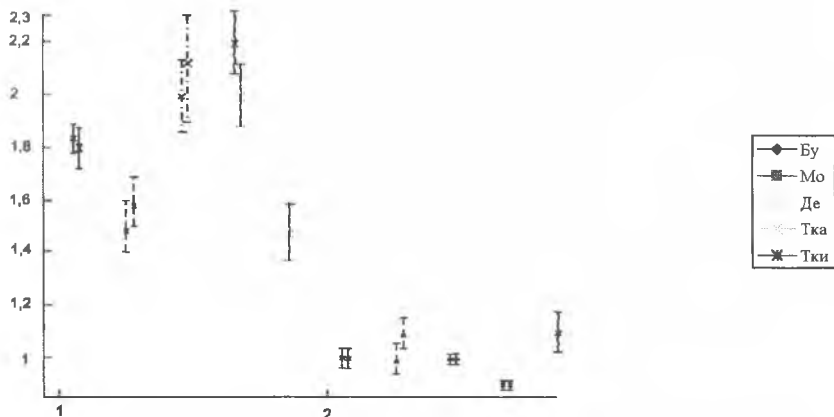
ными. Это отражается в значениях средних квадратических отклонений (σ): σ широких гласных $>$ σ узких гласных. Следовательно, отдельно встречающиеся значения длительности узких гласных более «тесно обступают» свои средние значения, т.к. мера рассеяния у них меньше. Применительно к этому классу звуков можно говорить о более жесткой связи между длительностью отдельных вариантов и средним значением длительности. Важной представляется выявленная в ходе анализа закономерность: значения средних квадратических отклонений долгих узких гласных в калмыцких говорах больше, чем в монгольском и бурятском языках. Очевидно, это связано с действующим в языке законом губного притяжения: в бурятском и монгольском языках, вокализм которых регулируется губной гармонией, наблюдается меньшая вариативность длительности долгих узких гласных.

Аналогичные результаты на материале бурятского языка были получены Л.Д. Раднаевой (1988). В этом отношении наши данные по монгольским языкам отражают общезвонетическую закономерность, согласно которой длительность гласного зависит от степени его открытости (Зиндер, 1979; House, 1961; Black, 1949; Delatre, 1962). Так как все анализируемые нами языки демонстрируют сходную тенденцию (большая длительность соответствует широким гласным, а меньшая - узким), было решено дальнейший анализ длительностей гласных проводить на основе широких гласных.

§ 3. Наблюдаются три зоны размещения генеральных средних относительной длительности долгих гласных: в первую входит бурятский язык, во вторую - монгольский язык и торгутский говор Китая, в третью - калмыцкие говоры (рисунок 18). Для последних характерны наибольшие значения длительности, при этом генеральные средние дикторов 1Де и 2ТКа совпадают, совпадают и доверительные интервалы генеральных средних. Различие заключается в том, что размах вариации длительности у диктора 1Де больше, чем у диктора 2ТКа. Значения средней относительной длительности дикторов 2Де и 1ТКа несколько отличаются, однако доверительный интервал средней у диктора 1ТКа полностью совпадает с верхней частью доверительного интервала средней диктора 2Де. Следовательно, длительности долгих гласных в калмыцких говорах близки, разница в длительности звуков между говорами незначительна.

Торгутский говор Китая резко отличается не только от калмыцких говоров, то и от остальных монгольских языков. Ему свойственны самые низкие значения средней относительной длительности долгого гласного. Вместе с тем нельзя не заметить, что доверительный интервал генеральной средней диктора ТКи частично пересекается с нижней частью дове-

Рисунок 18. Доверительные интервалы генеральных средних длительностей гласных в монгольских языках

рительных интервалов дикторов-монголов. Это свидетельствует о близости торгутского говора Китая и монгольского языка с точки зрения временной организации этой группы звуков.

Бурятский язык занимает промежуточное положение между монгольским языком, торгутским говором Китая и калмыцкими говорами - языками с полярными тенденциями в организации длительности долгого гласного. Вероятности пересечения доверительных интервалов дикторов-монголов и диктора ТКи, с одной стороны, дикторов-калмыков, с другой, и бурят - с третьей, малы. Это означает то, что выборки принадлежат разным генеральным совокупностям, а разность между длительностями долгих гласных в этих языках существенна. В среднем долгие гласные калмыцких говоров на 16,9 % длиннее соответствующих гласных бурятского языка и 24 % - гласных монгольского языка.

§ 4. С точки зрения длительности кратких гласных резко выделяется торгутский говор калмыцкого языка. Ему свойственны самые низкие значения анализируемого признака, что противопоставляет этот говор как бурятскому, монгольскому языкам, так и дербетскому говору калмыцкого языка. Дербетский говор, напротив, обнаруживает близость с бурятским и частично с монгольскими языками. Торгутский говор Китая и по данному параметру близок с монгольским языком, кроме того, обнаруживается частичное пересечение доверительного интервала генеральной средней диктора ТКи с таковыми дикторов-дербетов и дикторов-бурят. Это свидетельствует о том, что разница в длительности кратких гласных в этих языках незначительна.

§ 5. Таким образом, калмыцкие говоры, обладая наибольшей сред-

ней длительностью долгих гласных, противостоят по этому признаку остальным языкам, а протяженностью кратких гласных - друг другу. Если относительная длительность кратких гласных сближает бурятский, монгольский языки с дербетским говором, то длительность долгого гласного разбивает их на три не имеющие пересечения группы.

Итак, торгутский говор Китая - язык с наименьшей длительностью гласных среди анализируемых языков. Обращает на себя внимание тот факт, что этот говор протяженностью гласных заметно отличается от калмыцких говоров, обнаруживая гораздо большее сходство с монгольским языком. Так, в общем, гласные торгутского говора Китая всего на 6 % короче гласных монгольского языка, но на 20 % короче гласных торгутского говора и на 30 % - гласных дербетского говора; бурятские гласные длиннее гласных торгутского говора Китая на 19 %.

4.3.3.2. Согласные

§ 1. Основное различие консонантизмов рассматриваемых языков связано с мягкими согласными. Твердость-мягкость согласных является дифференциальным признаком в бурятском языке (Бураев, 1959; Поппе, 1938: 37; Рассадин, 1982: 119). Относительно фонематического статуса мягких согласных монгольского языка существуют разные мнения: они признаются либо самостоятельными фонемами (В.М. Надеяев), либо аллофонами соответствующих твердых согласных (Ш. Лувсанвандан). Г.Д. Санжеев считает, что «в монгольском и бурятском языках процесс превращения оттенковых признаков согласных в различительные полностью еще не завершился» (Санжеев, 1977: 36). В калмыцком языке мягкие согласные фонемы отсутствуют. Поскольку мягкие и твердые согласные существенно различаются по абсолютной длительности, определяемой неравным временем, затрачиваемым на мышечное движение (Щерба, 1948; Зиндер, 1960), нами рассматриваются количественные характеристики только твердых согласных. Кроме того, в связи с тем, что в бурятском языке отсутствуют аффрикаты, эта группа фонем также не будет представлена ниже.

§ 2. Длительность согласных зависит от целого ряда факторов, среди которых наиболее важными являются артикуляционные характеристики, принадлежность согласного к тому или иному типу (Щерба, 1948; Зиндер, 1960; 1979; Бондарко, Вербицкая, Зиндер, 1960; Блохина, Потапова, 1977). Учитывая градацию признаков согласных монгольских языков, будем рассматривать следующие группы согласных: сильные смычные, сильные щелевые, слабые щелевые, слабые смычные; сверхслабые носовые, сверхслабые плавные и дрожащие.

§ 3. Анализ средней длительности согласных позволил обратить внимание на две основные особенности. Первая касается различий между языками по длительности согласных в целом, вторая связана с характером варьирования длительности согласных в рассматриваемых языках.

Дербетский говор обладает наименьшей длительностью согласных. Однако при этом различия в длительности согласных между ойратскими говорами незначительны: согласные дербетского говора на 2 % короче согласных торгутского говора калмыцкого языка и на 4 % короче согласных торгутского говора Китая. Более заметны различия в длительности согласных этих языков с бурятскими (15 %) и монгольскими (13 %) согласными. Тем не менее в целом расхождения в длительности согласных между рассматриваемыми языками не столь контрастны, как в группе гласных.

В целом следует отметить общую для всех анализируемых языков черту: гласные обнаруживают большую количественную вариативность по сравнению с согласными. Большая временная вариативность гласных звуков по сравнению с согласными была отмечена на материале разных языков. Так, О.И. Лутовинова, исследовавшая механизмы изменения темпа речи на примере английского и туркменского языков и также отметившая этот факт, рассматривает его как некую языковую универсалию. Ее можно сформулировать следующим образом: длительность гласных больше подвержена колебаниям, чем длительность согласных, т.к. у гласных она в большей степени зависит от просодической организации высказывания и от фонетического контекста (Щерба, 1912; Зиндер, 1964; Бондарко, 1981; Лутовинова, 1986). Следовательно, именно гласные являются теми элементами в языке, за счет которых реализуется временная программа высказывания (Лутовинова, 1986: 57).

Рисунок 19. Контраст по длительности между согласными в монгольских языках

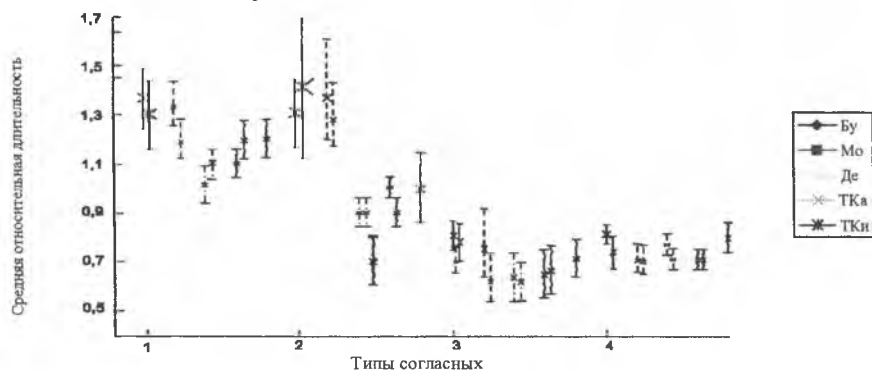
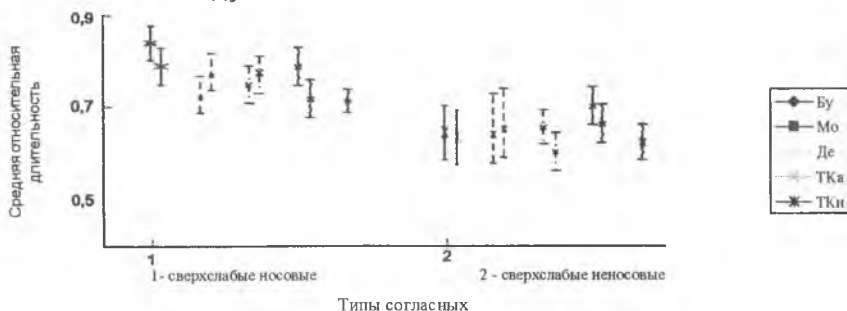

Рисунок 20. Контраст по длительности между согласными в монгольских языках

§ 4. Во всех монгольских языках наибольшей средней длительностью обладают сильные щелевые согласные (рисунки 19, 20). Однако анализируемые языки существенно различаются не только значениями средней длительности, но и мерой рассеяния отдельных частот. Выделяются монгольский и бурятский языки, имеющие наибольшую среднюю длительность щелевых согласных по сравнению с ойратскими говорами. Сравнение доверительных интервалов генеральных средних дикторов-бурят и дикторов-монголов показывает, что они пересекаются. Это означает то, что средние длительности этой группы звуков в бурятском и монгольском языках близки. Данным языкам противостоит дербетский говор, характеризующийся наименьшей длительностью этих звуков. Длительность рассматриваемой группы звуков в торгутских говорах превышает длительность соответствующих звуков дербетского говора незначительно: всего на 2 % - торгутский говор калмыцкого языка - и на 4 % - торгутский говор Китая. Следовательно, по данному признаку торгутский говор Китая обнаруживает близость с калмыцкими говорами. Характер распределения частот длительности в этих языках также разный: в бурятском и монгольском языках длительности отдельно взятых звуков больше рассеяны относительно средней, в то время как в калмыцких говорах они более «тесно обступают» свои средние значения.

§ 5. Аналогичная картина вырисовывается при сравнении значений средних длительностей и их доверительных интервалов в группе сильных смычных согласных. Намечившееся различие между анализируемыми языками, о котором речь шла выше, наблюдается и в данной группе согласных, более того, разрыв между языками еще более усиливается. В этой группе согласных, как и в случае с сильными щелевыми, обнаруживается определенная близость данных, принадлежащих бурят-

скому и монгольскому языкам, с одной стороны, и ойратским говорам - с другой. Об этом свидетельствует то, что доверительные интервалы генеральных средних сильных смычных согласных дикторов-бурят и дикторов-монголов пересекаются, близки значения и средней длительности.

Картину можно дополнить, используя значения средних квадратических отклонений: отдельно встречающиеся длительности этой группы звуков в бурятском и монгольском языках менее тесно связаны со своими средними значениями, в то время как в ойратских говорах, напротив, они более «тесно обступают» свои средние значения. Торгутские говоры обнаруживают близость в значениях средней относительной длительности рассматриваемой группы звуков. Различие заключается в том, что длительности сильных смычных согласных в торгутском говоре Китая более вариативны, менее тесно связаны со своими средними значениями, чем в торгутском говоре калмыцкого языка. Дербетский говор проявляет определенную близость с торгутскими говорами: средние относительные длительности этих звуков в них близки, пересекаются и доверительные интервалы генеральных средних.

Сходство временной организации сильных смычных согласных сближает калмыцкие говоры с торгутским говором Китая, резко противопоставляя их бурятскому и монгольскому языкам. В последних сильные смычные согласные на 40 % длиннее соответствующих ойратских звуков. Следует отметить здесь то, что контраст по длительности между монгольским и бурятским, с одной стороны, и ойратскими - с другой, является самым значительным среди всех групп согласных. Различие в длительности сильных смычных согласных между этими языками - одна из несовпадающих черт временной организации монгольских языков. К ним можно отнести и разрыв в длительности сильных щелевых согласных с той лишь оговоркой, что в этой группе звуков временное различие звуков в языках не столь контрастно, скорее нужно говорить о плавном переходе между языками.

§ 6. С точки зрения средней длительности слабых щелевых согласных монгольские языки распределяются следующим образом. Бурятский язык можно назвать языком с наибольшей относительной длительностью слабых щелевых согласных, несколько короче длительность этих согласных в монгольском языке (на 8 %). Однако они заметно длиннее соответствующих калмыцких согласных (на 15,5%). Различия между ойратскими говорами по анализируемому признаку не столь значительны. В целом расхождения в длительности слабых щелевых согласных между отдельными монгольскими языками проявляются не столь ярко.

§ 7. Еще более сглажены различия между языками в группе слабых

смычных согласных. Здесь наблюдается пересечение доверительных интервалов генеральных средних как между отдельными дикторами, так и между отдельными языками. Тем не менее некоторые общие тенденции можно выделить и тут. Так, наибольшую близость обнаруживают монгольский язык и калмыцкие говоры: средние относительные длительности в них наиболее близки, пересекаются и доверительные интервалы генеральных средних.

§ 8. В группе сверхслабых согласных наибольшей длительностью характеризуются носовые: во всех языках средняя относительная длительность этих согласных больше соответствующих значений неносовых (плавных и дрожащих). С точки зрения средней относительной длительности носовых согласных на фоне всех языков выделяются бурятский язык и торгутские говоры: первому свойственна наибольшая длительность носовых, последним - наименьшая. Определенное сходство обнаруживают и монгольский язык и дербетский говор. Однако в целом различия в длительности в этой группе согласных между языками несущественны.

Сколько-нибудь ощутимых различий в длительности неносовых сверхслабых также не наблюдается: обнаруживается определенная близость в значениях средней относительной длительности, доверительные интервалы генеральных средних частично пересекаются. Длительность неносовых согласных характеризуется некоторой инвариантностью, более тесной связанностью отдельно встречающихся длительностей этих звуков со своими средними значениями. Это же отмечается и в группе носовых согласных.

В целом в каждом из рассматриваемых языков слабые и сверхслабые согласные различаются по своим временным характеристикам, однако различия не столь резкие. Контраст по длительности между этими группами звуков как внутри языков, так и между языками не такой яркий, как в группе сильных согласных. Во всех языках сильные согласные существенно отстоят по своим временным характеристикам от слабых и сверхслабых согласных. Временное различие их устойчиво проявляется при сравнении отдельных монгольских языков, в то время как упомянутое различие в длительности слабых и сверхслабых согласных в языках не носит контрастный характер.

§ 9. Таким образом, на основании различий в длительности согласных монгольские языки можно разделить на три группы и разместить в следующей последовательности. Полярные положения займут бурятский язык как язык с наибольшей длительностью согласных и калмыцкие говоры, которым свойственна наименьшая длительность. Преобладание

бурятских согласных по длительности наблюдается во всех группах согласных. К зоне размещения бурятского языка будет тяготеть монгольский язык, в котором согласные немного короче бурятских согласных и заметно длиннее калмыцких согласных (особенно ощутимо различие в группе сильных согласных). Калмыцкие говоры обнаруживают глубокое сходство, различаясь лишь тем, что дербетский говор имеет наименьшую длительность сильных щелевых согласных среди всех монгольских языков. В остальных группах согласных калмыцкие говоры разместятся в тесном соседстве друг с другом, демонстрируя явную близость временных характеристик. Торгутский говор Китая с точки зрения длительности согласных в целом обнаруживает большее сходство с торгутским говором калмыцкого языка, что не наблюдается при рассмотрении длительности долгих гласных. Вместе с тем следует отметить то, что резкие различия в длительности сильных согласных, существующие между бурятским, монгольским языками, с одной стороны, и ойратскими говорами - с другой, сглаживаются в группе слабых и сверхслабых согласных. Тем не менее бурятский язык выделяется и в этих группах согласных наибольшей длительностью. Сказанное обобщается в таблице 28.

Таблица 28

**Расположение языков в порядке убывания
средней длительности групп согласных**

Группы согласных	Языки	Бу	Мо	Де	То Ка	То Ки
1. Сильные щелевые		1	2	5	4	3
2. Сильные смычные		1	2	5	4	3
3. Слабые смычные		1	2	4	5	2
4. Слабые щелевые		1	2	5	4	3
5. Сверхслабые носовые		1	2	3	4	5
6. Сверхслабые плавные и дрожащие		2	1	5	3	4

Хотя в целом можно согласиться с тем, что «согласные звуки обладают разной длительностью и общих законов, определяющих их длительность, нет» (Зиндер, 1979: 126), однако, как показало наше исследование средней длительности согласных в монгольских языках и свидетельствуют многочисленные исследования по другим языкам, длительность согласных в первую очередь связана с принадлежностью звуков к тому или иному типу. Так, еще Сиверс, а затем целый ряд исследователей отмечали наибольшую длительность глухих щелевых согласных (Sievers, 1885: 69; Зиндер, 1964; Агафонова, Бондарко, Вербицкая, 1974;

Лутовинова, 1986). Было установлено, что, например, в русском языке согласные с позиции убывания их длительности располагаются в следующей последовательности: 1. Аффрикаты и щелевые; 2. Глухие; 3. Смычные палатализованные; 4. Глухие смычные непалатализованные; 5. Звонкие щелевые; 6. Носовые; 7. Плавные (Зиндер, 1964). В монгольских языках, заметно различающихся длительностью согласных между собой (в одних группах согласных - более сильно, в других - менее сильно), в целом длительность согласных также связана с типом артикуляции звука, уровнем напряженности органов речи. Аналогичные выводы были сделаны С.П. Соктоевой на материале согласных хоринского диалекта бурятского языка (Соктоева, 1983: 61).

Теперь охарактеризуем монгольские языки с позиций длительности звуков с тем, чтобы затем перейти к обобщениям.

Бурятский язык. Наибольшей длительностью в этом языке обладают долгие гласные, наименьшей - сверхслабые согласные. В целом бурятские гласные длиннее согласных на 35 %, однако это преобладание сохраняется не во всех классах звуков. Так, длительности кратких гласных и сильных щелевых согласных близки и несколько превышают длительность слабых и сверхслабых согласных. Контраст между длительностью долгих и кратких заметный: долгие превосходят краткие в 1,7 раза (этот разрыв сохраняется как в группе узких, так и в группе широких гласных).

Монгольский язык. Вырисовывается та же картина: долгие гласные и сверхслабые согласные занимают крайние, противоположные положения, между которыми размещаются краткие гласные и сильные согласные, близкие по временным характеристикам. В среднем в этом языке гласные длиннее согласных на 27 %. Различие заключается в том, что контраст между долгими и краткими гласными небольшой: монгольские долгие гласные в 1,4 раза длиннее кратких гласных (эти количественные соотношения сохраняются между соответствующими узкими и широкими гласными). Сильные согласные могут равняться и даже превосходить краткие гласные по длительности.

Дербетский говор. Долгие гласные в два и более раза превосходят по длительности краткие. При этом, если узкие долгие гласные длиннее узких кратких в 2,2 раза, то широкие долгие гласные длиннее соответствующих кратких в 2,3 раза. Количественные различия между гласными и согласными в этом говоре самые значительные по сравнению со всеми остальными языками: гласные длиннее согласных в среднем на 43 %. Сильные согласные и краткие гласные не обнаруживают, как это наблюдалось в монгольском и бурятском языках, близости: сильные со-

гласные короче кратких гласных. Сверхслабые приближаются по длительности к слабым согласным.

Торгутский говор калмыцкого языка. Краткие гласные еще больше, чем в дербетском говоре, отстоят от долгих: узкие долгие в 2,7 раза, а широкие долгие - в 2,2 раза длиннее кратких. Хотя различие в длительности между гласными и согласными также значительно (гласные длиннее согласных на 36 %), однако оно сохраняется не во всех группах звуков. Сильные согласные приближаются по длительности к кратким гласным и даже могут превосходить их. Сверхслабые согласные короче кратких гласных и сильных согласных.

Торгутский говор Китая. Контраст между долгими и краткими гласными незначительный. Долгие гласные длиннее кратких в 1,6 раза, а согласные в среднем короче гласных на 32 %. Сильные согласные превосходят по длительности краткие гласные. Сверхслабые согласные значительно короче всех остальных звуков.

Таким образом, монгольские языки обнаруживают различия в длительности как гласных, так и согласных. Наибольшая длительность долгих гласных характерна для калмыцкого языка, они могут быть длиннее кратких гласных в два и более раза. Резкая временная противопоставленность этих звуков создает впечатление большей временной структурированности, ритмичности калмыцкой речи, что хорошо ощущается на слух. Временная противопоставленность долгих и кратких гласных в бурятском и монгольском языках выражена не столь контрастно. Различие заключается в том, что бурятские долгие гласные короче, а краткие гласные длиннее соответствующих калмыцких гласных. Еще менее заметен контраст по длительности между краткими и долгими гласными в торгутском говоре Китая. Именно эта черта сближает его с монгольским языком и резко противопоставляет в целом калмыцким говорам, а в особенности торгутскому говору калмыцкого языка, в котором краткие гласные короче, чем во всех остальных языках и в которых контраст между долгими и краткими гласными самый значительный.

Одно из отличий ойратских языков от северно- и восточномонгольских заключается в том, что в них наиболее последовательно протекал и имеет логическое завершение процесс образования долгих гласных. Этот процесс в северно- и восточномонгольских языках не завершился. Видимо, именно с этим связано то, что количественная противопоставленность долгих и кратких гласных в восточно- и северномонгольских языках выглядит не такой четкой, как в говорах калмыцкого языка.

Впечатление ускоренности речи калмыков образуется как резкой противопоставленностью долгих и кратких гласных, так и меньшей дли-

тельностью кратких гласных и всех групп согласных. Следует особо отметить тот факт, что на фоне всех языков выделяется торгутский говор Калмыкии: он выделяется наименьшей длительностью кратких гласных. Это соответствует как слуховым впечатлениям, так и наблюдениям, сделанным авторами-предшественниками, которые среди просодических различий калмыцких говоров называли ускоренность речи торгутов. Дербетский говор должен быть отмечен как говор, в котором все группы согласных, а также краткие гласные характеризуются небольшой протяженностью, это и создает ощущение ускоренности речи дербетов.

А.Д. Руднев, отмечая некоторую замедленность речи бурят, считал, что она образуется благодаря продленности как долгих, так и кратких гласных. Как показывают наши данные, этому способствует то, что в бурятском языке краткие гласные заметно продлены, а, кроме того, все группы согласных также характеризуются сравнительно большей длительностью.

Проведенный анализ выявил несходство монгольских языков в распределении длительности разных групп звуков и то, что в этом количественном несходстве отражаются процессы, происходящие в фонетических системах монгольских языков. В частности, относительная краткость долгих гласных в северно- и восточномонгольских языках связана с незавершенностью процесса становления долгих гласных в этих языках. А чрезвычайная непродолжительность кратких гласных в говорах калмыцкого языка свидетельствует о том, что их затронула редукция, источником которой является ускорение темпа речи. В этой связи важной представляется точка зрения Л.В. Бондарко: «Убыстрение темпа способно привести к таким же фонетическим последствиям, к каким приводит количественная и качественная редукция... изменение темпа может рассматриваться как модель порождения редукции» (Бондарко, 1981: 158-159). Однако в монгольских языках фонологическая противопоставленность долгих гласных кратким поддерживается устойчивостью, стабильностью характеристик одного из членов противопоставления: кратких гласных в северно- и восточномонгольских языках и долгих - в западномонгольских языках.

4.3.4. Средняя длительность звука и интонационные характеристики фразы

§ 1. В экспериментально-фонетических работах, выполненных на материале самых разных языков, установлена связь между длительностью звука и типом интонации. Рассмотрим, как она проявляется в монгольских языках и отличаются ли данные языки по данному параметру.

Начнем с изложения тех черт, которые обнаруживаются во всех языках, а затем перейдем к описанию тех признаков, которые различают анализируемые языки.

Рисунок 21. Зависимость средней длительности звука от типа интонации

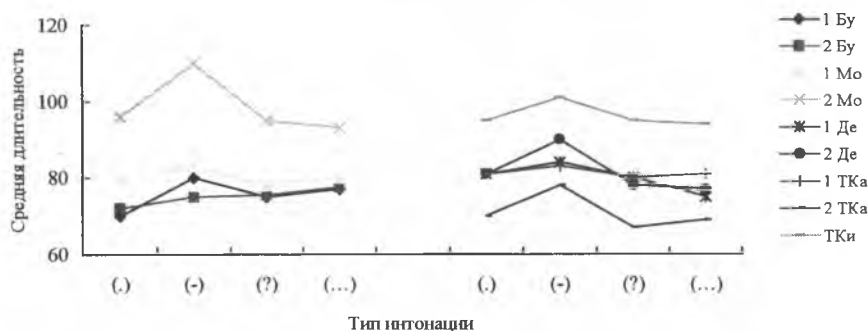
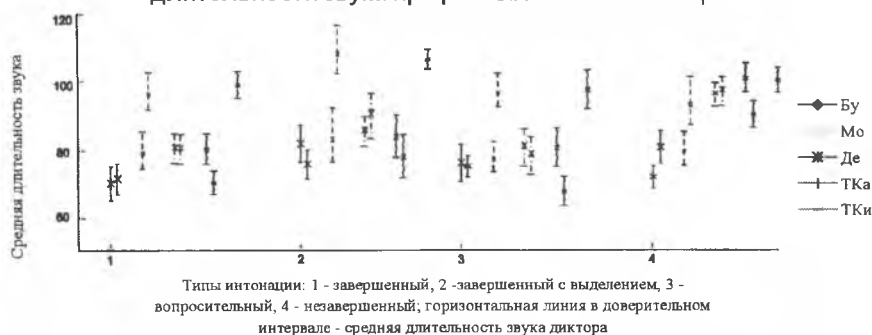

Рисунок 22. Доверительные интервалы генеральной средней длительности звука при разных типах интонации

§ 2. Во всех языках средняя длительность звука при завершённой интонации с выделением заметно больше, чем в остальных интонационных типах (рисунки 21, 22). Как правило, она превышает среднюю длительность звука диктора, т.е. данный тип интонации характеризуется замедлением темпа произнесения. Некоторое несходство конкретных данных находится в рамках этой тенденции, общей для всех анализируемых языков. Близость тенденций свидетельствует о том, что в монгольских языках одним из средств создания интонации завершённости с выделением является длительность.

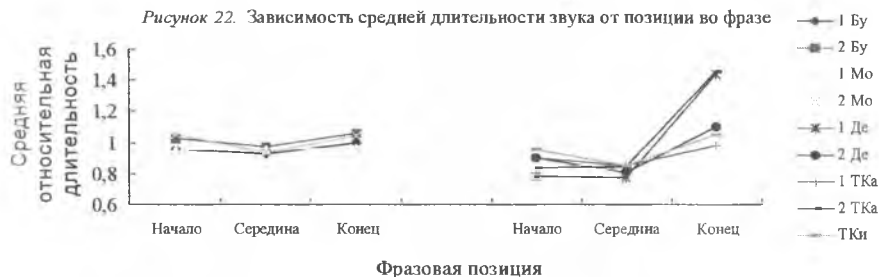
Во всех языках во фразах, оформленных завершённой интонацией, средняя длительность звука больше, чем в вопросительном и незавершённом типах интонации, но меньше, чем в завершённом типе с выделением. Различие заключается в том, что в бурятском языке и торгутском говоре Китая она меньше средней длительности звука диктора, а в остальных может быть примерно равной ей, т.е. может соответствовать среднему темпу произнесения диктора.

§ 3. Зоной проявления языковых различий являются вопросительная и незавершённая интонации. В бурятском языке и торгутском говоре калмыцкого языка наименьшая средняя длительность звука соответствует вопросительному типу, в дербетском говоре – незавершённому. В торгутском говоре Китая средние длительности звуков в вопросительном и незавершённом типах интонации примерно равны, т.е. темп речи одинаков. Вместе с тем следует отметить то, что в монгольском языке меньшая средняя длительность звука может соответствовать и вопросительному, и незавершённым типам интонации. Здесь вновь отмечается близость монгольского языка с торгутским говором Китая.

Итак, в калмыцких говорах и бурятском языке длительность звука используется для дифференциации вопросительной и незавершённой интонации: самым высоким темпом речи в бурятском языке и торгутском говоре калмыцкого языка отмечен вопросительный тип, а в дербетском – незавершённый.

§ 4. Известно, что размещение слов во фразе и степень акцентного выделения слов определяется их семантическим весом. Вместе с тем замечено, что отдельные участки фразы фонетически выделяются. Ими оказываются начало и конец, которые на этом основании называются «сильными» точками фразы (Николаева, 1977: 49). Начало – это восходящая ветвь сонорной структуры фразы (Зубкова, 1984: 3), конец важен из-за коммуникативной важности заключённой в нем информации, фонетически это выражается, в частности, замедлением темпа произнесения. Середина – слабый участок фразы. Сегменты, расположенные в этой зоне, как правило, проговариваются быстро, отмечается меньшая длительность звуков середины фразы, тогда как длительность звуков в начале и конце выше своих средних значений (Чистович, 1872; Дербилова, 1980; Юркова, 1983). На оценке информационного неравенства частей фразы, обуславливающего неодинаковое фонетическое выделение звуков, попадающих в эти позиции, строится гипотеза, согласно которой фонетические изменения первоначально зарождаются в слабых фонетических позициях.

Рисунок 22. Зависимость средней длительности звука от позиции во фразе

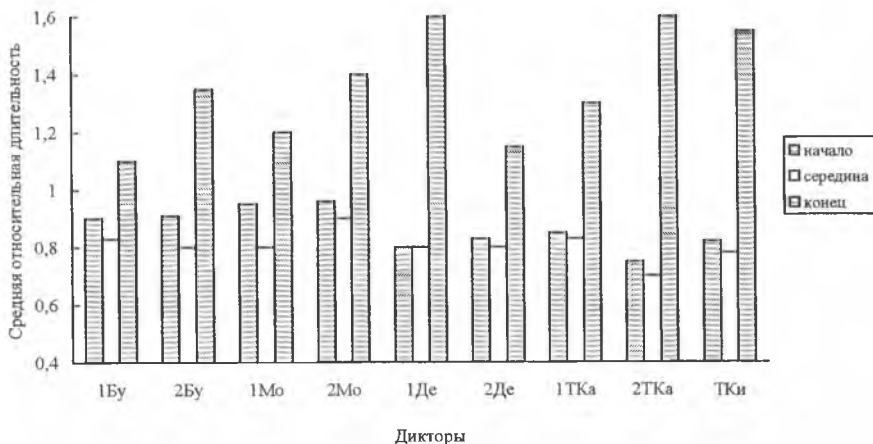

Одновременно следует иметь в виду то, что слова определенной семантики сопровождаются свойственным им просодическим оформлением: глаголы движения – изменением темповых характеристик, слова, имеющие значение чего-то большого, – динамическими и мелодическими пиками. Самостоятельный интерес представляет вопрос взаимодействия словесной и фразовой просодии, о степени фонетической независимости слова. На материале монгольских языков он не рассматривался. Однако, учитывая агглютинативный, точнее, суффигирующий, характер этих языков, в которых благодаря начальному положению корня свпадают две сильные точки слова – семантическая и информационная (Зубкова, 1984: 37) и в которых однозначны отношения между формой и значением морфем, можно предположить большую самостоятельность монгольского слова, чем, например, во флективных языках, в которых слово «подавляется» фразой и в большей степени «зависит» от интонации фразы. В связи с этим нас интересовало, изменяется ли длительность звука в сильных и слабых точках фразы, насколько изменяется длительность звука в зависимости от локализации слова в этих точках. Исследование проводилось на материале отдельных слов или слогов, расположенных в начале, середине, абсолютном конце предложения, и слога-носителя фразового ударения (далее – конечный слог).

§ 5. Продление начала отмечается во всех монгольских языках как при нисходящей, так и при восходящей мелодике (рисунки 23, 24, 25). Однако степень продления оказалась различной. Так, более значительное удлинение звуков по сравнению с их средними значениями характерно для монгольского (5,5 %) и бурятского (7 %) языков. В ойратских говорах начало продлевается в среднем на 4 %.

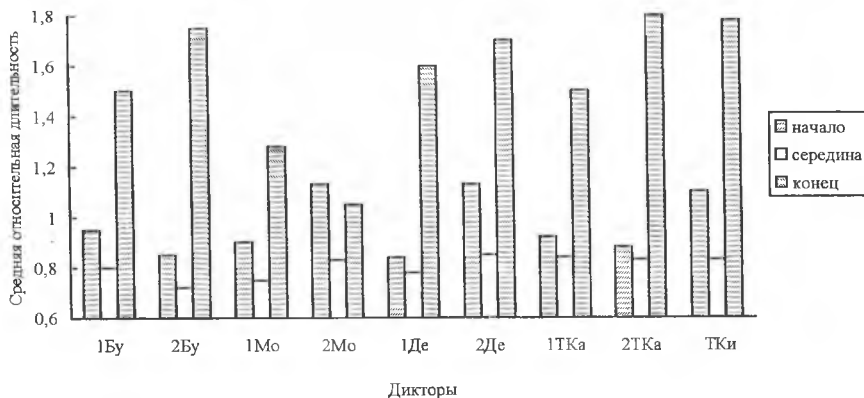
Языки различаются и по степени «сжимаемости» срединных слогов. Здесь отмечается близость данных монгольского языка и тюркского

Рисунок 24. Соотношение длительностей разных частей фразы при завершённой интонации в монгольских языках

говора Китая. В них длительность звуков в сравнении с их средними значениями сокращается в среднем на 15 %. В калмыцких говорах длительность звуков срединной части фразы сокращается не столь существенно (в среднем на 5%). В бурятском языке она сокращается несколько больше (в среднем на 10 %), но заметно меньше, чем в монгольском языке и торгутском говоре Китая.

Рисунок 25. Соотношение длительностей разных частей фразы при вопросительной интонации в монгольских языках

Различаются языки и по уровню продления длительности гласно-носителя фразового ударения. Отмечая заметное удлинение гласного в этой позиции во всех языках, заметим, что степень продления в калмыцких говорах больше, чем в бурятском и монгольском языках. В последних длительность этого гласного больше средних длительностей соответствующих гласных в среднем на 40-50%. Ойратские говоры отличаются не только большей длительностью гласного в этой позиции в целом (в среднем на 80%), но и большей продленностью абсолютно конечного гласного, который в 1,5 может быть длиннее предыдущего гласного. В бурятском и монгольском языках продление абсолютно конечного гласного также фиксируется, но длительность этого гласного практически никогда не достигает уровня длительности конечного гласного в ойратских говорах. Отметим, что в торгутском говоре Китая гласный в этой позиции значительно превосходит по длительности свои средние значения (в среднем на 90 %). По уровню продления он превосходит калмыцкие говоры, которые, в свою очередь, превосходят бурятский и монгольский языки.

Существует несколько точек зрения на семантику конечного продления. Условно их можно объединить в две группы. Согласно первой, оно вызвано необходимостью планирования высказывания (Oller, 1972) и маркирования конца смысловых единиц: на него ориентируется слушающий при восприятии речи (Haden, 1962: 23). Другой взгляд на природу этого явления основан на коммуникативной важности той информации, которая локализована в конце, как правило, в конце фразы сосредоточена рема. Действительно, гласный-носитель фразового ударения, который приходится на слово, находящееся в конце фразы, характеризуется значительным удлинением. Во всех монгольских языках в подавляющем большинстве случаев на этот гласный приходится максимум длительности во фразе. Можно допустить, что этой же тенденцией оказывается охваченным абсолютно конечный слог и его гласный. Однако Н.Д. Светозаровой отмечено, что «конечное продление наблюдается и в тех случаях, когда синтагматическое или фразовое ударение сдвинуто к началу отрезка, и затрагивает оно не только ударные, но и безударные слоги конечных слов. Это свидетельствует о том, что здесь имеет место не только увеличение длительности под влиянием семантического веса слова, но и специфика темпорального контура речевой единицы» (Светозарова, 1983: 402). Именно так обстоит дело в монгольских языках: во всех языках наблюдается конечное продление, однако степень его в языках различна.

§ 6. Отмечается заметная близость временной организации фразы в бурятском и монгольском языках, не совпадающей с таковой ойратских говоров. В последних продление начала не достигает уровня продления в данных языках. Эта особенность, а также незначительное сокращение длительности звуков, находящихся в серединной позиции, резкое удлинение конца, в особенности, абсолютно конечного гласного - черты, характеризующие временную структуру ойратских говоров. Нельзя не отметить тот факт, что с точки зрения организации временной программы фразы торгутский говор Китая демонстрирует заметное сходство с калмыцкими говорами. Продление конечного гласного хорошо улавливается на слух, оно считается одной из ярких просодических черт ойратской речи, с ним связывается особая протяжность, певучесть речи ойратов. Оно используется в эпическом фольклоре в качестве одного из изобразительных средств; удлинение конечного слога - одна из ярких просодических примет калмыцкого эпоса «Джангар».

В бурятском и монгольском языках продленность как конца, так и начала способствует созданию впечатления меньшей временной структурированности этих языков. Однако оно сглаживается большей, чем в ойратских говорах, компрессией средних слогов.

§ 7. Рассмотренные выше закономерности соотношения длительностей звуков во фразе можно дополнить данными о локализации максимальной длительности. При восходящей мелодике максимальные значения длительности практически не отмечаются в середине фразы, незначительный процент случаев появления максимума в середине фразы регистрируется в торгутском говоре Китая (рисунок 26). В этом говоре вероятность появления максимума длительности в середине при нисходящей мелодике мала (рисунок 27), в то время как в бурятском и монгольском языках, а также дербетском говоре максимум длительности может появиться не только в начале и конце, но и в середине фразы (примерно 10-15% случаев). Процент совпадения максимума длительности с началом фразы в бурятском и монгольском языках гораздо больше, чем в ойратских говорах (это особенно заметно при восходящей мелодике).

Языки, резко расходящиеся с точки зрения локализации максимума длительности в начале фразы, обнаруживают различие и в локализации максимума в конце фразы. Хотя для всех языков характерно увеличение случаев появления максимума длительности в конце по сравнению с началом и серединой фразы, в ойратских говорах оно носит более час-

Рисунок 26. Локализация максимальной длительности при
вопросительной интонации в монгольских языках

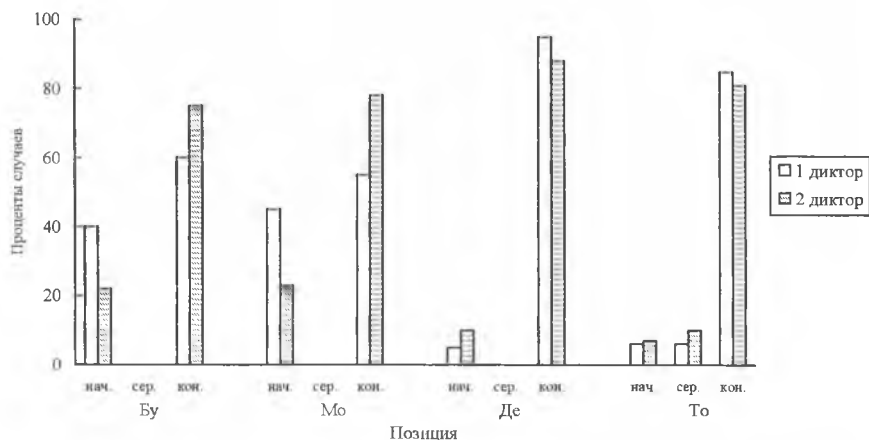
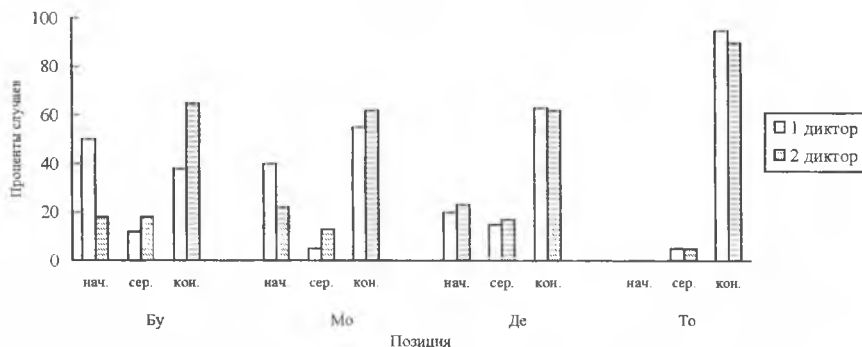

Рисунок 27. Локализация максимальной длительности при завершённой
интонации в монгольских языках

тый и закономерный характер. Особенно значительно возрастает количество совпадений максимума длительности с концом фразы при восходящей мелодике.

Таким образом, во всех монгольских языках отмечается тенденция увеличения длительности конечного гласного как при восходящей, так и нисходящей мелодике. Однако в языках она реализуется по-разному: более «склонными» к продлению конца оказались западномонгольские языки, не столь ярко, но тем не менее явно выражена она в монгольском и бурятском языках. Максимум

длительности в конце фразы в западномонгольских языках фиксируется чаще, чем в восточно- и северномонгольских языках. Кроме того, в западномонгольских языках абсолютно конечный гласный продлевается также более значительно. Это означает то, что в ойратских говорах конец фразы темпорально более выделен, чем в двух других языках. Иными словами, в ойратских говорах более ярко реализуется общеязыковая тенденция к конечному продлению. Наоборот, в северно- и восточномонгольских языках начало продлевается более существенно, в них максимум длительности существенно чаще совпадает с началом фразы. На основании этого можно говорить о том, что в данных языках начало темпорально более отмечено, чем в ойратских языках. Они отличаются от последних и большей компрессией длительности звуков, находящихся в середине фразы.

§ 8. Анализ показывает, что все монгольские языки имеют довольно четкую временную структуру, которая создается определенным соотношением длительностей звуков, находящихся в начальной, срединной и конечной частях фразы. Уровень продления начала и конца, включая и абсолютно конечный гласный, как и уровень компрессии длительности звуков, расположенных в середине фразы, не одинаковы, что и составляет специфику временной организации того или иного монгольского языка. Однако при частноязыковых несходствах несомненна тенденция к структурированности временной программы фразы во всех монгольских языках: четкое обозначение начала и конца заметным продлением длительности звуков, попадающих в эти отрезки фразы, и сокращение длительности звуков срединной части фразы.

Нельзя не заметить то, что закономерности временной организации фразы монгольских языков находятся в рамках универсально-языковых явлений: подобные тенденции в распределении длительности звуков в начале, середине и конце фразы известны уже описанным языкам. Единство тенденций можно рассматривать как следствие того, что «фразовые признаки в значительной мере отражают универсальные закономерности речеобразования» (Зубкова, 1984: 34).

4.3.5. Вариативность длительности гласных

§ 1. При исследовании темпа речи монгольских языков было отмечено, что 1) в этих, как и в других языках, вариативность длительности гласных больше, чем согласных, 2) вариативность разных групп глас-

ных не одинакова, 3) в разных монгольских языках вариативность длительности одних и тех же групп гласных различна. Последнее входит в более общую проблему вариативности просодических характеристик монгольской фразы.

Интерес вызывает исследование того, одинаково или по-разному варьирует длительность гласных в анализируемых языках. Для исследования этого явления, следуя той же методике (см. раздел «Частота основного тона»), для каждой сравниваемой пары языков и каждой ситуации были высчитаны значения F-факт. Полученные значения соотносились с теоретическими значениями F-крит. на 5% уровне значимости. В том случае, если значение F-факт. было больше значения F-теор. (F-факт.>F-теор.), считалось, что признаки варьируют неодинаково. Если эмпирические значения F-критерия были меньше значений F-теор. (F-факт.<F-теор.), принималось решение о том, что в данной ситуации признаки варьируют одинаково.

§ 2. Можно думать, что вариативность длительности в каждой сравниваемой паре монгольских языков различна. Для проверки этой гипотезы вычислим значения F-факт. для каждой пары языков. При этом будем определять величину F-факт. отдельно для долгих широких, долгих узких гласных, кратких широких, кратких узких гласных, т.к. в ходе исследования темпа речи было установлено, что длительность этих звуков различна, различаются и значения дисперсии. Результаты подсчетов обобщены в таблице 29. В ней знаком плюс обозначены случаи F-факт.<F-теор., знаком минус - случаи F-факт.>F-теор. Из таблицы видно, что в классе долгих гласных в большинстве случаев F-факт. не превышает критические точки. Это означает то, что в сравниваемых парах языков вариативность звуков одинакова (F-факт.<F-теор.). Этот вывод не распространяется на такие пары языков, как бурятский и торгутский Китая, бурятский и дербетский (класс долгих узких гласных), а также монгольский и дербетский, бурятский и торгутский Китая (класс долгих широких гласных). В этих группах величина F-факт. превысила значение F-теор., что свидетельствует о том, что вариативность длительности не одинакова. В целом долгие гласные в сравниваемых языках (кроме перечисленных) варьируют одинаково. В классе кратких гласных ситуация существенно меняется. Здесь, наоборот, в подавляющем большинстве случаев F-факт. превышает F-теор. Следовательно, для большинства случаев гипотеза о различии вариативности длительности гласных может быть принята: вариативность в сравниваемых

парах языков не одинакова. Интерес представляют те сочетания языков, в которых обнаруживается одинаковая вариативность длительности этих классов звуков (F-факт.<F-теор.). Оказалось, что только в бурятском и монгольском языках вариативность длительности одинакова как в классе кратких узких, так и в группе кратких широких гласных. В дербетском и торгутском Калмыкии, а также в торгутском Калмыкии и Китая обнаруживается одинаковая вариативность длительности узких кратких гласных, но различна вариативность длительности кратких широких гласных. На основании таблицы можно говорить о том, что из всех классов гласных выделяется класс кратких широких гласных тем, что при сопоставлении вариативности этих категорий звуков во всех сравниваемых парах языков (за исключением бурятского и монгольского) выявляется неодинаковая вариативность длительности.

Таблица 29

Вариативность длительности гласных в разных ситуациях
(+ одинаковая F-факт. <F-теор.; – неодинаковая F-факт.>F-теор.)

Языки		БУ		Мо		Де		ТКа		ТКи	
		Д	К	Д	К	Д	К	Д	К	Д	К
Бу	У Ш			+	+			+	–	+	–
				+	+			–	–	+	–
Мо	У Ш	+	+			+	–	+	–	+	–
		+	+			–	–	+	–	+	–
Де	У Ш	–	–	+	–			+	+	+	–
		+	–	–	–			+	–	+	–
ТКа	У Ш	+	–	+	–	+	+			+	+
		–	–	+	–	+	–			+	–
ТКи	У Ш	–	–	+	–	+	–	+	+		
		+	–	+	–	+	–	+	–		

Теперь перестроим таблицу 29 для того, чтобы сделать акцент на сравнении языков: до сих пор в фокусе нашего внимания были разные классы гласных, мы рассматривали то, как выглядит вариативность разных гласных в рассматриваемых языках. Сейчас нас будет интересовать, при каких комбинациях языков наблюдается одинаковая или неодинаковая вариативность длительности разных гласных. Выделяются четыре группы языков (таблица 30).

**Вариативность длительности гласных в монгольских языках
(+ одинаковая F-факт. <F-теор.; – неодинаковая F-факт.>F-теор.)**

Сравниваемые языки	Долгие		Краткие	
	Узкие	Широкие	Узкие	Широкие
1. Бу и Мо	+	+	+	+
2. ТКи и ТКа Де и ТКа	+	+	+	–
3. Де и ТКи Мо и ТКи Мо и ТКа	+	+	–	–
4. Бу и ТКи Бу и Де Мо и Де Бу и ТКа	–	+	–	–
	–	+	–	–
	+	–	–	–
	+	–	–	–

Первую группу образуют языки, в которых одинакова вариативность всех рассматриваемых классов гласных. К ней можно отнести только бурятский и монгольский языки. В этих языках одинакова вариативность как долгих узких, долгих широких, так и кратких узких и кратких широких гласных.

Во вторую группу входят те языки, в которых выявляется одинаковая вариативность трех классов гласных. В таких языках, как дербетский и торгутский Калмыкии, с одной стороны, торгутский Китая и Калмыкии, с другой - обнаруживается одинаковая вариативность долгих узких, долгих широких и кратких узких гласных; в каждой паре языков неодинакова только вариативность длительности кратких широких гласных. Данные говоры различаются вариативностью кратких широких гласных; они имеют несходства не только в длительности этой категории гласных (см. § «Темп речи...»), но в них рассматриваемые классы звуков варьируют неодинаково.

Для третьей группы характерна одинаковая вариативность двух категорий гласных. В нее входят монгольский и торгутский Китая, монгольский и торгутский Калмыкии, дербетский и торгутский Китая. Их сближают долгие гласные: вариативность как долгих широких, так и долгих узких гласных одинакова; они различаются вариативностью кратких гласных.

Наконец, в последнюю входят языки, в которых одинакова вариативность лишь одной группы гласных. Это - бурятский и дербетский, бурятский и торгутский Калмыкии, монгольский и дербетский, бурятский и

торгутский Китая. Во всех перечисленных парах языков одинакова вариативность либо долгих широких (бурятский и дербетский, бурятский и торгутский Китая), либо долгих узких гласных (бурятский и торгутский Калмыкии, монгольский и дербетский). Все остальные классы гласных неодинаковы с точки зрения вариативности их длительности.

§ 3. Итак, можно выделить две отчетливые тенденции.

1. Максимально сближаются языки, вокализм которых регулируется двумя типами гармонии гласных. Это бурятский и монгольский языки. Именно для данных языков характерна одинаковая вариативность длительности всех категорий гласных; в этих языках одинаково варьируют длительности как долгих, так и кратких гласных, как соответствующих им узких, так и широких гласных. И именно в этих языках состав гласных в слове регулируется двумя типами гармонии. В этих языках длительность всех гласных варьирует меньше и, кроме того, длительность варьирует одинаково.

2. И именно комбинации бурятского и монгольского языков с одним из ойратских говоров дают максимальное несходство: в них выявляется одинаковая вариативность только одной группы гласных, все остальные классы характеризуются неодинаковой вариативностью длительности. Как только сравниваются языки, которые различаются разной степенью связанности вокализма, что, в свою очередь, определяется регулированием вокализма слова одним или двумя типами гармонии гласных, обнаруживается различие в вариативности длительности гласных. В ойратских говорах вокализм слова более свободен, гласные в меньшей степени связаны, более эластичны. Однако это вовсе не обеспечивает абсолютное сходство языков с точки зрения вариативности длительности разных классов гласных. Языки сближают долгие узкие и долгие широкие, а также краткие узкие гласные: эти классы звуков варьируют в языках одинаково. Их различают краткие широкие гласные. Именно эта группа гласных дает максимальное различие: ни в одной из сравниваемых пар ойратских говоров не наблюдается одинаковая вариативность этого класса гласных. Можно думать, что в монгольских языках данная категория звуков вообще является наиболее неустойчивой: ни в одной из сравниваемых комбинаций языков (кроме бурятского и монгольского) не обнаруживается их одинаковая вариативность. В каждом из языков вариативность кратких широких гласных не схожа с вариативностью соответствующих гласных в другом языке. Это означает то, что данный класс не только неустойчив, но и существенно отличается по количественным характеристикам в каждом из языков.

4.3.6. Модификация временной программы слова во фразе

§1. Анализ модификации временной программы слова в разных фразовых условиях позволяет выделить две отчетливые тенденции. С одной стороны, можно говорить о стремлении слова к сохранению относительной длительности. Для слов, взятых из разных фразовых позиций, в целом характерно определенное соотношение гласных по длительности. И в этом смысле относительная длительность слова является собственной характеристикой слова. С другой стороны, во всех языках организация темпоральной структуры слова происходит в соответствии с типом интонации: длительность слов из фраз, оформленных вопросительной интонацией, меньше, чем слов из повествовательных фраз. Вместе с тем при одном и том же типе интонации обнаруживается стремление к prolongации звуков: в западномонгольских языках - конечных, а в северно- и восточномонгольских - начальных. Остановимся на этом подробнее.

Завершенная интонация. Сравнение относительных значений гласных показывает, что в анализируемых языках временная программа слова во фразе реализуется не совсем одинаково (таблица 31). В бурятском и монгольском языках слабой позицией с точки зрения воздействия фразовой просодии является середина фразы. В этих языках гласные в словах, находящиеся в данной позиции, значительно укорачиваются, а гласные в начальной и конечной позициях - удлиняются. Заметим, что данной тенденцией охвачены как гласные второго слога, которые во всех случаях длиннее, так и гласные первого слога. Определенную близость с этими двумя языками обнаруживает торгутский Китай, в котором длительности слов из начальной и конечной позиций различаются незначительно и в котором слово, попадая в серединную позицию, сокращается более заметно.

Таблица 31

Средняя относительная длительность гласных двусложных слов в разных фразовых позициях (завершенная интонация)

Дикторы	Позиция		Середина		Конец	
	Начало	Середина	Начало	Середина	Конец	Середина
	1	2	1	2	1	2
1Бу	1,03	1,75	0,86	1,04	0,82	1,16
2Бу	1	1,73	0,86	1,18	1,16	1,76
1Мо	1,13	1,7	1,18	0,98	1,14	1,2
2Мо	1,1	1,68	1	1,08	1,16	1,66
1Де	0,81	0,86	0,82	0,94	1,03	1,36
2Де	0,78	0,84	0,88	1,26	0,92	1,06
1ТКа	0,81	1,08	1,12	1,14	0,9	1,02
2ТКа	0,52	0,9	0,82	0,98	1,12	1,26
ТКи	1,1	1,3	1,02	1,05	0,85	1,56

Иная тенденция характерна для калмыцких говоров. В них с точки зрения длительности ослабленной точкой фразы является начало. Для слов, попадающих в эту позицию, характерно сокращение длительности гласных как первого, так и второго слога, по сравнению с соответствующими значениями звуков в серединной и конечной позициях. При этом в дербетском говоре контраст по длительности между гласными минимален, а в То Калмыкии несколько больше. Помещение слов в серединную и конечную позиции приводит к заметному удлинению слова. Вместе с тем по данным одних дикторов наибольшее продление слова может происходить в позиции конца фразы (дикторы 1Де и 2ТКа), а по данным других - в середине (дикторы 2Де и 1ТКа). Это можно интерпретировать как проявление тенденции к усилению конечной зоны фразы в целом по сравнению с начальной.

Вопросительная интонация. Вывод о конечно- и начально-ориентированности разных монгольских языков, который можно было бы сделать на основании анализа длительностей слов, помещенных в разные участки повествовательной фразы, справедлив и по отношению к вопросительной интонации (таблица 32). Бурятский и монгольский языки характеризуются не просто сокращением длительности слова, находящегося в серединной позиции, а в первую очередь значительным удлинением слова в начальной позиции. Слово в конечной позиции также отмечено продлением, но не столь значительным, как в начальной.

Таблица 32

Средняя относительная длительность гласных двусложных слов в разных фразовых позициях (вопросительная интонация)

Дикторы	Позиция	Начало		Середина		Конец	
		1	2	1	2	1	2
1Бу		1,1	1,7	0,8	1,6	1,22	1,15
2Бу		1,07	1,8	0,92	1,08	0,75	1,25
1Мо		1,12	1,42	0,97	1,45	0,71	1
2Мо		1,1	1,57	0,92	1,32	0,85	1,56
1Де		0,75	1,22	1,02	1,37	1,12	1,56
2Де		0,6	1,17	0,98	1,04	0,93	1,31
1ТКа		0,8	1,2	0,87	1,15	1,1	1,26
2ТКа		0,65	1,07	0,77	0,75	0,98	1,5
ТКи		0,97	1,07	1,05	0,98	1,1	1,8

Ойратские говоры, включая торгутский Китай, резко продлевают гласные в позиции конца фразы, в них более усилен конец. Слово в начальной позиции, наоборот, обладает наименьшей длительностью по сравнению с серединой и, особенно, концом фразы. Однако нельзя не отметить, что в некоторых случаях различие в длительности слов в начальной и срединной позициях минимально: ср., например, данные дикторов 1ТКа (начало 2 - середина 2,02) и ТКи (начало 2,04 - середина 2,03). Это подтверждает сделанный на материале завершенной интонации вывод об усиленном в целом конце фразы в ойратских говорах и усиленном начале в бурятском и монгольском языках.

Незавершенная интонация. В бурятском и монгольском языках заметно продление слов в позиции начала и конца на фоне некоторой укороченности слов в середине фразы (таблица 33). Отметим, что укорачивается одновременно длительность и первого, и второго гласного. В ойратских говорах слово в конечной позиции обладает наибольшей длительностью по сравнению с длительностью этих слов в начале и середине фразы. Можно отметить характерную для калмыцких говоров тенденцию выравнивания длительностей гласных слова в срединной позиции: контраст между гласными несколько стирается, однако незначительное преобладание длительности второго гласного в слове сохраняется и в этой позиции.

При данной интонации можно впервые говорить о совпадении тенденции всех языков, проявляющейся в заметном сокращении длительности слова в срединной позиции. Во всех языках ослабленным местом фразы является середина, но данные языков не совпадают с точки зрения места, в котором наиболее сильно проявляется подавляющее воздействие просодии фразы. В бурятском и монгольском языках им оказывается, как и при других типах интонации, начало; в ойратских говорах - конец, что наблюдалось и при рассмотренных выше типах интонации. В этом проявляется одно из различий временной организации фразы в обсуждаемых языках: начально-ориентированность северно- и восточномонгольских языков и конечно-ориентированность западномонгольских.

§ 2. Выше отмечалось то, что при всех типах интонации слово, будучи включенным и в начало, и в конец фразы, сохраняет определенное соотношение длительностей гласных, при котором гласный второго слога всегда длиннее первого. Только при незавершенной интонации в срединной позиции в западномонгольских языках наблюдается тенденция выравнивания длительностей гласных, но незначительное преобладание второго гласного слова сохраняется и тут. В разных фразовых

Средняя относительная длительность гласных двусложных слов в разных фразовых позициях (незавершенная интонация)

Дикторы	Позиция	Начало		Середина		Конец	
		1	2	1	2	1	2
1Бу		1,06	1,43	1	1,1	1,3	1,15
2Бу		1,1	1,63	1,34	1,87	0,83	1,13
1Мо		1,16	1,46	0,85	1,15	0,87	1,6
2Мо		1,06	1,6	0,71	1,15	1,12	1,15
1Де		1,16	1,13	1,01	1,01	1,16	1,27
2Де		1,03	1,3	0,9	1,4	1,03	0,93
1ТКа		0,83	1,1	0,88	0,85	0,95	1,2
2ТКа		0,6	0,93	0,9	0,9	0,92	1,17
ТКи		1,16	1,13	1,02	0,91	1	1,22

позициях при разных типах интонации абсолютные величины, как и соотношение длительностей, не совпадают. Однако отчетливо проявляется тенденция сохранения большей длительности гласного второго слога. Иными словами, наблюдается некоторая неустойчивость временной программы слова, которая не нарушается полностью ни в слабой, ни в сильной фразовой позициях. В сильной позиции лишь усиливается контраст гласных по длительности, в слабой он может либо сохраниться, либо несколько ослабиться.

Таким образом, на основании анализа механизма включения слова во фразу, адаптации его временной программы в структуре фразы можно сказать, что во всех рассматриваемых языках слово относительно устойчиво к влиянию фразовой интонации. Это проявляется в сохранении в различных фразовых позициях при разных типах интонации определенных соотношений гласных по длительности и в том, что сильное воздействие фразы на слово обнаруживается в одном из участков: либо в начале, либо в конце фразы. В этом обнаруживается языковое различие, то, что составляет, по выражению Т.М. Николаевой, третий интонационный слой.

§ 3. Как говорилось выше, существуют разные взгляды на статус просодии слова. Точка зрения, отрицающая ее самостоятельность, основывается на специфике слова функционировать как часть фразы и заключать в себе ее признаки. В работах, рассматривающих вариативность просодических характеристик слова в разных фразовых позициях на материале разных языков, показано, что слово, безусловно, испытывает влияние интонации фразы, но вместе с тем и обладает определенной

просодической структурой. Кроме того, характер и степень воздействия фразовой просодии на словесную определенным образом может быть связан с типом языка. Есть языки, в которых слова нанизываются, как бусины, на линию фразовой интонации, мало при этом модифицируясь. В других языках слова как бы растворяются во фразово-интонационных единицах, подчиняясь им (Николаева. 1977: 261).

Особый интерес представляют исследования по тюркским языкам, близким монгольским типологически. Наиболее изученным с этой точки зрения является казахский язык. Так как «достаточно постоянный порядок слов казахского языка часто лишает при построении фразы возможности свободной перестановки слов местами, можно было ожидать, что слова в казахской фразе в зависимости от места в ней будут иметь определенные постоянные акустические признаки» (Есентемирова, 1987: 16). Однако «в положении слова в конце группы выделяется последний слог этого слова, а в положении слова в начале группы выделяется первый слог» (Жанабаева, 1985: 16), т.е. «количественная модификация фонетической структуры слова зависит от его позиции в предложении, а внутри предложения - от позиции в ритмической группе» (Есентемирова, 1987: 20), «все три параметра (длительность, интенсивность, частота основного тона) испытывают на себе влияние фразовой просодии» (Юркова, 1983: 14).

Результаты, полученные на материале другого тюркского языка, туркменского, - сходны. Они показывают, что «просодия слова зависит от положения слова во фразе» (Мередкулиева, 1989: 12, 16). Проведенные нами исследования по монгольским языкам обнаруживают аналогичные результаты: слово во фразе не может не подвергаться воздействию со стороны интонации фразы, но вместе с тем оно и во фразе сохраняет свою относительную самостоятельность. Причина единства тенденций лежит в значительной близости морфологического, синтаксического и звукового устройства этих языков, т.е. типологической близости тюркских и монгольских языков.

В этих языках просодические характеристики слова в условиях фразы изменяются, как и в других языках. Однако, если в индоевропейских языках эти изменения накладываются на определенное соотношение характеристик ударных и безударных гласных слова, то в тюркских и монгольских языках в зоне сильного проявления фразовой просодии происходит перестройка просодической организации слова, создающая впечатление смены словесного акцента (на это обратил внимание Е.Д. Поливанов). Слабовыраженность различий в количественных характеристиках гласных и сингармонизм осложняют проблему ударения как ве-

дущего средства достижения единства слова и, таким образом, создают реальную основу для отрицания ударения как фонологического средства в этих языках.

Монгольские и тюркские языки характеризуются иными принципами устройства слова, выражающимися не в значительном контрасте между гласными слова, а в стремлении слова к равномерности произношения. Сингармонизм, лежащий в основе этих характерных черт, позволяет говорить о самостоятельности статуса просодии слова. В любом случае слово, имеющее или не имеющее ударение, обладает определенной фонетической формой, благодаря которой выделяется как единица речи. Ударение и сингармонизм являются средствами организации этой формы, они создают определенное соотношение, благодаря которому слово опознается. Таким образом, словесная просодия не только признается, но и ставится в основу слова.

§ 5. Цельноформленность слова создается благодаря определенному сегментному составу и определенной просодической структуре: слово, чтобы функционировать в качестве лингвистической единицы, должно обладать определенной устойчивостью своих характеристик (Виноградов, 1966: 7). Подобно тому, как на сегментном уровне возникает задача лингвистического сегментирования речевого континуума на формальные единицы, на просодическом уровне необходима аналогичная сегментация. «Единый суперсегментный континуум текста расчленяется на просодии фразы, синтагмы, слова, слоги. Функция этих просодий - глобальное маркирование соотносимых с ними формальных единиц» (Виноградов, 1966: 11).

Просодия привлекает к себе все более пристальное внимание лингвистов, однако и сейчас актуальными остаются слова А.А. Реформатского о том, что «в области просодии в лингвистической литературе и практике многое запутано, разноречиво и противоречиво» (Реформатский, 1973: 157).

* * *

1. Описанные в настоящей главе результаты исследования временной, динамической и мелодической структуры фразы в монгольских языках позволяют сделать заключение о просодической организации этих языков.

2. Материалы, касающиеся и длительности, и интенсивности, и частоты основного тона, показывают, что главной причиной, обуславливающей специфику интонации монгольских языков, является фонетическая

организация слова и такая ее важная характеристика, как сингармонизм.

3. Слово в агглютинативных монгольских языках имеет совершенно иной статус, обусловленный фонетическими, морфологическими, синтаксическими признаками этих языков. Его фонемный состав более стабилен, крайне редки фонетические изменения при слово- и формообразовании. Слово легко «открепляет» аффиксы, сохраняя при этом свою целостность. Оно занимает определенное место во фразе и не соединяется с единицами своего ранга посредством согласования. Из сказанного вытекает то, что слово в рассматриваемых языках является более самостоятельной единицей. Это подтвердилось при исследовании фонетических характеристик слов, включенных в разные фразовые позиции. Именно в силу большей независимости оно плохо поддается ассимиляции со стороны фразовой интонации: соотношение просодических характеристик слова существенно меняется только в зоне реализации интонационного центра. Автономность слова проявляется в том, что оно может образовать отдельную синтагму или более компактные группы в составе одной синтагмы, что приводит к большей дробности членения речи в этих языках. Об этом свидетельствуют полученные в ходе анализа данные о локализации максимальных значений параметров интонации во фразе.

4. Отсутствие работ, в которых исследовался бы механизм реализации сингармонизма в условиях фразы, поставил перед нами проблему выбора соответствующей методики. В качестве ее были использованы методы математической статистики, позволяющие устанавливать не только средние показатели признака, но и их вариативность. А так как сингармонизм заключается в зависимости характеристик одних гласных от характеристик других, статистический анализ, устанавливающий вариативность просодических характеристик, позволил тем самым исследовать механизм реализации сингармонизма во фразе.

5. Монгольские языки, имеющие разную степень связанности вокализма слова, предоставили возможность наблюдения за тем, как изменяется вариативность компонентов интонации в зависимости от распространения в языке двух или одного типа гармонии гласных. Однако, вне зависимости от этого, главной чертой этих языков является монотонность, а количество признаков, по которым регулируются гласные, лишь усугубляет или ослабляет эту черту.

Как показали результаты работы, большая инвариантность длительности, интенсивности, частоты основного тона, установленная для северо- и восточномонгольских языков, соответствует более жестким правилам формирования вокализма слова в этих языках. Это проявляется в

большей связанности отдельных значений длительности, интенсивности, частоты основного тона со своими средними, что приводит, в частности, к меньшему объему диапазона. Большая свобода вокалического наполнения западномонгольских говоров, в которых действует только один тип гармонии, обуславливает большую вариативность мелодических, временных, динамических характеристик и, в частности, большой объем диапазона. Не случайным является то, что в разных условиях при разных типах интонации именно в бурятском и монгольском языках вариативность просодических характеристик одинакова. Не случайно и то, что именно бурятский и монгольский языки при сравнении с одним из ойратских говоров дают неодинаковую вариативность просодических характеристик. Только большей инвариантностью длительности, интенсивности и частоты основного тона объясняется равномерность, монотонность интонации, которая составляет основную просодическую черту всех монгольских языков. И только сингармонизм, создающий предпосылки для равновыделенности сегментов, обуславливает инвариантность параметров интонации.

6. Относительно строгий порядок слов, широкое использование частиц, аффиксов ограничивают функциональную нагруженность интонации в монгольских языках. А особенности звукового строя приводят к специфической реализации интонации на сегментной оси, главной чертой которой является монотонность, неяркость интонационных проявлений. Это характерно и для гласного под фразовым ударением, который выделяется не столько яркостью своих собственных интонационных признаков, сколько заметным интонационным контрастом с соседними слогами. Как известно, именно степень интонационной выделенности ядерного слога является одним из наиболее характерных показателей силы и слабости интонации в языке (Петрянкина, 1984). На материале вопросительных предложений бурятского языка уже отмечалась «неяркость интонационной централизации» фразы, которая обусловлена слабой ролью интонации (Жаргалов, 1986: 140; 1988: 124). Наше исследование показывает, что неяркие проявления интонационных признаков ядерного слога, в которых как бы отражается главная особенность интонации монгольских языков, в целом характерны для всех рассмотренных типов интонации.

7. Как сходство, так и различие просодической организации рассматриваемых языков связаны с сингармонизмом. Однако из этого не следует то, что только сингармонизм определяет особенности просодической структуры данных языков. Связь между этими явлениями гораздо более глубокая: просодия также может оказывать воздействие на сингармонизм. Так, ускоренный темп речи в западномонгольских

говорах послужил в качестве одного из факторов, приведших к разрушению лабиальной гармонии в этих языках. При этом впечатление ускоренности речи калмыков создается как резкой противопоставленностью долгих и кратких гласных, так и меньшей длительностью кратких гласных и всех групп согласных. Проведенный нами анализ темпа речи позволяет сделать некоторые предположения относительно степени влияния темпа речи на фонологическую систему языка. Так, чрезвычайная непродолжительность кратких гласных в ойратских говорах свидетельствует о том, что их затронула редукция, источником которой является ускорение темпа речи. Относительная краткость долгих согласных в бурятском и монгольском языках связана с незавершенностью процесса становления долгих гласных в этих языках.

8. Изучение изменения частоты основного тона на разных участках контура позволило установить неравнозначность его частей с точки зрения проявления языковой специфики. Характерный для всех монгольских языков нерезкий перепад ЧОТ особенно ярко проявляется за пределами центра и, в особенности, в начале фразы. Эти данные представляют определенный интерес для интонологии, поскольку релевантность начального участка контура во многих работах подвергается сомнению.

Глава 5. ВОСПРИЯТИЕ ТИПОВ ИНТОНАЦИИ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

5.1. Материал и методика

§ 1. Если уже многое известно относительно механизма восприятия единиц типа фонема и слово и «большое количество публикаций дает основание надеяться на значительный прогресс в этой важной области науки» (Бондарко, 1987: 63), то восприятие таких специфических единиц, как интонационные, остается малоизученным (House, 1990). Как кажется, сложившееся положение можно объяснить взаимодействием следующих факторов. Первый связан с большим сходством интонационных характеристик в разных языках, так что «трудно сомневаться в универсальности интонации, если широко понимать эту универсальность» (Болинджер, 1972: 231). Вследствие этого очевидно, что восприятие типов интонации, имеющих сходные фонетические признаки в разных языках, будет достаточно высоким и не будет сильно зависеть от того, носители какого языка слушают материал. Этим, возможно, объясняется и малочисленность работ, изучающих восприятие интонационных единиц.

Второй обусловлен самой природой интонации, а именно ее супraseгментным характером. Интонационные единицы накладываются на определенный сегментный состав, они в значительной степени и обусловлены им. В связи с этим из-за взаимосвязанности информации, обусловленной словесной просодией и фразовой интонацией, встают специфические проблемы, касающиеся методики перцепции интонации. Те процедуры, которые используются при анализе восприятия сегментных единиц: имитация, АВХ-сравнение, восприятие выделенных из реального контекста сегментных единиц, а также речеподобных сигналов и т.д., - здесь вряд ли применимы полностью.

В целом ряде работ, изучающих восприятие типов интонации как естественной, так и синтезированной речи, используется простой, казалось бы на первый взгляд, способ: фразы, реализующие интересующие исследователя типы интонации, предъявляются для опознания разным группам аудиторов (Отчет ЛЭФ, 1975; Есенова, 1980; Юрова, 1984; Иванова, 1985; Овезова, 1985 и др.). Авторы этих и других работ, исходя из того, что общность интонационного оформления нейтральных предложений разных коммуникативных типов во многих языках должна отражаться и на восприятии интонаций неродного языка, показали, что «исследование восприятия интонаций в родном и неродном языках может служить средством выявления интонационных универсалий» (Юрова, 1984: 17).

§ 2. Основной целью проведенного нами аудиторского анализа было изучение специфики восприятия интонации носителей анализируемых языков, установление факторов, оказывающих влияние на восприятие как в условиях языковой компетенции, так и при незнании языка.

Так как восприятие обеспечивается, с одной стороны, универсальными механизмами, обусловленными свойствами звуковой материи, с другой - интонационной системой конкретного языка, было решено использовать в качестве аудиторов как носителей, так и лиц, не знающих анализируемые языки.

Вопрос об индивидуальной специфике восприятия решается в ходе предъявления материала носителям родственного языка. Эта группа аудиторов представляла особый интерес. Если русские, совершенно не знакомые ни с одним из предъявляемых языков, а многие из них вообще впервые слышали их звучание и могли реагировать только на акустический сигнал, то носители родственного языка, в силу большого лексико-грамматического сходства языков, оказывались как будто бы в более выгодных условиях. В случае ослабления яркости сигнала они могли поступать как носители: привлекать информацию из других уровней языка, исходить из более широкого, чем интонационный, контекста. Будучи носителями фонологической системы, в которой используются аналогичные фонетические средства, в первую очередь сингармонизм, они, казалось бы, должны быть более чувствительными и более чутко реагировать на столь характерные для этих языков незаметные, неявные изменения компонентов интонации во фразе. Однако результаты опытов не подтверждают это. Во многих случаях они ведут себя не как носители, а как «неносители» языка, а при восприятии отдельных реализаций проявляют даже меньшую чувствительность к уменьшению яркости интонационных признаков во фразе по сравнению с испытуемыми-русскими.

Для решения поставленных задач был проведен аудиторский анализ. Весь материал прослушивался четырьмя бригадами аудиторов, в задачу которых входило обозначить тип интонации условными знаками: (.) - заверченный, (?) - вопросительный, (!) заверченный с выделением, (...) - незаверченный. Напомним, что материал каждого языка состоял из 112 фраз (по 28 предложений на каждый интонационный тип). Поочередно он предъявлялся 20 аудиторам-монголам, 20 калмыкам, 20 бурятам, 20 русским. На каждый язык было получено по 8.960 ответов. Всего было получено и обработано 44.800 аудиторских реакций.

§ 3. Для того чтобы корректно интерпретировать полученные результаты и получить максимальную информацию, особое внимание было уделено обработке ответов испытуемых. Были определены частоты от-

ветов на каждый интонационный тип в каждом языке. Для сравнения результатов опознания разных групп auditors, для сопоставления данных, полученных от одной и той же группы в разных опытах, и выявления значимости того или иного результата, использовался t-критерий Стьюдента. Расчеты проводились по формуле:

$$t\text{-факт.} = (f - p) / \sqrt{[p \cdot (1 - p)] / n},$$

где t-факт. - эмпирическое значение критерия, которое сравнивалось с табличным значением t-критерия на 5% уровне значимости;

p - теоретическое значение частоты появления ответа в разных опытах, в нашем случае $p = 0,25$;

f - эмпирическое значение частоты появления ответа;

n - количество ответов (Суходольский, 1972; Отчет ЛЭФ, 1975).

В первую очередь анализу подвергались цифры, характеризующие правильное опознание в каждой из экспериментальных ситуаций.

Кроме того, сравнивались не только правильные ответы, но и количество и качество неверных ответов. С этой целью составлялись матрицы замен ответов испытуемых каждой группы на один тип интонации, позволяющие в некоторой степени объяснить реакцию аудитора в условиях неопределенности ситуации. В таких случаях в результате стечения ряда обстоятельств, важнейшими из которых являются ослабление акустических свойств сигнала, несходство звучания с субъективными представлениями индивидуума, как показывает анализ, испытуемый принимает окончательное решение исходя из анализа многих составляющих.

Вообще говоря, при классификации стимула аудитор мог отождествлять его со сходной единицей родного языка, в зависимости от конкретных проявлений интонационных признаков соотносить его то с одной, то с другой единицей, либо отказаться от окончательной классификации. В первом случае он основывается на общих характеристиках стимула в родном и чужом языках и пренебрегает различительными. Во втором, пытаясь произвести классификацию, опирается то на один, то на другой признак, испытывает затруднения, попадая в ситуацию максимальной неопределенности, в силу чего отказывается от ответа.

Наши данные свидетельствуют о том, что самое простое решение - отказ от ответа (он предусматривался условиями эксперимента) - появляется в ничтожном количестве случаев (не более 20 случаев на всем материале). Число отказов также показательно: оно говорит о том, что ничтожное количество раз испытуемые оказывались не в состоянии придумать ответы, а в подавляющем большинстве случаев, действуя в определенном поле ответов, принимали качественное решение.

Изучение матриц замен показало, что количество неодинаковых ответов на один и тот же стимул в разных случаях не совпадает. Можно говорить о том, что не все типы интонации одинаковы для аудиторов с точки зрения неопределенности; наблюдается различие в однозначности/неоднозначности ответов. На одни контуры аудиторы дают 100%-ное опознание, т.е. они однозначно воспринимаются всеми аудиторами. На другие интонационные типы они дают не один, а до четырех разных ответов; такие контуры представляют максимум неопределенности. В работе эта сторона механизма опознания рассматривается с помощью энтропии (H) опыта. Она учитывает все реакции аудиторов, поскольку информативными являются все ответы, а не только правильные (Игнаткина, Штерн, 1984: 4).

Энтропия определялась по формуле: $H = - \sum p_i \cdot \log_2 p_i$, где p_i - доля аудиторов, принявших тот или иной тип интонации за i -тый тип. Энтропия измеряется в битах; чем больше H, тем большую неопределенность опыта эта оценка отражает. Малая энтропия не означает, что тип интонации воспринят правильно; она означает то, что тип оценен одинаково всеми аудиторами (Игнаткина, Штерн, 1984; Момунбаева, 1984; Интерференция..., 1987).

Энтропия привлекается не только для оценки неопределенности самих стимулов, их неоднозначности по степени сложности перцептивной идентификации, но и для оценки свойства перцептивных баз аудиторов (Игнаткина, Штерн, 1984: 9). Последнее представляет особый интерес с точки зрения темы настоящей работы, в которой сравниваются интонационные системы родственных языков.

5.2. Правильное опознание типов интонации монгольских языков

5.2.1. Бурятский язык

§ 1. Градация типов интонации бурятского языка с точки зрения правильного опознания носителями языка выглядит следующим образом: 1. Завершенный 2. Вопросительный 3. Завершенный с выделением 4. Незавершенный.

В целом опознание бурятских типов интонации носителями языка выше, чем калмыками и русскими (на 5%), монголами (на 1%). Обратим внимание на незначительность различий в уровне опознания между тремя группами испытуемых. Однако правильное опознание разных типов интонации неодинаково, различия довольно значительны.

Во всех группах аудиторов наивысший процент правильного опознания соответствует интонации завершенности и вопроса. Это коррели-

рует, с одной стороны, с вероятностными характеристиками: более частотное в речи опознается лучше (Интерференция..., 1987: 192), а с другой - акустической яркостью звучащего сигнала. При этом носители языка несколько лучше узнают завершенность, а все остальные аудиторы - вопрос (таблица 34).

Таблица 34

Правильное опознание типов интонации в бурятском языке

Интонация	Завершенная		Зопросительная		Завершенная с выделением		Незавершенная		x	Ранг
	1Бу	2Бу	1Бу	2Бу	1Бу	2Бу	1Бу	2Бу		
Испытуемые										
Буряты	98	87	92	86	25	41	41	20	61,2	1
Монголы	67	67	85	92	47	27	52	44	60,1	1
Калмыки	88	70	84	85	35	38	53	15	58,5	2
Русские	76	73	80	89	28	18	42	42	56	2
x	78,2		86,6		32,3		38,6		58,9	
Ранг	2						4		3	

Анализ матриц свидетельствует об активности завершенного типа интонации: этот тип интонации наиболее часто участвует в заменах при опознании носителями языка (таблица 35). В этом же качестве он чаще всего появляется и в ответах испытуемых, не являющихся носителями языка. Однако в последнем случае нельзя говорить о вероятностных мотивах, т.к. аудиторы не компетентны в предъявляемом языке. По всей видимости, во всех случаях, когда сигнал с точки зрения испытуемых, не знающих языка, оказывается недостаточно ярким и не позволяет сделать правильный вывод о типе интонации, аудиторы отождествляют его с завершенным типом, действительно не имеющим ярких, контрастных интонационных признаков по сравнению с вопросом. Значит, испытуемые, не знающие языка, проявляют наибольшую чувствительность к акустическим характеристикам сигнала, лучше реагируют на их яркость/слабость. Этим объясняется то, что они в подавляющем большинстве случаев узнают вопросительный тип. В тех случаях, когда нет опоры на смысл, определяющим становится выраженность акустической информации. Мотивы принятия решений носителей языка относительно типа интонации в тех же условиях иные: они основаны на частотности типа интонации.

**Матрица замен (бурятский язык).
Неслучайные замены обведены**

Опознано Предъявлено	Тип интонации	Завершенный		Вопросительный		Завершенный с выделением		Незавершенный	
		1Бу	2Бу	1Бу	2Бу	1Бу	2Бу	1Бу	2Бу
Завершенный тип	Испытуемые								
	Буряты					1	13	1	
	Монголы			4	5	17	20	12	8
	Калмыки			2	7	4	16	6	7
	Русские				7	11	14	13	6
Вопросительный	Буряты	7	2			1	11		1
	Монголы	5	5			7	2	3	1
	Калмыки	11	9			4	5	1	1
	Русские	8	8			4		8	3
Завершенный с выделением	Буряты	(71)	(58)	1	1			3	
	Монголы	26	(47)	11	9			16	17
	Калмыки	(47)	(52)	9	3			9	7
	Русские	(48)	(73)	11	1			13	8
Незавершенный	Буряты	(30)	26	15	(30)	15	24		
	Монголы	10	11	18	21	20	24		
	Калмыки		21	10	6	(37)	(58)		
	Русские	24	10	(30)	10	4	38		

Если опознание заверщенного и вопросительного типов, как правило, не представляет большого труда ни для носителей, ни для аудиторов, не являющихся носителями языка, то определение двух других типов интонации представляет значительные сложности для всех испытуемых, принимавших участие в эксперименте. Так, буряты опознают завершенный с выделением и незавершенный типы интонации в среднем на 60% хуже, чем завершенный и вопросительный, практически правильно опознанной оказывается только третья часть стимулов. Процент правильного опознания данных типов интонации у монголов также невысок: снижается на 35,5%. Однако они демонстрируют большую чувствительность как по сравнению с калмыками и русскими, так и с самими бурятами, правильно опознавая более 35% стимулов. Отметим, что именно монголы лучше всех, и в том числе носителей языка, узнают незавершенный тип интонации.

Завершенная интонация с выделением оказалась наиболее слабой для русских: они дают самый низкий процент правильного опознания

среди всех аудиторов и среди всех типов интонации (опознано 23% стилулов). В то же время они правильно узнают незавершенную интонацию в 42% случаев, что выше соответствующих данных аудиторов-калмыков и даже бурят и ниже только данных монголов.

Итак, завершенная с выделением и незавершенная интонации для всех групп аудиторов оказались трудными для правильной идентификации, в ответах аудиторов наблюдается наибольшая пестрота. В связи с этим ниже будут рассмотрены реакции аудиторов на эти два типа интонации более подробно.

§ 2. Завершенная интонация с выделением. Подсчеты показали, что испытуемые неслучайно выбирают завершенный контур при подаче завершенного с выделением; во многих случаях $t\text{-факт.} > t_{0,5}$. Действительно, в фонетических характеристиках этих контуров есть основания для их смешения. Объективно в интонациях завершенности и завершенности с выделением много общего: прежде всего одинакова мелодическая направленность - нисходящая. Однако есть и существенные различия. Обращение к тем фразам, интонации которых были неправильно опознаны, показывает, что к неслучайному смешению привела недостаточная яркость характеристик завершенного типа с выделением. Реакции испытуемых чрезвычайно трудно оценить, понять, каковы были мотивы, которыми руководствовались испытуемые, поскольку при принятии решений они могли исходить как из своего языкового опыта, так и следовать акустическим характеристикам звучащего сигнала. Попытаемся рассмотреть неправильные ответы наших аудиторов, учитывая эти два обстоятельства.

В четырех случаях уровень ЧОТ на выделенном слове оказался недостаточно высоким. В пяти случаях слова оказались менее интенсивными, чем выделенные слова в остальных фразах, интонации которых были правильно опознаны. В пяти случаях уровень интенсивности оказался недостаточно высоким, однако монголы и буряты оценивают их как выделенные, в то время как калмыки и русские «не слышат» выделенности. Это означает то, что последние две группы аудиторов чутко реагируют прежде всего на яркость акустического сигнала, а первые опираются и на какие-то дополнительные критерии или, возможно, для этих групп аудиторов данный уровень ЧОТ и интенсивности оказывается достаточным для регистрации выделенности. Сказанное хорошо соотносится с изложенными ранее данными, касающимися динамической и мелодической структуры фразы в бурятском и монгольском языках. Именно в этих языках наблюдается меньшая вариативность динамического и мелодического компонентов интонации, меньшая степень отклонения

кривой интенсивности и ЧОТ от средних значений. В такой ситуации всякое более или менее заметное изменение параметров, видимо, оказывается существенным и, соответственно, замечается аудиторами.

Обращает на себя внимание тот факт, что на «искажения» временной структуры фразы испытуемые, как правило, не реагируют. Так, в пяти случаях отмечается меньшая относительная длительность выделенного слова. Однако, несмотря на это, большинство аудиторов «слышит» ее. Вероятно, для аудиторов более значимыми оказываются динамические и мелодические искажения, нежели временные; они проявляют большую чувствительность к недостаточной яркости мелодического и динамического оформления, чем временного. С другой стороны, большое значение испытуемые придают такому фактору, как пауза. Так, в двух фразах после выделенного слова отсутствовала пауза - все аудиторы отреагировали на это, отнеся их к завершенным.

Таким образом, неправильное опознание позволяет еще более четко представить себе, какие именно признаки наиболее важны для правильной идентификации завершенного типа интонации с выделением. В этом смысле показательны сами «нарушения». Чаще всего нарушаются мелодические и динамические характеристики, реже - паузальные, а временные, хотя и искажаются, но оказываются несущественными для правильного опознания интонационного типа. Интересны и реакции испытуемых на эти отклонения. Как носители, так и аудиторы, не знающие языка, реагируют на недостаточную мелодическую и динамическую яркость сигнала, содержащего завершенность с выделением. Причем «допустимый уровень», после которого начинается смещение контуров, оказывается разным для монголов и бурят, с одной стороны, и калмыков и русских - с другой. Калмыки и русские предъявляют «большую требовательность» к мелодической и динамической яркости сигнала, а монголы и буряты - меньшую, реагируя на недостаточную с точки зрения калмыков и русских яркость акустического сигнала.

Тот факт, что паузальная организация фраз, реализующих завершенный тип с выделением, реже всего нарушается (только в двух случаях), дает основание считать его исключительно важным для восприятия: все испытуемые не узнают выделенность при отсутствии паузы после выделенного слова.

§ 3. Незавершенный тип. Если завершенная интонация с выделением неслучайным образом заменяется завершенной, то ответы аудиторов, относящиеся к незавершенному типу, представляют особенно большую пестроту. Имеет место сильное смещение контуров, что фиксируется в ответах как носителей, так и испытуемых, не являющихся носителя-

ми языка. Чаще других в ответах всех аудиторов (кроме монголов) в качестве замен участвует завершённый тип. Особенно отчетливо это прослеживается в реакциях русских и калмыков: в среднем в 42% случаев калмыки и 31% - русские дают завершённый контур, а правильно опознают соответственно в 34% и 42% случаев.

У этих же групп аудиторов обнаруживаются симметричные замены: в 6,5% (калмыки) и 9% (русские) случаях завершённый тип оценивается как незавершённый. Объяснение такой активности завершённого контура можно было бы дать психолингвистически: он субъективно ближе аудиторам, особенно носителям языка. Однако ответы аудиторов-калмыков и русских и объективные признаки самих контуров дают основание для иной интерпретации полученных данных.

Как отмечалось выше, чрезвычайно интересными чертами просодической структуры завершённого типа интонации бурятского языка являются такие, как соотношение тональных уровней предцентра и центра и скорость изменения ЧОТ в центре. В этом языке тональный уровень гласного под фразовым ударением ниже, чем в начале контура, однако падение тона происходит, с одной стороны, не быстро, а с другой - недостаточно сильно. Это оставляет впечатление некоторой незаконченности, на что особенно чутко реагируют аудиторы, не знающие данный язык. С точки зрения монголов бурятские интонации более соответствуют их представлению о вопросительной интонации, а калмыки менее склонны видеть в характеристиках бурятского завершённого типа признаки вопроса. И те, и другие примерно в равном количестве случаев смешивают незавершённый тип с завершённым типом с выделением. Такую же тенденцию обнаруживают и сами буряты, и только с точки зрения русских эти два типа интонации менее похожи (количество симметричных замен у них самое большое).

Представленные данные дают основание допустить, что в самом контуре есть такие черты, которые имеются и в завершённом, и в вопросительном, и в завершённом типе с выделением. При недостаточно яркой реализации самых типичных свойств, без которых невозможна идентификация данного типа интонации, аудиторы смешивают его с тем контуром, на признаки которого он оказывается наиболее похожим. Конечно, в реальной языковой ситуации смешение не происходит, т.к. даже при такой же недостаточной яркости интонационных характеристик действуют другие факторы: прежде всего контекст в широком смысле этого слова.

Сосредоточим свое внимание на тех довольно интересных случаях, когда испытуемые поданный сигнал воспринимают как выделенный. Ана-

лиз показывает, что чаще всего это происходит в тех случаях, когда уровень ЧОТ и интенсивности выше, чем в остальных фразах, реализующих незавершенность. В подобных ситуациях все, кроме испытуемых-русских, слышат выделенность; русские «узнают» в них или вопрос, или незавершенность, но не выделенность. Неверное опознание чаще всего оказывается вызванным существенной причиной: недостаточно высоким уровнем интенсивности и ЧОТ в конечной части контура. Это не остается без внимания испытуемых, однако при этом они реагируют по-разному. Буряты в двух случаях «узнают» в этих сигналах завершенность, в остальных - выделенность; русские в 3 случаях - вопрос, а в одном - завершенность.

Действительно, эти два типа интонации характеризуются более высоким, чем в завершенном типе, уровнем интенсивности и ЧОТ. Однако они существенно отличаются общим направлением движения ЧОТ. Последний признак при усилении признаков «уровень ЧОТ и интенсивности» с точки зрения аудиторов, не знающих языка, оказывается менее важным. С их позиций характеристики стимула, реализующего незавершенный тип, таковы, что они могут выступать в качестве представителей как незавершенного, так и завершенного типа с выделением. Недостаточная яркость составляющих незавершенности или большое сходство акустических признаков этих двух типов интонации при неяркости дифференцирующих и обуславливает смешение контуров аудиторами. Значимость как первых, так и вторых для всех групп аудиторов очевидна.

§ 4. Итак, качественный анализ основных типов интонации бурятского языка и анализ того, как они оцениваются разными группами аудиторов, позволяет сформулировать некоторые соображения более общего характера. В опытах были представлены три лингвистические ситуации: восприятие носителями языка, восприятие носителями не данного, а другого монгольского языка и, наконец, восприятие лицами, не знакомыми ни с одним из монгольских языков. Можно было ожидать, что проценты правильного опознания будут коррелировать с тем, какая из этих трех групп слушает материал. И так действительно обстоит дело, если мы обратимся только к средним процентам опознания. Чем более неопределенна ситуация, тем более низкий процент правильного опознания мы имеем: буряты лучше узнают стимулы на родном языке, чем монголы; монголы - лучше, чем калмыки; калмыки - лучше, чем русские. Соответствующие цифры, характеризующие средний уровень опознавания, в разных группах различаются не так сильно. Следовательно, носители языка, оказавшись в ситуации неопределенности, возникающей в результате снижения яркости акустической силы сигнала, не просто отда-

ют предпочтение тому, что более частотно в языке, что более часто встречается в их языковой практике. Если бы принятие решения в условиях неопределенности мотивировалось бы только этим критерием, то аудиторы реагировали бы всегда однотипно: появлялся бы в подобных случаях только завершённый тип. Цифры матриц замен показывают, что в таких ситуациях аудиторы прodelьывают более сложные операции, сравнивая слышимое с теми эталонами, которые хранятся в их языковом сознании и, с их точки зрения, напоминают соответствующий контур.

Остальные группы испытуемых: и монголы, и калмыки, и русские, вероятно, сравнивают звучащий сигнал со своими представлениями о том или ином типе интонации. И в первом, и во втором случаях решение испытуемых в значительной степени зависит от яркости акустического сигнала.

5.2.2. Монгольский язык

§ 1. Чрезвычайно важной чертой audиторов-монголов является то, что они проявляют большую чувствительность к интонационным изменениям. Эта особенность монголов обнаруживается при опознании типов интонации как родного, так и чужого языка. В этой связи большой интерес представляет качественный анализ компонентов интонации монгольской фразы (см. ниже) и то, как их изменения оцениваются аудитором разных групп. Заранее можно предположить, что в этом процессе определяющими будут особенности audиторов-монголов: что-то, свойственное интонационной системе родного языка монголов, делает их особенно чувствительными к интонационным изменениям. Восприятие типов интонации монгольского языка остальными группами audиторов будет определяться теми же факторами, которые действуют при опознании интонации неродного языка, в частности, такими важными, как взаимодействие физических признаков сигнала и «перцептивных особенностей» испытуемых, воспитанных фонологической системой родного языка.

§ 2. Средний уровень опознания монгольских стимулов ниже, чем бурятских. При этом хуже опознают буряты, калмыки и русские; монголы классифицируют монгольские стимулы лучше, чем бурятские. Сопоставление восприятия бурятских и монгольских стимулов показывает, что характер опознания аналогичен. Разница в том, что для всех групп audиторов, кроме монголов, монгольские стимулы оказались менее выразительными, чем бурятские, вследствие чего опознание несколько снизилось.

По сравнению с бурятским языком ухудшилось правильное опознание всех интонационных типов, кроме завершённого с выделением (таб-

лица 36). В монгольском языке вопросительный тип, опознаваемость которого ниже, чем в бурятском языке, тем не менее имеет первый ранг. Несколько хуже опознается завершённый тип интонации и заметно хуже - завершённый с выделением и незавершённый типы интонации.

Таблица 36

Правильное опознание типов интонации в монгольском языке

Интонация	Завершённая		Вопросительная		Завершённая с выделением		Незавершённая		x	Ранг
	1Мо	2Мо	1Мо	2Мо	1Мо	2Мо	1Мо	2Мо		
Испытуемые										
Буряты	80	92	86	89	30	44	19	36	59,4	2
Монголы	74	81	85	72	39	50	50	62	64,1	1
Калмыки	70	87	79	85	30	35	29	43	57,2	3
Русские	80	73	76	78	31	40	22	32	53,9	3
x	79,6		81,2		37,3		36,6		58,6	
Ранг	2		1		3		4			

Наиболее заметное снижение уровня опознания по сравнению с бурятским языком происходит в вопросительном типе интонации (на 5%). Все группы испытуемых монгольские вопросы опознают хуже, чем бурятские. При этом опознание самими монголами снижается на 10%, русскими - 7%, калмыками - 2%, бурятами - 1%.

Вопросительный тип интонации в бурятском языке имеет достаточно яркие акустические характеристики, обеспечивающие правильную идентификацию его в подавляющем большинстве случаев, даже при незнании языка. Сравнительно низкий процент правильного опознания данного типа интонации в монгольском языке всеми группами auditors и, в первую очередь, самими носителями языка свидетельствует о меньшей выразительности вопросительного контура. В этой связи определенный интерес представляют замены, рассмотрение того, с какими типами интонации разные группы auditors путают данный контур, на какой из четырех контуров, с их точки зрения, он похож (таблица 37).

Обращение к объективным характеристикам показывает, что снижение уровня опознания происходит не случайно, а вызвано меньшей, чем в бурятском языке, выразительностью интонационных признаков вопроса.

В отдельных случаях одни и те же сигналы с точки зрения разных испытуемых похожи не на одни и те же, а на разные типы интонации. Так, например, с точки зрения русских вопрос похож на незавершённый и завершённый с выделением типы интонации. Монголы, как и русские, обращают внимание на усиление акустических характеристик, но прежде всего на слабовыраженность основного сигнала этого типа - восходя-

щего движения ЧОТ в центре: тон увеличивается не столь быстро и сильно. С точки зрения бурят и калмыков интонационные характеристики вопроса являются недостаточно выразительными. Они в случаях ослабления характерных признаков вопроса сигналы относят скорее к завершённому, чем незавершённому типу интонации, как это делают монголы и русские. Действительно, в родном языке калмыков и бурят вопрос имеет четкую фонетическую структуру, благодаря этому его вряд ли можно спутать с каким-то другим. Именно это подтвердилось в опытах во всех группах аудиторов, давших высокий процент правильного опознания.

Таблица 37

**Матрица замен (монгольский язык).
Неслучайные замены обведены**

Опознано Предъявлено	Тип интонации Испытуемые	Завершённый		Вопроситель- ный		Завершённый с выделением		Незавершённый	
		1Мо	2Мо	1Мо	2Мо	1Мо	2МО	1Мо	2Мо
Завершённый тип	Буряты			9		11	8		
	Монголы			3	2	14	13	9	4
	Калмыки			12		13	10	5	3
	Русские				7	12	16	8	4
Вопроситель- ный	Буряты	7	8			4		3	3
	Монголы	3	3			8	7	4	18
	Калмыки	10	10			8		3	5
	Русские	5	6			12	13	7	3
Завершённый с выделением	Буряты	(65)	(50)	5					6
	Монголы	(56)	(34)	2	1			9	15
	Калмыки	(45)	(56)	10	6			15	3
	Русские	(32)	(40)	21	7			16	13
Незавершённый	Буряты	26	(32)	(32)	6	23	26		
	Монголы	6	22	16	3	28	13		
	Калмыки	3		(39)	22	29	(35)		
	Русские	(38)	17	22	3	18	(48)		

О неслучайности реакций наших аудиторов свидетельствует симметричность замен вопрос > завершённость с выделением: монголы - 18, буряты - 9, калмыки - 22, русские - 53; вопрос > незавершённость: монголы - 40, буряты - 44, калмыки - 69, русские - 49 (оба диктора). Сравнительно более низкий уровень опознания вопроса, характерный для всех групп аудиторов, служит показателем меньшей яркости фонетических характеристик этого типа интонации; а симметричность замен свидетельствует о неслучайности смещения контуров.

Монголы, дающие очень высокий процент правильного опознания бурятских стимулов, чутко реагирующие на фонетическую яркость сигнала, в своем родном языке также проявляют однозначную реакцию именно на ослабление акустического сигнала. Вопросительный тип, в признаках которого присутствует недостаточно резкий подъем ЧОТ на центре, тем не менее довольно хорошо опознается всеми аудиторами, хотя и хуже, чем соответствующие бурятские фразы. Однако в случае еще более невыразительного мелодического оформления конца монголы относят эти стимулы к незавершенному или завершенному с выделением типам интонации. В этом отношении близкими оказались реакции аудиторов-монголов и русских, с одной стороны, и калмыков и бурят - с другой. Вероятно, их ответы мотивированы не только слабостью сигнала, но и сравнением сигнала с соответствующими эталонами родного языка. Последним, как видно, руководствуются буряты и калмыки.

§ 3. При анализе результатов опознания монгольских стимулов носителями языка было отмечено, что монголы, в родном языке которых интонационные признаки выражены недостаточно ярко, проявляют большую чувствительность к силе-слабости акустического сигнала. В связи с этим интерес представляет то, как эти недостаточно выразительные признаки оцениваются аудиторами, не знающими языка. Они представляют разные интонационные системы: буряты - более, калмыки - менее сходную, русские - наиболее отличающуюся.

Завершенный тип. Средний уровень опознания этого типа интонации в монгольском и бурятском языках отличается незначительно (снижение только на 4%). Вместе с тем в отдельных группах аудиторов изменение уровня опознания происходит более контрастно: восприятие улучшилось у монголов (на 10%), ухудшилось у бурят (на 1%) и русских (на 3%), калмыки опознают их так же, как и в бурятском языке.

Смещение контуров происходит по линии завершенность > завершенность с выделением; остальные типы интонации в заменах участвуют заметно реже. Объективно рассматриваемый тип интонации характеризуется более глубоким падением ЧОТ на центре; тональное соотношение между предцентром и центром больше, чем в бурятском языке. При этом в случаях еще более контрастного изменения ЧОТ на этих участках фразы контур оценивается аудиторами как завершенный с выделением. Однако механизм подобной замены невозможно объяснить, если исходить только из акустических характеристик сходных типов интонации в родном языке аудиторов. В целом, говоря об объективных характеристиках завершенного типа интонации в монгольском языке, следует прежде всего отметить то, что в них нет контрастных, особенно ярких

характеристик, в частности, в конечной зоне контура. Однако характеристики конца более выразительны, чем в бурятском языке. Уровень опознания данного типа интонации, а также характер замен свидетельствует о том, что в процессе слушания происходит сравнение акустических признаков звучащего сигнала не только с теми эталонами, которые хранятся в языковом сознании носителей этих языков, но и с теми представлениями, которые сформировались в результате прослушивания сигналов на чужом языке. В этот процесс могут вмешиваться и элементы случайного, могут проявляться особенности перцептивной базы слушателей.

Завершенная интонация с выделением. Хотя данный тип интонации в монгольском языке опознается лучше, чем в бурятском, однако правильно опознано было меньше половины всех предъявленных стимулов (в среднем 37%). Лучше всех данный тип интонации узнается носителями языка, правильное опознание бурят и русских примерно одинаково, хуже остальных опознают его калмыки. Монгольские стимулы, реализующие рассматриваемый тип интонации, с точки зрения всех слушателей, кроме калмыков, оказались более выразительными, чем соответствующие бурятские: опознание улучшилось на 5%.

Все слушатели неслучайным образом делают замену: завершенный тип с выделением > завершенный (таблица 37). Завершенная интонация чаще других участвует в качестве замены в ответах всех слушателей. Низкий уровень опознания, наблюдаемый во всех группах слушателей, свидетельствует о слабости акустического сигнала, реализующего этот тип интонации, невыразительности его характерных признаков. Неслучайность замен завершенный тип с выделением > завершенный, а также количество симметричных замен отражают большое смещение данных контуров из-за невыразительности первого. Анализ компонентов интонации, проведенный в предыдущей главе, выявил меньшую вариативность, большую связанность средних значений параметров интонации во всех типах интонации монгольского языка, в том числе и в завершенном типе с выделением. Однако эта причина не является единственной.

Были рассмотрены объективные характеристики тех сигналов, которые дают неправильное опознание всеми группами слушателей. Оказалось, что неверное опознание связано, как правило, с нарушением паузальной организации таких фраз. В них выделенное слово не обособляется паузой большой протяженности. Это, а также недостаточно высокий уровень интенсивности привели к неслучайному смещению контуров. Присутствие паузы сигнализирует о важности того, что будет сообщено далее, а усиление компонентов интонации на таком слове указывает на определенный тип интонации.

Значит, как и в бурятском, в монгольском языке большое значение для правильного опознания, помимо динамического и мелодического компонентов, имеет пауза. О значимости длительности для правильного восприятия ничего сказать нельзя, т.к. случаи существенного нарушения временной структуры фраз не обнаружены.

Незавершенный тип интонации опознается хуже всех остальных типов и в среднем на 1% хуже соответствующего типа интонации бурятского языка. Однако в разных группах аудиторов картина прямо противоположна этим средним величинам. Так, если калмыки (на 2%) и монголы (на 8%) лучше опознают незавершенность в монгольском языке, чем в бурятском, то русские (на 15%) и буряты (на 2%) опознают хуже. Если для первых монгольские стимулы, содержащие незавершенность, оказались более выразительными, акустически более яркими, то для вторых - менее яркими.

Объективно данный тип интонации в монгольском языке не имеет таких выразительных характеристик, как вопросительный. Однако он существенно отличается от завершённого типа, менее - вопросительно-го. Это находит отражение в заменах: вопросительный тип активно участвует в заменах. Вместе с тем количество симметричных замен при предъявлении завершённого и вопросительного типов существенно меньше, чем при подаче незавершенного типа. Таким образом, на стимулы первого типа испытуемые дают больше правильных ответов, меньше путают их с незавершенным типом интонации, тогда как при предъявлении последнего либо отвечают более частотным контуром, либо путают с тем, который имеет более выразительные акустические характеристики.

Матрицы замен свидетельствуют о том, что данный тип интонации является самым неопределенным из всех предъявленных стимулов: количество замен самое большое. С другой стороны, при предъявлении других типов интонации он реже остальных стимулов участвует в заменах. Вероятно, это вызвано особенностями употребления контура в речи. Для аудиторов он неясен не только из-за слабых физических свойств, но и в силу того, что они не привыкли слышать его в изолированном произнесении, отдельно; он менее привычен для них - при предъявлении в случайном порядке аудиторы закономерно испытывают наибольшие трудности. Уровень опознания обусловлен целым рядом обстоятельств, среди которых немаловажное значение имеют, по-видимому, особенности его функционирования в речи.

§ 4. Таким образом, в монгольском языке те типы интонации, которые противопоставлены своими фонетическими характеристиками более контрастно, дают и больший процент правильного опознания. Сравни-

тельно низкий уровень опознания в бурятском языке завершеного типа, с одной стороны, и незавершеного в монгольском языке, с другой, обусловлен невыразительностью фонетических признаков данных типов интонации и меньшей противопоставленностью соответствующим близким им контурам, а также особенностями функционирования незавершеного типа интонации в реальной языковой практике.

5.2.3. Дербетский говор

§1. Носители языка в подавляющем большинстве случаев правильно узнают тип интонации в дербетском говоре (средний процент опознания 79%). При этом градация типов интонации с точки зрения опознания следующая: 1. Вопросительный 2. Завершенный 3. Незавершенный 4. Завершенный с выделением. Характер опознания аудиторами, не знающими языка, несколько иной: они лучше узнают завершенный тип с выделением, чем незавершенный; кроме того, они существенно менее точны при определении типа интонации, чем носители языка.

Уровень опознания типов интонации этого говора значительно выше (на 12%), чем в монгольском и бурятском языках. Лучше опознаются все типы интонации всеми группами испытуемых (завершенный тип на 8% по сравнению с бурятским и 6% по сравнению с монгольским языками; вопросительный - на 9% по сравнению с бурятским и 14% по сравнению с монгольским; завершенный с выделением - на 22% по сравнению с бурятским и на 17% - монгольским; незавершенный - соответственно на 10% и на 12%). Наиболее заметно улучшилось восприятие завершеного с выделением и незавершеного типов интонации.

§2. Самый высокий процент правильного опознания характерен для вопросительного типа (таблица 38). Этот тип интонации стабильно хорошо опознается всеми группами испытуемых. Разница в уровне опознания незначительна: если калмыки во всех случаях узнают этот тип интонации, то в остальных группах аудиторов опознание приближается к 100%. При этом: если буряты и русские дают одинаковый процент правильного опознания, то монголы, данные которых на 3% выше, по этому параметру близки к носителям языка.

В акустических характеристиках вопроса в дербетском говоре нет таких, которые позволили бы путать его с другими типами интонации или сомневаться при его классификации. Категоризация типа, благодаря таким признакам, как высокий уровень ЧОТ и интенсивности, высокий и быстрый подъем ЧОТ на центре при быстром темпе реализации всего контура

**Правильное опознание типов интонации
в дербетском говоре калмыцкого языка**

Интонация	Завершенная		Вопросительная		Завершенная с выделением		Незавершенная		x	Ранг
	1Де	2Де	1Де	2Де	1Де	2Де	1Де	2Де		
Испытуемые										
Буряты	84	88	95	92	55	56	23	19	64	3
Монголы	90	94	94	98	48	64	70	77	79,3	1
Калмыки	95	97	100	100	47	58	73	59	78,6	1
Русские	64	71	94	92	48	53	40	30	61,5	2
x	85,3		95,6		53,6		48,8		72,4	
Ранг	2		1		3		4			

Таблица 39

**Матрица замен (дербетский говор калмыцкого языка).
Неслучайные замены обведены**

Опознано	Тип интонации	Завершённый		Вопросительный		Завершённый с выделением		Незавершённый	
		1Де	2Де	1Де	2Де	1Де	2Де	1Де	2Де
Предъявлено	Испытуемые								
Завершённый тип	Буряты					16	12		
	Монголы					6	6	4	
	Калмыки					8	3		
	Русские			6	3	26	23	4	3
Вопросительный	Буряты	5	4				1,5		1,5
	Монголы		2					2	
	Калмыки								
	Русские	1	4				4	5	
Завершённый с выделением	Буряты	(45)	(44)						
	Монголы	(46)	(30)						6
	Калмыки	(53)	(42)						
	Русские	(52)	(40)						7
Незавершённый	Буряты	16	22	(51)	(32)	10	27		
	Монголы			13	17	17	22		
	Калмыки			20	20	7	11		
	Русские	5	20	26	(42)	29	8		

происходит быстро и правильно. Очень высокий процент опознания особенно русскими, ориентирующимися только на акустические свойства данного типа, - подтверждение тому.

Вторым рангом обладает завершённый тип. Лучше всех его узнают калмыки и монголы, заметно хуже - буряты и плохо - русские. Такой же низкий уровень опознания был характерен для монголов при предъявлении бурятских повествовательных фраз; он был обусловлен особенностями реализации конца завершённой интонации в бурятском языке.

Интересно, что при предъявлении дербетской повествовательной фразы чаще других в заменах участвует завершённый тип с выделением (таблица 39). Есть основание полагать, что дербетская завершённая интонация обладает более яркими акустическими свойствами по сравнению с соответствующими типами монгольского и бурятского языков, поскольку она не только чаще правильно опознается, но и чаще заменяется завершённым типом интонации с выделением носителями этих языков.

Как уже говорилось ранее, в калмыцких говорах просодические изменения на протяжении фразы более контрастны, характерно более глубокое падение ЧОТ на центре, больше и частотный интервал между центром и постцентром. Все признаки создают достаточную яркость акустической картине данного типа интонации, обеспечивают его высокое опознание.

§ 3. Довольно высок уровень опознания завершённого типа с выделением. Данные матриц замен показывают, что во всех группах аудиторов замена происходит по линии завершённый тип с выделением > завершённый тип. Имеет место сильное смешение этих двух контуров - практически 50% стимулов относится к завершённому типу. Анализ объективных характеристик фраз, опознанных неверно (как завершённый тип), показывает, что замена обусловлена особенностями реализации данного контура.

Нас интересовала расстановка пауз вокруг выделенного слова, т.к., как выяснилось при анализе бурятского и монгольского материала, паузы имеют исключительное значение для идентификации интонационного типа. Оказалось, что реально они отсутствовали только в трех случаях, и именно эти фразы большинством аудиторов не были правильно опознаны. В остальных случаях паузы, как правило, не предшествовали, а следовали после выделенного слова. Можно заключить, что паузация и в дербетском говоре является важным средством выделения, с этой же целью она используется в остальных языках. Об исключительной

важности данного средства выделения свидетельствует то, что во всех языках количество ошибок на паузацию незначительно (2-3), и во всех случаях они приводят к ошибкам в опознании.

§ 4. Незавершенный тип опознается всеми группами аудиторов хуже всего: на 6% хуже завершено с выделением, 37% - хуже завершено, 47% - хуже вопросительного и, таким образом, на 30% хуже среднего уровня опознания в этом говоре. Он является перцептивно самым слабым типом интонации для бурят и русских, но более сильным, чем завершённый с выделением, для калмыков и монголов.

Если же мы рассмотрим цифры, характеризующие опознание этого типа в разных группах аудиторов, то окажется, что они заметно различаются. Лучше всех рассматриваемый тип интонации опознается монголами, восприятие калмыками (на 7%), бурятами (на 52%) и русскими (на 38%) хуже. Данные опознания свидетельствуют о «перцептивной слабости» этого типа интонации, что обусловлено особенностями реализации его объективных характеристик. Интересно то, что в данном типе интонации обнаруживаются только симметричные замены. Следовательно, испытуемые улавливают близость мелодических характеристик этих типов интонации, но часто делают ошибки при сравнении уровней ЧОТ и интенсивности, различий в их диапазонах. Итак, в целом дербетские сигналы опознаются лучше бурятских и монгольских, а ошибки носителей менее разнородны.

Незавершённый тип интонации является перцептивно самым слабым: он реже участвует в заменах и реже появляется как правильный. Важно то, что этот ряд хорошо коррелирует с тем, что частотно в языке, и с особенностями употребления контура в речи. Аудиторы, не привыкшие слышать его вне контекста, испытывают наибольшие затруднения и дают большой процент случайных ответов. Таким образом, опознание интонационных, как и других, единиц языка зависит не только от слышимости сигнала, но и от речевого опыта человека.

Незавершённый тип интонации, несомненно, имеет самостоятельный статус. Данные, полученные в опытах по восприятию, ни в коем случае нельзя интерпретировать в ущерб статусу данного типа интонации. Он имеет специфическую, свойственную ему фонетическую форму, определенную сферу использования. Это обосновывает его выделение. Данные восприятия как раз и свидетельствуют о его особом положении: некоторыми своими признаками он примыкает к вопросу, а некоторыми - к повествованию. Отсутствие ярких, контрастных характеристик и специфика функционирования отделяют его от всех типов интонации и выделяют в особый тип. Это ощущают аудиторы и отражают в своих реакциях.

§ 5. Таким образом, результаты восприятия типов интонации дербетского говора свидетельствуют о большей интонационной выразительности их характерных признаков: все типы интонации заметно лучше узнаются всеми группами аудиторов. Оpozнание хорошо коррелирует с объективными характеристиками этих типов интонации: в общем в дербетском говоре все типы интонации имеют более яркие фонетические признаки, чем в бурятском и монгольском языках. Если же говорить о градации типов интонации внутри говора с точки зрения восприятия, то она также обусловлена акустической неравноценностью сигналов. Однако опozнание зависит не только от этого, хотя и очень важного, обстоятельства, но и от особенностей функционирования контура в речи (незавершенный) и его частотности (завершенный).

5.2.4. Торгутский говор Калмыкии

§ 1. Носители лучше узнают типы интонации в дербетском, а не в торгутском говоре. При этом градация типов интонации с точки зрения правильного опozнания выглядит следующим образом: 1. Вопросительный; 2. Завершенный; 3. Незавершенный; 4. Завершенный; с выделением.

Опознание аудиторами, не знающими языка, имеет несколько иной характер. Они узнают тип интонации в торгутском говоре лучше, чем в дербетском (на 2%), и значительно лучше, чем в бурятском и монгольском языках (в среднем на 14%). В целом аудиторы, не являющиеся носителями языка, воспринимают стимулы, соответствующие торгутскому говору, как интонационно самые выразительные. Об этом говорят средние проценты правильного опознания, полученные для разных групп испытуемых: 80% (монголы), 72% (русские), 67% (буряты).

Сравнение с результатами опознания, полученными на материале дербетского говора, свидетельствует о некотором сходстве данных калмыцких говоров, с одной стороны, и о существенном отличии их от данных бурятского и монгольского языков. Сходство не только в уровне опознания вообще, но и в общности тенденций, проявляющихся в одних и тех же группах аудиторов. Так, буряты и в дербетском, и в торгутском говорах хуже всех опознают интонационный тип (соответственно 64% и 67%), монголы - лучше всех (соответственно - 79% и 80%), а русские стабильно лучше опознают, чем буряты (соответственно на 2% и 5%).

Однако при сходстве общей картины опознания типов интонации в калмыцких говорах обнаруживаются явные различия в восприятии как одних и тех же типов интонации одними и теми же испытуемыми, так и разными аудиторами. Отличие в том, что калмыки лучше узнают типы

интонации в дербетском, чем в торгутском (на 7%) говоре, и имеют вместе с монголами первый ранг в опознании типов интонации в дербетском говоре и второй вместе с русскими – в торгутском говоре (табл. 40).

Таблица 40

Правильное опознание типов интонации в торгутском говоре калмыцкого языка

Интонация	Завершенная		Вопросительная		Завершенная с выделением		Незавершенная		\bar{x}	Ранг
	1 ТКа	2ТКа	1ТКа	2ТКа	1ТКа	2ТКа	1ТКа	2ТКа		
Испытуемые										
Буряты	80	77	86	90	40	65	55	46	67,3	3
Монголы	95	89	95	91	63	69	78	62	80,2	1
Калмыки	92	98	99	98	36	31	65	58	72,1	2
Русские	69	71	96	96	56	58	66	62	71,7	2
\bar{x}	83,8		93,8		52,2		61,5		72,8	
Ранг	2		1		4		3			

§ 2. Завершенный тип интонации в дербетском говоре опознается хуже, чем в торгутском (на 2%), но лучше, чем в бурятском (на 6%) и монгольском (на 4%) языках. Вопросительный тип в этом говоре, как и во всех рассмотренных выше случаях, имеет самый высокий процент правильного опознания, он узнается на 10% лучше завершеного типа интонации. Однако тенденция, прослеживающаяся в опознании завершеного типа интонации, сохраняется и тут: дербетские сигналы опознаются лучше. Количественно это выглядит следующим образом. Торгутский вопрос узнается хуже дербетского (на 2%), но лучше бурятского (на 7%) и монгольского (на 12%). Средние данные опознания, хотя и несколько различаются, однако свидетельствуют, с одной стороны, о том, что вопрос и завершенность везде опознаются хорошо, а с другой - о том, что в калмыцких говорах они обладают большей силой акустического звучания, чем в бурятском и монгольском языках. Именно это находит свое отражение в данных опознания.

Матрицы замен (таблица 41) также подтверждают то, что торгутские стимулы оцениваются аудитором как более звучные. Так, завершенный тип интонации в данном говоре, по мнению бурят и русских, похож на завершенный тип с выделением: количество симметричных замен у бурят 43, русских – 45, а в дербетском говоре соответственно - 28 и 49.

Реакции auditors резко меняются при переходе к завершеному типу с выделением. В торгутском говоре это самый слабый контур - он

**Матрица замен (торгутский говор калмыцкого языка).
Неслучайные замены обведены**

Опознано Предъявлено	Тип интонации Испытуемые	Завершённый		Вопроситель- ный		Завершённый с выделением		Незавершённый	
		1ТКа	2ТКа	1ТКа	2ТКа	1ТКа	2ТКа	1ТКа	2ТКа
Завершённый тип	Буряты					20	23		
	Монголы					3	5	2	6
	Калмыки					5	2	3	
	Русские			2	1	23	22	6	6
Вопроситель- ный	Буряты	14	10						
	Монголы	2	7			1		2	2
	Калмыки		1			1	1		
	Русские		1			1	1	3	2
Завершённый с выделением	Буряты	(41)	(35)						
	Монголы	(32)	25					5	6
	Калмыки	(55)	(69)					9	
	Русские	29	(34)	3	1			12	7
Незавершённый	Буряты		6	(36)	(30)	9	18		
	Монголы		4	12	16	10	18		
	Калмыки			(35)	(42)				
	Русские	6	17	17	18	11	3		

хуже всех опознается всеми аудиторами. Он также хуже опознается, чем в дербетском говоре, в котором он имеет не 4, а 3 ранг. Лучше остальных его опознают монголы; несколько хуже - русские и буряты и совсем плохо - калмыки, опознающие только третью часть всех стимулов. Эти данные свидетельствуют о том, что знание языка существенно ухудшает правильное опознание, а незнание не мешает. Вспомним, что русские имеют высокий уровень опознания этого типа интонации в дербетском говоре. Уместно вспомнить и то, что буряты в своем родном языке завершённость с выделением слышат хуже, чем монголы и калмыки.

Мысль о том, что знание языка ухудшает опознание, совершенно не приходит в голову, когда рассматривается восприятие таких типов интонации, как завершённый и вопросительный. Здесь уровень опознания почти во всех случаях коррелирует с тем, является ли предъявляемый язык родным для испытуемых. При общем высоком уровне опознания родной язык опознается почти всегда лучше, чем неродной. Совсем иное дело, когда предъявляется такой сложный сигнал, как завершённый с выделением. Положительная связь между правильным опознанием

предъявляемого материала и тем, какие аудиторы слушают его, отсутствует. При восприятии таких сигналов носители языка находятся в гораздо более сложном положении, чем аудиторы, не знающие языка. Они реагируют не только на акустический сигнал, который может иметь большую или меньшую яркость, но и на стоящий за ним смысл, понимание которого во многом затруднено из-за отсутствия контекста. Именно этим, по нашему мнению, можно объяснить те случаи, когда завершенность с выделением, фонетические средства которого несколько ослаблены, в родном языке опознается хуже, чем в чужом.

При недостаточной яркости сигнала реакции аудиторов могут быть не совсем одинаковыми. Обнаруживаются не только качественные и количественные различия в опознании интонационных типов в калмыцких говорах, но и несходство в типах ошибок, допускаемых при прослушивании одних и тех же сигналов разными группами аудиторов. Калмыки и буряты делают замену завершенный тип с выделением > завершенный. Монголы и русские, кроме симметричных, допускают и асимметричные замены: завершенный с выделением > незавершенный. Однако использование *t*-критерия Стьюдента свидетельствует о случайности таких реакций (частота несущественно превышает заданную вероятность: *t*-факт. < *t*-теор.).

§ 3. Обратимся теперь к акустическим характеристикам тех фраз, которые неправильно опознаются большинством аудиторов в разных группах, и рассмотрим, какие составляющие чаще всего ослабляются. Как и в обсуждавшихся выше случаях, наибольшую чувствительность аудиторы проявляют к нарушению мелодической и динамической структуры, паузации и меньшую - длительности. При этом, пожалуй, самым значимым фактором является паузация. Присутствие паузы после выделенного слова существенно улучшает опознание типа интонации, а отсутствие всегда приводит к неправильному опознанию. О существенности этого средства выражения выделенности свидетельствует и то, что паузация реже всего нарушается (всего в 4 случаях). При этом средний уровень интенсивности и ЧОТ таких фраз отличается от уровня интенсивности и ЧОТ правильно опознанных фраз, средняя длительность звука меньше также незначительно. Однако уровень интенсивности и ЧОТ выделенного слова больше отличается от уровня интенсивности и ЧОТ соответствующих слов во фразах с правильным опознанием, а средняя длительность - меньше.

§ 4. Незавершенная интонация в торгутском говоре опознается хуже, чем завершенная (на 22 %) и вопрос (на 32 %), но лучше, чем завершенная с выделением (на 10 %). Этот тип интонации имеет, как и в бурятском

языке, третий ранг, в то время как в дербетском говоре и монгольском языке - четвертый.

Самый высокий процент опознания данного типа интонации характерен для монголов, несколько хуже узнают его русские (на 6 %) и калмыки (на 8 %). Буряты опознают только 51 % стимулов. Их данные на 11 % хуже среднего уровня опознания этого типа интонации и хуже данных монголов (на 19 %), калмыков (на 11 %) и русских (на 13 %).

Носители языка, хотя опознают данный тип интонации заметно лучше, чем заверченный с выделением, однако узнают незавершенность хуже, чем монголы, а русские - лучше бурят.

Средний уровень опознания незавершенного типа интонации в торгутском говоре довольно высок – 62 %. Это лучше, чем в дербетском говоре (на 13 %), бурятском (на 23 %) и монгольском (на 25 %) языках. Приведенные данные хорошо коррелируют с большей яркостью акустического сигнала в торгутском говоре по сравнению с монгольскими и дербетскими сигналами. Одновременно обнаруживается, что именно калмыки и буряты хуже, чем русские и монголы, слышат незавершенность в бурятском языке; их опознание торгутских материалов также хуже. Матрицы замен свидетельствуют о том, что именно эти группы аудиторов неслучайным образом смешивают незавершенность с вопросом как в бурятском языке, так и в торгутском говоре Калмыкии. Следовательно, незавершенность в этих двух языках, имея более выразительные фонетические характеристики, оказывается слабо противопоставленной вопросительному типу. В характеристиках данных типов интонации в бурятском языке и торгутском говоре много общих черт, что приводит к неслучайной замене этих типов интонации одними и теми же группами испытуемых. В дербетском говоре, наоборот, данные типы интонации противопоставлены более четко.

§ 5. Таким образом, данные опознания свидетельствуют о том, что для всех групп аудиторов, не знающих языка, типы интонации в торгутском говоре являются достаточно выразительными, яркими, что обеспечивает им самый высокий уровень опознания среди всех предъявленных языков. Уровень опознания повысился, главным образом, за счет незавершенного типа интонации, опознание которого выше, чем во всех остальных языках. Завершенность и вопрос, хотя и характеризуются довольно высоким процентом правильного опознания, но в среднем данные контуры опознаются чуть хуже, чем в дербетском говоре, опознаваемость которых в этом говоре является самой высокой среди всех монгольских языков. Хуже всех воспринимается завершенность с выделением. Все, кроме бурят, хуже всего узнают именно этот тип, и все, кроме

монголов, опознают его хуже в торгутском говоре, чем в дербетском, но существенно лучше, чем в бурятском и монгольском языках.

Заключая, можно сказать, что в торгутском говоре вопрос опознается лучше, чем завершенность, завершенность - лучше, чем незавершенность, а незавершенность - лучше, чем завершенность с выделением. Монголы узнают тип интонации лучше, чем калмыки и русские, а те - лучше, чем буряты.

5.2.5. Торгутский говор Китая

§ 1. Уровень опознания типов интонации торгутского говора Китая выше, чем в бурятском и монгольском (на 7 %) языках, но ниже, чем в дербетском (на 5 %) и торгутском (на 7 %) говорах калмыцкого языка.

В отличие от всех языков, в торгутском говоре Китая вопрос опознается хуже, чем завершенность (таблица 42). В этом говоре вопрос опознается не только хуже завершенности, но и хуже, чем этот же тип интонации в остальных языках: по сравнению с торгутским говором Калмыкии - на 10 %, дербетским - 12 %, бурятским - 3 % и монгольским - 2 %. С точки зрения правильного опознания можно говорить о наибольшей близости монгольского языка и торгутского говора Китая. Это соотносится с большим сходством реализации вопроса в этих языках, чем в калмыцких говорах.

Таблица 42

Правильное опознание типов интонации в торгутском говоре Китая

Интонация	Завершенная	Вопросительная	Завершенная с выделением	Незавершенная	\bar{x}	Ранг
Испытуемые						
Буряты	94	91	32	31	62	3
Монголы	89	75	48	59	67,7	2
Калмыки	93	75	39	81	72	1
Русские	64	80	55	54	63,2	3
\bar{x}	85	80,2	43,5	56	66,2	
Ранг	1	2	4	3		

Ухудшение опознания произошло за счет асимметричных замен (таблица 43). При снижении интенсивности сигнала испытуемые чаще допускают замены вопрос > завершенность, а в калмыцких говорах данный тип замен наблюдается существенно меньше. Лучше всего вопрос опознается бурятами - 91 %, хуже них опознают его русские (на 11 %), калмыки и монголы (на 16 %). Здесь вновь наблюдается ранее установ-

ленный факт: незнание языка не мешает высокому уровню опознания. Реакции монголов и калмыков однотипны: они правильно узнают равное количество стимулов, допускают замены одного и того же рода, свидетельствующие о недостаточной выразительности вопроса в этом говоре. Значит, и те, и другие в своих ответах отражают отличие этого типа интонации от соответствующего эталона родного языка, тогда как в реакциях русских и бурят эти мотивы не прослеживаются.

Таблица 43

**Матрица замен (торгутский говор Китая).
Неслучайные замены обведены**

Опознано	Тип интонации	Завершенный	Вопросительный	Завершенный с выделением	Незавершенный
Предъявлено	Испытуемые				
Завершенный тип	Буряты			6	
	Монголы			9	2
	Калмыки		3	4	
	Русские		13	23	
Вопросительный	Буряты	9			
	Монголы	20		4	
	Калмыки	22		3	
	Русские	13		7	
Завершенный с выделением	Буряты	(68)			
	Монголы	(45)			7
	Калмыки	(60)	1		
	Русские	(34)	6		5
Незавершенный	Буряты	26	(40)	3	
	Монголы	16	16	9	
	Калмыки		19		
	Русские	18	6	22	

Завершенность в калмыцких говорах и торгутском говоре Китая опознается примерно одинаково. Если же сравнить с уровнем опознания данного типа интонации в бурятском и монгольском языках, то он несколько выше (на 7 % - бурятский язык и на 5 % - монгольский язык). Лучше всех завершенность в этом говоре опознают калмыки и буряты (соответственно 93 % и 94 %), несколько хуже - монголы (89%) и плохорусские (64 %), что существенно снижает уровень опознания данного типа интонации. Последние чаще остальных испытуемых допускают замену: завершенность > завершенность с выделением.

§ 2. Завершенная интонация с выделением в рассматриваемом говоре является наиболее слабым сигналом: она опознается хуже осталь-

ных (средний процент правильного опознания – 44 %). При этом наиболее высокий уровень опознания характерен для испытуемых-русских (55 %). Они опознают на 7 % лучше монголов, на 16 % лучше калмыков и на 23 % лучше бурят.

Эти данные находятся в русле той тенденции, которая наблюдается в калмыцких говорах. Имеется в виду следующее. Во-первых, испытуемые, не являющиеся носителями языка, дают самый высокий процент правильного опознания. Во-вторых, как и при прослушивании калмыцкого материала, буряты проявляют наименьшую чувствительность к изменению интонационных признаков, а монголы демонстрируют большую «опознаваемость» типа интонации не в родном, а в чужом языке.

Вместе с тем уровень опознания завершённого типа с выделением во всех группах аудиторов несколько ниже, чем в калмыцких говорах. Исключение составляют русские, у которых уровень опознания понизился на 2 % в сравнении с торгутским говором Калмыкии, но на 4 % улучшился в сравнении с дербетским говором. Существенно и то, что они лучше опознают тип интонации в торгутском говоре Китая по сравнению с бурятским (на 32 %) и монгольским (на 19 %) языками. Что же касается монголов, они лучше узнают этот тип интонации в торгутском говоре Китая, чем в бурятском языке (на 11 %), и даже лучше, чем в родном языке (на 3 %), но хуже, чем в дербетском (на 8 %) и торгутском (на 18 %) говорах калмыцкого языка. Как и при восприятии этого же типа интонации в калмыцких говорах, данные калмыков ниже данных и монголов, и русских. Калмыки проявляют большую чувствительность только в сравнении с бурятами (опознают лучше на 7%) и меньшую в сравнении с монголами и русскими (соответственно на 9 % и 16 %). Наименьший процент правильного опознания характерен для бурят (32 %), в то же время в опознании типов интонации калмыцких говоров они имеют третий ранг.

В данном говоре, как было выявлено при анализе компонентов интонации, выделенность фонетически выражена менее ярко, чем в калмыцких говорах. Поэтому не случайно калмыки хуже слышат выделенность, чаще допускают замену завершённости с выделением > завершённости. В то же время при восприятии завершённости они реже всех смешивают эти два типа интонации (только в 4 % случаев). Для остальных групп аудиторов данный контур в торгутском говоре Китая также оказывается менее выразительным, чем соответствующий калмыцкий: они в большем количестве случаев допускают симметричные замены завершённости с выделением > завершённости и,

наоборот, в меньшем количестве случаев «путают» завершенный тип с завершенным с выделением.

§ 3. Незавершенный тип, имеющий третий ранг, опознается лучше завершенного с выделением (на 12 %), но хуже вопроса (на 28 %) и завершенного (на 29 %). Он опознается несколько хуже (на 6 %), чем в соответствующем говоре Калмыкии, но заметно лучше, чем в остальных языках (на 7 % - Де, на 19 % - Бу и Мо). Лучше всех узнают данный тип интонации в данном говоре калмыки, в то время как в остальных языках это лучше делали монголы. Однако, хотя монголы опознают незавершенность хуже калмыков (на 22 %), их данные выше соответствующих аудиторов-русских (на 5 %) и бурят (на 28 %). Таким образом, здесь калмыки и монголы демонстрируют наибольшую чувствительность к изменению компонентов интонации во фразе.

Калмыки опознают незавершенность в торгутском говоре Китая не только лучше всех, но и лучше, чем в калмыцких говорах: уровень опознания в сравнении с этими языками улучшился соответственно на 47 % и 45 %. Буряты, хуже всех опознающие незавершенность во всех рассмотренных ранее экспериментальных ситуациях, обнаруживают эту же тенденцию и в данном случае. Они правильно опознают лишь третью часть стимулов (31 %), этим существенно отличаясь от всех испытуемых. Их выделяет и то, что они хуже всех опознают данный тип интонации не только в чужом, но и в своем родном языке. Можно предположить, что все это вызвано не только объективными характеристиками (звучность сигнала, компетентность в предъявляемом языке) и не столько этим, сколько связано с особенностями перцептивной базы бурят.

Результаты опознания русских, наоборот, свидетельствуют о тесной связи между правильным опознанием и слышимостью сигнала. Русские определенно реагируют на ухудшение яркости фонетических признаков незавершенности: в тех языках, в которых незавершенность и вопрос противопоставлены менее четко, уровень опознания снижается.

Для большинства аудиторов незавершенность в торгутском говоре Китая - не только слабый, но и самый неопределенный сигнал. Только этот тип интонации дает самое большое разнообразие ответов, наиболее вероятными из них являются два - незавершенность и вопрос. Данный тип интонации реже участвует в качестве замен и только в 56 % случаев появляется как правильный.

§ 4. Таким образом, результаты анализа опытов по восприятию типов

интонации торгутского говора Китая обнаруживают большую близость с соответствующими данными калмыцких говоров, чем бурятского и монгольского языков. Однако при этом уровень опознания типов интонации в этом говоре несколько ниже, чем в калмыцких говорах. Как и в этих говорах, калмыки и монголы несколько точнее определяют тип интонации по сравнению с русскими и бурятами. Первые проявляют наибольшую чувствительность к отличию интонационных признаков вопроса в данном и своем родном языке. Кроме того, калмыки в своих реакциях подчеркивают меньшую выразительность интонационных признаков в реализациях завершенного типа с выделением.

5.3. Корреляция частот правильного опознания

§ 1. Так как каждый раз фонетически сходные реализации одного и того же типа интонации, принадлежащие разным языкам, воспринимались четырьмя группами auditors, в неодинаковой степени знакомых с предъявляемым языком, большой интерес представляет анализ тесноты связи в разных случаях опознания. С этой целью для каждой двух групп испытуемых поочередно для всех языков были определены коэффициенты нормальной корреляции Пирсона. Расчеты проводились по формуле:

$$r_p = \frac{\sum (x_i - \bar{x}) \cdot (y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum (x_i - \bar{x})^2 \cdot \sum (y_i - \bar{y})^2}}, \text{ где}$$

x_i, y_i - сопоставленные проценты правильного опознания,
 \bar{x}, \bar{y} - средние проценты правильного опознания для данного опыта
 (все данные представлены в таблице 44).

Цифры, полученные в результате подсчетов, соответствуют высокой и очень высокой положительной корреляции по шкале Гилфорда (самое высокое значение +0,994 и самое низкое +0,639). В связи с этим нужно было построить свою шкалу корреляций. С этой целью было рассмотрено то, как распределяются коэффициенты корреляции. Данные распались на четыре группы:

Корреляция частот правильного опознания

Аудиторы	Стимулы	Корреляция частот	
		г	Тип корреляции
а) буряты и калмыки	монгольские	+0,978	очень высокая положительная
б) буряты и русские	--- « ---	+0,925	--- « ----- « ---
в) монголы и калмыки	--- « ---	+0,923	--- « ----- « ---
г) калмыки и русские	--- « ---	+0,897	высокая положительная
д) буряты и монголы	--- « ---	+0,893	--- « ----- « ---
е) монголы и русские	--- « ---	+0,885	--- « ----- « ---
а) буряты и калмыки	бурятские	+0,960	очень высокая положительная
б) монголы и русские	--- « ---	+0,951	--- « ----- « ---
в) буряты и русские	--- « ---	+0,885	высокая положительная
г) буряты и монголы	--- « ---	+0,871	--- « ----- « ---
д) калмыки и русские	--- « ---	+0,859	--- « ----- « ---
е) монголы и калмыки	--- « ---	+0,836	средняя положительная
а) монголы и калмыки	дербетские	+0,941	очень высокая положительная
б) буряты и русские	--- « ---	+0,926	--- « ----- « ---
в) калмыки и русские	--- « ---	+0,813	средняя положительная
г) монголы и русские	--- « ---	+0,704	--- « ----- « ---
д) буряты и монголы	--- « ---	+0,642	слабая положительная
е) буряты и калмыки	--- « ---	+0,639	--- « ----- « ---
а) калмыки и монголы	торгутские	+0,994	очень высокая положительная
б) буряты и монголы	Калмыкия	+0,919	--- « ----- « ---
в) буряты и русские	--- « ---	+0,817	средняя положительная
г) буряты и калмыки	--- « ---	+0,815	--- « ----- « ---
д) калмыки и русские	--- « ---	+0,797	--- « ----- « ---
е) монголы и русские	--- « ---	+0,762	--- « ----- « ---

1. +0,919 $r \leq +0,994$ - очень высокая положительная корреляция

2. +0,859 $r \leq +0,897$ - высокая положительная корреляция

3. +0,704 $r \leq +0,836$ - средняя положительная корреляция

4. +0,639 $r \leq +0,704$ - слабая положительная корреляция

§ 2. При восприятии типов интонации монгольского языка во всех ситуациях выявляются высокая и очень высокая положительная корреляции: точки на графике тесно группируются вдоль линии регрессии (график 1). Наличие только высокой и очень высокой корреляционной зависимости между опознаниями разных групп аудиторов свидетельствует о том, что процедуры, которыми пользуются аудиторы при опознании типов интонации монгольского языка, сходны. При этом наибольшая сопряженность отмечается между восприятием бурятами и калмыками ($r=+0,978$), а наименьшая - монголами и русскими ($r=+0,885$).

При восприятии типов интонации бурятского языка отмечается, кроме высокой и очень высокой положительной корреляции, еще и средняя. Сравнительно более тесная связь, как и при опознании монгольских стимулов, отмечается между восприятием калмыками и бурятами ($r=+0,960$), а сравнительно менее тесная - между восприятием монголами и калмыками ($r=+0,836$). В тех случаях, когда на графике сопоставляются опознания следующих групп аудиторов: бурят и калмыков, монголов и русских, бурят и русских, бурят и монголов, калмыков и русских, - стимулов, принадлежащих бурятскому языку, точки тесно группируются вдоль линии регрессии, свидетельствуя о наличии высокой и очень высокой корреляционной зависимости (график 2). При опознании этих же стимулов монголами и калмыками большинство точек группируется вдоль линии регрессии. Вместе с тем имеется и точка выброса с координатами (44; 15), соответствующая незавершенной интонации в реализации диктора 2Бу, что заметно снижает значение коэффициента корреляции ($r=+0,836$). Все это можно интерпретировать следующим образом: при восприятии типов интонации бурятского языка приемы, которыми пользуются аудиторы, сходны. При этом наибольшая сопряженность существует между восприятием бурят и калмыков, а меньшая - между восприятием монголов и калмыков.

Корреляционные отношения при восприятии типов интонации калмыцких говоров носят несколько иной характер. Здесь реже отмечается высокая положительная связь между восприятием разных групп испытуемых, чаще - средняя и слабая типы корреляции. Основываясь на этом, можно говорить о том, что характеристики самих стимулов заметно отличаются от соответствующих характеристик бурятских и монгольских стимулов, а опознание их разными группами аудиторов носит менее сопряженный характер, чем при восприятии бурятских и монгольских сигналов.

Между опознанием дербетских стимулов монголами и калмыками, с одной стороны, бурятами и русскими, с другой - существует очень высокая положительная корреляция: точки на графике тесно группируются вдоль линии регрессии (график 3). На графиках, отражающих зависимость между характером опознания этих же стимулов другими группами аудиторов, имеются точки выброса. Они объясняются особенностями реализации незавершенной интонации в дербетском говоре, при классификации которой аудиторы особое значение придают сходству конкретного стимула с соответствующим эталоном, сложившимся под влиянием фонологической системы родного языка. Итак, наиболее тесная корреляционная связь существует между опознанием монголами и калмыками ($r=+0,941$), т.е. монголы отождествляют типы интонации дербетского говора, пользуясь такими же приемами, которыми пользуются сами носители языка. Слабая зависимость существует между опознанием бурятами и калмыками ($r=+0,639$). Следовательно, между процедурами, которыми пользуются эти группы испытуемых при восприятии дербетских сигналов, существует менее тесная связь.

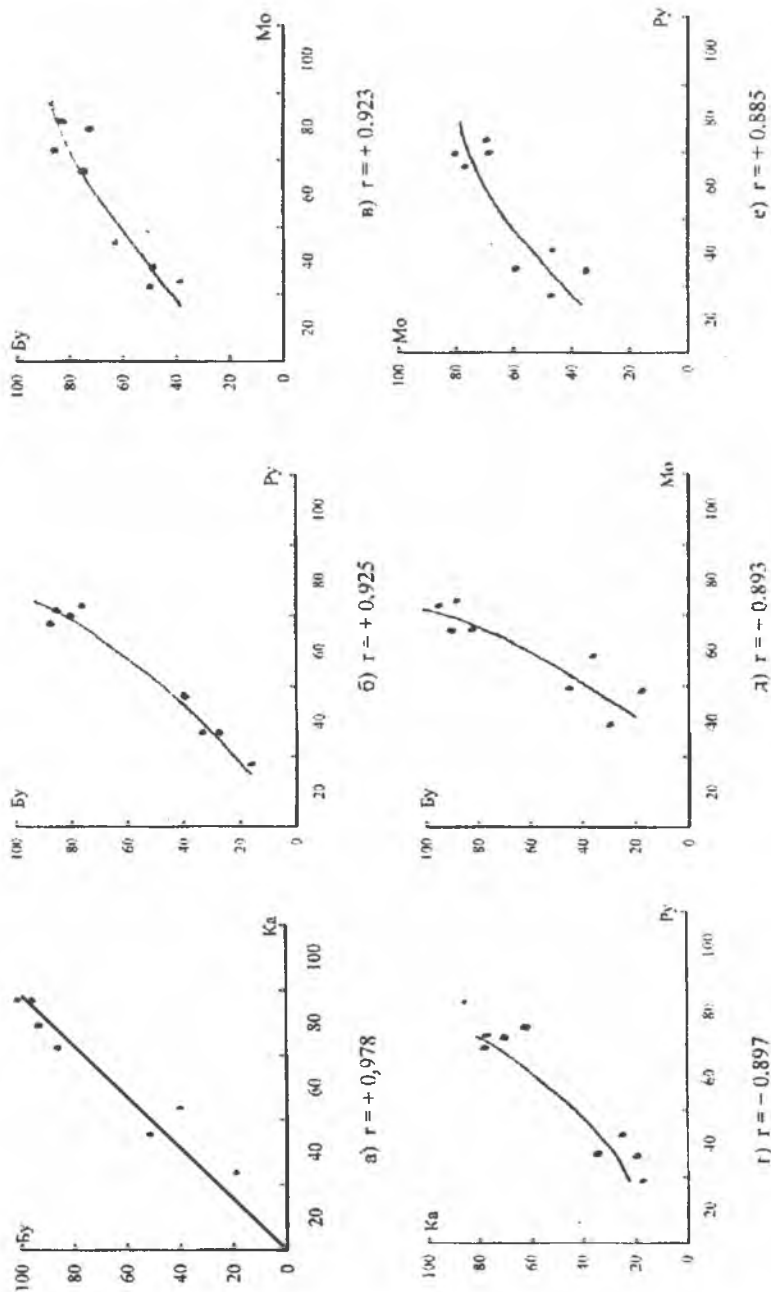

График 1. Корреляция частот правильного опознания типов интонации монгольского языка

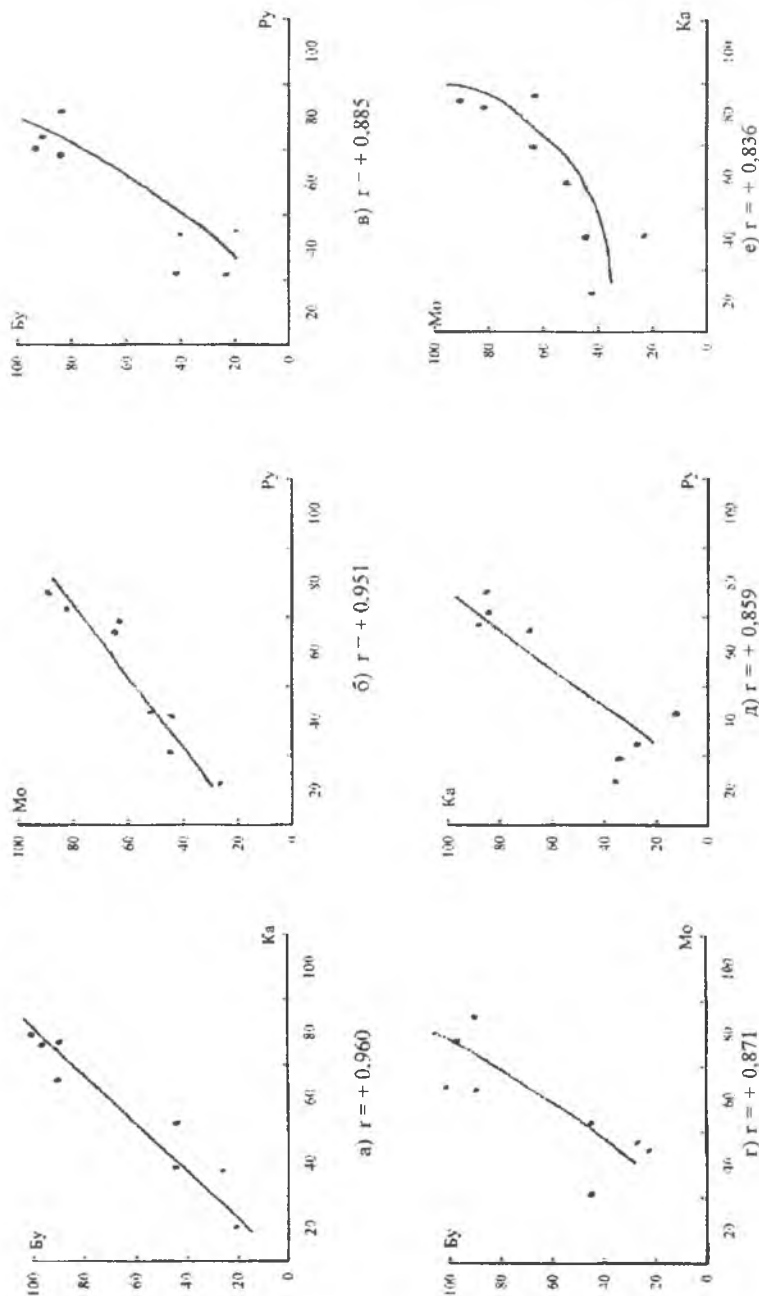

График 2. Корреляция частот правильного опознания типов интонации бурятского языка

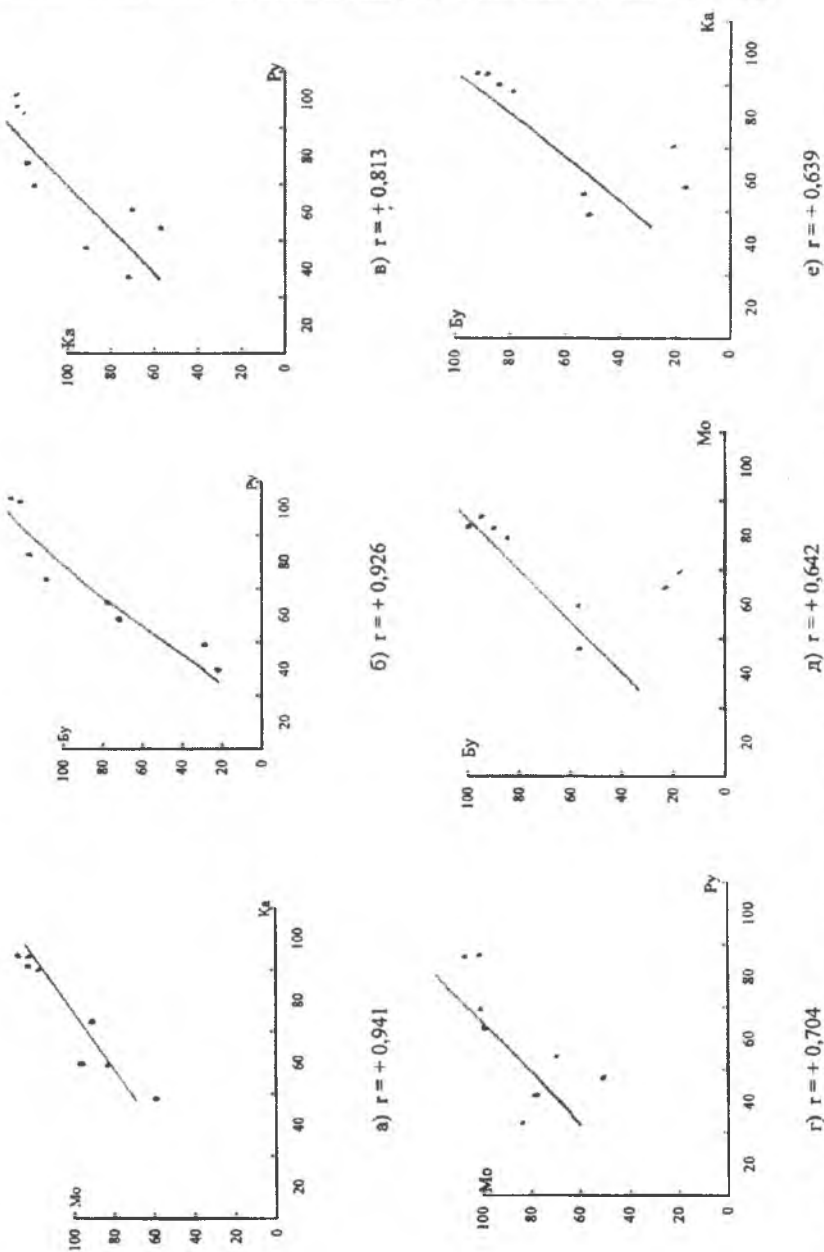

График 3. Корреляция частот правильного опознания типов интонации дербетского говора калмыцкого языка

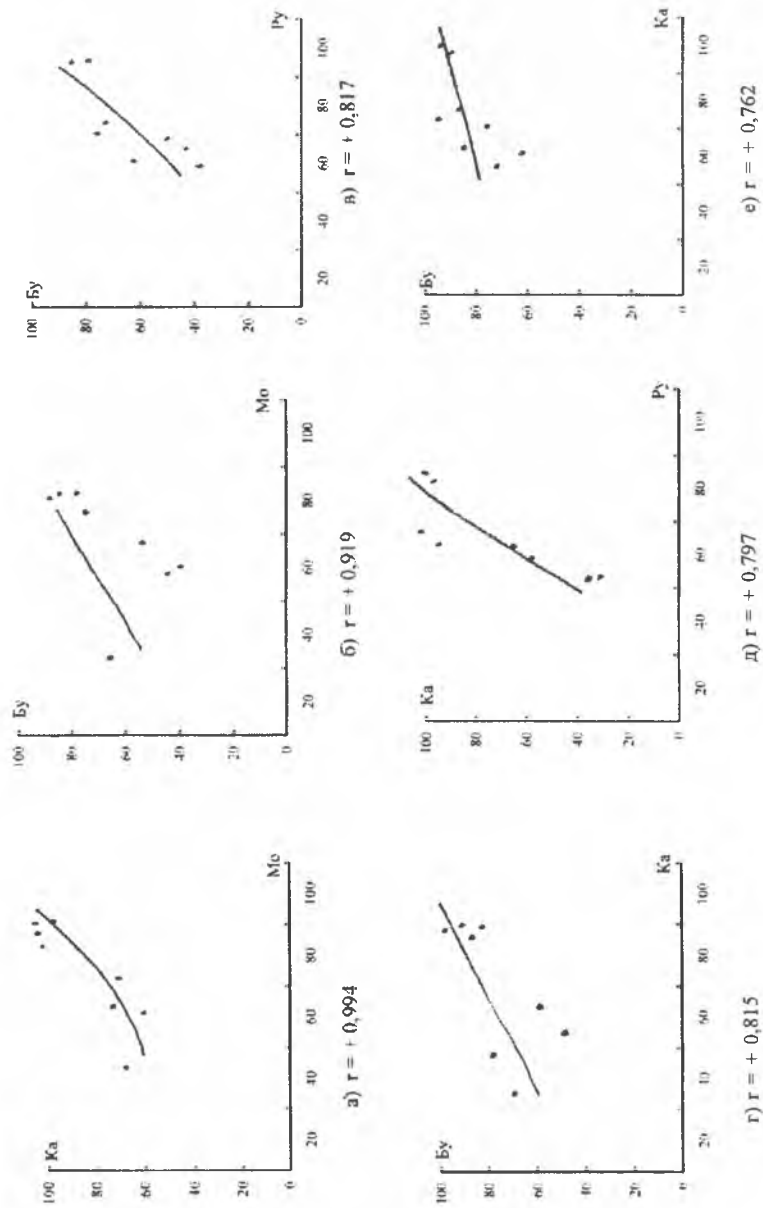

График 4. Корреляция частот правильного опознания типов интонации торгутского говора калмыцкого языка

На графиках 4, отражающих корреляционные отношения между опознанием калмыками и монголами, с одной стороны, бурятами и монголами, с другой, стимулов, принадлежащих торгутскому говору, точки довольно тесно группируются вдоль линии регрессии. Этот факт, а также значения коэффициента корреляции, полученные в результате подсчетов, свидетельствуют о том, что между опознанием названными группами аудиторов торгутских сигналов существует очень высокая положительная корреляция. Напротив, на графиках, отражающих зависимость между опознанием этих же стимулов остальными группами аудиторов, точки дальше отстоят от линии регрессии, что свидетельствует о наличии средней положительной корреляции. Это подтвердилось в результате подсчета коэффициента корреляции: все значения попадают в группу «средняя положительная корреляция».

Интересным является тот факт, что при опознании торгутских стимулов наиболее тесная корреляционная зависимость существует между опознанием калмыками и монголами ($r=+0,994$). Такой же тип связи был выявлен при опознании этими же группами аудиторов дербетских стимулов. Вновь можно говорить о том, что монголы пользуются теми же менее сходными приемами при опознании: точки на графике заметно дальше отстоят от линии регрессии, а коэффициент корреляции равен $+0,672$.

§ 3. Таким образом, полученные в ходе проведения корреляционного анализа данные позволили обратить внимание на два важных факта. Первый касается характера стимулов. При опознании типов интонации монгольского и бурятского языков выявляются только очень высокая и высокая положительные корреляции между опознанием монголами и калмыками. Это означает то, что аудиторы, принимавшие участие в экспериментах, при опознании пользуются сходными приемами. А так как среди испытуемых были такие противоположные группы, как носители соответствующего языка и аудиторы, не знающие ни одного из предъявляемых языков, дело, видимо, не столько в аудиторских свойствах, сколько в свойствах стимулов. О правомочности такого вывода свидетельствуют и данные калмыцких говоров. Ситуация резко меняется: при опознании стимулов, принадлежащих этим говорам, реже наблюдается очень высокая положительная корреляция, гораздо чаще – средняя и слабая положительная корреляции. Можно говорить о том, что испытуемые, участвовавшие в опытах, пользуются менее сходными приемами; существует большее различие между опознаниями разных групп аудиторов: одни аудиторы сравнительно чаще, а другие сравнительно реже правильно опознают предъявляемые стимулы. Из этого следует то, что характеристики самих стимулов не позволяют аудиторам, представляю-

щим разные интонационные системы, сходным образом классифицировать стимулы; при идентификации сигналов обнаруживаются наибольшие различия в правильном опознании разными группами auditors. Следовательно, можно говорить об определенном сходстве бурятских и монгольских стимулов, с одной стороны, и торгутских и дербетских - с другой, а также о меньшем интонационном разнообразии первых и большем разнообразии вторых. Интонационные признаки монгольских и бурятских сигналов позволяют аудиторам более, а дербетских и торгутских сигналов - менее сходным образом их классифицировать. Данные корреляционного анализа подтверждают результаты инструментального исследования. Важно то, что аудиторы отразили именно данные свойства стимулов в своих реакциях.

Второй связан с «перцептивным поведением» испытуемых-монголов. Эта группа особо выделяется на фоне остальных auditors. По оценкам корреляции частот правильного опознания очень высокая (калмыцкие говоры) и высокая (бурятский язык) типы корреляции существуют между опознанием монголами и носителями соответствующего языка, а менее сопряженными являются опознания монголами и русскими (монгольский язык и калмыцкие говоры). Раз монголы при опознании стимулов на чужом языке «ведут себя» как носители языка и, наоборот, их реакции менее сходны с реакциями испытуемых-русских, то, видимо, можно говорить об особой чувствительности монголов к изменению интонационных признаков. Представляется, что это «перцептивное поведение» auditors-монголов можно объяснить особенностями интонационной системы монгольского языка.

5.4. Неопределенность восприятия типов интонации монгольских языков

§ 1. Для более полной характеристики опознания типов интонации монгольских языков определялась энтропия, учитывающая все ответы auditors, а не только правильные.

Сравнение стимулов с точки зрения неопределенности показывает их неравнозначность. Для всех auditors, безотносительно к тому, являются ли они носителями языка или нет, неопределенность таких типов интонации, как завершенный с выделением и незавершенный, выше; средние значения энтропии этих типов интонации выше, чем соответствующие значения завершенного и вопросительного типов интонации. Вместе с тем в разных языках неопределенность при восприятии каждого из этих типов интонации различна. Остановимся на этом подробнее.

§ 2. Завершенный тип интонации. Наибольшую сложность в иденти-

фикации данного типа интонации испытывают все аудиторы, когда предъявляемым языком является бурятский (таблица 45). Это хорошо согласуется с тем, что уровень опознания завершеного типа интонации в данном языке ниже, чем в остальных языках. А, в свою очередь, это обусловлено спецификой реализации нисходящего контура в конечной части бурятской повествовательной фразы. Более заметное падение ЧОТ в ойратских говорах снижает неопределенность, что приводит к более уверенной и однозначной идентификации данного типа интонации.

Таблица 45

Энтропия восприятия типов интонации в бурятском и монгольском языках

Языки	Бурятский				Н	Монгольский				Н
	(.)	(?)	(!)	(...)		(.)	(?)	(!)	(...)	
Аудиторы										
Монголы	0,9	0,48	1,09	1,91	1,09	0,8	0,67	1,19	1,87	1,13
Буряты	0,34	0,5	1,75	1,77	1,09	1,04	1	1,47	1,55	1,26
Калмыки	0,69	0,61	1,54	1,45	1,07	0,98	0,88	1,57	1,6	1,25
Русские	0,78	0,6	1,47	1,71	1,14	1,04	1,08	1,8	1,76	1,42
Н	0,67	0,54	1,46	1,71	1,09	0,96	0,9	1,50	1,69	1,26

С другой стороны, категоризация данного типа интонации в родном языке всегда легче, чем в чужом: средние значения энтропии при восприятии завершеного типа в родном языке меньше, чем соответствующие цифры, полученные для неродного языка ($H_{\text{род}} = 0,88$ бит, $H_{\text{нерод}} = 1,05$ бит). Разрыв увеличится, если выделить отдельно значение H , характеризующее неопределенность при восприятии завершеной интонации аудиторами-русскими: $H_{\text{род}} = 0,88$ бит, $H_{\text{второй}} = 0,98$ бит, $H_{\text{нерод}} = 1,19$ бит. Очевидно, это можно интерпретировать как то, что знание родственного языка, в котором действует сходный механизм развертывания интонации во фразе, но вместе с тем отличающийся реализацией различительных признаков в важных точках контура, несколько облегчает опознание типа интонации. Однако не делает ситуацию аналогичной той, в которой действуют носители языка. В целом можно констатировать, что незнакомство с интонационной и в целом языковой системой повышает неопределенность при опознании завершеного типа интонации во всех анализируемых языках.

Наименьшая неопределенность, возникающая при восприятии данного типа интонации в ойратских говорах (таблица 46), находится в соответствии со свойственной им акустической выразительностью интонационных признаков.

Энтропия восприятия типов интонации в ойратских говорах

Языки	Дербетский				H	Торгутский Калмыкии				H	Торгутский Китая				H
	(.)	(?)	(!)	(...)		(.)	(?)	(!)	(...)		(.)	(?)	(!)	(...)	
Аудиторы	(.)	(?)	(!)	(...)		(.)	(?)	(!)	(...)		(.)	(?)	(!)	(...)	
Монголы	0,57	0,39	0,98	1,84	0,94	0,74	0,51	0,98	1,51	0,93	0,32	0,43	0,89	1,69	0,83
Буряты	0,43	0,28	0,97	1,12	0,7	0,46	0,44	1	1,21	0,77	0,36	1,06	1,27	1,59	1,07
Калмыки	0,23	0	0,98	1,05	0,59	0,3	0,2	1,09	0,95	0,64	0,42	0,94	1,07	0,69	0,78
Русские	1,23	0,44	1,12	1,85	1,13	1,2	0,59	0,98	1,60	1,08	1,27	0,89	1,44	1,64	1,31
H	0,61	0,27	1,01	1,34	0,83	0,67	0,44	1	1,31	0,85	0,59	0,83	1,16	1,40	0,99

Определенность при восприятии вопросительного типа интонации во всех языках является наивысшей; оценки энтропии этого типа интонации в каждом из языков наименьшие ($H_{\text{сред}} = 0,57$ бит). Это подтверждается как наивысшим уровнем опознания данного типа интонации, так и гораздо меньшим, чем в остальных типах интонации, разнообразием ответов. Сравним энтропию при восприятии рассматриваемого типа интонации для разных языков. Она оказывается разной и хорошо согласуется с фонетической выраженностью сигнала в конкретном языке (в большей степени) и с тем, кому предъявляется материал - носителям языка или аудиторам, не знакомым с языком (в меньшей степени).

Вопросительный тип интонации отличается большей однозначностью ответов. При этом оценки энтропии при опознании носителями языка незначительно отличаются от значений энтропии при опознании носителями родственного языка и аудиторам-русскими: $H_{\text{носит}} = 0,41$ бит, $H_{\text{родств}} = 0,59$ бит, $H_{\text{русск}} = 0,7$ бит. Это означает то, что при восприятии вопроса вследствие большей выразительности акустических характеристик реакции испытуемых-русских максимально приближены к реакциям как носителей родственного языка, так и самих носителей языка.

Наибольшая неопределенность при идентификации данного типа интонации наблюдается в тех случаях, когда предъявляются монгольский язык и торгутский говор Китая, несколько меньше она при предъявлении бурятского языка, наивысшая однородность оценок характерна для калмыцких говоров. Полученные энтропийные оценки находятся в хорошем согласии с акустическими характеристиками данного типа интонации в анализируемых языках. Уровень опознания вопроса, о чем речь шла выше, также свидетельствует о сходстве реакций испытуемых, а также зависимости восприятия от специфики проявления интонационных признаков вопроса в монгольских языках.

Таким образом, завершённый и вопросительный типы интонации во всех монгольских языках являются такими типами интонации, идентификация которых не сопряжена с большими трудностями. Достаточно уверенно можно говорить о большей определенности ойратских стимулов по сравнению с монгольскими и бурятскими: энтропия при восприятии завершённого типа и вопроса в монгольском и бурятском языках выше, чем при восприятии ойратских. Исключение составляет вопросительный тип в торгутском говоре Китая, восприятие которого связано со значительной неопределенностью ($H_{\text{тки}} = 0,83$ бит). Несходство вопросительного типа в этом говоре с соответствующим типом интонации калмыцкого говора вызвано влиянием монгольского языка. Реализация вопроса в этом говоре отличается от реализации вопроса в калмыцких говорах, но и не совпадает с таковой монгольского языка. Именно это ощущают носители данных языков, реагируя на стимулы однотипно: правильно опознают одинаковое количество стимулов, допускают одинаковые замены, т.е. испытывают при опознании одинаковые трудности.

Сравнение неопределенности опыта в разных группах аудиторов показывает, что она несколько выше у испытуемых-русских, чем у носителей родственного языка, а у тех выше, чем у носителей языка. При этом степень неопределенности при опознании завершённого типа интонации во всех группах испытуемых выше, чем при восприятии вопроса, а различия в уровне неопределенности вопроса между разными бригадами аудиторов имеет тенденцию к стиранию.

§ 3. Если реакции испытуемых при восприятии завершённости и вопроса характеризуются большим однообразием: эти типы интонации во всех анализируемых языках имеют самый высокий уровень правильного опознания, то два других интонационных типа представляют самое большое разнообразие в плане реакций испытуемых и, следовательно, являются максимально неопределенными. Рассмотрение энтропийных оценок в этих типах интонации свидетельствует о существовании тенденции к стиранию грани между различиями в реакциях трех групп аудиторов. Она особенно ярко проявляется в завершённом типе с выделением.

При идентификации такого сложного типа интонации, как завершённый с выделением, уменьшается число правильных ответов, появляется большое количество разнообразных замен и, следовательно, возрастает неопределенность ситуации. Причина этого заключается не только в «смазанности», меньшей яркости интонационных характеристик данного типа интонации, но и в целом ряде причин, разных по значимости. В противном случае необъяснимым остался бы факт большой неопреде-

ленности этого типа интонации для носителей языка, для которых неопределенность предстает столь же большой, как и для носителей родственного языка и испытуемых-русских. Сравним средние энтропийные оценки разных групп auditors: $\bar{H} = 1,23$ бит, $\bar{H}_{\text{нос.}} = 1,23$ бит, $\bar{H}_{\text{родств.}} = 1,18$ бит, $\bar{H}_{\text{русск.}} = 1,35$ бит.

Сравним энтропию при восприятии данного типа интонации в разных языках. Вновь можно говорить о большей неопределенности бурятских и монгольских стимулов по сравнению с ойратскими (таблицы 45, 46). Это хорошо коррелирует с изложенными выше фактами. Ранее уже говорилось о том, что завершённый тип с выделением во всех анализируемых языках имеет неярко выраженные фонетические признаки, что отражается в среднем уровне опознания. Вместе с тем соответствующие характеристики в ойратских говорах несколько ярче по сравнению с монгольским и бурятским языками, что находится в соответствии с большей вариативностью интонационных признаков вообще, свойственной ойратским говорам. Можно вспомнить также о том, что данный тип интонации имеет сравнительно низкий уровень опознания и в других языках (Радиевская, 1971; 1973). Основываясь на этом, можно предположить, что завершённая интонация с выделением представляет собой интонацию с наиболее размытыми границами. В силу этого аудиторы, в задачу которых входит идентификация такого неопределённого по своим фонетическим признакам стимула, отождествляют его с наиболее сходным с точки зрения испытуемого типом интонации. Именно при восприятии данного типа интонации увеличивается роль субъективных факторов. При этом без опоры на те признаки, которые определяли опознание других типов интонации, реакции auditors начинают также зависеть от перцептивных свойств auditors - умения анализировать и сравнивать речевые единицы.

Восприятие незавершённого типа интонации также представляет значительную неопределённость (средняя $H = 1,49$ бит). Однако энтропийные оценки свидетельствуют о большей определённости данного типа интонации по сравнению с завершённым типом с выделением, опознание которого сопряжено с наибольшей неопределённостью. Об этом свидетельствуют то, что этот тип интонации чаще правильно опознается по сравнению с завершённой интонацией с выделением, и меньшее разнообразие в ответах испытуемых.

При опознании незавершённого типа интонации, с одной стороны, увеличивается разрыв между энтропийными оценками носителей языка и других групп испытуемых, а с другой - сближаются энтропийные оценки испытуемых-русских и носителей родственного языка ($H_{\text{нос.}} = 1,35$ бит,

$H_{\text{родств}} = 1,51$ бит, $H_{\text{русск}} = 1,66$ бит). Это означает то, что при восприятии данного типа интонации носители родственного языка поступают не как носители языка - их реакции максимально сходны с реакциями испытуемых-русских. Энтропийные оценки вопросительного типа интонации, с одной стороны, незавершенного и завершенного типа с выделением - с другой, свидетельствуют о том, что как усиление акустических признаков, так и значительное ослабление их сближает реакции аудиторов-русских и носителей родственного языка.

Сравнение энтропийных оценок, полученных для разных языков, показывает: неопределенность при восприятии незавершенности в бурятском и монгольском языках больше, чем в ойратских говорах. Хотя незавершенность в бурятском и монгольском языках является контуром, более неопределенным по сравнению с ойратскими говорами, однако энтропийные оценки различны для разных групп аудиторов и в большей степени, чем в завершенном с выделением и вопросительном типах, отражают зависимость неопределенности от компетентности испытуемых в предъявляемом языке. Это можно интерпретировать как то, что однозначная идентификация этих типов интонации труднее, когда предъявляемый язык является неродным. Однако полученные оценки энтропии не позволяют сделать однозначного вывода о том, что знание родственного языка существенно улучшает опознание, снижая неопределенность стимула. Данные говорят лишь о сближении реакций аудиторов-русских и носителей родственного языка в плане неопределенности ситуации, возникающей при опознании вопроса, завершенности с выделением и незавершенности: энтропийные оценки аудиторов-русских выше, чем у носителей языка и носителей родственного языка.

Все сказанное выше обобщается в таблице 47. Она была составлена в результате анализа цифр, характеризующих неопределенность каждого опыта.

Таблица 47

Сводная таблица энтропии восприятия типов интонации в монгольских языках (+ минимальная, – максимальная)

Языки	Бу	Мо	Де	ТКа	ТКи
Аудиторы					
Буряты	- + - -	+ - +	- + +	- + + -	-
Монголы	+ + - + + -	+ + - + + -	+	+ -	+ + + -
Калмыки	- + +	-	+ + + + +	+ + + + - +	+
Русские	- -	+ - - - -	- - - - -	- - - + + -	- -

В ней для каждой ситуации знаком плюс отмечены те случаи, в которых значения энтропии минимальны, а знаком минус - максимальная энтропия. Итак, при опознании типов интонации в бурятском языке наибольшая неопределенность характерна для бурят, а наиболее однородные реакции характерны для монголов. Монгольские типы интонации оказываются более неопределенными для русских, а более определенными - для монголов. При восприятии калмыцких стимулов более однородными были реакции калмыков, а более неоднозначными были реакции аудиторов-русских. При опознании типов интонации торгутского говора Китая однородными вновь были реакции монголов, а большая неопределенность характерна для русских.

§ 4. По данным энтропии, при восприятии типов интонации в монгольских языках можно говорить о близости, с одной стороны, бурятских и монгольских стимулов, а с другой - ойратских. Неопределенность в первых примерно одинакова и больше, чем в последних. Одновременно можно говорить о близости калмыцких стимулов в плане энтропийных оценок и некотором отличии от них стимулов, относящихся к торгутскому говору Китая, представляющих большую неопределенность по сравнению с калмыцкими. Сказанное хорошо согласуется с большей выразительностью интонационных характеристик ойратских стимулов по сравнению с бурятскими и монгольскими, что, в свою очередь, определяется различием языков, связанным с сингармонизмом.

Возникает вопрос, можно ли эти результаты использовать для оценки перцептивных баз трех групп аудиторов, принимавших участие в опытах? Попытаемся рассмотреть вопрос об аудиторских особенностях калмыков, бурят и монголов, используя энтропийные оценки при восприятии интонации. Для этого из данных выберем такие, которые ставили бы наших аудиторов в одинаковые условия: будем привлекать только те случаи, когда испытуемые каждый раз выступают не как носители языка, а как носители родственного языка, т.е. воспринимают материалы на неродном языке. В таком случае все различия в результатах опознания могут быть отнесены на счет различных механизмов восприятия, обусловленных перцептивными особенностями аудиторов.

Данные, представленные в таблицах 35, 36, не позволяют дать четкую интерпретацию, но позволяют остановиться на некоторых тенденциях.

Напомним, энтропия означает неопределенность опыта; энтропийные оценки тем выше, чем выше неопределенность, и, наоборот, чем больше определенность ситуации, тем меньше энтропийная оценка. Во всех экспериментальных ситуациях наименьшие энтропийные оценки имеют монголы; у калмыков, напротив, они всегда больше; у бурят они

меньше, чем у калмыков, но больше, чем у монголов. Следовательно, из всех групп аудиторов калмыки испытывают наибольшие трудности при идентификации стимулов; им существенно сложнее определить, к какому перцептивному эталону принадлежит стимул. Это можно интерпретировать как показатель большей размытости перцептивных полей калмыков из-за их большего пересечения.

У монголов стимулы реже попадают в зону неопределенности, где пересекаются перцептивные поля. Похоже, что у бурят также меньше размыты границы перцептивных полей, т.к. по энтропийным оценкам они ближе к монголам, а не к калмыкам. На основании того, что монголы чаще дают более однородные ответы при опознании типов интонации в чужом и родном языках; того, что они чаще других испытуемых правильно опознают тип интонации в своем и чужом языках, а по оценкам корреляции частот правильного опознания очень высокая (Ка говоры) и высокая (Бу язык) типы корреляции существуют между опознанием монголов и носителей соответствующего языка, а менее сопряженными являются опознания именно монголов и русских, с определенной долей уверенности можно говорить об особой чувствительности монголов к интонационным изменениям не только в родном, но и в чужом языках. Названную особенность нельзя объяснить без учета главных черт интонационной системы монгольского языка. В этом языке изменения интонационных признаков на протяжении фразы носят неяркий, невыразительный характер. Монголы, привыкшие к неярким, неконтрастным изменениям интонационных признаков в своем родном языке, более чутко реагируют на интонационные изменения не только в своем, но и в чужом языке.

Калмыки, в родном языке которых изменения интонационных признаков носят более яркий характер, не проявляют большую чувствительность при восприятии материалов на чужом языке, в котором эти характеристики выражены к тому же менее ярко. Наоборот, они демонстрируют обратную тенденцию, испытывая большие трудности при идентификации сигналов, которые чаще для них представляют фонетическую неопределенность. Здесь, видимо, мы наблюдаем феномен фонологического слуха: фонологический слух, воспитанный звуковой системой родного языка, проявляется при восприятии интонации неродного языка.

Монголы и буряты, фонологический слух которых воспитывался в несколько иных фонетических условиях, более чутко реагируют на изменение интонационных признаков не только в родном, но и чужом языке, интонационные признаки которого могут сближаться или расходиться с признаками родного языка.

Важно подчеркнуть то, что, несмотря на особенности реализации интонационных типов в родном и чужом языках и связанную с этим большую или меньшую неопределенность стимулов, аудиторы оказываются в состоянии принять решение относительно услышанных сигналов; при этом качество реакции определяется целым рядом факторов. Ответ испытуемого как и при идентификации любых единиц языка, зависит от взаимодействия исходного фонетического свойства звуковой единицы, фонетического свойства единиц родной речи, универсальных способностей человека к «общефонетической» классификации, индивидуального свойства конкретного испытуемого, наличия дополнительных факторов, упрощающих или усложняющих задачу опознания (Бондарко, 1987: 56).

Подведем некоторые основные итоги перцептивного исследования типов интонации в монгольских языках.

1. Анализ результатов восприятия свидетельствует о довольно высоком уровне опознания: 66% стимулов было однозначно правильно опознано аудиторами. Хорошее опознание типов интонации можно рассматривать как доказательство большого сходства способов их выражения в рассматриваемых языках, а участие в экспериментах разных групп испытуемых позволяет рассматривать полученные данные в аспекте интонационных универсалий. Реакции аудиторов должны были определяться как действием каких-то универсальных факторов, так и особенностями фонетической реализации типов интонации в данном и родном языках испытуемых, а также действием чисто субъективных причин, например, умения анализировать, «перцептивного свойства» аудиторов и т.д. Было рассмотрено то, как фонетически похожие реализации одного и того же типа интонации, принадлежащие разным языкам, воспринимаются носителями языка и лицами, не знающими предъявляемый язык. Возможность опознания стимула определяется тем, каким образом предъявляемый стимул соотносится с интонационной системой родного языка испытуемого, находит ли он в ней соответствующий коррелят или заметно отличается от эталона, выработанного системой родного языка.

Носители языка были более точны в классификации (средний процент опознания 68%), аудиторы, не знающие предъявляемый язык, хуже узнают тип интонации, хотя различие не столь значительно (хуже на 4,3%). Незнание языка (в нашем случае - незнакомство с его интонационной системой) не создает непреодолимых препятствий на пути опознания типов интонации. Разрыв в уровне опознания несколько увеличится, если отделить результаты опознания аудиторов-русских. Носители языка на 2,8% лучше узнают тип интонации, чем испытуемые, владеющие

не данным, а другим монгольским языком, и на 7,7% - лучше русских, не знающих ни одного из предъявляемых языков.

2. Наблюдается зависимость правильного опознания от двух факторов. Чем более ярко выражены фонетические средства типов интонации, тем увереннее они опознаются всеми группами auditors. Наоборот, чем менее выразителен акустический сигнал, тем больше неправильных ответов допускают испытуемые, больше трудностей испытывают при опознании.

Уровень опознания резко снижается при переходе от вопроса к незавершенности и от завершенности к завершенности с выделением; при этом наблюдается непропорциональное снижение. Если проценты правильного опознания вопроса во всех группах близки (88% - носители, 87% - носители родственного языка, 86% - аудиторы-русские), то в незавершенном типе они различаются довольно существенно (29% - носители языка, 45% - носители родственного языка, 86% - аудиторы-русские). При опознании именно этого типа интонации проявляется существенность таких критериев, как степень противопоставленности типов интонации (в данном случае - вопросу) и отличие от перцептивного эталона родного языка. Только этим и объясняется то, что калмыки и монголы дают сходные реакции при опознании вопроса и незавершенности в монгольском языке и торгутском говоре Китая: снижение акустической яркости признаков вопроса приводит к ухудшению его опознаваемости, а восприятие незавершенности улучшается. Если первые чутко реагируют на большее или меньшее сходство данных типов интонации, допуская смешение их, то две другие группы в основном реагируют на выраженность акустического сигнала. Интересно отметить то, что носители родственного языка поступают не как носители языка - их реакции существенно чаще напоминают реакции auditors-русских. Знание другого языка не помогает при восприятии, а даже в некоторых случаях мешает ему. Наблюдаемое различие в опознании можно объяснить не только степенью противопоставленности этих типов интонации в родном языке испытуемого, но и тем, что «наличие нормального контекста ослабляет опору слушающего на акустико-фонетические характеристики» (Salasoo, Pisoni, 1985).

Вторым фактором, существенно влияющим на правильное опознание, является частотность контура в речи. Ситуация с опознанием завершенного типа интонации напоминает ту, которая складывается при опознании гласных фонем. Подобно тому, как при восприятии гласных гласные, обладающие большей вероятностью появления в речи, расположенные в вершинах основного треугольника, опознаются более уверен-

но (Интерференция ..., 1987), завершённый тип интонации, не имеющий таких ярких фонетических характеристик, как, например, вопрос, опознаётся так же хорошо, как вопрос. В данном случае высокий уровень опознания можно объяснить вероятностными причинами: более частотное в языке лучше опознаётся, т.к. объективно ближе аудитору. Как отмечено Л.В.Бондарко, «к числу статистических закономерностей, используемых при восприятии сообщений, несомненно, должны быть отнесены не только правила ритмической организации высказывания, но и статистические характеристики интонационного уровня: распространённость тех или иных интонационных типов, статистические характеристики акцентного оформления синтагмы и т.д.» (Бондарко, 1981: 179).

3. Анализ корреляции частот правильного опознания в разных опытах позволил обратить внимание на два важных факта: близость интонационных систем бурятского и монгольского языков, с одной стороны, и торгутского и дербетского говоров - с другой, и на «перцептивное поведение» аудиторов-монголов. Интонационные признаки бурятского и монгольского языков таковы, что все группы аудиторов, принимавших участие в экспериментах, сходным образом их классифицируют: во всех случаях, кроме одного, появляются только высокая и очень высокая положительная корреляции, а точки на графиках тесно группируются вдоль линии регрессии. Интонационные характеристики дербетского и торгутского говоров не позволяют аудиторам, представляющим разные интонационные системы, сходным образом классифицировать стимулы. При идентификации сигналов обнаруживаются наибольшие различия в правильном опознании разными группами аудиторов: выявляются средняя и слабая положительная корреляции, точки на графиках несколько дальше отстоят от линии регрессии. Что же касается «перцептивных свойств» аудиторов-монголов, то было отмечено то, что при опознании стимулов на чужом языке именно монголы дают очень высокую и высокую корреляции с носителями соответствующего языка, что позволяет думать, что они пользуются теми же механизмами, которыми пользуются носители языка при опознании типов интонации родного языка. Наоборот, реакции монголов менее сходны с реакциями испытуемых-русских.

Оказалось, что и неопределённость, с которой каждый раз сталкиваются монголы в каждой из экспериментальных ситуаций, всегда ниже, чем у остальных аудиторов. В условиях усиления неопределённости, возникающей в результате ослабления акустических свойств сигнала, монголы испытывают меньше трудностей при идентификации стимула. Даже недостаточно выразительных, недостаточно ярких интонационных изменений для них оказалось достаточно для того, чтобы принять реше-

ние относительно услышанного сигнала. Их реакции всегда более адекватны, а мера неопределенности, с которой они сталкиваются, несколько ниже. Можно полагать, что монголы проявляют большую чувствительность к изменению интонационных признаков как в родном, так и в чужом языке. Это подтверждается тем, что 1) они более правильно идентифицируют интонационный тип; 2) высокая и очень высокая типы корреляции обнаруживаются между опознаниями монголов и носителей соответствующего языка; 3) менее сопряженными являются опознания монголов и русских; 4) у монголов стимулы реже попадают в зону неопределенности, где пересекаются перцептивные поля.

При опознании интонационного типа, как и при опознании любых единиц языка, проявляется феномен фонологического слуха: фонологический слух, воспитанный звуковой системой родного языка, проявляется при восприятии интонации неродного языка. В родном языке монголов изменения интонационных признаков носят неяркий, не очень выразительный характер. Монголы, привыкшие к неконтрастным изменениям интонационных характеристик в своем родном языке, более чутко реагируют на интонационные изменения не только в родном, но и в чужом языке, интонационные признаки которого могут сближаться или расходиться с признаками родного языка. Калмыки, в родном языке которых эти изменения носят более выразительный характер, не проявляют большую чувствительность при восприятии интонации чужого языка, в котором эти характеристики могут быть выражены менее контрастно, менее выразительно.

Монголы и калмыки в этом отношении оказываются носителями полярных тенденций. Первые всегда лучше всех узнают тип интонации в чужом языке, последние - почти всегда хуже. Буряты по своим реакциям часто примыкают к монголам, поэтому можно говорить об их отличии от калмыков. Бурят и монголов объединяет то, что в их языках действуют сходные принципы организации звукового материала, определяющие характер интонационных изменений во фразе. Однако это вовсе не обеспечивает одинаковое «перцептивное поведение» данных групп аудиторов. Это можно отнести только на счет различий в перцептивных базах испытуемых, дающих разные реакции на одни и те же физические сигналы. Будучи носителями родственных языков, в которых обнаруживаются значительные сходства в интонационном устройстве, они не всегда одинаково реагируют на стимулы.

4. Особый интерес представляют ответы русских, демонстрирующих довольно высокий уровень опознания. В некоторых случаях они опознают тип интонации даже лучше носителей языка. Это можно рас-

сма­три­вать как еще одно до­ка­за­тель­ство бо­ль­шой уни­вер­саль­но­сти ин­то­на­ци­он­ных ха­рак­терис­тик, в част­но­сти, тех, ко­то­рые обес­пе­чи­ва­ют ре­а­ли­за­цию ти­па ин­то­на­ции (на­прав­ле­ние дви­же­ния ЧОТ, ин­тен­сив­но­сти во ф­ра­зе, со­от­но­ше­ние у­ров­ней ЧОТ, ин­тен­сив­но­сти, дли­тель­но­сти в раз­ных част­ях кон­ту­ра). Сход­ство не толь­ко в на­бо­ре ин­то­на­ци­он­ных еди­ниц, но и в фон­е­ти­че­ских сред­ствах их вы­ра­же­ния обес­пе­чи­ва­ет вы­со­кий про­цент пра­виль­но­го опоз­на­ния. Спе­ци­фиче­ски язы­ко­вые осо­бен­но­сти (ха­рак­тер дви­же­ния ЧОТ во ф­ра­зе, ди­на­ми­че­ский и мелодиче­ский диа­па­зон, ско­рость из­ме­не­ния ЧОТ, ин­тер­валы по­вы­ше­ния/по­ни­же­ния ЧОТ) по-раз­но­му про­яв­ля­ют­ся в рас­смот­рен­ных ти­пах ин­то­на­ции и оп­ре­де­лен­ным об­ра­зом влия­ют на опоз­на­ние раз­ны­ми груп­па­ми ауди­то­ров. В раз­ных ре­ак­ци­ях об­на­ру­жи­ва­ют­ся и осо­бен­но­сти пер­цеп­тив­ной ба­зы испы­туе­мых.

Глава 6. ОЧЕРКИ ИНТОНАЦИОННОГО СТРОЯ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Задача настоящей главы - создание очерка интонационного строя монгольских языков; она решается путем анализа реализации основных интонационных единиц. Описание базируется на данных, полученных в ходе инструментального анализа, а также слуховых наблюдениях, привлекаются сведения из опубликованных работ. Материалы по каждому языку завершаются обсуждением данных восприятия типов интонации носителями соответствующего языка.

6.1. Бурятский язык

§ 1. Интонация завершенности - наиболее часто используемый тип интонации, имеет четкую фонетическую форму. Значение завершенности передается следующим распределением компонентов интонации. Движение частоты основного тона имеет восходяще-нисходящий характер. Уровень ЧОТ в начале всегда больше уровня ЧОТ в конце. При этом начало может произноситься на тоне, выше среднедикторской ЧОТ или на уровне среднедикторской; конец, включая интонационный центр, - на тоне, ниже ее. Незначительное падение ЧОТ в конечной зоне контура - наиболее существенная черта данного типа интонации. Движение ЧОТ на гласном центра - нисходящее, которое отражает нисходящее движение ЧОТ в этом типе интонации; понижение носит нерезкий характер.

При общем нисходящем движении ЧОТ внутри контура наблюдаются подъемы ЧОТ, которые соотносятся с отдельными словами. Как правило, в многосложных словах такое повышение соответствует конечному слогу слова. Это придает мелодическому рисунку фразы волнообразный характер. В целом на протяжении контура изменения носят плавный характер, резкие перепады ЧОТ не характерны. Неглубокие изменения ЧОТ отражаются в нешироком объеме мелодического диапазона. Максимум ЧОТ, как правило, сосредоточен в начальной части фразы. Кроме того, могут быть и другие мелодические пики, которые располагаются в середине, появление пика в конце контура исключено.

Движение интенсивности напоминает движение ЧОТ: оба имеют нисходящую направленность. Пик интенсивности находится в начале; уровень интенсивности этой части контура всегда выше уровня интенсивности конца. Подъемы интенсивности, наблюдаемые на протяжении контура, соответствуют отдельным словам. Взаимодействие динамических кривых слова и фразы, имеющих разную направленность, формирует специфический рисунок движения интенсивности фразы. Ее основной

чертой является прерывистость. Подъемы интенсивности, вызванные плохой адаптацией динамической кривой слова во фразе, придают общему динамическому рисунку фразы ломаный вид.

Распределение длительности подчиняется следующей общей закономерности: увеличение длительности звука в конечной части фразы, в которой сосредоточена наиболее важная информация. При этом наибольшему продлению подвергается гласный центра. Скорость произнесения звуков не столь высокая из-за насыщенности речи гласными, которые «постоянно затягиваются в различных позициях» (Мохосоева, 1988: 116); гласные середины фразы заметно ускорены.

§ 2. Завершенная интонация с выделением. Уровень ЧОТ на всех участках, кроме постцентра, выше, чем в завершенном типе. Начало произносится на тоне, выше среднего; на центре тон несколько увеличивается, этот уровень сохраняется на гласном центра. В конечной части гласного центра намечается тенденция к падению ЧОТ, которая развивается на постцентре. В отличие от завершенного типа интонации, контраст по тону между центром и постцентром более глубокий, благодаря чему впечатление незавершенности, характерное для завершенного типа интонации, не образуется. Все тональные изменения на протяжении контура носят нерезкий характер; заметное падение тона наблюдается только в постцентре. Максимум ЧОТ локализован в начале, есть вероятность появления его в середине, но исключена возможность появления его в конце контура. Мелодический диапазон шире, чем в завершенном типе интонации.

Уровень интенсивности больше, чем в завершенном типе интонации, но меньше, чем в вопросительном и незавершенном типах. Распределение интенсивности в контуре следующее: в начале она больше, чем в конце. Изменение интенсивности в контуре и местоположение пиков зависят от позиции выделенного слова. Более контрастное изменение интенсивности наблюдается на постцентре, при этом большая вариативность интенсивности отмечается в начале контура, в конечной части вариативность меньше. Динамический диапазон шире, чем в завершенном и незавершенном типах интонации, но меньше, чем в вопросительном.

Темп невысокий, увеличение средней длительности звука отмечается на выделенном слове. При этом в общем виде распределение длительности звуков во фразе подчиняется правилу, по которому длительность гласных конца больше, чем гласных начала, т.е. к концу темп замедляется. После выделенного слова следует пауза.

§ 3. Общий вопрос в бурятском языке оформляется с помощью интонации и вопросительного послелого. Он реализуется в верхней части

речевого диапазона. При этом начало звучания происходит на уровне среднедикторской ЧОТ или выше ее. На последующих слогах тон постепенно повышается, достигая максимума на гласном центра; предцентр по уровню ниже центра. Скорость подъема ЧОТ небольшая, можно говорить о последовательном повышении ЧОТ. На постцентре тон понижается и может достичь среднедикторской ЧОТ. Только на гласном центра происходит быстрый и высокий подъем ЧОТ, благодаря чему этому типу интонации соответствует самый широкий мелодический диапазон.

Динамическая кривая имеет нисходящий вид, однако уровень интенсивности в конце не достигает минимума, а остается достаточно высоким. Максимум интенсивности совпадает с началом фразы. На протяжении контура нет резких падений и подъемов интенсивности. Динамический диапазон неширок.

Темп ускорен. При этом от начала к концу он замедляется. Гласные середины наиболее укорочены; единственным гласным, заметно продленным, является гласный центра.

§ 4. Незавершенная интонация имеет восходяще-нисходящий мелодический контур. Она реализуется в тех областях частотного диапазона, которые расположены несколько выше среднеиндивидуальной ЧОТ. ЧОТ в начале контура выше, чем в вопросительном типе, и может значительно превосходить среднеиндивидуальную ЧОТ. На предцентре тон несколько снижается и может соответствовать средней ЧОТ диктора; на центре тон заметно повышается. На постцентре наблюдается некоторое снижение ЧОТ, иногда значительное. Эти тональные признаки, а также восходящее направление ЧОТ на центре, уровень ЧОТ на центре, более высокий, чем в остальных точках контура, образуют общее значение незавершенности; а мелодический контраст, образуемый соотношением ЧОТ на гласном предцентра и постцентра, приводит к некоторому мелодическому выделению гласного центра. Этот тип интонации отличается от вопросительного типа максимальным уровнем ЧОТ, значение которого меньше, чем в вопросительном, и более узким мелодическим диапазоном. Все изменения ЧОТ на протяжении контура носят нерезкий характер.

Этот тип интонации имеет восходяще-нисходящий динамический контур. Интенсивность в начале больше, чем в конце, однако концу не свойственно глубокое падение интенсивности. Уровень интенсивности конца остается достаточно высоким. Максимум интенсивности локализуется в начале, но могут появляться пики интенсивности и в других точках контура. Динамический диапазон неширок, он уже, чем в вопросительном и завершеном с выделением типах интонации.

Темп средний и замедляется ближе к концу, гласный центра несколько продлен.

§ 5. Бурятское слово, представляющее «единство в плане характерного тона», попадая во фразу, изменяет свои акустические признаки в одних точках контура и сохраняет в других. Это проявляется в том, что соотношение ЧОТ, интенсивности, длительности одних и тех же слов, помещенных в разные фразовые позиции, меняется. Эти частные изменения укладываются в определенные схемы. Так, модели двусложного слова по интенсивности и ЧОТ совпадают и имеют в повествовательной фразе следующий вид: в позиции начала М-Б (М – меньше, Б - больше), в середине М-Б, в конце Б-М. В вопросительной фразе в начале М-Б, в середине М-Б и Р-Р (Р - равный), в конце может быть как Р-Р, так и Б-М. Модели слова по длительности в начальной и срединной позициях также имеют вид М-Б; однако в позиции конца они выглядят как М-Б, так и Б-М. Это свидетельствует о влиянии интонации на просодию слова лишь в одной позиции - в конце.

Основываясь на нерезком контрасте акустических признаков гласных двусложных слов, помещенных в разные фразовые позиции, можно говорить о слабом воздействии интонации фразы на просодию слова. Слово и во фразе в определенной степени автономно, что проявляется в том, что свойственное слову соотношение просодических характеристик видоизменяется только в зоне сильного проявления интонации фразы.

§ 6. Лучше всего буряты опознают завершенную интонацию (первый ранг), несколько хуже, но достаточно уверенно узнают вопросительную (второй ранг), одинаково плохо - завершенную с выделением (третий ранг) и незавершенную (четвертый ранг) интонации.

Обращает на себя внимание высокий уровень опознания завершенного типа интонации. Судя по результатам восприятия, носители языка не испытывают трудностей при его идентификации. Данный тип интонации является для бурят наиболее определенным, реакции аудиторов наиболее однородны. Это означает то, что буряты не обращают внимание на недостаточно сильное и недостаточно резкое падение ЧОТ на постцентре, а ориентируются на другие признаки: нисходящее движение тона в центре, общее направление движения ЧОТ, а также соотношение длительности, ЧОТ, интенсивности в контуре.

Об активности завершенного типа интонации свидетельствуют и матрицы замен: он чаще других участвует в заменах при опознании тех типов интонации, которые являются наиболее неопределенными. При этом он появляется в заменах не только незавершенного типа, с признаками которого его можно было бы спутать на основании реализации конца кон-

тура, не обращая внимания на объективные различия этих двух типов интонации, но и завершеного с выделением, с которым у них также достаточно много общих черт. Следовательно, в языковом сознании бурят этот тип интонации, несмотря на особенности реализации и некоторое сходство с разными интонационными типами, достаточно устойчив, он субъективно ближе им, поскольку в речи употребляется не только чаще, но каждый раз выступает в данной фонетической форме. Именно она смущает аудиторов, не знающих языка, воспитанных другой интонационной системой, среди признаков которой нет подобных черт, и приводит к довольно резкому снижению уровня опознания.

Если опознание завершеного типа интонации свидетельствует о пренебрежении носителями языка одними акустическими признаками, которые являются важными для аудиторов, не знающих языка, и принятии решения на основании других, с их точки зрения более важных, уровень опознания остальных типов интонации свидетельствует о преимущественной ориентации аудиторов на силу или слабость акустического сигнала. Как только подается сигнал, интонационные признаки которого выражены достаточно ярко, аудиторы дают меньшее количество разнообразных ответов, меньше появляется случайных замен. Такие сигналы наиболее определены, т.к. акустические характеристики не дают повода для сомнений при классификации стимула. Именно таким типом интонации в бурятском языке является вопросительный тип. Высокий частотный уровень реализации, высокий и быстрый подъем ЧОТ в центре однозначно оцениваются бурятами как составляющие вопроса; при этом понижение ЧОТ на постцентре их не смущает.

Благодаря своей фонетической форме, этот тип интонации занимает достаточно устойчивое положение в языковом сознании бурят. При классификации незавершеного типа интонации, с которым у вопроса есть некоторая близость, он гораздо реже появляется в качестве замены. Значит, носители языка не только хорошо опознают его при предъявлении в случайном порядке среди других интонационных типов, но и меньше путают с ним другие типы. Это пример того, что при опознании аудиторы принимают решение, исходя из признаков акустического сигнала: контур, имеющий четкую интонационную структуру, опознается правильно, представляет достаточную ясность для аудитора и меньше смешивается с другими интонационными типами.

Эта же закономерность прослеживается при восприятии завершеного с выделением и незавершеного типов интонации. Однако при их классификации взаимодействует целый комплекс факторов, от которых в одинаковой степени зависит конечный результат опознания. Данные ин-

тонационные типы реже употребляются в речи, к тому же последний не выступает самостоятельно, а только оформляет неконечную синтагму. Кроме того, среди признаков этих типов интонации есть такие, которые являются общими с двумя другими интонационными типами. Все это формирует не совсем четкое представление об этих типах интонации в языковом сознании носителей языка, что проявляется при восприятии. Они не только плохо опознаются носителями языка, но и существенно реже появляются в заменах при опознании других типов интонации.

Немаловажное значение имеют взаимоотношения интонационных средств с другими языковыми средствами. Так, в бурятском, как и в других монгольских языках, используется позиционный способ выделения: слово помещается в сильную предсказуемую позицию. При этом интонационные характеристики ослабляются, выступая в качестве дополнительных, сопровождающих основной способ средств. Носителям языка этих способов выделения недостаточно для идентификации типа интонации. Им требуется контекст: важное выделяется на фоне менее важного, а информация об этом не может содержаться в рамках только одной фразы. Фонетическая форма данного типа интонации, выраженная недостаточно ярко как в силу особенностей звуковой организации бурятского языка, так и из-за ограниченности использования интонации в целях различения, приводит к большой неопределенности сигнала при восприятии носителями языка. Он является очень слабым сигналом как с точки зрения правильного опознания, так и с точки зрения участия в заменах.

Таким образом, носители языка при восприятии типов интонации преимущественно исходят из своего языкового опыта, лучше опознавая тот тип интонации, который более частотен в языке, даже если фонетическая форма может давать основание для смешения с другим типом интонации. О существенности данной стратегии носителей языка свидетельствует плохое опознание тех типов интонации, которые реже используются в речевой практике или отдельно не употребляются, имеют неявные интонационные признаки.

6.2. Монгольский язык

§ 1. Завершенный тип имеет восходяще-нисходящий мелодический рисунок, реализуется в тех областях речевого диапазона, которые расположены вблизи средней индивидуальной частоты основного тона. Начало произносится на среднем тоне, на предцентре отмечается понижение ЧОТ, на центре может отмечаться некоторое повышение ЧОТ или ровное движение. На постцентре тон понижается и, как правило, конец

реализуется в нижней части речевого диапазона. Максимум ЧОТ никогда не появляется в конце, место наиболее вероятного его появления – начало. Однако во фразе, кроме начала, пиковые значения могут появиться и в середине фразы. Мелодический диапазон неширок. Скорость изменения ЧОТ небольшая. Характерная черта – равномерность произношения, стремление к равновыделенности слов во фразе.

Динамический контур имеет нисходящую направленность, при этом уровень интенсивности в начале заметно больше, чем в середине и конце фразы. Изменения интенсивности в контуре не носят ярко выраженный характер; вариативность интенсивности и частоты основного тона в начале больше, чем в конце контура. Максимум интенсивности, как правило, соотносится с началом, но во фразе могут появиться дополнительные пики, которые чаще всего располагаются в середине фразы, динамический диапазон неширок.

Темп средний, при этом ближе к концу он замедляется. Гласные середины имеют наименьшую длительность, центр продлен.

§ 2. Завершенная интонация с выделением имеет восходяще-нисходящий мелодический контур. Она реализуется в верхней части речевого диапазона. Начало произносится на среднем тоне; на предцентре тон может быть выше, а может быть и ниже уровня центра. На постцентре тон заметно уменьшается и опускается ниже уровня среднедикторской. Во фразе может наблюдаться несколько пиков, вплоть до появления максимума в конце контура. Мелодический диапазон шире, чем в завершенном и незавершенном типах интонации, но уже, чем в вопросительном. На предцентре преобладает восходящее направление движения ЧОТ, на центре и постцентре – нисходящее. Интервалы стыка предцентр-центр и центр-постцентр небольшие, при этом интервал стыка центр-постцентр больше, чем интервал стыка предцентр-центр.

Динамический рисунок имеет нисходящую направленность. Уровень интенсивности больше, чем в завершенном типе. В начале контура интенсивность больше, чем в середине и конце. Однако различия в интенсивности между этими точками контура небольшие. При этом вариативность интенсивности в начале больше, чем в конце. Максимум чаще совпадает с началом контура. На гласном выделенного слова не обязателен пиковый выброс интенсивности, но увеличение уровня интенсивности происходит обязательно. Динамический диапазон неширок и незначительно превышает диапазон завершенного типа.

Темп замедлен. Этот тип интонации характеризуется наибольшей средней длительностью звука среди всех типов интонации. Значительное увеличение длительности происходит, как правило, на выделенном

слове при общей тенденции увеличения длительности по направлению к концу. После выделенного слова следует довольно длительная пауза.

§ 3. Общий вопрос оформляется с помощью вопросительной частицы, присоединяемой к сказуемому, а также интонацией. Он реализуется в верхней части речевого диапазона и характеризуется восходящим движением ЧОТ. В начале уровень ЧОТ ниже среднеиндивидуальной ЧОТ, на всех последующих участках контура он последовательно повышается, достигая максимума на гласном центра. Все тональные повышения носят нерезкий, плавный характер. На постцентре отмечается понижение ЧОТ, однако не столь глубокое, так что она не опускается до уровня среднеиндивидуальной. При этом вариативность ЧОТ в конце выше, чем в начале контура. Этому типу интонации свойствен самый широкий из всех типов интонации мелодический диапазон. Максимум ЧОТ локализован в конце. На предцентре и центре преобладают восходящие направления движения ЧОТ, на постцентре - нисходящие. Интервал стыка предцентр-центр и центр-постцентр больше, чем в остальных типах интонации.

Динамический контур имеет нисходящий характер, при этом уровень интенсивности на всех участках контура остается достаточно высоким. Уровень интенсивности в постцентре меньше, чем в начале и центре, на котором намечается довольно заметное усиление интенсивности. Однако вариативность интенсивности в начале больше, чем в конце. Более высокий уровень интенсивности, свойственный всем участкам контура, проявляется и в расположении пика: он может появиться в начале, в середине и даже конце, но преобладающим является локализация его в начале контура. Динамический диапазон шире, чем в завершенных типах.

Темп высокий, средняя длительность звука наименьшая среди всех интонационных типов. При этом гласные конца заметно короче гласных начала, исключение составляет гласный центра, который имеет большую длительность.

§ 4. Незавершенная интонация имеет восходяще-нисходящее направление движения ЧОТ, реализуется в верхней части речевого диапазона. Начало произносится на тоне, выше среднеиндивидуальной ЧОТ, тональный контраст между предцентром и центром небольшой, центр и предцентр незначительно превышают по уровню ЧОТ начало. На постцентре наблюдается понижение ЧОТ, тон может опускаться ниже среднеиндивидуальной ЧОТ. Вариативность ЧОТ в разных частях контура небольшая. Максимум, как правило, сосредоточен в конце, но имеется вероятность его появления в середине и начале контура. Мелодический

диапазон неширок, однако он шире, чем в завершённом и завершённом с выделением типах интонации, и несколько уже, чем в вопросе. Интервалы стыка предцентр-центр и центр-постцентр небольшие, при этом интервал в последнем случае несколько больше. На центре преобладает восходящее движение ЧОТ, на предцентре и постцентре - нисходящее.

Динамический контур имеет нисходящую направленность с пиком в начале. Изменения интенсивности от начала к концу не очень выражены, при этом вариативность интенсивности в начале больше, чем в конце. Динамический диапазон не очень большой, он шире, чем во всех остальных типах интонации.

Темп средний, от начала к концу он увеличивается, центр продлен.

§ 5. Монгольское слово во фразе относительно независимо. Модели двусложного слова по интенсивности и ЧОТ в повествовательной фразе совпадают и имеют вид М-Б и в начальной, и в серединной позициях. В конечной позиции может быть как М-Б, так и Б-М. В вопросительной фразе модели М-Б выделяются во всех позициях. Еще большую устойчивость обнаруживает временная структура слова: она сохраняет свой вид М-Б во всех трех позициях. Это означает то, что монгольское слово во фразе сохраняет свою относительную самостоятельность. Об этом свидетельствует и сокращение интервала падения интенсивности и ЧОТ в позиции конца, где наиболее сильно проявляется влияние интонации фразы. Следовательно, в монгольском языке просодия слова проявляет заметную устойчивость к влиянию со стороны фразовой интонации.

§ 6. С точки зрения правильного опознания монгольские типы интонации располагаются в следующей последовательности: вопросительный (первый ранг), завершённый (первый ранг), незавершённый (второй ранг), завершённый с выделением (третий ранг).

Уровень правильного опознания и характер замен хорошо согласуются с особенностями фонетической структуры типов интонации в монгольском языке. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что около 22 % вопросительных фраз классифицируется неправильно; при этом чаще всего в заменах участвует незавершённый тип. С другой стороны, процент правильного опознания незавершённого типа довольно высок, правильно узнается более половины сигналов, и именно с ним в подавляющем большинстве случаев аудиторы путают вопросительный тип.

Взаимные замены вопросительного и незавершённого типов интонации происходят не случайно, а вызваны заметным сходством интонационных признаков данных типов интонации в монгольском языке. Это сходство возникает в результате ослабления акустических характеристик

вопроса: ЧОТ повышается недостаточно резко и сильно на центре; в целом, вопросительный контур центрирован недостаточно сильно. Интонационные признаки на участке до центра также не характеризуются большой выразительностью: общий уровень реализации ЧОТ и интенсивности не столь высок, по мере приближения к центру тон изменяется нерезко, нет резкого подъема ЧОТ в конце. Это создает большое сходство с незавершенным типом и условия для нейтрализации различий при предъявлении в случайном порядке. Объективная близость признаков вопросительного и незавершенного типов интонации образует в сознании носителей языка такие представления об этих интонационных типах, границы которых размыты, недостаточно четко очерчены; перцептивное пространство, где расположены зоны незавершенности и вопроса, имеет плавные переходы.

Рассматриваемые два типа интонации обнаруживают некоторое сходство и по энтропийным оценкам. Вопросительный тип представляет наибольшую определенность при восприятии и чаще других типов классифицируется однозначно, а незавершенный - менее определен, реакции auditors более разнообразны. Однако различия в энтропийных оценках между вопросительным и незавершенными типами интонации не очень резкие. Характер замен, преобладание симметричных замен, неглубокие различия в энтропийных оценках отражают близость объективных характеристик этих двух типов интонации. Именно эти особенности интонационной системы монгольского языка формируют черты, отличающие auditors-монголов от всех остальных групп испытуемых.

Взаимодействие двух факторов - «перцептивного свойства» монголов и интонационных признаков - определяет довольно высокий уровень опознания завершенного типа с выделением. Этот тип интонации не характеризуется выраженностью акустических признаков, что соотносится с нагруженностью интонации и использованием синтаксического средства выделения в монгольском языке. Сигналы, содержащие завершённую интонацию с выделением, являются недостаточно яркими: они неслучайным образом смешивают его с завершённым типом. Особенности реализации данного типа интонации при восприятии выражаются в том, что носители языка дают большое количество разнородных реакций, этот тип интонации представляет большую неопределенность по данным энтропийных оценок.

Завершённая интонация в монгольском языке является таким типом интонации, фонетические признаки которого менее всего заставляют сомневаться auditors при предъявлении в случайном порядке. Она опознается так же хорошо, как вопрос, является наиболее определенным

типом интонации. В условиях снижения акустической звучности сигнала и усиления неопределенности он активнее других участвует в заменах. Это означает то, что он субъективно более близок аудиторам.

Из изложенного выше (§ 1 - § 5) следует, что типы интонации в монгольском языке характеризуются недостаточно яркими, недостаточно выразительными признаками, что обусловлено свойствами звуковой системы монгольского языка. Однако не только это формирует основные свойства интонационного строя данного языка, но и недостаточно четкие различия между такими типами интонации, как вопрос и незавершенность, которые в остальных языках также близки, но из-за ярких фонетических признаков вопроса довольно легко различимы.

Несмотря на объективные трудности, общий уровень правильно-го опознания типов интонации монгольского языка достаточно высок (64 %). Как кажется, немаловажное значение здесь имеют «перцептивные свойства» монголов. Становление «перцептивных свойств» монголов, как и носителей любого другого языка, происходит под влиянием системы родного языка. С точки зрения интонационного строя данного языка это выражается в том, что нерезкие, неяркие перепады ЧОТ, интенсивности на протяжении контура формируют особую чувствительность монголов к любому, даже незначительному, изменению интонационных признаков.

6.3. Дербетский говор

§ 1. Завершенная интонация реализуется в областях частотного диапазона, расположенных вблизи среднеиндивидуальной ЧОТ. Начало произносится на тоне, несколько ниже среднедикторской, на последующих словах уровень ЧОТ увеличивается. Тональный контраст между гласными предцентра и центра заметный, при этом на гласном центра отмечается тенденция к понижению уровня ЧОТ, которая развивается и получает завершение на гласном постцентра. Этот тип интонации имеет восходяще-нисходящую мелодическую кривую, в которой тональные контрасты на разных участках контура выражены не очень ярко. Максимум ЧОТ стремится к началу, возможно появление его в середине и исключена возможность появления его в конце контура. Интервалы стыка предцентр-центр незначительны, в то время как стык центра с постцентром тонально более выражен. Мелодический диапазон уже, чем в остальных типах интонации.

Интенсивность имеет нисходящую направленность, уровень интенсивности в начале всегда больше. Однако, кроме пика интенсивности в начале контура, максимумы могут отмечаться и в середине, что при-

дает динамической кривой ломаный вид. Динамический диапазон сравнительно широк.

Темп средний, при этом он заметно замедляется к концу. Средняя длительность звуков середины наиболее краткая, центр заметно продлен.

§ 2. Завершенная интонация с выделением реализуется в верхних областях частотного диапазона, имеет восходяще-нисходящую мелодическую кривую. Начало произносится на тоне, ниже среднеиндивидуальной ЧОТ; далее тон заметно увеличивается, тональный контраст между предцентром и центром неглубок благодаря невысокому подъему ЧОТ на гласном центра. Напротив, различие в уровне ЧОТ между центром и постцентром выражено более ярко, что способствует тональному выделению гласного центра. Общее восходяще-нисходящее движение ЧОТ в контуре разрывается небольшими подъемами ЧОТ, соответствующими знаменательным словам; подъем не наблюдается лишь на абсолютно конечном слове контура. Благодаря заметному изменению ЧОТ на конечном участке, вариативность ЧОТ здесь выражена заметно. В силу как более дробного членения контура, в котором выделенное слово обособляется паузой, довольно значительной по длительности, так и усиления тонального уровня на этом слове, наблюдается равная вероятность размещения пика ЧОТ в начале и середине контура, вероятность появления его в конце мала. Мелодический диапазон неширок; он сравнительно больше, чем в завершенном типе. Интервал стыка центр-постцентр больше, чем при стыке предцентр-центр. На предцентре преобладают восходящие направления движения ЧОТ, на центре и постцентре нисходящие.

Динамический контур имеет нисходящую направленность. Уровень ЧОТ контура заметно высок, при этом максимум интенсивности может появиться на всех участках контура. Это определяется местоположением выделенного слова, а также дробностью членения. Однако вариативность интенсивности в начале контура больше, чем в конце. Динамический диапазон широк, он шире, чем во всех остальных типах интонации.

Темп ниже среднего. Распределение длительностей звуков в контуре подчиняется следующему правилу: увеличение длительности звуков в центре. Именно эти звуки чаще всего отмечены максимальной длительностью.

§ 3. Общий вопрос в дербетском говоре образуется при взаимодействии интонации с морфологическим средством - вопросительной частицей, присоединяемой к финальному сказуемому. Он реализуется в верхней части речевого диапазона, имеет восходящий мелодический рисунок. Начало произносится на тоне, несколько ниже среднедикторской,

на предцентре уровень ЧОТ может как увеличиваться, так и уменьшаться. На последующих слогах тон постепенно увеличивается, достигая максимума на постцентре. Таким образом, вопросительный контур имеет восходящую направленность с пиком на вопросительной частице. Если на всех гласных, находящихся до центра, наблюдается постепенное повышение ЧОТ, то на участке от центра до постцентра ЧОТ повышается быстро и сильно; это единственные точки контура, на которых отмечаются заметные тональные изменения. Данный тип интонации обладает самым широким среди всех интонационных типов мелодическим диапазоном. Интервал стыка центр-постцентр значителен и больше интервала стыка предцентр-центр. На всех участках: предцентре, центре, постцентре - преобладают восходящие направления движения ЧОТ.

Вопрос имеет нисходящий динамический контур. Однако его форма существенно отличается от последовательно понижающегося контура завершенных типов интонации. Отличие не только в более высоком уровне интенсивности, но и в уровне интенсивности в конце: он не достигает минимума, оставаясь довольно высоким. Динамический диапазон довольно широк. Характерна заметная вариативность интенсивности как в начале, так и в конце контура.

Темп ускорен и увеличивается по мере приближения к концу. Однако исключение составляют гласный в абсолютном конце и гласный центра, которые продлены и на которые чаще приходится максимальная длительность.

§ 4. Незавершенный тип интонации имеет восходящий мелодический контур с тенденцией к понижению в конце. Реализуется в верхней части речевого диапазона. Отличается от вопросительного общим тональным уровнем реализации, более низким; соответственно, он имеет более узкий мелодический диапазон. Начало произносится на тоне, ниже среднедикторской, ЧОТ на предцентре заметно выше среднеиндивидуальной ЧОТ, уменьшается на центре, на постцентре происходит нерезкий подъем ЧОТ, который превышает среднедикторскую ЧОТ.

Интенсивность имеет нисходящую направленность. Динамический контур характеризуется довольно высокой вариативностью интенсивности как в начале, так и в конце контура. Уровень интенсивности на всех участках контура значителен, понижение интенсивности наблюдается в постцентре, однако оно не очень глубокое. Пик интенсивности локализуется в начале, но может появиться и в неконечной части контура. Этот тип интонации обладает наибольшей средней длительностью звука среди всех интонационных типов. Максимум длительности чаще всего соответствует гласному концу, гласные начала несколько короче гласных конца.

§ 5. Слово в этом говоре испытывает заметное влияние со стороны фразовой интонации. Это обнаруживается в том, что модели слов и по интенсивности, и по ЧОТ изменяются не только в позиции конца, но и в середине. Отмечается заметная неустойчивость слова; преобладает то один, то другой гласный слова. Так, под влиянием вопросительной интонации в начальной позиции модель слова по интенсивности выглядит М-Б, а в середине и конце Б-М. То же самое наблюдается при незавершенной интонации: модель слова в начале фразы имеет вид М-Б, а в середине может - как Б-М, так и Р-Р; в конце также возможны модели М-Б, Б-М. Однако преобладание гласного не столь значительно. Вместе с тем временная структура слова относительно устойчиво сохраняет вид М-Б во всех трех позициях.

§ 6. С точки зрения правильного опознания носителями языка типы интонации дербетского говора характеризуются самым высоким уровнем опознания среди всех монгольских языков (78 %). При этом обнаруживается следующая градация: вопросительный, завершенный, незавершенный, завершенный с выделением.

Достаточно ярко выраженные фонетические признаки завершенного и вопросительного типов обеспечивают очень высокий уровень опознания. Эти типы интонации не представляют трудностей при восприятии, реакции аудиторов характеризуются большой однородностью, так как интонационные свойства типов интонации не позволяют смешивать их с остальными типами интонации. Единственным типом интонации, с которым в 4 % случаев испытуемые путают завершенность, является завершенность с выделением. С точки зрения носителей языка фразы, содержащие эти типы интонации, оказались фонетически более выразительными, а сходство общего направления движения ЧОТ также дало основание для их смешения.

Незавершенная интонация отличается высоким уровнем опознания (66 %). Объективные признаки данного типа интонации, как и характер замен, показывают, что он реже попадает в зону неопределенности, где пересекаются перцептивные поля. Среди его фонетических признаков выделяются достаточно высокий тональный уровень реализации, существенный подъем ЧОТ в центре, что, с одной стороны, делает его форму яркой, а с другой - сближает с вопросительным типом. В результате вопрос неслучайным образом появляется в заменах. Однако 100%-ное опознание вопроса и достаточно высокий уровень опознания незавершенного типа интонации свидетельствуют о четкой противопоставленности этих типов в сознании носителей языка. Несмотря на особенности функционирования незавершенного типа интонации в

речи, носители языка в подавляющем большинстве случаев узнают его при предъявлении в случайном порядке.

По энтропийным оценкам этот тип интонации обладает довольно большой неопределенностью. Вместе с тем замены чаще всего происходят по линии незавершенность > вопрос. Если при опознании данного типа интонации в других языках замены носят иной характер и, в целом, реакции менее однородны, то высокий уровень опознания калмыками незавершенности в дербетском говоре вызван как достаточно яркой фонетической структурой данного типа интонации, так и довольно четкой противопоставленностью в целом интонационных типов в этом говоре.

Завершенный тип с выделением перцептивно является самым слабым из всех. Он хуже всех типов опознается носителями языка (52 %) и реже участвует в заменах. С точки зрения калмыков, сигналы, содержащие завершенность с выделением, являются недостаточно выразительными: почти половина всех стимулов оценивается как завершенные. Калмыки предъявляют большую требовательность к яркости акустического сигнала и в случае недостаточной выразительности стимула отождествляют его с завершенным типом. Такие реакции носителей языка обусловлены как спецификой реализации завершенного типа с выделением в дербетском говоре, так и особенностями перцептивной базы калмыков. Фонологический слух калмыков формируется в условиях, когда интонационные признаки проявляются более ярко. Типы интонации в дербетском и торгутском говорах имеют более выраженные характеристики, проявляющиеся на всех участках фразы, что создает более четкую противопоставленность типов интонации. Более яркие акустические свойства типов интонации в дербетском говоре обеспечивают им самый высокий уровень опознания среди всех монгольских языков. При восприятии носители языка всегда более точны, это значит, что каждый раз отождествление с перцептивными эталонами происходит более четко и правильно.

Можно говорить о том, что объективные характеристики типов интонации в дербетском говоре, обеспечивающие высокий процент правильного опознания, не способствуют формированию особой чувствительности калмыков к восприятию интонационных различий в чужом языке. Скорее всего, правильнее было бы сказать, что «перцептивное поведение» калмыков при восприятии типов интонации в чужом языке полностью обусловлено интонационными свойствами родного языка. Будучи воспитанными интонационной системой с более выразительными признаками, хорошо опознавая типы интонации в родном языке, они плохо ориентируются при восприятии интонации чужого языка.

6.4. Торгутский говор Калмыкии

§ 1. Завершенная интонация имеет восходяще-нисходящий мелодический контур. Начало реализуется на среднем тоне, далее тон повышается, на предцентре отмечается некоторое понижение ЧОТ, которое продолжается на гласном центра, на постцентре наблюдается значительное падение ЧОТ. Вариативность ЧОТ в начале больше, чем конце. Максимум ЧОТ сосредоточен в начале, возможно появление пиков в середине, но не в конце. Мелодический диапазон уже, чем в остальных типах интонации. Интервал стыка предцентр-центр неглубок и меньше, чем на стыке центра с постцентром.

Динамический контур имеет нисходящую направленность. Самый высокий уровень интенсивности отмечается в начальной части контура, здесь чаще всего сосредоточен и пик интенсивности. На центре уровень интенсивности сохраняется довольно высоким, на постцентре отмечается понижение интенсивности. При этом уровень интенсивности в начале заметно больше, чем в конце контура. Динамический диапазон, хотя и уже, чем в остальных типах интонации, но он довольно значителен.

Темп средний, средняя длительность звука повышается по мере продвижения к концу, достигая максимума на гласном центра.

§ 2. Завершенная интонация с выделением имеет восходяще-нисходящий мелодический рисунок, реализуется в верхней части речевого диапазона. Начало произносится на среднем тоне, на последующих словах тон повышается; начиная с предцентра отмечается понижение уровня ЧОТ. Наиболее заметные изменения ЧОТ происходят во второй части контура; тональный контраст более выражен на стыке предцентра с центром, чем на стыке центра с постцентром. Мелодический диапазон больше, чем в остальных типах интонации.

Динамический контур имеет нисходящую направленность. Характерной чертой является высокий уровень интенсивности на участках до центра, в постцентре интенсивность заметно понижается. Вариативность интенсивности в начале заметно больше, чем в конце, максимальные значения интенсивности могут регистрироваться в начале и середине контура; довольно высоким уровнем интенсивности отмечен гласный под фразовым ударением. Динамический диапазон значителен и больше, чем в остальных типах интонации.

Темп замедлен, заметно продлены звуки выделенного слова и гласные конца. После выделенного слова, как правило, следует пауза.

§ 3. Общий вопрос в торгутском говоре Калмыкии реализуется с помощью интонации и морфологического показателя - вопросительной частицы, присоединяемой к сказуемому. Имеет восходящий мелодический

кий контур, реализуется в верхней части речевого диапазона. Начало произносится на тоне, ниже среднедикторской ЧОТ, от предцентра к центру и постцентру происходит последовательное тональное повышение. На конце отмечаются более заметные частотные изменения; вариативность ЧОТ в конце больше, чем в начале, интервал стыка предцентр-центр и центр-постцентр довольно значителен. Мелодический диапазон довольно широк; на предцентре, центре и постцентре отмечены восходящие направления движения ЧОТ.

Имеет нисходящий динамический контур, при этом на всех его участках интенсивность довольно значительна, некоторое понижение уровня интенсивности отмечается в постцентре. Вариативность интенсивности в начале незначительно превышает вариативность интенсивности в конце. Максимум интенсивности чаще всего появляется в начале, но могут также регистрироваться пики интенсивности на других участках контура. Динамический диапазон довольно значителен.

Темп ускорен, гласный центра продлен.

§ 4. Незавершенный тип интонации реализуется в верхней части речевого диапазона, имеет восходяще-нисходящий мелодический рисунок. Начало реализуется на тоне, незначительно превышающем среднеиндивидуальную ЧОТ. На предцентре ЧОТ увеличивается, этот уровень сохраняется на гласном центра, на конечном участке гласного центра отмечается тенденция к понижению ЧОТ, которая развивается на гласном постцентра. На всех точках контура ЧОТ изменяется нерезко, что отражается в неглубоких интервалах стыка предцентр-центр, центр-постцентр. Вариативность ЧОТ в целом довольно высока, а различие в вариативности ЧОТ гласных начала и конца не очень контрастно. Мелодический диапазон значителен, на предцентре и центре преобладают восходящие направления движения ЧОТ, на постцентре - нисходящие.

Динамическая кривая имеет нисходящую направленность, при этом на всех участках контура интенсивность довольно высока. Вариативность интенсивности в начале не очень превышает вариативность интенсивности в позиции конца. Максимум интенсивности стремится к началу, в середине и конце возможны дополнительные пики. Динамический диапазон довольно широк.

Темп замедлен, гласные конца больше по длительности гласных начала, гласный центра заметно продлен.

§ 5. Слово в торгутском говоре Калмыкии более гибко, оно более органично вплетается в единый динамический и мелодический рисунок фразы. Это обнаруживается в том, что под влиянием вопросительной интонации, имеющей яркие фонетические признаки, модель слова по

интенсивности проявляет значительную неустойчивость. Если в повествовательной фразе модель Б-М характерна только для позиции конца, а в остальных выделяется модель М-Б, то в вопросительной фразе во всех трех позициях обнаруживаются не только эта, но и другие модели. Так, если в конце фразы отмечается модель М-Б, то в середине - как Р-Р, так и Б-М, в начале - М-Б и Б-М.

Модель слова по ЧОТ также изменяется в разных позициях под влиянием интонации. В повествовательной фразе только в начальной позиции обнаруживается модель М-Б, в остальных: Б-М и Р-Р. В вопросительной фразе регистрируется модель М-Б также только в начальной позиции, в остальных позициях межслогового контраст более выражен, но может преобладать то один, то другой слог (в обеих позициях могут быть как Б-М, так и М-Б).

Однако не все просодические признаки слова проявляют одинаковую проницаемость или устойчивость по отношению к фразовой интонации: соотношение гласных по длительности сохраняется наиболее стабильно. Так, в повествовательной фразе во всех позициях отмечается модель М-Б.

§ 6. Характер опознания калмыками типов интонации в торгутском говоре Калмыкии таков же, как и в дербетском говоре. Оpozнание имеет следующую иерархию: вопросительный, завершённый, незавершённый, завершённый с выделением. Различие в том, что типы интонации в торгутском говоре опozнаются носителями языка несколько хуже, чем в дербетском говоре. Все это хорошо согласуется с различиями в объективных характеристиках типов интонации в калмыцких говорах: сигналы, соответствующие торгутскому говору, акустически несколько слабее. Вместе с тем именно в характере опознания калмыками обнаруживаются не только различия в реализации типов интонации в калмыцких говорах, но и их большое сходство и противопоставленность типам интонации бурятского и монгольского языков, которые опознаются хуже и имеют другую иерархию.

Вопросительный тип интонации, благодаря своей четкой интонационной структуре (последовательное повышение тонального уровня, довольно резкий и высокий подъем ЧОТ на центре) быстро находит свой перцептивный эталон в языковом сознании аудиторов. Реакции испытуемых однородны.

Завершённый тип интонации также правильно опознается большинством аудиторов. Среди его признаков нет таких, которые давали бы повод для сомнений или неправильной классификации. Уменьшение уровня ЧОТ к концу, нисходящее движение тона на центре, заметно низкое

положение постцентра всегда ассоциируются в сознании носителей языка с завершенным типом интонации. Высокому уровню опознания данного типа интонации способствуют и вероятностные причины: лучше опознается не только то, что звучит сильнее, ярче, но и то, что чаще встречается в языке. Частое использование в речи данного типа интонации, имеющего и четкую фонетическую форму, обеспечивает однозначные реакции аудиторов при предъявлении в случайном порядке.

В опознании незавершенного типа интонации сказываются существенные различия в особенностях употребления в речи, немаловажное значение имеет и специфика фонетических характеристик данного типа. По своей структуре незавершенная интонация напоминает вопросительную, уровень ЧОТ, интенсивности сближают эти два типа. Именно на сходства ориентируются аудиторы при опознании: присутствуют только симметричные замены незавершенность > вопрос. Следовательно, испытуемые, руководствуясь близостью данных типов интонации, пренебрегли различительными признаками (уровень и характер подъема ЧОТ). Реакции аудиторов свидетельствуют о том, что в сознании носителей языка границы между перцептивными полями вопроса и незавершенности очерчены не совсем четко. Достаточная близость рассматриваемых типов интонации в торгутском говоре Калмыкии может приводить к ошибочным реакциям, когда незавершенный тип находит свой эталон не в перцептивном пространстве, соответствующем этому типу интонации, а в соседней области, в которой размещены эталоны, соответствующие вопросительной интонации.

Вместе с тем такого смешения не происходит при подаче вопросительного типа интонации: каждый сигнал опознается почти всегда правильно. Следовательно, дело здесь, с одной стороны, в интонационных характеристиках незавершенного типа, выражающихся в заметной яркости сигнала, а с другой - в специфике употребления незавершенной интонации в речи. Хотя энтропийные оценки незавершенного типа достаточно большие и свидетельствуют о значительной неопределенности сигнала, содержащего незавершенную интонацию, однако выбор аудиторы, в основном, делают между вопросом и незавершенностью. В таких условиях усиливается значение различительных признаков. Взаимодействие разных факторов, о которых говорилось выше, и особенности перцептивной базы калмыков определяют характер опознания данных типов интонации при предъявлении среди других интонационных контуров.

Завершенный тип с выделением - наиболее слабый сигнал с точки зрения выраженности акустических признаков. Он имеет самый низкий процент правильного опознания и представляет самую большую неопределенность.

пределенность. В качестве одной из существенных черт перцептивной базы аудиторов-калмыков мы называли недостаточную чувствительность к неярким интонационным изменениям. Они предъявляют большую требовательность к выраженности акустического сигнала. В условиях ослабления акустической силы стимула аудиторы дают неоднородные реакции, чаще попадают в условия неопределенности. Именно эти особенности «перцептивных свойств» калмыков проявляются при восприятии завершенной интонации с выделением. В силу тех свойств языковой структуры, о которых речь шла в предыдущих главах, данный тип интонации не сильно выделяется по своим фонетическим свойствам. Уровень ЧОТ, интенсивности, видимо, не всегда расценивается носителями языка как достаточный для регистрации выделенности. В такой ситуации аудиторы принимают неверное решение, отождествляя стимулы с эталонами завершенного типа.

Этот тип интонации в торгутском говоре, хотя и характеризуется самой большой неопределенностью, однако при его восприятии аудиторы делают выбор, в основном, между двумя типами нисходящей мелодики, и в этом смысле можно говорить об относительной определенности завершенного типа с выделением. Характер опознания данного типа интонации аудитором, не знающим языка, иной; неопределенность выше в плане разнообразия ответов, тогда как ответы калмыков в известном смысле более однородны.

6.5. Торгутский говор Китая

§ 1. Завершенная интонация имеет нисходящий мелодический рисунок, реализуется в областях, расположенных в непосредственной близости с среднеиндивидуальной ЧОТ. Начало произносится на тоне, ниже среднедикторской ЧОТ; на последующих словах тон повышается; конец произносится на тоне, ниже среднедикторской ЧОТ. Вариативность ЧОТ в начале больше, чем в конце; максимум ЧОТ чаще всего локализуется в начале контура, может появиться второй пик в серединной позиции. Мелодический диапазон уже, чем в остальных типах интонации. Интервал стыка предцентр-центр довольно значителен и больше, чем при стыке центра с постцентром. На предцентре преобладают восходящие и ровные движения ЧОТ, на центре и постцентре - нисходящие.

Динамический контур имеет нисходящий рисунок. Уровень интенсивности в начале контура больше, чем в конце, вариативность интенсивности в начале больше, чем в конце. Хотя максимум чаще локализуется в начале контура, однако есть вероятность появления его в середине фразы. Динамический диапазон довольно значителен.

Темп средний. Гласные начала короче гласных конца. Центр заметно продлен.

§ 2. Завершенная интонация с выделением реализуется в верхней части речевого диапазона, имеет восходяще-нисходящий рисунок. Вариативность гласных довольно значительна. Начало произносится на среднем тоне, на последующих слогах ЧОТ повышается, на выделенном слоге уровень тона довольно значителен. Начиная с конца центра тон понижается. Конец реализуется на тоне, ниже среднеиндивидуальной. Пик интенсивности, как правило, локализуется в начале, на выделенном слове может регистрироваться максимум ЧОТ; имеет самый широкий среди всех типов интонации мелодический диапазон. Интервалы стыка предцентр-центр, центр-постцентр неглубокие. На предцентре, центре, постцентре преобладают нисходящие направления движения ЧОТ.

Характеризуется нисходящим динамическим контуром и довольно высоким уровнем интенсивности на всех участках контура. Вариативность гласных начала больше, чем гласных конца, динамический диапазон довольно широкий.

Темп замедлен. Наибольшей длительностью характеризуются звуки выделенного слова, после которого, как правило, следует пауза.

§ 3. Общий вопрос оформляется взаимодействием интонационных и морфологических средств (вопросительной частицей, присоединяемой к сказуемому), реализуется в верхней части речевого диапазона. Начало произносится на среднем тоне, на всех последующих слогах, кроме постцентровых, ЧОТ последовательно повышается, достигая максимума на гласном под фразовым ударением. Все подъемы носят нерезкий характер, что находит отражение в неглубоком интервале стыка предцентр-центр, центр-постцентр. Вариативность ЧОТ довольно существенна и при этом в конце больше, чем в начале контура, мелодический диапазон шире, чем в завершенном типе. На предцентре и центре преобладают восходящие направления движения ЧОТ, на постцентре - нисходящие.

Имеется нисходящий динамический контур, в котором уровень интенсивности довольно высок, а интенсивность в конце понижается не очень значительно. Пик интенсивности может располагаться как в начале, так и в конце контура, динамический диапазон шире, чем в завершенном с выделением и незавершенном типах интонации.

Темп ускорен, значительно продлен центр. На протяжении контура паузы, как правило, не отмечаются.

§ 4. Незавершенная интонация реализуется в верхней части речевого диапазона, имеет восходяще-нисходящий мелодический рисунок.

Начало произносится на среднем тоне, на последующих словах тон повышается, максимум приходится на гласный центра. На постцентре тон понижается. Все тональные изменения носят нерезкий характер: интервалы стыка предцентр-центр и центр-постцентр неглубоки. Вариативность ЧОТ гласных в начале меньше, чем в конце. Наиболее вероятное место появления пика ЧОТ - конец контура. Мелодический диапазон значителен. На центре преобладают восходящие направления движения ЧОТ, на предцентре и постцентре - нисходящие.

Имеет нисходящий динамический контур. Отличается значительным уровнем интенсивности на всех участках контура. Пик интенсивности чаще всего отмечается в начале, возможны дополнительные пики на других участках контура, динамический диапазон характеризуется довольно значительным объемом, хотя и более узким, чем в остальных типах интонации.

Темп несколько замедлен, заметно увеличена длительность звуков конца и, в особенности, гласного под фразовым ударением.

§ 5. Слово в торгутском говоре Китая проявляет сравнительно большую неустойчивость. На основании рассмотрения соотношения гласных двусложных слов по интенсивности в вопросительной и повествовательной фразах и соотнесения их с соответствующими значениями, полученными для слова в изолированном произнесении, можно говорить о несовпадении модели и тенденции. Только в серединной позиции отсутствует воздействие интонации фразы (сохраняется модель М-Б), а в начальной и конечной выделяется модель Б-М. При этом при вопросительной интонации большее воздействие со стороны фразовой интонации обнаруживается в конечной, а не в начальной позиции: интенсивность в конце изменяется более существенно.

В повествовательной фразе модель М-Б по ЧОТ сохраняется только в начальной позиции, в конечной представлена модель Б-М, а в серединной - Р-Р. В вопросительной фразе во всех трех позициях выделяется модель М-Б.

Временная программа слова, в отличие от динамической и мелодической, проявляет большую устойчивость. Так, к примеру, в повествовательной фразе модель М-Б выявляется во всех трех позициях.

Учитывая то, что модели слов и по интенсивности, и по ЧОТ нарушаются в позиции конца (именно в этой позиции обнаруживается более существенный интервал падения интенсивности и ЧОТ), можно говорить о том, что в торгутском говоре Китая зоной наибольшего воздействия фразовой интонации на просодию слова является конец. В то же время можно говорить о том, что определенную неустойчивость слово проявляет и

в начальной позиции, а наименьшее воздействие фразовой интонации оно испытывает, находясь в серединной позиции.

§ 6. По объективной причине нам не удалось провести перцептивный анализ типов интонации торгутского говора Китая с использованием непосредственных носителей говора. В данной работе будем считать калмыков носителями этого говора. Условность такого тезиса очевидна: объективные характеристики типов интонации торгутского говора Китая несколько отличаются от таковых торгутского говора Калмыкии (см. §1-§5). Это несходство подтверждается по результатам опознания. Хотя средние проценты правильного опознания почти совпадают, опознание носит несколько иной характер. Градация типов интонации с точки зрения правильного опознания не совсем совпадает с градацией опознания в торгутском говоре Калмыкии из-за низкого уровня восприятия вопроса и высокого - незавершенности. В торгутском говоре Китая с точки зрения опознаваемости типы интонации выстраиваются в следующей последовательности: завершённый, незавершённый, вопросительный, завершённый с выделением.

Вместе с тем именно калмыки по результатам восприятия типов интонации в калмыцких говорах имеют самый высокий процент правильного опознания среди всех групп аудиторов, заметно опережая монголов, имеющих, как и калмыки, первый ранг. В определенном смысле правильно было бы считать калмыков носителями языка и с экстралингвистической точки зрения: и генетически, и исторически это единый народ, в силу ряда причин оказавшийся в разных государствах. Именно эти обстоятельства определили, в частности, те интонационные отличия, которые мы наблюдаем в данном говоре. В такой ситуации обращение к восприятию калмыков особенно интересно, поскольку, как думается, они должны быть более чувствительными к элементам несходства, чем, например, буряты, для которых все ойратские говоры являются одинаково чужими.

Интерес вызывает и опознание монголов: монгольский язык оказывает заметное влияние на монгольские языки и говоры Китая. Благодаря богатым устным и письменным традициям, монгольский язык в течение долгого времени является носителем той нормы, на которую ориентируются находящиеся на периферии представители монгольских народов.

Торгутский говор Китая, не имеющий связей с калмыцким языком, в условиях отсутствия языковых и культурных контактов, испытал большое влияние со стороны монгольского языка, близкого географически, с которым никогда не прекращались связи. Интонационная система торгутского говора Китая, в основе своей отражающая те главные черты,

которые свойственны калмыцким говорам и которые отличают их от бурятского и монгольского языков, демонстрирует и определенное проникновение черт, свойственных монгольскому языку. Прежде всего, это обнаруживается в особенностях реализации вопроса и незавершенности.

Опознание этих типов интонации в монгольском языке и торгутском говоре Китая имеет заметное сходство: вопрос опознается хуже, чем в других языках, а незавершенность - лучше. Действительно, вопросительная интонация в торгутском говоре Китая характеризуется последовательным подъемом ЧОТ от начала к концу, а на центре тон повышается нерезко. Все это придает вопросительной интонации некоторую смазанность, нечеткость и несколько сближает этот тип с незавершенным контуром. На наш взгляд, именно на это обратили внимание наши испытуемые. Калмыки, не обнаружив среди интонационных признаков довольно резкого и сильного подъема ЧОТ на центре, отождествляют ее с незавершенной интонацией. Монголы, имеющие эти нерезкие интонационные подъемы в вопросительном типе на родном языке, как и в монгольском языке, неправильно опознают 25 % стимулов. Однако они допускают большое количество асимметричных замен вопрос > завершенность.

Калмыки, в части ответов отождествляя вопрос с завершенным типом, подчеркивают существенные отличия от реализации вопроса в калмыцких говорах: они оцениваются ими как недостаточно выразительные. Неоднородность реакций испытуемых, наличие как симметричных, так и несимметричных замен в ответах свидетельствуют о большой неопределенности стимулов, содержащих вопрос.

Вместе с тем незавершенный тип представляет для калмыков меньшую неопределенность, реакции более однородны, присутствуют только симметричные замены незавершенность > вопрос.

Завершенная интонация, благодаря своим интонационным признакам, которые не дают основания для больших колебаний при опознании, а также значительному сходству в реализации с соответствующим типом интонации калмыцких говоров, имеет самый высокий процент правильного опознания и по энтропийным оценкам является самой определенной.

Типом интонации, имеющим противоположные характеристики, является завершенный тип с выделением. По результатам опознания этого типа интонации в ойратских говорах можно сделать заключение о некотором сходстве интонационных признаков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Различительные возможности интонации в агглютинативных монгольских языках ограничены структурными свойствами этих языков. В частности, использование синтаксических, лексических, морфологических маркеров темы и ремы, вопросительных частиц в общем вопросе снижает функциональную нагруженность интонации в данных языках.

2. Характерными признаками интонации всех монгольских языков являются неслитность и дробность членения, некоторая монотонность просодического оформления фразы. Об этом свидетельствуют полученные нами результаты (неглубокий интервал изменения ЧОТ на протяжении фразы, в которой тональные и динамические соотношения гласных меняются не резко, а плавно; сравнительно узкий мелодический диапазон, небольшая скорость изменения ЧОТ, существование в пределах одной синтагмы нескольких пиков ЧОТ, интенсивности).

3. Главной причиной, обуславливающей неслитность речи носителей монгольских языков, является морфологическая структура слова и такая ее важная характеристика, как сингармонизм. Слово в агглютинативных монгольских языках имеет совершенно иной статус, обусловленный фонетическими, морфологическими, синтаксическими признаками этих языков. Его фонемный состав более стабилен, крайне редки фонетические изменения при слово- и формообразовании. Слово легко «открепляет» аффиксы, сохраняя при этом свою целостность. Для монгольского слова характерна такая фонетическая организация, при которой его части соединяются неорганически, они не слитны. Основным средством его цельнооформленности является сингармонизм, обеспечивающий не контрастное, а равномерное произношение слогов.

4. Слово занимает определенное место во фразе и не соединяется с единицами своего ранга посредством согласования. Монгольские словоформы, составные части которых не спаяны, а сохраняют некоторую независимость и могут при определенных условиях «рассыпаться», оказавшись во фразе, сохраняют эту свою основную черту. Она определяется не только «внутренней неустойчивостью» самой словоформы, но и тем, что в предложении слова не соединяются с единицами своего ранга более тесной связью. Дело в том, что в монгольских языках преобладают слабые синтаксические связи: не используется согласование, ограничено употребляется управление, основным средством связи слов является примыкание; при этом часто применяется дистантное расположение зависимого и главного слов. Основная тенденция - неслитность

элементов, входящих в состав фразы, обнаруживается как на уровне морфем, так и на уровне слов.

В результате омонимичности грамматических форм и контактного расположения неизменяющихся слов в монгольских языках усиливается нагруженность синтагматического членения. Полученные в ходе анализа данные о локализации максимальных значений ЧОТ и интенсивности свидетельствуют о большой дробности членения речи в этих языках, при которой отдельные слова могут образовывать синтагмы или более компактные группы в составе одной синтагмы, что также подтверждает большую автономность и самостоятельность слова в монгольских языках.

5. Большая самостоятельность слова в агглютинативных монгольских языках приводит к тому, что тенденция подчинения фразовой просодии проявляется не так сильно, как, например, в флективном русском языке. Об этом свидетельствуют полученные нами данные о механизме включения монгольского слова во фразу и адаптации ее просодической структуры в разных фразовых условиях: слово в составе более крупной единицы стремится сохранить свою фонетическую самостоятельность, в частности, свойственную ему просодическую структуру. Оно сохраняет просодическую форму в одних фразовых условиях и проявляет неустойчивость в других - зоне сильного воздействия просодии фразы.

6. Принцип устройства мелодической и динамической организации фразы в сингармонических языках совершенно особый. Слова со свойственными им мелодическими, динамическими рисунками мало адаптируются в интонации фразы: кривые отдельных слов как бы встраиваются в заданный рисунок фразы. Если в языках со словесным ударением имеют место самые разные соотношения ударных и безударных слогов, что приводит к большей зависимости рисунка фразы от рисунка слова и обеспечивает слитность произношения, то в сингармонических языках нерезкие, плавные движения ЧОТ внутри и на стыках слов, обусловленные фонетической организацией слова и его автономностью в условиях фразы, приводят к дробности, неслитности произношения.

Соединение в рамках одной фразы слов, характеризующихся «единством в плане характерного тона» (Трубецкой, 1960: 313), обуславливает в свою очередь некоторую монотонность, единообразие движения ЧОТ. Во фразе нет резких перепадов ЧОТ, интенсивности. Отсутствие контрастных движений ЧОТ внутри слова, нерезкий перепад тона на стыках слов создают впечатление монотонности речи калмыков, монголов, бурят.

7. Сказанное выше характерно для всех монгольских языков, пере-

численные черты составляют одну из примет интонации данных языков. Однако частичное совпадение принципов организации звукового материала анализируемых языков обуславливает появление специфических черт в интонации трех групп монгольских языков: языки различаются «степенью монотонности речи». Используемые в ходе исследования приемы математической статистики убеждают нас в том, что между вариативностью мелодических характеристик и «связанностью» вокализма слова существует определенная связь. Только этим можно объяснить тот факт, что одинаковая вариативность ЧОТ, интенсивности гласных характерна для тех языков, которые имеют одинаковые типы гармонии; наоборот, наиболее далеко отстоят друг от друга языки, в которых вокализм слова регулируется двумя/одним типами гармонии гласных. Это означает то, что как сходства, так и различия в интонационных системах монгольских языков связаны с сингармонизмом. Однако из этого не следует, что только сингармонизм определяет особенности просодической структуры этих языков. Связь между данными явлениями гораздо более глубокая: просодия также может оказывать воздействие на сингармонизм. Так, ускоренный темп речи в западномонгольских языках послужил в качестве одного из факторов, приведших к разрушению лабиальной гармонии в этих языках.

8. Монгольские языки, имеющие разную степень «связанности» вокализма слова, предоставили возможность наблюдения за тем, как изменяется вариативность компонентов интонации в зависимости от существования в языках одного или двух типов гармонии гласных. Однако вне зависимости от этого главной и основной чертой интонации монгольских языков является монотонность, а количество признаков, по которым регулируются гласные, лишь усугубляет или ослабляет эту черту. Как показали результаты исследования, меньшая изменчивость длительности, интенсивности, ЧОТ, установленная для северно- и восточномонгольских языков, соответствует более жестким правилам формирования вокализма слова в этих языках. Это проявляется в большей связанности отдельных значений длительности, интенсивности, ЧОТ со своими средними, что приводит, в частности, к меньшему объему диапазона. Действующие в данных языках законы двойной гармонии предопределяют менее яркие, менее контрастные изменения фонетических признаков звуков во фразе. С этой точки зрения можно говорить об общности бурятского и монгольского языков, которым резко противопоставлены западномонгольские языки. Если в первых интонационные черты имеют сходные тенденции, то во вторых - отличные.

9. Большое сходство интонационных систем монгольского и бурятс-

кого языков подтвердилось в ходе аудиторского анализа, в результате которого, кроме того, проявилась «особая интонационная чувствительность» аудиторов-монголов. Становление фонологической системы монголов происходит под влиянием родного языка, наиболее важными интонационными чертами которого являются неяркие, неконтрастные изменения интонационных признаков на протяжении фразы. Обусловленные свойствами звуковой системы данного языка эти интонационные признаки формируют особую чувствительность монголов к любому, даже незначительному, изменению компонентов интонации. Это проявляется в том, что 1) они более правильно идентифицируют интонационный тип, 2) высокий и очень высокий типы корреляции обнаруживаются между опознаниями монголов и носителей соответствующего языка, то есть монголы отождествляют типы интонации чужого языка, пользуясь такими же приемами, которыми пользуются сами носители языка, 3) менее сопряженными являются опознания монголов и русских, которые хуже всех аудиторов определяют интонационный тип, 4) у монголов стимулы реже попадают в зону неопределенности, в которой пересекаются перцептивные поля.

Буряты несколько хуже монголов опознают интонационный тип, чаще допускают разного рода замены, энтропийные оценки у них выше. Однако в целом по своим реакциям они ближе к монголам, чем к калмыкам.

10. Интонационный контур в западномонгольских языках более гибок. Слово в результате меньшей «скованности» вокализма слова может более разнообразно реагировать на коммуникативное значение фразы. Этим языкам свойственны большая вариативность мелодических, динамических и временных характеристик и большой объем диапазона. Одновременно для данных языков характерен самый высокий темп речи. Большой контраст в изменениях интенсивности, ЧОТ в сочетании с более высоким темпом речи образуют впечатление большей энергичности речи носителей ойратских языков.

Большая интонационная выразительность стимулов, принадлежащих калмыцким говорам, не формирует большую чувствительность калмыков к интонационным изменениям. По данным энтропийных оценок, калмыки существенно чаще испытывают трудности при идентификации интонационного типа чужого языка; у калмыков стимулы чаще попадают в зону неопределенности. Следовательно, можно говорить о большей размытости перцептивных полей у носителей ойратских говоров.

11. Только интонационными признаками бурятского и монгольского языков и ойратских говоров можно объяснить тот факт, что аудиторы, принимавшие участие в опытах по опознанию типа интонации, не всегда

одинаково реагируют на одни и те же физические стимулы. Их реакции определяются целым комплексом факторов, разных по значимости, важнейшими из которых является влияние фонологической системы родного языка, частотность контура в речи, акустическая яркость характеристик предъявляемого сигнала.

12. Чрезвычайно важными являются полученные в ходе анализа результаты, касающиеся специфического в интонации исследуемых языков. В частности, анализ интонационной системы развивающегося изолированно, в иных лингвистических условиях, без контактов с калмыцкими говорами торгутского говора Китая (языковые черты которого исследуются впервые) свидетельствует о ее явном сходстве с соответствующими системами калмыцких говоров. Близость фонетических характеристик типов интонации ойратских говоров и отличие от соответствующих характеристик бурятского и монгольского языков вызваны тем, что в говорах действуют одни и те же принципы организации звукового строя, а влияние другого языка не затронуло важнейшую из черт - гармонию гласных.

Вместе с тем, влияние монгольского языка, являющегося носителем той литературной нормы, на которую ориентируются находящиеся на периферии представители монгольских народов, наблюдается и в интонационном строе. Можно говорить о том, что это влияние ограничено: оно ощущается в особенностях реализации вопросительного типа интонации. Остальные типы в торгутских говорах Калмыкии и Китая демонстрируют сходство в объективных характеристиках, что подтвердилось и в результатах опытов по восприятию. Это означает то, что зона интонационного воздействия одного языка на интонацию другого ограничена: она охватывает в первую очередь те типы интонации, которые вообще обладают наибольшей вариативностью своих характеристик.

13. Столь характерные для всех рассмотренных языков неконтрастные, неяркие изменения просодических признаков во фразе проявляются на всех участках контура. Как было установлено в результате использования F-критерия Фишера, именно в этой зоне чаще всего проявляются различия языков, связанные с вариативностью просодических характеристик. Так, языки, совпадающие по вариативности интонационных признаков в конце повествовательной фразы, сохраняют несходства в характере варьирования их в позиции начала. Это означает то, что начало значимо с точки зрения проявления интонационной специфики языка. В начале контура из-за ослабленности влияния фразо-просодических тенденций обнаруживаются наиболее специфические для данного языка интонационные черты.

14. Проведенный анализ темпа речи позволяет сделать некоторые предположения относительно степени влияния темпа речи на фонологическую систему языка. Так, чрезвычайная непродолжительность кратких гласных в ойратских говорах свидетельствует о том, что их затронула редукция; относительная краткость долгих гласных в бурятском и монгольском языках связана с незавершенностью процесса становления долгих гласных в названных языках. Однако в монгольском языках фонологическая противопоставленность долгих гласных кратким поддерживается устойчивостью, стабильностью характеристик одного из членов противопоставления: кратких гласных в северно- и восточномонгольских языках и долгих - в западномонгольских языках. При этом впечатление ускоренности речи калмыков создается резкой противопоставленностью долгих и кратких гласных и меньшей длительностью кратких гласных и всех групп согласных. Заметная продленность кратких гласных и сравнительно большая длительность всех групп согласных бурятского языка образуют впечатление замедленности речи бурят.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова И. А. Интонация предложения и просодия слова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.
2. Авляев Г. О. Этнический состав и расселение приволжских калмыков в конце 19 - начале 20 веков: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1975.
3. Агафонова Л. С., Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А. О некоторых характеристиках русской речи в зависимости от разных темпов произнесения // Слух и речь в норме и патологии. Л., 1974. Вып. I.
4. Антипова А. М. Система английской речевой интонации. М., 1979.
5. Ахабаев А., Белботаев А., Молдабеков К., Осижигитова Н. Статистика порядка слов в предложении // Статистическое и информационное изучение тюркских языков. Алма-Ата, 1969.
6. Бадгаев Н.Б. Аффриката *č* в монгольских языках // Звуковой строй монгольских языков. Улан-Удэ, 1989.
7. Бажеева Т. П. Фонетические исследования по бурятскому языку / / Сибирский фонетический сборник. Улан-Удэ, 1976.
8. Байрамов М.М. Инверсия в современном азербайджанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1987.
9. Байчура У.Ш. Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками. М., 1962.
10. Байчура У.Ш. Инструментальные данные об ударении и интонации в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.
11. Балтаева Р.М. Интонационная структура общего вопроса в современном татарском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1973.
12. Бамбышева Т.Т., Есенова Т.С. Влияние родного языка на построение разговорной речи (на материале русской разговорной речи калмыков старшего возраста) // Региональные проблемы культуры речи. Элиста, 1990.
13. Барангова Н.Н., Есенова Т.С. Наблюдения над паузацией разговорной речи калмыков // Пути совершенствования преподавания родного языка. Элиста, 1990.
14. Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.
15. Беглярбекова А.А. Артиклевая функция родительного, винительного падежей и слова бир в современном азербайджанском языке. М., 1971.
16. Бектаев К.Б. Статистико-информационная типология тюркского текста. Л., 1975.

17. Бенвенист Э. Классификация языков // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1963.
18. Бертагаев Т.А. Монгольские языки // Языки народов СССР. Л., 1968. Т. 5.
19. Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969.
20. Бертагаев Т.А. О сегментации или членении предложения // Члены предложения в языках различных типов. Л., 1972.
21. Бертагаев Т.А. Сингармонизм, ударение и изменение звукового состава слова // Вопросы языкознания. 1968. № 2.
22. Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. М., 1964.
23. Биткеев П.Ц. Словесное ударение в калмыцком языке и монгольском языке Тувы // Вопросы грамматической системы монгольских языков. Элиста, 1980.
24. Биткеев П.Ц. Сравнительная типология вокализма в монгольских языках // Олон улсын монголч эрдэмтний 4 их хурал. 2 боть. Улаанбаатар, 1984.
25. Биткеев П.Ц. Типологическая характеристика систем гласных фонем монгольского и калмыцкого языков // Тезисы докладов I Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания». М., 1977.
26. Блохина Л. П. Просодические характеристики речи и методы их анализа. М., 1980.
27. Блохина Л.П., Потапова Р.К. Методика анализа просодических характеристик. М., 1982.
28. Блохина Л.П., Потапова Р. К. Методические рекомендации. Методика анализа просодических характеристик речи. М., 1977.
29. Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание. Казань, 1953.
30. Бодуэн де Куртэнэ М. А. Резья и резьяне // Славянский сборник. СПб, 1876. Т. 3.
31. Болинджер Д. Интонация как универсалия // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
32. Бондарко Л.В. Исследование восприятия звуковых единиц // Актуальные вопросы фонетики в СССР. М., 1987.
33. Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
34. Бондарко Л.В. Осциллографический анализ речи. Л., 1965.
35. Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981.

36. Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Зиндер Л.Р. Зависимость временных характеристик согласных от их фонетического положения // Вопросы радиоэлектроники. 1960. Вып. 3.

37. Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Павлова Л.П. Акустические характеристики русской речи в зависимости от разных типов произнесения // Вопросы фонологии и фонетики. М., 1971.

38. Бондарко Л.В., Зиндер Л.Р. Исследование фонетики // Основы теории речевой деятельности. М., 1974.

39. Бондарко Л.В., Лебедева Г.Н. Опыт описания свойств фонологического слуха // Вопросы языкознания. 1983. № 3.

40. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. М., 1969.

41. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. М., 1977.

42. Будаев Б.Ж. Акцентуация бурятского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1984.

43. Будаев Б.Ж. Акцентуация бурятского языка. Словесное ударение в хоринском диалекте. М., 1981.

44. Будаев Б.Ж. Словесное ударение в монгольском языке (физические характеристики) // Сегментные и просодические единицы языков байкальского региона. Улан-Удэ, 1991.

45. Будаев Ц.Б. Некоторые наблюдения над говорами центральных халхасцев и южно-селенгинских бурят // Исследования по культуре народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1980.

46. Будаев Ц. Б. Раннемонгольские элементы в современном бурятском языке // 5 Международный конгресс монголоведов. М., 1987. Т. 2.

47. Будаев Ц. Б. Формирование и развитие лексики бурятских диалектов в свете сравнительной монголистики: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1986.

48. Бураев И. Д. Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ, 1959.

49. Бураев И. Д. Интонация как средство актуализации речи // Сегментные и просодические единицы языков байкальского региона. Улан-Удэ, 1991.

50. Бураев И.Д. Краткий обзор работ по фонетике бурят-монгольского языка // Сборник трудов по филологии. Улан-Удэ, 1958. Вып. 3.

51. Бураев И. Д. Сингармонизм в бурятском языке // Труды БКНИИ СО АН СССР. Улан-Удэ, 1960. Вып.3.

52. Бураев И.Д. Сингармонизм - признак артикуляционной базы языка // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. Новосибирск, 1986.

53. Бураев И.Д. Становление звукового строя бурятского языка. Новосибирск, 1987.

54. Бураев И.Д. Становление системы согласных фонем современного бурятского языка // Звуковой строй монгольских языков. Улан-Удэ, 1989.
55. Бурдуков А.В. Каракольские калмыки (сарт-калмаки) // Советская этнография. 1936. № 6.
56. Бухаева О.Д. О сегментной организации слова в бурятском и русском языках // Сегментные и просодические единицы языков байкальского региона. Улан-Удэ, 1991.
57. Бюраева Э.И. Интонационное оформление причастных и деепричастных оборотов // Фонетические исследования языков и диалектов Бурятии. Улан-Удэ, 1987.
58. Бюраева Э.И. Основные типы интонационных единиц и их употребление в бурятском языке // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986.
59. Бюраева Э.И. Просодические средства выражения субъективной модальности в бурятском языке // Звуковой строй монгольских языков. Улан-Удэ, 1989.
60. Бюраева Э.И. Роль интонации в формировании прагматических типов высказываний в бурятском языке // Сегментные и просодические единицы языков байкальского региона. Улан-Удэ, 1991.
61. Бюраева Э.И. Соотношение интонации и синтаксико-сегментных единиц бурятского языка // Фонетика и грамматика языков Сибири. Новосибирск, 1988.
62. Бюраева Э.И., Павлова Е.С. Мелодемы простых нераспространенных общевопросительных предложений в бурятском языке // Сибирский фонетический сборник. Улан-Удэ, 1976.
63. Вайнрих Х. Текстовая функция французского артикля // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8.
64. Вандуй Э. Дербетский говор // Труды монгольских филологов. Улан-Батор, 1976.
65. Верба Н.К. Древнемонгольские комплексы с интервокальным согласным и его эквиваленты в современных монгольских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.
66. Вербицкая Л.А. О роли опытов по восприятию в экспериментально-фонетическом исследовании // Методы экспериментального анализа речи. Минск, 1968.
67. Виноградов В.В. Сингармонизм и фонология слова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.
68. Владимирцов Б.Я. Образцы монгольской словесности (Северо-Западная Монголия). М., 1926.

69. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.
70. Гаджиева Н.З. К вопросу о классификации тюркских языков и диалектов // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980.
71. Галеева М.М. Элементы фразовой интонации речи // Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению. М., 1973.
72. Галсан С., Грабарь И.А. Учебник монгольского языка для иностранцев. Улаанбаатар, 1989.
73. Гвоздев А. Н. Избранные труды по орфографии и фонетике. М., 1963.
74. Герасимович Л.К. К вопросу о характере ударения в монгольском языке // Вестник ЛГУ. 1970. № 14.
75. Герасимович Л. К. Монгольское стихосложение. Л., 1975.
76. Городилова Г.Г. Темп речи как один из критериев сформированности навыков говорения // Вопросы обучения русскому произношению. М., 1978.
77. Дамдинсурэн Ц. Первое лицо личных местоимений монгольского языка // Теоретические проблемы восточного языкознания. М., 1982.
78. Демесинова Н.Х. Порядок слов в простом предложении русского и казахского языков. Алма-Ата, 1958.
79. Дербилова Ж.М. Вариативность просодической структуры слова в различных коммуникативных типах предложений: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980.
80. Джангар. Элиста, 1978.
81. Джапаридзе З.Н. Перцептивная фонетика. Тбилиси, 1985.
82. Джапарова К.А. Прямое дополнение в современном киргизском языке. Фрунзе, 1981.
83. Джунистебеков А.Д. Проблемы тюркской словесной просодии и сингармонизм казахского языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1988.
84. Джунистебеков А.Д. Просодика слова в казахском языке. Алма-Ата, 1987.
85. Джунистебеков А.Д. Сингармонизм в казахском языке. Алма-Ата, 1980.
86. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М.-Л., 1940.
87. Дондуков У.-Ж.Ш. О некоторых языковых особенностях иссык-кульских калмыков // Проблемы алтаистики и монголоведения. М., 1975. Вып. 2.
88. Дубовский Ю.А. Анализ интонации устного текста и его составляющих. Минск, 1978.

89. Дугарова Г.С. Проблема глагольного вида в бурятском языке // Вопросы грамматики монгольских языков. Новосибирск, 1991.
90. Дуйшеев Ж. Интонация простого повествовательного предложения в современном киргизском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1980.
91. Есенова Т.С. Динамические характеристики типов интонации // Цыбиковские чтения. Улан-Удэ, 1989.
92. Есенова Т.С. Интонационное выражение степени связанности сложного бессоюзного предложения // 5 Международный конгресс монголоведов. М., 1987.
93. Есенова Т.С. Интонационные средства связи в сложном предложении // Тюркология-88. Фрунзе, 1988.
94. Есенова Т.С. К изучению просодики эпоса «Джангар» // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Элиста, 1990.
95. Есенова Т.С. О некоторых интонационных параллелях в алтайских языках // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. М., 1986.
96. Есенова Т.С. О соотношении длительности и интенсивности звуков в вопросительных фразах калмыцкого языка // Звуковой строй монгольских языков. Улан-Удэ, 1989.
97. Есенова Т.С. Роль контактов в становлении фонетической системы калмыцкого языка // Тюркская фонология. Алма-Ата, 1990.
98. Есенова Т.С. Темп речи в калмыцких говорах // Диалектная лексика в монгольских языках. Улан-Удэ, 1988.
99. Есенова Т.С. Фонетическая характеристика и фонологический статус гласных в калмыцком и монгольском языках // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986.
100. Есенова Т.С. Интонация в системе выразительных средств языка // Проблемы грамматики калмыцкого языка. Элиста, 2002.
101. Есенова Т.С. Язык калмыков Иссык-Куля: говор калмыцкого? // История и культура монголоязычных народов: источники и традиции. Улан-Удэ, 1989.
102. Есентимирова А.А. Проблемы ударения в изолированных словах и во фразе в казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1987.
103. Жамьян Г. Обозначение долгих гласных в ойратском ясном письме // Народы Азии и Африки. 1970. № 5.
104. Жанабаева С.Б. Сингармонизм и просодия слова во фразе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985.

105. Жаргалов А.С. Интонационное оформление коммуникативно-модальных разновидностей общего вопроса в бурятском языке в сопоставлении с русским: Дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1986.
106. Жаргалов А.С. Интонационные контуры коммуникативно-модальных разновидностей общего вопроса в бурятском языке // Грамматическое своеобразие бурятского языка. Улан-Удэ, 1987.
107. Жаргалов А.С. Интонация модальных разновидностей общего вопроса в бурятском языке // Фонетика и грамматика языков Сибири. Новосибирск, 1988.
108. Жаргалов А.С. Отношение компенсации (тождества) интонации и лексико-грамматических средств языка // Сегментные и просодические единицы языков байкальского региона. Улан-Удэ, 1991.
109. Жирмунский В.М. О границах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.-Л., 1963.
110. Жубанов Х. Исследования по казахскому языку. Алма-Ата, 1966.
111. Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Казань, 1963.
112. Зиндер Л.Р. Несколько слов о междуречных дисциплинах // Вопросы языкознания. 1989. № 3.
113. Зиндер Л.Р. Влияние темпа речи на образование отдельных звуков // Ученые записки ЛГУ. 1964. Вып. 69.
114. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979.
115. Зиндер Л.Р. Русские артикуляционные таблицы // Труды Академии. Л., 1951.
116. Зиндер Л.Р., Маслов Ю.С. Щерба - лингвист-теоретик и педагог. Л., 1982.
117. Золхоев В.И. Об оппозиции фонем по их дифференциальным признакам (на материале монгольских языков) // Звуковой строй монгольских языков. Улан-Удэ, 1989.
118. Зубкова Л.Г. Системная мотивированность звуковой формы языка // Фонология и просодия слова. М., 1984.
119. Зубкова Л.Г. Фразовые признаки сегментной организации слова в свете универсальных закономерностей речеобразования // Фонетические единицы речи. М., 1982.
120. Игнаткина Л.В., Штерн А.С. Неопределенность при восприятии гласных // Слух и речь в норме и патологии. Л., 1984. Вып. 5.
121. Иманов А. Порядок слов простого предложения в современном киргизском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1965.
122. Илишев М.Г. Способы актуального членения простого предло-

жения в башкирском и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.

123. Интерференция звуковых систем. Л., 1987.

124. Исаев М.К. К вопросу о фонетической структуре слова в казахском языке (сравнительно с английским языком): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1970.

125. Исаев М.К. Некоторые вопросы акцентуации в связи с казахско-английской фонетической интерференцией // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986.

126. Кантер Л.А. Системный анализ речевой интонации. М., 1988.

127. Каримов З.Р. Логико-грамматическое членение простого предложения современного узбекского языка в сопоставлении с английским: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.

128. Касевич В.Б. Анакцентные языки и сингармонизм // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986.

129. Касевич В.Б. Слог в общем и дальневосточном языкознании // Тезисы докладов I Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания». М., 1977.

130. Касевич В.Б., Шабельникова Е.М., Рыбин В.В. Ударение и тон в языке и речевой деятельности. Л., 1990.

131. Касевич В.Б., Яхонтов С.Е. Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л., 1982.

132. Касьяненко З.К. О формальных средствах смыслового членения предложения в современном монгольском литературном языке // Вопросы филологии стран Азии и Африки. Л., 1973.

133. Касьяненко З. К. Современный монгольский язык. Л., 1968.

134. Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989.

135. Киекбаев Д.Г. О происхождении некоторых падежных форм в урало-алтайских языках в свете теории определенности и неопределенности // Вопросы методологии и методики лингвистических исследований. Уфа, 1966.

136. Кичиков А.Ш. Дифференциальные признаки говоров калмыцкого языка // Ученые записки КНИИ ЯЛИ. Элиста, 1967. Вып. 5.

137. Ковтунова М.И. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

138. Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941.

139. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960.

140. Котвич В.Л. Джангариада и джангарчи // Филология и история монгольских народов. М., 1958.
141. Котвич В.Л. Исследования по алтайским языкам. М., 1962.
142. Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Прага, 1929.
143. Кривнова О.Ф. Об акцентной функции мелодии // Интонация. Киев, 1978.
144. Кузьменков Е.А. «Джангар» и хронология дивергенции монгольских языков // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Элиста, 1990.
145. Кузьменков Е.А. Лабиальная ассимиляция в среднемонгольском // Вопросы языкознания. 1986. № 3.
146. Кузьменков Е.А. Первичные долгие гласные в среднемонгольском // Звуковой строй монгольских языков. Улан-Удэ, 1989.
147. Лаптева О.А. Нерешенные вопросы теории актуального членения // Вопросы языкознания. 1972. № 2.
148. Лигети Л.О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана // Acta Orientalia Hungariae. 1955. Т. 4.
149. Лобанов В.А. Фонологический слух и восприятие слов неродного языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991.
150. Лутовинова О.И. Механизмы изменения темпа речи: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986.
151. Лыткин Г. Исторический очерк письменности монголов и ойратов. СПб., 1859.
152. Майзель С.С. Изафет в турецком языке. М.-Л., 1957.
153. Мамедов С.Р. Сопоставительно-типологический анализ категории инверсии в английском и азербайджанском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1985.
154. Момунбаева М.И. Восприятие и воспроизведение согласных неродного языка в условиях двуязычия: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
155. Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1963. Вып. 3.
156. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1987.
157. Матусевич М.И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1978.
158. Мередулиева А.Х. Фонетическая структура слова в разных фразовых позициях: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989.
159. Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.-Л., 1963.
160. Мохосоева М.М. Интонационные средства выражения вопроса

и повествования в монгольском языке // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Элиста, 1990.

161. Мохосоева М.М. Интонация вопросо-ответных предложений бурятского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1981.

162. Мохосоева М.М. К вопросу о ритмико-интонационных особенностях бурятского языка // Фонетика и грамматика языков Сибири. Новосибирск, 1988.

163. Мохосоева М.М. Мелодика вопросо-ответных предложений в бурятском языке // Исследования по бурятской филологии. Улан-Удэ, 1978.

164. Мохосоева М.М. Роль акустических средств в дифференциации общего вопроса и повествования в бурятском языке // Фонетические единицы речи. М., 1982.

165. Мохосоева М.М. Роль частотных характеристик интонации в дифференциации коммуникативных типов в бурятском языке // Сибирский фонетический сборник. Новосибирск, 1983.

166. Мурзалина Б.К. Особенности смысловозначительных возможностей и фонетическая структура русской интонации по сравнению с казахской интонацией: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.

167. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.

168. Мусаев К. М. Грамматика караимского языка. М., 1964.

169. Наделяев В.М. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка // Вестник Ленинградского университета. 1957. № 8.

170. Николаева Т.М. Актуальное членение - категория грамматики текста // Вопросы языкознания. 1972. № 2.

171. Николаева Т.М. Акцентно-просодические средства выражения категории определенности-неопределенности // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.

172. Николаева Т.М. Диахрония или эволюция? (об одной тенденции развития языка) // Вопросы языкознания. 1991. № 2.

173. Николаева Т.М. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969.

174. Николаева Т.М. Лингвистические проблемы типологического изучения фразовой интонации (на материале славянских языков): Дис. ... докт. филол. наук. Л., 1974.

175. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.

176. Николаева Т.М. Синтаксическая акцентология и/или фразовая интонация // Фонетика-83. М., 1983.

177. Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.

178. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании. М., 1985.

179. Нурмаханова А.Н. Типы предложений по модальности и интонации в тюркских языках. Ташкент, 1966.

180. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.

181. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970.

182. Окладников А.П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // Филология и история монгольских народов. М., 1958.

183. Омакаева Э.У. О категории «подлежащее» в монгольском языке // Исследования по грамматике и лексике монгольских языков. Элиста, 1985.

184. Орловская М.Н. Подбор порядков слов в простом повествовательном предложении и некоторые способы актуализации членов предложения в современном монгольском языке // Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения. М., 1984.

185. Орловская М.Н. Функции порядка слов в монгольских языках / «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. М., 1980.

186. Орусбаев А.К. Экспериментально-фонетическое исследование киргизского ударения // Вопросы языкознания. 1970. № 4.

187. Отчет Лаборатории экспериментальной фонетики ЛГУ по теме «Исследование просодических характеристик речи». 3 этап. Л., 1973.

188. Отчет Лаборатории экспериментальной фонетики ЛГУ по теме «Описание основных интонационных контуров русской речи и их разновидностей». I этап. Л., 1970.

189. Очиров Н.О. Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков // Изв. Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Сер. 11. № 2. СПб., 1913.

190. Павлов Д.А. Б.Я.Владимирцов и ойратские диалекты // Монголоведные исследования. Элиста, 1983.

191. Павлов Д.А. Исследования по калмыцкому языку и письменности. Алма-Ата, 1971.

192. Павла Д. Хар холын хальмгуд // Проблемы этнических процессов в Калмыкии. Элиста, 1985.

193. Павлова А.В., Светозарова Н.Д. Факторы, определяющие степень акцентной выделенности слова в высказывании // Слух и речь в норме и патологии. Л., 1986. Вып. 6.

194. Павлова Е.С. Взаимодействие грамматических и интонационных средств при выражении побуждения в бурятском языке // Грамматическое своеобразие бурятского языка. Улан-Удэ, 1987.

195. Павлова Е.С. Интонация незавершенности в бурятском языке / Звуковой строй монгольских языков. Улан-Удэ, 1989.
196. Павлова Е.С. Интонация перечисления в бурятском языке // Фонетика и грамматика языков Сибири. Новосибирск, 1988.
197. Павлова Е.С. Сопоставление нейтральной и модальной реализации интонационных единиц в бурятском языке // Сегментные и просодические единицы языков байкальского региона. Улан-Удэ, 1991.
198. Петер М. Мелодика вопросительных предложений // *Studia Slavica*. 1955. Т. I.
199. Петер М. О некоторых вопросах интонации // *Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis*. 1961.
200. Петрянкина В.И. Межъязыковые различия интонации // Актуальные вопросы интонации. М., 1984.
201. Петрянкина В.М. Просодия слова и интонация в языке суахили // Фонетические единицы речи. М., 1982.
202. Петрянкина В.М. Роль частотного компонента интонации в дифференциации коммуникативных типов высказываний в русском языке и языках Африки // Интонация и фонология. М., 1980.
203. Петрянкина В.М. Функционально-семантический аспект интонации. М., 1988.
204. Петрянкина В.И. Функциональный аспект интонации и типология языков // Просодия слога-слова-фразы. М., 1981.
205. Пешковский А.М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.-Л., 1939.
206. Пешковский А.М. Интонация и грамматика // Избранные труды. М., 1959.
207. Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. М., 1964.
208. Поливанов Е.Д. К вопросу о функциях ударения // Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению. М., 1971.
209. Попов А. Краткие замечания о приволжских калмыках // Журнал Министерства образования. СПб., 1839. Ч. 22.
210. Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1938.
211. Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.-Л., 1937.
212. Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.-Л., 1938.
213. Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1977.
214. Пюрбеев Г.Ц. К типологии развития словосочетаний в монгольских языках // Вопросы языкознания. 1991. № 3.
215. Пюрбеев Г.Ц. Об актуальности типологического изучения син-

таксиса предложения монгольских языков // Вопросы языкознания. 1984. № 4.

216. Пюрбеев Г.Ц. Согласование в числе как грамматический прием в истории монгольских языков // 5 Международный конгресс монголоведов. М., 1987. Т. 2.

217. Пюрбеев Г.Ц. Типы сложных предложений в монгольских языках. М., 1979.

218. Радиевская М.Г. О минимальных признаках типов русской интонации // Известия АН СССР. 1971. Т. 30. Вып. 1.

219. Радиевская М.Г. Проблема бинарного описания интонационных характеристик речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973.

220. Радиевская М.Г., Светозарова Н.Д. О структуре интонационного контура в русском языке (восприятие интонации «фраз», компилированных из изолированно произнесенных слов) // Просодия текста. М., 1982.

221. Раднаева Л.Д. Сложные гласные в вокалической системе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988.

222. Рамстедт Г. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халха-ургинского говора. СПб., 1908.

223. Рамстедт Г. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.

224. Рассадин В.И. Звуковой состав присаянской группы бурятских говоров // Сегментные и просодические единицы языков байкальского региона. Улан-Удэ, 1991.

225. Рассадин В.И. О роли заимствований в исследовании пластов специфической лексики в монгольских языках // Всесоюзная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения акад. Б. Я. Владимирцова. М., 1985.

226. Рассадин В.И. Историческая связь бурятского языка с языком баргутов // Цыбиковские чтения. Улан-Удэ, 1989.

227. Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М., 1982.

228. Реформатский А.А. О некоторых просодических понятиях и терминах // Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению. М., 1973.

229. Руднев А.Д. Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб., 1911.

230. Румянцев М.К. Время звучания слога в тональных языках // Материалы коллоквиума по экспериментальной фонетике и психологии речи. М., 1966.

231. Румянцева М.М. Ритмическая структура слова в хинди. М., 1985.

232. Санжеев Г.Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977.
233. Санжеев Г.Д. Об аллофонах долгих гласных в монгольских языках // Вопросы языкознания. 1978. № 1.
234. Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. М., 1960.
235. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953.
236. Санжеев Г.Д. Фонематичны ли мягкие согласные в монгольских языках? // Тезисы докладов I Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания». М., 1977.
237. Сапаров Х. Порядок членов простого предложения в современном туркменском языке. Ашхабад, 1971.
238. Сафиуллина Ф.О. Порядок слов в современном татарском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1966.
239. Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.
240. Светозарова Н.Д. Исследование интонации // Актуальные вопросы фонетики в СССР. М., 1987.
241. Светозарова Н.Д. Просодическая организация высказывания и интонационная система языка: Дис. ... док. филол. наук. Л., 1983.
242. Светозарова Н.Д. Синтагматический и парадигматический аспект в интонации // Фонетика-83. М., 1983.
243. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
244. Серебренников Б.А. Общие вопросы теории артикля и проблема семантики употребления артикля в древнегреческом языке. М., 1949.
245. Серебренников Б.А. О причинах устойчивости агглютинативного строя // Вопросы языкознания. 1963. № 1.
246. Соктоева С.П. Длительность согласных фонем в хоринском диалекте бурятского языка // Сибирский фонетический сборник. Новосибирск, 1983.
247. Тенишев Э.Р. О языке калмыков Иссык-Куля // Вопросы языкознания. 1976. № 1.
248. Тодаева Б.Х. Калмыцкий язык // Языки народов СССР. М., 1968. Т. 5.
249. Тодаева Б.Х. Язык монголов Внутренней Монголии. М., 1985.
250. Тодаева Б.Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1960.
251. Торсуева И.Г. Современная проблематика интонационных исследований // Вопросы языкознания. 1984. № 1.

252. Торсуева И.Г. Сравнение систем вариантов русской и французской интонации (К проблеме исследования и строгости научного исследования) // Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению. М., 1973.
253. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.
254. Убушаев Н.Н. Фонетика торгутского говора калмыцкого языка. Элиста, 1979.
255. Фирбас Я. Функции вопроса в процессе коммуникации // Вопросы языкознания. 1972. № 2.
256. Хайитметов К. Инверсия в современном узбекском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1967.
257. Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Якутск, 1947.
258. Харькова С.С. Собственно калмыцкие заимствования из тюркских языков // Исследования по грамматике и лексике монгольских языков. Элиста, 1985.
259. Хаттори Ш. Начальные взрывные в протомонгольском языке и их дальнейшее развитие // Исследования по восточной филологии. М., 1974.
260. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
261. Цеплитис Л.М. Анализ речевой интонации. Рига, 1974.
262. Цивъян Т.В. Категория определенности-неопределенности в структуре волшебной сказки // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.
263. Цолоо Ж. К вопросу классификации диалектов МНР // Монгольский лингвистический сборник. М., 1985.
264. Цыдендамбаев Ц.Б. Об эвенкийских элементах в этническом составе и языке бурят // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978.
265. Цыдыпов Ц.Ц. Еще раз об аспектуальности // Вопросы грамматики монгольских языков. Новосибирск, 1991.
266. Цэдэндамба Ц. Монгольское причастие на -х с некоторыми частями // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М., 1971.
267. Чугаева Т.Н. Механизмы аудирования родной и иноязычной речи: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989.
268. Чистович Л.А., Кожевников В.А. и др. Речь. Артикуляция и восприятие. М.-Л., 1965.
269. Черемисина Н.В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. М., 1989.
270. Шанаева Л.Б. Информационная роль порядка слов в калмыцком языке // Типы коммуникации и содержательный аспект языка. М., 1985.

271. Шевернина З.В. К проблеме глагольного вида в монгольском языке // Олон улсын монголч эрдэмтний 3 их хурал. 2 боть. Улаанбаатар, 1977.
272. Шевернина З.В. Некоторые наблюдения над актуальным членением предложения в монгольском языке // Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения. М., 1984.
273. Шевернина З.В. Об экспрессивно-стилистической функции лично-притяжательных частиц в современном монгольском языке // Олон улсын монголч эрдэмтний 4 их хурал. 2 боть. Улаанбаатар, 1984.
274. Шевернина З.В. О категории вида в монгольских языках // Проблемы монгольского языкознания. Новосибирск, 1988.
275. Штерн А.С. Влияние лингвистических факторов на восприятие речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.
276. Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности: Дис. ... докт. филол. наук. Л., 1990.
277. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. М., 1957.
278. Эдельман Д.М. К проблеме «язык или диалект» в условиях отсутствия письменности // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980.
279. Юркова Л.Н. Просодия слова и просодическая организация фразы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.
280. Юрова М.В. Интонационные универсалии и восприятие эмоциональных и незмоциональных интонаций (экспериментально-фонетическое исследование на материале французского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
281. Юсифли Ш.В. Порядок слов в простых предложениях в современном азербайджанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1965.
282. Юхансон Л. Определенность и актуальное членение в турецком языке // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1987. Вып. 19.
283. Ядиханова Т. С. Порядок слов в простом предложении в узбекском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
284. Abematsu G. Grammatical structure of Mongolian languages // Олон улсын монголч эрдэмтний 4 их хурал. 2 боть. Улаанбаатар, 1984.
285. БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. Улаанбаатар, 1988.
286. Bolinger D. Intonation. Selected readings. Baltimore, 1972.
287. Bolinger D. Intonation across languages // Universals of Human Language. Vol. 2. Staford, 1978.
288. Brown G., Currie K., Kenworthy J. Questions of intonation. Baltimore, 1980.

289. Carrel J., Tiffany W. Phonetics: theory and application to speech improvement. New-York, 1960.
290. Chingeltei Note on Barin Phonology // Acta Orientalia. 1961 . T. 13.
291. Crystal D. Prosodic systems and Intonation in English. Cambridge, 1969.
292. Danes F. Sentence intonation from functional point of view // Word. 1960. Vol. 16. № 1.
293. Doerfer G. Klassifikation und Verbreitung der Mongolischen Sprachen // Handbuch der Orientalistik. 1964. Band 5.
- 294 Doerfer G. Landvokale im Urmongolischen? // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. 1973. № 36.
295. Gronbech K. Der Turkische sprachbau. Copenhagen, 1936.
296. Halliday M. A course in spoken English Intonation. Oxford, 1970.
297. Hattory S. Vowel Harmonies of the Altaic languages // Олон улсын монголч эрдэмтний 3 их хурал. 3 боть. Улаанбаатар, 1979.
298. Nomam S. Afghan mogols // Олон улсын монголч эрдэмтний 2 их хурал. 2 боть. Улаанбаатар, 1973.
299. House D. Tonal perception in Speech. Lund, 1990.
300. Iwamura S., Schurman H. Notes on Mongolian groups in Afghanistan // Silver Anniversary Volume of Linbun-Kaga-ku Kenkyusyo. Kyoto, 1954.
301. Janhunen J. Preliminary notes on the Phonology of Modern Bargut // Studia Orientalia. 1988. Vol. 64.
302. Kotwicz W. Studia nad jezykami Altajskimi // Rocznik Orientalistyczny. 1953. T. 14.
303. Kuribayashi H. Some problems in the «breaking» of *i in Mongolian // Gengo Kenkyu. Tokyo, 1982.
304. Lehiste I. Suprasegmentals. Cambridge, 1970.
305. Lieberman Ph. Intonation: perception and language. Cambridge, 1967.
306. Luvsanvandan S. The Khalkha-mongolian phonemic system // Acta Orientalia. 1964. T. 17.
307. Martin S. Dagur Mongolian grammar: texts and lexicon. Bloomington. 1961.
308. Mostaert A. Dictionnaire Ordos. New-York-London, 1968.
309. Mundy C. Turkisch syntax as a system of qualification // Bulletin of School of Oriental and African Studies. London, 1957. № 17.
310. Nomura M. On some phonological developments in the Karachin dialect // Studia Altaica. Wiesbaden, 1957.
311. Odden D. The irrelevancy of the relevancy condition: evidence for the feature specification constraint // Linguistic Analysis. 1980. № 6.

312. Ohala J. An ethological perspective on common cross-language utilization of F-o of voice // *Phonetica*. 1984. Vol. 41.
313. Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative studies. Helsinki, 1976.
314. Poppe N. Mongolian language handbook. Washington, 1970.
315. Poppe N. On so-called breaking of *i in Mongolian // *Ural-Altische Jahrbucher*. 1956. Band 28.
316. Poppe N. Skizze der Phonetik des Bargu-Burjatischen // *Asia Major*. Leipzig, 1932.
317. Poppe N. The primary long vowels in Mongolian // *Journal de la Societe Finno-Ougrienne*. 1962. № 63.
318. Ramstedt G. Das Schriftmongolische und die Urdamundart. Helsingfors, 1902.
319. Ramstedt G. Mongolica. Beitrage zur Kenntnis der monghol sprache in Afghanistan // *Journal de la Societe Finno-Ougrienne*. 1908. № 23.
320. Romporti M. Intonological typology // *Studies in Phonetics*. Praha, 1973.
321. Rona-Tas A. A study on the Dañiganga Phonology // *Acta Orientalia*. 1960. T. 10.
322. Sanzheev G. The classification of the Mongolian languages and dialects. Moscow, 1967.
323. Street Ch. Khalkha Structure. Bloomington, 1963.
324. Swift L. A reference grammar of Modern Turkish // *Uralic and Altaic Series*. 1963. № 19.
325. Svantesson J-O. Phonetic correlates of stress in Mongolian // *Proceedings of International conference on spoken language*. Kobe, 1990. Vol. 1.
326. Svantesson J-O. Tense, mood and aspect in Mongolian // *Working papers*. Lund, 1991.
327. Svantesson J-O. Vowel harmony shift in Mongolian // *Lingua*. 1985. № 67.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Список вошедших в эксперимент фраз

1.1. Бурятский язык

1. Манай гэрнуудыг найнаар барижа байна гу?
2. Наран гараа болобошье, хуйтэн байна.
3. Энэ гэрһээ утаа гаража байна гу?
4. Абын ерэхэлээр, ши ажалда оро.
5. Аба хони уһалхаяа ошоо, муноо ерээгуй.
6. Энэ гэрһээ утаа гаража байһые мэдээд байнаб.
7. Баатар һамга абахааа һананагуй.
8. Аба ехэ һаһатай болобошье, муноо ажалажа байна.
9. Манай гэр энэ байна.
10. Абашни дуулаагуй байгаа, тиимэһээ би хэлэбэб.
11. Энэ шулуун гэртэ эмшэн байна, тэрэ модон гэртэ багша байна.
12. Энэ гэрнуудһээ манай гэр һайн гэжэ һанажа байнаб.
13. Манай гэрнуудые найнаар бариһые радиогоор хэлэбэ.
14. Бидэнэр гэр барибашье, муноо ороогуйбди.
15. Аба хониео уһалхаяа ошо.
16. Энэ гэрэй эзэн һайн байна.
17. Баатар гэртээ байгаа.
18. Баатар һамга абаа.
19. Бидэнэр гэр баряабди.
20. Энэ гэрэй эзэн һайн байна гу?
21. Энэ гэртэ манай багша байна.
22. Аба хони уһалхаяа ошоо.
23. Манай шэнэ гэр эндэһээ харагдана.
24. Энэ гэрэйн эзэн һайн байна, харин басаганиинь убшэн.
25. Энэ гэрнуудһшэ манай гэр һайн.
26. Манай шэнэ гэр эндэһээ харагдана.
27. Шинии аба дуулаа.
28. Таанар гэр баряагут?
29. Манай шэнэ гэр эндэйһээ харагдахагуй, холо байна
30. Ухибууд модо тарижа байна.
31. Энэ гэрһээ утаан гаража байна.
32. Энэ гэрнуудһээ манай гэр һайн гу?
33. Манай гэр энэ байна.
34. Ухибуудэй модо тарижа байһые бидэ мэдэнэбди.
35. Наран гараба.
36. Шинии аба дуулаа гу?

37. Ухибууд модо тарижа байна гу?
38. Манай **гэрнуудыг** найнар бариба.
39. Аба ехэ наһатай.
40. Энэ гэрһээ утаан гаража байна.
41. Баатар **гэртээ** байна.
42. Манай гэр энэ байна.
43. Та гэр бариба гут?
44. **Аба** ехэ наһатай.
45. Баатар гэртээ байгаа, тиимэхээ ерээгүй.
46. Баатар **хамга** абаа.
47. Наран гараба.
48. Энэ шулуун гэртэ манай багша байна.
49. Манай гэрнуудыг найнар бариба.
50. **Аба** хони уһалхаяа опюо.
51. Энэ гэрэй эзэн найн байна.
52. Манай гэр энэ байна гу?
53. Ухибууд модо тарижа байна.
54. Шинии **аба** дуулаа.
55. Баатар гэртээ байна гу?
56. Манай шэнэ гэр эндэхээ харагдажа байна.
57. **Аба** ехэ наһатай.
58. Баатар **хамга** абаһан гу?
59. Аба ехэ наһатай?
60. Наран гараба гу?
61. Танай гэр энэ байна гу?
62. Аба хони уһалхаяа ошоо гу?
63. Энэ шулуун гэртэ багша байна гу?
64. Манай гэр энэ байна, танай гэр тэрэ байна.
65. Манай **гэр** энэ байна.
66. Шинии аба дуулаа гу?
67. Шинии аба дуулаһан, минии аба дуулаагүй.
68. Шинии **аба** дуулаа.
69. Бидэнэр гэр барибадби.
70. Аба **еһэ** наһатай.

1.2. Монгольский язык

1. Манай гэрүүдийг сайн барьжуу?
2. Нар гарсан, боловч хүйтэн байна.
3. Энэ гэрээс утаа гарч байна уу?
4. Аавыг ирэхээр, чи ажилд ор.

5. Аав хонь услахаар явлаа, одооч ирээгүй.
6. Энэ гэрээс утаа гарч байсныг би мэдэж байна.
7. Баатар эхнэр авхыг санаагүй.
8. Аав ондор настай боловч, одооч ажиллаж байгаа.
9. Манай гэр энэ байна.
10. Аав чинь сонсогүй байсан, тэгээд би хэлэв.
11. Энэ чулуун гэрт эмч байна, тэр модон гэрт багш байна
12. Энэ гэрүүдээс манай гэр сайн гэж санаж байна.
13. Манай гэрүүдийг сайн барьсныг радиогоор хэлэв.
14. Бид гэр барьсан боловч, ороогуй.
15. Аав хонь услахаар явлаа.
16. Энэ гэрийн эзэн сайн байна.
17. Баатар гэртээ байсан.
18. Баатар эхнэр авлаа.
19. Бид гэр барилаа.
20. Энэ гэрийн эзэн сайн байна.
21. Энэ гэрт манай багш байна.
22. Аав хонь услахаар явлаа.
23. Манай шинэ гэр эндээс үзэгдэнэ.
24. Энэ гэрийн эзэн сайн байна, харин охиннь өвчтэй.
25. Энэ гэрүүдээс манай гэр сайн.
26. Манай шинээ гэр эндээс үзэгдэнэ.
27. Чиний аав сонгслоо.
28. Танай гэрийг барилаа?
29. Манай шинэ гэр эндээс үзэгдэхгүй, хол байна.
30. Хүүхэд мод тарьж байна.
31. Энэ гэрээс утаа гарч байна.
32. Энэ гэрүүдээс манай гэр сайн уу?
33. Манай гэр энэ байна.
34. Хүүхэд мод тарьж байсныг бид мэднэ.
35. Нар гарав.
36. Чиний аав сонссон уу?
37. Хүүхэд мод тарьж байна уу?
38. Манай гэрүүдийг сайн барьжээ.
39. Аав өндөр настай.
40. Энэ гэрээс утаа гарч байна.
41. Баатар гэртээ байсан.
42. Манай гэр энэ байна.
43. Та гэр барив уу?
44. Аав өндөр настай.

45. Баатар гэртээ байсан.
46. Баатар **эхнэр** авлаа.
47. Нар гарав.
48. Энэ чулуун гэрт манай багш байна.
49. Манай гэрүүдийг сайн барьжээ.
50. **Аав** хонь услахаар явлаа.
51. Энэ гэрийн эзэн сайн байна.
52. Манай гэр энэ байна уу?
53. Хүүхэд мод тарьж байна.
54. Чиний **аав** сонслоо.
55. Баатар гэртээ байна уу?
56. Манай шинэ гэр эндээс үзэгдэж байна.
57. **Аав** өндөр настай.
58. Баатар эхнэр авсан уу?
59. Аав өндөр настай юу?
60. Нар гарав уу?
61. Танай гэр энэ байна уу?
62. Аав хонь услахаар очоо юу?
63. Энэ чулуун гэрт багш байна уу?
64. Манай гэр энэ байна, танай гэр тэр байна,
65. Манай гэр энэ байна.
66. Чиний аав сонсов уу?
67. Чиний аав сонссон, миний аав сонсоогүй.
68. Чиний **аав** сонслоо.
69. Бид гэр барив.
70. Аав **өндөр** настай.

1.3. Калмыцкий язык

1. Мана гермүдиг сөөнөр бэржий?
2. Нарн нарв, болв киитн бөөнө.
3. Эн герес утан нарчану?
4. Аавиг ирхлэ, чи кедлмшт ор.
5. Аав хө услхар одла, одачн ирэд уга.
6. Эн герес утан нарчасинь медэд бөөнөв.
7. Баатр гер авхиг санад уга.
8. Аав ик наста болвчн, одачн көдлө.
9. Мана гер эн бөөнө.
10. Аавчин соңсад уга бөөж, төгэд би келүв.
11. Эн чолун герт эмч бөөнө, гер модн герт багш бөөнө.
12. Эн гермүдэс мана гер сэн гиж санжанава.

13. Мана гермүдиг сөөнөр бөрсинь радиоһар келв.
14. Мадн гер бөрүчн, одачн орад угавдн.
15. Аав **хө** услхар одла.
16. Эн **герин эзн** сән бөөнө.
17. Баатр гертән билә.
18. Баатр гер авла.
19. Мадн **гер** бөрүвдн.
20. Эн герин эзн сән бөөнү?
21. Эн **герт** мана багш бөөнө.
22. Аав хө услхар одла.
23. Мана шин **гер** эндәс үзгдженә.
24. Эн герин эзн сән бөөнө, зуг күүкнь гемтә.
25. Эн гермүдәс мана гер сән.
26. Мана шин гер эндәс үзгднү?
27. Чини аав соңсла.
28. Тадн гер бөрүвт?
29. Мана шин гер эндәс үзгдхш, дегәд хол.
30. Күүкд **мод** тәрженә.
31. Эн **герәс** утан һарчана.
32. Эн гермүдәс мана гер сөний?
33. Мана **гер** эн бөөнө.
34. Күүкд мод тәрсинь меднөвдн.
35. Нарн һарв.
36. Чини аав соңслу?
37. Күүкд мод тәрженү?
38. Мана **гермүдиг** сөөнөр бөрж.
39. Аав ик наста.
40. Эн герәс утан һарчана.
41. Баатр **гертән** билә.
42. Мана гер эн бөөнө.
43. Тадн гер бөрүт?
44. **Аав** ик наста.
45. Баатр гертән билә, тегәд ирсн уга.
46. Баатр **гер** авла.
47. Нарн һарв.
48. Эн чолун герт мана багш бөөнө.
49. Мана гермүдиг сөөнөр бөрж.
50. **Аав** хө услхар одла.
51. Эн герин эзн сән бөөнө.
52. Мана гер эн бөөнү?

53. Күүкд мод тэржөнө.
54. Чини **аав** соңсла.
55. Баатр гертөн билү?
56. Мана шин гер эндәс үзгдженө.
57. **Аав** ик наста.
58. Баатр гер авлу?
59. Аав ик настай?
60. Нарн нарву?
61. Тана гер эн бөөнү?
62. Аав хе услхар одлу?
63. Эн чолун герт багш бөөнү?
64. Мана гер эн бөөнө, тана гер тер бөөнө.
65. Мана **гер** эн бөөнө.
66. Чини аав соңслу?
67. Чини аав соңсла, мини аав соңсад уга.
68. Чини **аав** соңсла.
69. Бидн гер бәрүвдн.
70. Аав **ик** наста.

2. Список принятых сокращений

1. Бу - бурятский
2. ВМЯ - восточномонгольский язык
3. Де - дербетский
4. ЗМ - западномонгольский
5. ЗП - зая-пандитский
6. Ка - калмыцкий
7. Мо - монгольский
8. О - ордосский
9. СПМЯ - старописьменный монгольский язык
10. ТКа - торгутский Калмыкии
11. ТКи - торгутский Китая
12. Ха - халхаский
13. ЯИК - язык иссык-кульских калмыков

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОФОРМЛЕНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ	
1.1. Порядок слов	7
1.2. Частицы	15
1.3. Морфологическая структура слова	23
Глава 2. ХАРАКТЕРИСТИКА ЗВУКОВОГО СТРОЯ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ	
2.1. Классификация монгольских языков	32
2.1.1. Западномонгольские языки	37
2.1.1.1. Калмыцкий язык	37
2.1.1.2. Язык моголов Афганистана	39
2.1.1.3. Ойратские диалекты Монголии и Китая	40
2.1.1.4. Язык иссык-кульских калмыков	41
2.1.2. Северномонгольские языки	45
2.1.2.1. Бурятский язык	45
2.1.2.2. Баргутский язык	46
2.1.3. Восточномонгольские языки	48
2.1.3.1. Восточномонгольский язык	48
2.1.3.2. Халха-монгольский язык	50
2.2. История основных фонетических процессов	51
2.2.1. Долгие гласные	51
2.2.2. Перелом гласного * <i>i</i>	54
2.2.3. Переход * <i>e</i> > <i>ö</i>	56
2.2.4. Редукция непервослоговых гласных	57
2.2.5. Изменения в группе согласных	59
2.3. Сингармонизм	63
2.4. Некоторые замечания о супрасегментных особенностях монгольских языков	68
2.4.1. Интонационные различия монгольских языков	68
2.4.2. Особенности просодического оформления эпоса «Джангар»	70

Глава 3. МАТЕРИАЛ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Принципы составления и исследования экспериментального материала	74
3.2. Дикторы	82
3.3. Аудиторы	83
3.4. Инструментальный анализ	83
3.5. Статистический анализ	86

Глава 4. ИНТОНАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАЗЫ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

4.1. Частота основного тона	87
4.1.1. Индивидуальные высотные характеристики дикторов	87
4.1.2. Мелодическая структура фразы в монгольских языках	92
4.1.2.1. Частотный уровень	92
4.1.2.2. Локализация максимальной ЧОТ	100
4.1.2.3. Мелодический диапазон	105
4.1.2.4. Направление движения ЧОТ	108
4.1.3. Вариативность ЧОТ гласных	115
4.1.4. Модификация мелодической программы слова во фразе	120
4.2. Интенсивность	131
4.2.1. Динамическая структура фразы в монгольских языках	131
4.2.1.1. Уровень интенсивности	133
4.2.1.2. Локализация максимальной интенсивности	141
4.2.1.3. Динамический диапазон	146
4.2.2. Вариативность интенсивности гласных	151
4.2.3. Модификация динамической программы слова во фразе	156
4.3. Длительность	163
4.3.1. Индивидуальный темп речи дикторов	163
4.3.2. Средняя длительность звука и количественные характеристики фразы	164
4.3.3. Темп речи в монгольских языках	169
4.3.3.1. Гласные	169
4.3.3.2. Согласные	174
4.3.4. Средняя длительность звука и интонационные характеристики фразы	182
4.3.5. Вариативность длительности гласных	190
4.3.6. Модификация временной программы слова во фразе	195

Глава 5. ВОСПРИЯТИЕ ТИПОВ ИНТОНАЦИИ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ	
5.1. Материал и методика	204
5.2. Правильное опознание типов интонации монгольских языков	207
5.2.1. Бурятский язык	207
5.2.2. Монгольский язык	214
5.2.3. Дербетский говор	220
5.2.4. Торгутский говор Калмыкии	224
5.2.5. Торгутский говор Китая	229
5.3. Корреляция частот правильного опознания	233
5.4. Неопределенность восприятия типов интонации монгольских языков	241
Глава 6. ОЧЕРКИ ИНТОНАЦИОННОГО СТРОЯ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ	
6.1. Бурятский язык	254
6.2. Монгольский язык	259
6.3. Дербетский говор	264
6.4. Торгутский говор Калмыкии	269
6.5. Торгутский говор Китая	273
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	278
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	284
ПРИЛОЖЕНИЕ	302

Научное издание

Тамара Саранговна Есенова

ИНТОНАЦИОННЫЙ СТРОЙ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Подписано в печать 10.08.04. Формат 60 x 84/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 18,13. Тираж 200 экз. Заказ № 2745

Лицензия № 010169 от 07.02.97 г.

Отпечатано с готового оригинал-макета в АПП «Джангар»,
358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул.Ленина, 245.

Об авторе

Есенова Тамара Саранговна - лингвист, доктор филологических наук, профессор Калмыцкого государственного университета, член Головного совета по филологии Министерства образования и науки РФ. Имеет звания "Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия" (1999 г.) и "Почетный работник образования России" (2003 г.). Окончила Ленинградский государственный университет (1976 г.), аспирантуру (1981 г.) и докторантуру (1992 г.) этого вуза. Область научных интересов: фонетика, интонация, текстология, разговорная речь.

Является автором более 60 научных работ, посвященных исследованию фонетического строя монгольских языков, особенностей функционирования русского языка в Калмыкии. Неоднократно выигрывала гранты Российского гуманитарного научного фонда (1998, 2002-2004 гг.), иностранной благотворительной организации (1997, 1998 гг.), участвовала в выполнении научно-исследовательских программ МО Российской Федерации "Русский язык" (2001-2002 гг.) и "Федерально-региональная политика в науке и образовании" (2003-2004 гг.).